

82.3(2=632.1)-06
5386

**А
Л
Т
А
Й
•
Х
А
Н
Г
А
Й**

*Бронтой
Бедюров*

вечная

Родина

Бронтой Бедюров

Алтай-Хангай - вечная Родина

На добрую память
собранным и изготовленным
Национальной библиотеки
к 100-летию юбилея.

24.12.2019 г.

Фонд

«Сибирский писатель»

Москва

«Вече»

Ой-оюга

Б. Бедюрове

82.3(2=632.1)-443.06

УДК 82-1+398.21

ББК Ш23(2Рос.Алт)я04

Б38 6

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения правообладателей. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке

Книга издана в авторской редакции

Бедюров, Б.Я.

Б38

Алтай-Хангай – вечная Родина / Автор, составитель, главный редактор: Б.Я. Бедюров. Перевод с алтайского языка, глоссарий, указатель алтайских топонимов: Б.Я. Бедюров, Е.В. Королёва. Поэтические переводы: Е.В. Королёва. Заключительная статья: д.и.н. Л.И. Шерстова. – М.: Издательство «Вече», 2017. – 432 с.

ISBN 978-5-4444-6257-7

Знак информационной продукции 14+

Алтайский фольклор наследует традиции тюрко-монгольской народной литературы, восходящие к раннему Средневековью и, опосредованно, к более ранним периодам истории Центрально-Азиатского макрорегиона. В своих эссе Бронтой Бедюров в яркой художественной форме излагает историю Алтай-Хангая в контексте этнической истории и богатой литературной традиции, иллюстрируя свои тезисы собранием подлинных фольклорных текстов, как в непосредственном изложении (с указанием рассказчика и места записи), так и в литературной обработке. Издание включило дополненное собрание алтайских исторических преданий, сказок, топонимических легенд и образцов исторической поэзии, многие из которых в русском переводе публикуются впервые. Статья профессора ТГУ, д.и.н. Л.И. Шерстовой характеризует значение алтайских легенд и преданий как устных исторических источников. В качестве сопроводительных материалов в издание включены Глоссарий и Топонимический указатель, предлагающие новую, более точную по звучанию аллитерацию алтайских терминов, а также перевод на русский язык.

УДК 82-1+398.21

ББК Ш23(2Рос.Алт)я04

ISBN 978-5-4444-6257-7

© Б.Я. Бедюров, 2017

© Е.В. Королёва, перевод с алтайского, поэтические переводы, 2017

© С.Ф. Королёв, макет, вёрстка, 2017

© Д.С. Королёва, дизайн обложки, 2017

© Фонд «Сибирский писатель», 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

600366

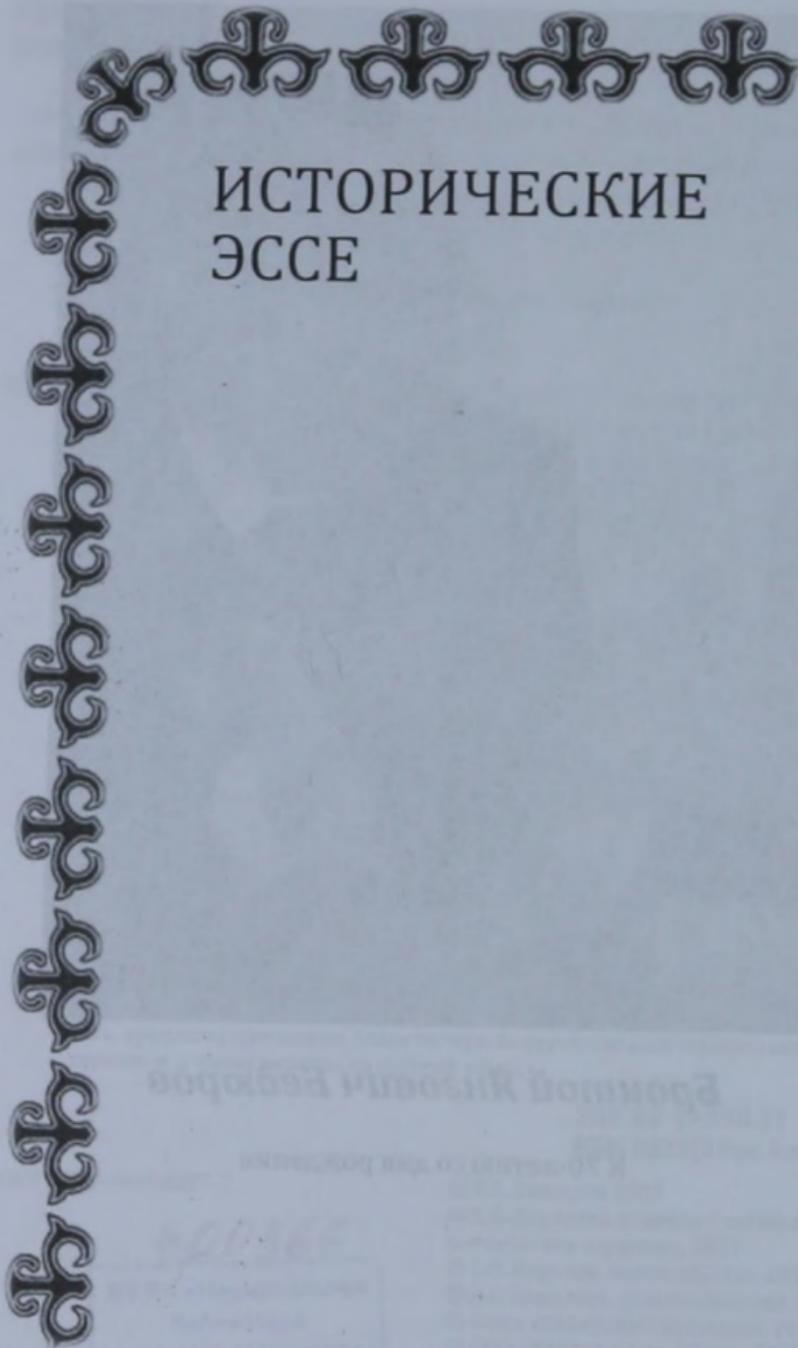
БУРА - Национальная
библиотека
имени М.В. Чевалкова

10 10 2017

Бронтой Янгович Бедюров

К 70-летию со дня рождения

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЭССЕ

Слово об Алтае

При древних и мудрых напевах топшуура, под вещей рокот, под скорбь и печаль его струн я думаю, вспоминая весь долгий-долгий путь моего многострадального народа...

О, Алтай мой, Алтай, великий и вечный Алтай!

Испокон веку, со времен легендарных, «стерегущих золото грифов», описанных ещё Геродотом, изначальных предков племен теле и тукю, ты, Алтай, был золотой колыбелью, твердыней и оплотом, суровой и прекрасной землей-родиной, нашей опорой, надеждой и верой.

Проходили века, шло время, с криком и бранью приходили к нам войны, накатывались на тебя нашествия орд и племен, неистовые потоки захлестывали твои доли и степи, но не в силах одолеть высоты твоих сияющих, светлых вершин, уходили, спадая, через хребты и ущелья туда, к закату, где опускается солнце, и затем все стихало, как раскаты отгремевшей осенней грозы.

Потом опять, медленно, не спеша шли народы, глухим шумом и скрипом повозок, ревом быков и верблюдов, ржанием конских табунов и гомоном людских голосов наполняя твои голубые долины и оставляя по пути лишь цепочки больших и малых курганов.

Куда шли они, чего ждали от жизни?

Так шли века за веками, свершая привычный свой ход, текли реки твои и шумели леса, поднимались и падали травы на склонах твоих, под солнцем и луною ставил юрты свои суженый тебе судьбою народ, вознося к небесам вместе с сизыми струйками дыма от жертвенных, священных костров похвалы тебе, о Алтай-Хангай, с испрошением милостей и благодати чадам и стадам, мира и покоя стране своей и всему кругу знаемых им земель. И так, пока поднималось солнце и опускалось солнце над тобою, Алтай, горел огонь в твоём очаге, негасимый даже в кромешной ночи, и звучала всег-

да твоя речь, не умолкая в лесах и долинах среди гор, в свой черед нарождались дети, сменялись поколения.

Но бывало и так, что не раз налетал нежданный, неистовый ветер злой и горькой години, пытаясь сорвать, опрокинуть высокий твой карачы-чангырак, раскидывая горящую кошму, расстилаясь пеленой кромешного дыма, удушливой гари по опустевшим кочевьям твоим. И, казалось тогда, оставался лишь пепел, холодный и мертвый пепел на месте становий, и там, где стояли прежде людские жилища, поднимались буйно бурьян да крапива, но, пошевели, разгреби чуть-чуть этот пепел, ты увидишь под ним маленький, живой уголек – даст время, он родит новый огонь, и взвоятся вверх веселые язычки неусыпного пламени золотой От-Эне – хранительницы твоих очагов...

И видится мне из дали вековечной, шири беспредельной то древнее-древнее Древо рода-племени нашего – могучий Темир Бай-Терек, имеющий девяносто девять разветвлений, как поется о нем в старинных сказаниях. И стоит он, гудя, трепеща ветвями, открытый ветрам всех четырех сторон света. Много раз налетали они, жестокие ветры времен, сбивая и ломая с него при каждом порыве самые крепкие, самые сильные ветви, рассеивая листочки по всей окрестной земле, закидывая их даже туда, где никогда не ступали копыта коней предков наших предков. Но он, Бай-Терек, по весне вновь обрастал листвою и, как бы обновившись, зазеленев пуще, чем прежде, гудел и пел, не склоняя гордой вершины своей перед ветрами четырех сторон света, – наперекор судьбине, вопреки воле каганов и владык. И тогда злой Рок насылал на него уже не ветер, не бурю, но сам ураган и вот – сокрушен наш Тополь, обломаны ветви, сломан уж ствол, такой могучий и крепкий, лежит себе, погибший навек, с вывороченными вместе с землею корнями, – всё, уже нет в нем жизни... Да, казалось, всё, не ожить никак, но оставался чудом один листочек, забившийся под камень, замирало одно зернышко, уснув до новой весны, оно и давало затем малюсенький, незаметный глазу побег. И возрождался заново вечный наш Бай-Терек – древнее-древнее Древо рода-племени нашего, алтайского.

Да, и тот из нас, кто оставался, укрывшись за камнем Алтая, в укромных углах, в глухих его дебрях, тот вновь выходил на свет, прорастая сквозь кровь, как вечный побег, и, если не падал опять

подрубленным, подкошенным, под самый корень, тот создавал долгие-долгие песни – как скорбную память о павших в глубинах сизых, скифских времен.

Да, золотой колыбелью своей называют Алтай многие и многие племена и народы, те, что ушли давным-давно, покинув навсегда его ровные доли, прекрасные степи и чудные горы.

Золотой Горой, стоящей на равном удалении от четырех океанов, почитая и преклоняясь, издревле нарекают Алтай.

Золотой седловиной стоит Алтай на тверди земной, стыкуя собой две половины Великой Степи – мир тюрков и мир монголов.

На Алтае сошлись, наконец, три учения, три драгоценности духа – слова Будды, Христа, Магомета, а высоко над ними, как над тремя вершинами Уч-Сюмера, все то же Вечное Синее Небо – Кёк Тенгери.

Три страны стянул к себе Алтай, соединив в одном средоточии Монголию, Россию, Китай.

И летит Алтай по извечному ходу времён и несет всех нас на своих, на могучих крыльях к будущим, блистающим светом векам. И потому благодатным батюшкой называют Алтай его дети и другие родичи в песнопениях своих и речениях своих.

Да поклонимся, весь народ, с почтением к Алтаю!

О, Алтай-Хангай, Агаш-Таш, Ак-Санаа, Ай-Кюн, оп-куруй!..

Шестьдесят каанов живут на Алтае, семьдесят кезеров стоят на его земле и владеют они разномастным скотом и многоплеменным народом – повествуют со стародавних пор наши алтайские сказания и предания.

Только сам Алтай был открыт всегда лютым ветрам былых и кровавых эпох. Был обдуваем их леденящим дыханием так, что некуда было укрыться, отсидеться да обогреться. А сам народ Алтая, народ корневой, изначальный, веками терпел гнет, унижение, подвергаясь полону и разору кочевых каганов да чужеземных владык. И приистекало это оттого на изломах эпох, что не имел он сил внутри Алтая, чтоб подняться для отпора, и не находил поддержки извне для подмоги в часы испытаний. Да и те, кого он принимал как ближних своих, кого встречал с доброй улыбкой, врывались зачастую в его дом с пылающей головней, окровавленной саблей иль тугим арканом.

Да, много приходило и уходило разных племен и народов. Кто в гордыне своей, а кто теснимый и гонимый. Как волна за волной. Поток за потоком. А Катунь да Бий и широкий Иртыш все текли, несли свои воды на север, в глухую в ту пору Сибирь, к Студеному Морю. А те, кто уходил на закат, в страны полуночные или же полуденные, никогда не возвращались назад, затерявшись в неведомых далях. Все глаза проглядели мы за тысячи лет, но так никого и не дождались, а потом и вовсе забыли о них. Да если б они и воротились назад, то добра от них мы едва ли дождались. Либо шли одни за легкой добычей и мимолётной удачей, либо уходили, не обернувшись на прощанье, а оттого не восприняв в свою душу свет алтайских вершин, как завет солнцеликой Отчизны. А у того, кто позарится на чужое добро, пожелает чужих богатств, кто прельстится сиянием и блеском чуждых сокровищ, говорят, сердца жиром заплывают, а мозги нарастают волосами.

И был велик Алтай, всех вмещал за просторной пазухой горных долин, да иным поколениям тут тесновато становилось с годами, не хватало простора стадам, приволья самим, – такие, вырвавшись отсель, прочь от горных высот да тесных долин растекались по неисчислимым в Степи дорогам, где их, как мираж, как обманчивое марево, уводил всё дальше и дальше блеск призрачной славы и обманчивого успеха.

И был велик Алтай, но мал числом, не велик добром суженый ему судьбою народ, а оттого зачастую и слаб, да и трудно выстоять, выжить в одиночку даже воину-баатыру, а мирному народу – носителю и хранителю ак-санаа – превозмочь лишения и превратности испытующей судьбины, А соседи бывают добры и радушны, если ты и сам в силе и достатке. И хорошо тогда, когда вода и трава вблизи, а родичи вдали. И оттого говорилось ещё: мал Алтай, заржет сиротливо в пустынном ущелье скакун павшего богатыря, а в другом конце отзовется лишь эхом – откликнуться на зов порой и впрямь бывало некому. Угоняли стада и табуны, уводили в неволю-полон весь народ. Некому было заступиться, поспешить к нам на выручку и подмогу.

Да и как устоять, если враг обладает огромною силой, если он «бессмертен», к тому же связан с злыми подземными силами, охраняющих, сокрыв, его черную душу. Победить такого врага, мечталось, может только необыкновенный богатырь, наделенный

волшебною силой, чудесной судьбой. Поколение за поколением проводило время в ожидании, пока не появится такой герой как Кезер – искоренитель зла и бед на Земле-Алтае.

И через весь алтайский эпос, как алая струйка крови по острию клинка, красной нитью проходит заветная мысль о сохранении и продолжении рода – великая мечта о свободе, об избавлении народа и родной земли из цепких лап и острых клыков лютых хищников, веками терзавших Алтай, как маралёнка, беззащитного в своем благородстве, слабого в своей красоте.

...Только великому Духу Алтая неуютно было, чтобы опустела без народа его земля, пресекся навек его род- хранитель Очага – вновь и вновь возрождал он свой народ, не давая ему сгинуть совсем, исчезнуть в потемках путей, утонуть в пучинах невозвратных времен...

И как узнать, мой Алтай, обо всем, что ты видел и слышал, как почувствовать, вникнуть душою в загадки времён и тайны веков, коль не разомкнёшь ты уста, не поведаешь сам? Да и возможно ли так, чтоб смогло оно, брненное сердце, вместить твою Истину, понять твой великий и твой вечный Дух, даже если б ты и наделил его волшебным, пророческим даром! И сумел разве кто из людей-человеков, будь он мудрец или певец, каган иль шаман, воплотить ещё в слове и мысли, деяниях и свершениях своих хотя бы толику, хотя бы частицу от всей мощи и красоты, от всей таинственной и неизвестной глубины и шири того, что именуется так сокровенно одним лишь понятием-словом «Алтай»?

О, если бы узнать чуть-чуть, хоть немного, хоть искринку того, когда и как ты, Алтай, стал для нас, твоих сыновей и твоих дочерей, тем беспредельным и необъятным, тем, чем живем и дышим, сочетая в себе всё – и Отчизну, и Землю, и Мир, и Дух! Да, вместе и воедино всё это – Алтай, сущность и совокупность.

А может быть, ты никогда и не входил в наши души и плоть, – может, ты в нас изначально, еще оттуда, когда всемогущий и всевеликий Творец Курбусту-каан созидал тебя как свой престол и чертог, как Золотую Гору? А значит, мы – малые, живые частицы твои, носители Духа твоего, что оживотворяет, одушевляет тебя, создавая Алтай как Алтай, сохраняя его как Алтай, а не просто камни и леса – агаш-таш? Тогда, может быть, можно допустить, что и наши сердца – все вместе если – только лишь бьются в от-

вет, отзываясь, на движения твоей вековечной, великой Души. Ибо можно ли отныне называть Алтаем те твои стороны-части, где нас уже нет, как не слышно там наших голосов, нашего языка, где вырезаны кедры и пересохли реки, где пожухли цветы и где больше уже не кукует кукушка, а если и закукует, то никого не радует и не веселит, где голубое небо подернуто сплошной пеленою ядовитых дымов, а земля располосована, разворочена вся да и отравлена навек страшным ядом, что источают летящие ввысь смертоносные стрелы ракет?!

И не следует ли из того, что только тогда можно будет познать Алтай и его Дух, если эти наши, живые пока, сердца будут биться не врозь, как прежде, а вместе, в один созвучный лад, сомкнувшись и собравшись в единый и целостный Дух? А такое произойдет, станет возможным только тогда, когда сумеем преодолеть испытания, тяжкие и неотступные, когда превозможем праведным сердцем, благостным словом, недрёманным оком заклать веков, наложенное на душу и сердца наши в час означенный – чак йетсе! В ожидании, вековом ожидании народ – когда он придет. И все невзгоды, все бури и ненастья, все эпохи и режимы – ему нипочем, всех и вся переживет в своем ожидании народ – когда он придет и наступит рассвет – чак йетсе!

Люди Алтая, поглядите глаза в глаза да поглубже, взгляните пристальней друг в друга, окиньте, если сможете, мысленным взором весь Алтай наш и окружающий мир. В миг тишины задержите внимание на том глубинном, сокровенном, что есть, непременно существует в ваших душах, и вдумайтесь в себя, в свою судьбу, в наше прошлое, в наш долгий путь в потемках и да прочтется вам вся история наша, всё то, что лежит глубоко, подспудно, в залежах ваших сердец – ведь наши глаза видели славу и честь, гибель и возрождение, совесть и позор, печали и радости, пиры и похороны, весну и осень, лето и зиму, красу и тлен.

Всё – в Слове нашем. Всё – оттуда к нам и от нас – дальше и выше, от предтеч – к потомкам.

Всё откроется в срок означенный, в час звездный, и Алтай сам заговорит вдруг в нас шумом посвежевших лесов, молчаньем очищенных от смрада и копо́ти века камней, шепотом целительных трав, шумом наполнившихся рек, голосами птиц и зверей, наконец-то обретших покой.

Звенящим языком народа, пробуждающегося к истинной Истине...

И откроется Алтай песнями и стихами, сказаньями и преданьями веков стародавних, пророческим молчаньем высоких, священных вершин, заговорит языком надписей на древних скалах, сокровищами ещё не открытых курганов.

Да поклонимся, весь народ, с почтением к Алтаю,
Оп-куруй!

О, Алтай-Хангай, Агаш-Таш, Ай-Кюн,

Дьер-Суу, Ак-Ярык!

О, алтай киши, ак санаа, амыр юрт!

О, төрө-төс, төрөл тил!

О, Кюн-Буркан и Ай-Буркан!

О, Кёк-Тенгери! Юч-Курбусту-каан!

О, Бай-Улгень и девять его сыновей!

О, Алтай как Кудай!

О, Кудай как Алтай!

Оп куруй, куруй, куруй, оп куруй!

В слове – знак, в слове – завет, в слове – код.

Не загадочный, не таинственный,

Но – сокровенный, но – простой и ясный,

Как небо, как земля, как вода.

Люди Алтая, успевайте познать свой язык.

В нём – Дух!

1981–82 гг.

Алтай-Хангай – вечная Родина

Алас!

Алас! Алас! Алас!

Куруй! Куруй! Куруй! Оп-Куруй!

Алтай-Хангай Мёнку Эль –

Вечно живая, родная страна...

С Неба сошедшая к нам колыбель,

у которой поют во все времена,

Тююки-куучун,

их напевы и душу храня,
 сокровенные песни,
 преданья минувших веков
 под звенящие струны из гривы
 летящего к небу коня,
 под молчание гор, тихий шелест деревьев
 и взгляд облаков...

* * *

Первоначальные исторические сведения о наших дальних предках – ранних кочевниках Великой Степи, а следовательно, и Алтая, сведения, которые были занесены на бумагу и пергамент и тем самым дошли до наших дней, мы находим прежде всего у «отцов истории» – Геродота (V в. до н. э.) и Сыма Цяня (145 – 87 гг. до н.э.). Причем если сведения возвышенного умом эллина, который описывал судьбы народов и людей на основе преданий, мифов, сказов, хотя и стремясь их выверять, стараясь проверить собственными глазами, все же облачены в легендарную форму, то в «Исторических записях» Сыма Цяня впервые систематизированные, хотя и сжатые, рассказы о северных соседях Китая носят вполне реальный, будничный, можно сказать, характер и наполнены конкретикой, так, словно речь идет не о седой древности. Но так же почти тождественны описания жизни кочевников последующих эпох – как древних алтайских тюрков V–VIII веков, монголо-татар великого имперского периода в истории всего Старого Света, племен, составлявших в XV–XVIII веках Ойротский Союз, так и более поздних потомков кочевых этносов – таких, как ногайцы, киргизы, казахи, калмыки, кара-калпаки, башкиры, урянхайцы и, наконец, алтайцы, настолько совпадают реалии быта и обычаев кочевников, так схожи их повседневные будни, за исключением сменяющегося исторического фона, действующих на арене племен и лиц, их войн и походов, отражения нападений врагов и противников.

И даже причины накопления сил, постепенного возвышения и внезапного упадка и падения кочевых государств, вовсе не эфемерных, как утверждали, почти захлебываясь от злорадства, иные историки, стоявшие на официальных позициях ортодоксальной марксистской или же, напротив, либеральной историографии. От-

мечая и поверхностность, и категоричность их суждений, а главное, отсутствие симпатий к субъекту своих исследований, уместно, пожалуй, подчеркнуть сегодня, что и сами отцы-классики марксизма весьма туманно, слишком общо, расплывчато представляли себе реальную Евразию, кочевой Восток, равно как и более близкую им в пространственно-временном измерении Россию. Но если подойти к предмету исследований несколько более внимательно и бесстрашно, как и подобает настоящему историку, а не идеологу, то нельзя не увидеть **неоспоримый факт: государства кочевников существовали веками, переживая четкие циклы от ста до трехсот и более лет, давая и боковые, удельные ветви, от которых со временем, отпочковываясь, возникали новые.** И даже когда они разрушались и падали, то только для того, кажется, чтобы дать тут же или через определенную фазу анабиоза начало новой династии, обеспечивая тем самым усиление другой группы или союза племен в качестве доминирующей и лидирующей, правящей и господствующей над прежними, но в общем-то близкородственными либо по языку, по происхождению, либо по культуре и традициям. Пример – последовательная смена хуннов, абар, тюрков, уйгуров, кыргызов, найманов, кытаев, кыпчаков, монголов, татар, ойротов, маньчжур... А поэтому **речь может и должна идти об исторической преемственности государственных образований на просторах Великой евразийской Степи на базе одних и тех же этнических компонентов, только выступающих в различных сочетаниях и комбинациях.**

Особенно поучительно, должно быть, авторам подобных поверхностных построений поразмыслить в настоящую пору, когда государственно-социальная система новой советской эры, простояв лишь семьдесят лет, срок ничтожно малый и эфемерный для исторического процесса, начинает трещать, подвергаясь критическому испытанию на прочность и целостность. Причиной подобного кризиса являются не столько экономические неурядицы советской системы, как уверяют себя и всех власть предержащие ныне, а главное, их «жрецы» – академики, экономисты, обществоведы, аналитики, эксперты-политологи и прочие специалисты, подвигающиеся на государственной ниве, а точнее, вблизи тепла и кормушки. Ведь и у общества, и у всей массы народа, составляющей данную общность, равно как и у её руководителей, должны

быть простые и ёмкие, понятные и близкие, дорогие всем принципы и цели.

Утрата скрепляющих основ, исчезающих как весенний снег под лучами солнца, когда подорван на глазах сам идеал в обществе, провозглашавшего равенство, братство людей и народов, так, что не стало ни четких ориентиров, ни направляющей всех цели к движению и развитию, – не это ли привело сегодня всех нас к печальному итогу? Ложь и безнравственность заместили честь и долг. Вытравлено понятие Служения Отечеству. Не в озабоченности вопросами питания и продовольствия, не в бесконечных рассуждениях о том, как посытнее набить желудки граждан, не желающих лучше работать, как удовлетворять потребности общества, позабывшего, почему и зачем оно есть и существует, заключаются задачи и цели по-настоящему жизнеспособного государства, крепкого, а не химерического общества, иначе что оно такое, как не орда или табор, озабоченный лишь одним – поиском и добычей насущной пищи! «А был ли он, этот ваш идеал?», «А есть ли оно, это общество?» – спрашивают иные, я бы не сказал, пессимисты, но фомы неверующие. Скептики. Разочаровавшиеся. А оттого и озлобление, лютое желание крушить, рушить. Нынешние «радикалы», «демократы» и «либералы» – это почти сплошь прежние «правовверные» марксисты. А что, собственно говоря, тогда двигало и двигает людьми, их большими массами на жертвы или подвиги во все времена и во всех странах, хочется спросить у наших перевёртышей и приспособленцев во власти, а точнее, при должностях?

Или, что, доблесть и совесть, чувство долга, честь и достоинство, любовь и желание погибнуть за Отчизну – все эти категории перестали существовать для человеческих сообществ? На чем же тогда базировались наиболее устойчивые из всех известных и славных в истории общностей людей и культур, если не было у них – таких разных и таких разноплеменных – чего-то такого, что скрепляло всех воедино, что заставляло их жить и мириться с разницей в облике и языках, верованиях и традициях друг друга? И что же это самое «чего-то такое», как не общность судьбы, единство целей и осознание перспективы, скрепляемой не только хлебом, но, может быть, прежде всего с л о в о м, и д е е й и даже м е ч т о й. Да, хлеб можно добыть и в одиночку. Можно и кучкой,

ватагой, артелью. Но ведь лучше и верней – всем вместе. Держась за державу, опираясь на согласие.

И пора, давно пора отставить в сторону устаревший, так называемый «европоцентристский» взгляд на нашу историю, а в данном случае на кочевников как «трутней цивилизации». Это даже не точка зрения, а невежественное неприятие непохожих людей, непонятных ценностей.

Кочевые сообщества во все времена представляли собой довольно стройные организации, обладавшие чувством справедливости к своим членам, совместному владению землей-территорией, стадами, составляющими главное богатство и основу жизненного процветания. А с точки зрения обитания это были закольцованные, саморегулирующиеся общественные организмы. Но именно нарушения, мутации в существовании и организации кочевых сообществ приводили к войнам и грабежам как друг друга, так и ближних и дальних соседей. Да, из кочевых сообществ зачастую отпадали по тем или иным причинам внутреннего или внешнего порядка разбойничьи орды или шайки грабителей. Но это было как раз не правилом, а исключением. Точно так же возникали такие социальные категории изгоев у оседлых народов, к примеру, варяги-викинги, казаки у тюрков, а потом и в России, Украине, Польше, мамлюки в Египте, абреки на Кавказе, морские пираты и работорговцы у западноевропейских наций. А современные мафиозные группы на Западе и Востоке, этнические преступные группировки в мегаполисах – кто они, если не те же «орды»?

Что же касается слова «орда» или «орды» у кочевников, то оно означало только лишь местопребывание, ставку главного владетеля и правителя. Впервые это понятие появилось у центральноазиатских кочевников, хунну, а в европейской, общепринятой транскрипции – гуннов. А в русский язык московитов оно перекочевало из татарского с изменившимся, не добрым оттенком. Но это уже рассуждения из области этимологии.

Возвращаясь к теме, в заключение данного пассажа следует отметить, что не только государственным мужам, но и всему народу, каждому члену общества полезно будет задумываться хотя бы раз в год над прошлым. И не только своей нации или своего государства. Государство – это понятие преходящее в отличие от страны – категории вечной, существующей объективно как в настоящем,

так и в прошлом и, очевидно, долженствующей быть и в том самом будущем, где нас не будет. Страна – это не только территория, но и народ, земля и среда обитания. Вот тогда члены безнравственного общества не будут слепо, подобно безвинным детям, полагать, что всё и вся пошло только лишь «с октября 1917 года, открывшего новую эру в истории человечества». Какое самонадеянное, подумать, заявление! А нелепей всего то, что мы все свято в подобное верили и с этим жили, как будто чистым воздухом дышали. Да, социальное переустройство, обретение лучшей и справедливой доли, строительство нового общества – все это, понятно, и двигало поколениями наших отцов и дедов, заставляя и побуждая их идти на всем известные ныне труды и лишения, хотя мы понимаем, что потерпели неудачу на данном этапе с таким гигантским экспериментом №1 в истории человечества. Да, мечты оказались пока утопичными, а сколько кровушки пролито невинной, сколько жертв понесли, как своих, так и чужих? Но и за это трудно осуждать, хотя и не приемлешь, хотя и восстает душа. Но возомнить себя чуть ли не богами, творцами всего сущего, восстать не только на социальные порядки, но и на самую сущность человеческую, на природу саму?

Думаешь – кем были те, кто так самозабвенно поучали всех нас о «новой эре» – идеалисты? фанатики? нигилисты? романтики? или же злоумышленные бесы? – убежденные в правоте своей, одержимые идеей переустройства мира Земного?

Российские нигилисты, французские революционеры, кавказские экспроприаторы, китайские деревенские бунтари, европейские фашисты, анархисты, либералы и социалисты, вдумайтесь, к чему же вы привели Человечество на рубеже тысячелетий?!

В этот шумный и бурный, но все же мелкий и суетный век так не хватает людям умудренности древних.

Революции и потрясения, отшумев, становятся историей – тихой и спокойной.

А главное – поучительной.

Тем она, история, и ценна для человечества.

* * *

В «Истории» Геродота, разделенной на девять книг лишь в эпоху эллинизма, народы, обитавшие в Скифии, описываются в VI

книге с главы первой до восемьдесят второй. И кто же они, эти народы, которые были и которых уже нет, и как среди причудливых названий найти, изыскать нам отдаленных предков или родичей своих?

Геродот перечисляет их со слов Аристеев Проконесского, поэта, жившего задолго, аж за два столетия перед ним. Аристеев якобы побывал у народа исседонов и от них-то выяснил, что «над исседонами живут аримаспы, люди одноглазые, а над аримаспами – грифы-златохранители, а над теми – гипербореи, смежные с морем. Все они, кроме лишь гипербореев, всегда ведут соседственные войны, начиная с аримаспов: аримаспы выгоняют из их земли исседонов, исседоны – скифов, скифы же теснят киммериян, обитающих у южного моря, и под таковым гнетом оные оставляют свою страну» (глава 13-я).

«Что такое находится выше той страны, о коей начал я говорить, – признается Геродот, – никто достоверно не знает, ибо я никого не могу найти, кто бы сказал, что был очевидцем того. Даже Аристеев, о коем я только что говорил, сам не доходил далее исседонов, как сознается в собственных стихах, а лишь по слуху повествует о землях вышележащих, говоря, что слышал он сие от *исседонов*» (глава 16-я).

21. «По ту сторону реки Танаиса земля уже не скифская, но первая из стран *савроматов*. Сей народ занимает землю от Меотийской впадины к северу на пятнадцать дней пути, всю лишенную как диких, так и садовых деревьев. Выше сих савроматов во второй стране живут *будины*, населяющие землю, изобильную всяким лесом».

22. «А повыше будинов к северу сперва простирается безлюдье на семь дней пути (350 – 1250 км), далее же поворота более к востоку, живут *фиссагеты*, народ многочисленный и особый, питающийся звериною ловлею. В смежности с ними в сих же самых местах живут так называемые *ширки*. Они также питаются звероловством, но особенным образом: охотник влезает в дерево (их в сей стране везде довольно) и там притаивается, имея наготове лошадь, приученную лежать на брюхе для незаметности, и собаку; завидев же с дерева зверя, охотник стреляет в него из лука,

вскакивает на коня и гонится за ним, а собака следит его. А еще выше сих народов к востоку живут другие скифы, отложившиеся от скифов царских и перешедших в сии места».

23. «До страны сих скифов вся описанная мною земля плоска и тучна; оттоле же идет каменистая и неровная. Если пройти великое пространство сей неровной земли, то у подошвы высоких гор, как сказывают, обитают люди, кои все от рождения плешивы, как мужчины, так и женщины, плосконосы и с большими подбородками: язык они употребляют особенный, а одежду – скифскую. Питаются они древесными плодами. Дерево, коим они живут, называется «понтю», величиною он почти со смоковницу, плод носит похожий на боб и имеющий ядро; когда сей плод созреет, то процеживают его сквозь ткань и вытекающий из плода густой и черный сок, называемый «асхи», лижут и пьют, смешав с молоком, а из отжимков делают лепешки и едят. Скота у них немного, потому что пажити здесь не хороши. Каждый из них живет под деревьями, зимою окутывая его плотным белым войлоком, а летом без войлока. Сии людям никто не делает обид, ибо они почитаются священными, да и воинских орудий не имеют; более того, они и соседей своих примиряют в несогласии, и кто в бегстве прибежит к ним, под защиту, тому не причиняет обиды: имя же сему народу – аргинеш».

24. «До страны сих плешивых и народов, впереди их живущих, земля достаточно известна. Ибо посещают их некоторые из скифов, коих нетрудно выпросить, и из эллинов от борисфенского и других понтийских торжищ. Скифы же, посещающие сих людей, производят с ними дела посредством семи переводчиков на семи языках».

25. «Доселе, стало быть, земля известна; но что находится выше сего плешивого народа, о сем никто ничего достоверного сказать не может, ибо путь туда пресечен высокими горами, коих никто не переходил. Плешивые же сии говорят, чему, впрочем, я не верю, будто бы на сих горах живут люди козьеногие, и прошед их, другие люди, которые спят по шесть месяцев, чего я и вовсе принять не могу».

Страна же, лежащая от аргиппеев на восток и обитаемая исседонами, известна достаточно; неизвестна лишь лежащая выше на север, кроме разве того, что о ней сказывают аргиппей и исседоны».

Узнаете, кого описывает Геродот со слов поэта Аристея, говоря об аргиппеях – плешивых от рождения людей, живущих у подножья высоких гор? Так это же о *тасах*, иначе говоря, о *тастаракаях* идет речь, тех самых, без которых не обходится почти ни одно из алтайских героических сказаний. Вид замухрышки, плешивца принимает добрый богатырь, будь то Алып-Мамыш или Одиссей, когда по тем или иным причинам ему необходимо, чтобы его не узнали до поры до времени. Следовательно, были и реальные тасы, под которых и нужно было маскироваться герою в чужом стойбище или вражеской ставке. А значит, были те и те. А из того, что в сказаниях тасы обычно изображаются в виде голытьбы, презируемого и угнетенного люда, видно, что к тому времени, когда еще только складывался тюркский героический эпос на самых ранних и архаических стадиях, этот древний этнос, выходит, уже был подчинен и закабален воинственными скотоводами, отличающимися от них и обычаями, и обликом.

Аргиппей – плешивые от рождения. Но и у современных алтайцев и урянхайцев существуют роды, чьи дети вначале рождаются совершенно плешивыми, но волосы потом отрастают понемногу. Аргиппей – самые бедные из окружающих их племен, сообщает Геродот, скота у них немного да и земли довольно скудные. Ну разве они не напоминают нашу Аба-йыш – черневую тайгу – Чою, Турачак, Солтон, абинские, таштыпские, шорские, лебединские и тубаларские земли? Междуречье Би и Катунь?

Но аргиппей же – самые справедливые из всех, ни с кем не воюют, оружия не признают, оттого и почитаются всеми как *священные люди*.

Деревья, под которыми они живут, окутываясь зимой белым войлоком, также хорошо узнаются – что это за «понтик», если не кедр. А кедрачи вплоть до самых недавних пор, пока леспромхозы не свели основные массивы, густо покрывали все северо-западные склоны дремучих дебрей Алтая – «высоких гор» у Геродота. Действительно, если двигаться с запада на восток к Верхней Азии

или Великой Татарии через ровные великие пространства в течение многих и многих дней пути, то есть через степи юга России и современных Сибири и Казахстана выйдешь прямо к высоким горам Алтая. Других впереди нет.

Что касается плодов «понтика», похожих на бобы и имеющих ядро, это, конечно же, кедровые орешки. Наши лесные люди вплоть до наших дней делали из них отжимки – чокчок. По всему Алтаю, в Чойской тайге, по Бие и Лебеди, в Таштаголе и Таштыпе вас и ныне угостят на славу именно таким блюдом.

Указания на их жилища также не расходятся с бытовыми реалиями лесных, охотничьих племен Алтая. В каких только сказаньях не воспет славный кедр, персональный кедр, под которым разбивает свой охотничий стан тот или иной персонаж героического эпоса. Под кедром в стужу тепло, в непогоду сухо – не просочится ни одной капли, а в жару дышится легко и свежо! В скольких алтайских песнях подчеркнуты эти удивительнейшие свойства алтайского кедра – дает всем и пищу, и кров, как ни придешь – и укроет, и насытит.

Что же собой на самом деле представляет в алтайском героическом эпосе образ Тастаракай? Каково к нему на самом деле отношение сказителя-кайчы и самого народа? Высмеивают его или же, напротив, воспевают, гордясь им, умным и умелым удальцом? Да, Тастаракай внешне поначалу как будто бы весьма неприглядный замухрышка, да и конь его хозяину под стать, такая кляча, что словом не описать. Иногда в виде ездового животного Тастаракай использует серого бычка-торбочка, еле-еле передвигающего свои ноги. Но на самом деле и в конечном счете именно он, Тастаракай, оказывается самым лучшим и пригожим богатырем из богатырей, когда он принимает свой настоящий вид и предстает перед всеми супостатами и насильниками-наглецами молодым и красивым, умным и сметливым, веселым и добрым неунывайкой. Ему нипочем ни стужа, ни жара, не страшны вражьи козни, неведомы уныние и страх. Насмешники спесивые сами смешны. Тастаракай – всегда защитник слабых и угнетенных, утешитель сирот и бедняков, помощник старым и немощным. Он никогда не вырвет печенку из рук сироты. Не уподобится псу, силой отнимающего у более слабых кость. Он несет всем добрые вести. Тастаракай – всегда предвестье радости и веселья.

Но почему же нет тогда отдельного сказания о нем? Почему же он вроде везде и в то же время нигде? Зачем народу нужно было так замаскировать, закодировать своего героя, чтобы он до того стал неузнаваемым, что свои не признавали иной раз? Да потому что аргиппеи – священный народ Алтая – попали под иго, обращены были захватчиками в вечное рабство, им даже запрещено было называться своим именем и говорить на своем языке. В конце концов, аргиппеи, очевидно, растворились среди различных этнотерриториальных групп Алтая, но в кое-каких из родов-племен мы все же обнаруживаем их следы.

Вот, например, род *кергил*. У них по сей день не вполне ясное, несколько затемненное происхождение. Некоторые историки считают их исконным, сугубо алтайским родом, которого больше нет ни у кого из окружающих племен и народов. Неужели кергилы – это аргиппеи? Шуточные дразнилки алтайских родов – жанр из наиболее архаичных, надо сказать. Так, в них с явным намеком или скрытым подтекстом указываются те или иные физические, нравственные данные, характерные особенности, изъяны, присущие тому или иному роду. О кергилах сразу же, без околичностей заявляется: «кергил, кергил – кере тас!» – «кергилы – сплошь плешивцы!» Да еще с намеком на ворона – кере, аргиппеи – монголоиды, в отличие от скифов, говорят на языке другом, непохожем, видимо, состояли в родстве с аримаспами – «одноглазыми», – очевидно, тоже намек на монголоидный разрез глаз.

Кергилы – отнюдь не пастухи, не скотоводы, но и не очень большие охотники, судя по их психическому складу. Равнодушны они и к золу и серебру. Правда, иные из них отличаются довольно большой скаредностью. Некоторые выводят название этого рода от слова «керки» – «топорик-тесло», что, видимо, указывает на их происхождение от кузнецов-железоплавильщиков. Так ли это, нуждается в дополнительном рассмотрении.

Кроме алтайских кергилов у барабинцев и кумандинцев имеются также род *тастар-тасы*. В каком отношении они находятся с кергилами? А быть может, с тейлесаами? В заглавной статье к «Очеркам Северо-Западной Монголии» Г.Н. Потанин, перечисляя роды-племена алтайцев – жителей «Русского Алтая», подчеркивает, что настоящее название рода *тэйлэс – дети тас*, означающее *семь плешивцев*. Когда люди Алтая делились на роды, якобы семе-

ро братьев находились в отлучке и остались без рода, отчего их будто бы прозвали дьети-тас.

Как же теперь совместить роды кергил и дьети-тас, которые могут иметь непосредственное генетическое отношение к аргипеям Геродота? Как известно из алтайских генеалогий, кергилы находятся в родстве с кыпчаками и мундусами, населяющими северо-запад Алтая, а тёлёсы – восточная отрасль кёк-тюрьков, уйгуров и кыргызов, остатки древних ту-кю, населяющие издревле окрестности Алтын-Кёля, Золотого озера, долину Чолушмана, Улаганское плато, следовательно, Юго-Восточный Алтай. Вот почему, как бы то ни было, все эти роды – наши, алтайские. Возможно, это родичи, разошедшиеся врозь еще в глубокой древности, а ныне не вполне узнающие друг друга.

А коль так, то пусть едет по степям и горам наших сказаний неутомимый и неунывающий Тастаракай на сером торбочке, а семеро братьев Кёкютеев пусть обходят семь раз наш Алтай, чтоб найти себе свой род. Блуждая вместе с ними, мы наткнемся на «козьеногих» обитателей «высоких гор». Сразу узнаем в них наших нагорных тау-телеутов, обутых в кисы из козлиных шкур, такие мягкие и удобные сапоги-ичиги носят на Алтае до сих пор.

И «грифы, стерегущие золото» не исчезли бесследно. Большие каменные курганы в долинах Урсула, Каракола, Уймона, Чуи и Пазырыка, в степях Алтая и Прииртышья оставлены именно этим народом. В произведениях искусства, оставленных ими, часто встречается мотив орлов, грифов – тасов и йоло и других крылатых мифических птиц, являющихся тотемами многих алтайских родов, например, таких, как *иркит*, *меркит*. У нас есть и такой род, именующий себя прямо *мюркют* – орел. В восточной части Алтая, в Западной Монголии проживают олёты, которые не так давно носили на груди изображение орла и рассказывали, что они в эти края пришли из Сибири вместе с Калданом-Бошокту-ханом.

От Причерноморья до Алтая и далее в Сибири и Монголии обитали различные племена, поясняет Геродот, говорили они на различных языках, и эллинам при проведении с ними различного рода сношений торгового, экономического или военно-политического характера требовалось знание семи языков. И это сообщение не удивительно, потому что в настоящее время на этом громадном пространстве распространено гораздо больше различных

языков, причем относящихся к совершенно различным лингвистическим семьям и группам – таких как славянские, иранские, тюркские, финские, монгольские, кавказско-иберийские, романские. Только тюркских наречий тут сколько – крымский, ногайский, гагаузский, караимский, чувашский, татарский, кумыкский, карачаево-балкарский (гунно-болгар), башкирский, казахский и, наконец, наш алтайский язык, который имеет отношение не только к кыпчакской группе, но и к языкам древних гунно-болгар, огузов, печенегов, куманов и хазар.

И тем не менее, даже в те времена люди все же сходились меж собою, находили друг с другом общий язык, стараясь не враждовать, а жить по возможности в мире и покое. Вот почему, когда все же ссорились и конфликтовали, то прибегали к совету самого бедного, но и самого справедливого, возможно, мудрого и рассудительного племени – аргиппеев. К народу алтайских тастаракаев.

Достоин примечания, что и в казахском эпосе часто встречаются *тазши* – плешивцы, сродни алтайским тас-таракаям. Сравнительное, сопоставительное изучение наших языков, эпосов, мифов может привести к потрясающим открытиям. Но для этого надо выйти из пределов племенной, этнической ограниченности, замкнутости, невежества, возвыситься умом до наших глубин и высот!

В качестве лингвистического пассажа следует сообщить любознательному читателю о том, что «тастаракай» – это слово парное, двойное. «Таракай» у монголоязычных ойротов, с которыми под одной властью и в одной стране алтайские тюрки находились не менее пятисот лет, означает то же самое, что и «тас» по-тюркски, по-алтайски – плешивец, причем может относиться не только к человеку или иному живому существу, но и к горе. Например, таскыл – горная тундра, лишенная леса. В современном алтайском языке довольно много таких, порою весьма забавных тюрко-монгольских словосочетаний.

Тогдашние племена Алтая – аргиппеи, «козьеногие», «стерегущие золото грифы» и «спящие по шесть месяцев в году» – создали высокую по тем временам культуру, глубоко оригинальную, что проявилось во многих сферах и отраслях. Доказательством тому – освоение ими металлургии железа (так называемое «кричное железо», по качеству превосходящее современное), металлообработки и ювелирного дела. Они изобрели оригинальные колесные

повозки и всадничество как новый вид передвижения. Мчащиеся на быстрых конях всадники элинам-пешеходам и впрямь казались кентаврами – существами с конским туловищем и человеческой головой. Тип вооружения, конский убор, характерная «скифская» одежда, общая для всех почти племен Великой Степи, унаследованная потомками, и поистине замечательный, непревзойденный по мастерству и совершенству «звериный стиль» в искусстве – разве всего этого мало, чтобы представить себе материальный и духовный уровень жизни этих этносов, а точнее, великого многоплеменного степного народа нашего сектора планеты. А грандиозные сооружения – насыпные каменные и земляные курганы над усыпальницами царей и вождей? Даже сейчас воображению с трудом поддается то, сколько нужно было затратить усилий на их сооружение и какое количество людей требовалось для этих работ – без использования техники в виде тракторов, тягачей, кранов, грузовиков или самосвалов. Даже если предположить труд рабов-военнопленных, то сколько и откуда их поступало и сколько нужно было иметь охраны для того, чтобы такое скопище не разбежалось или не перебило при случае самих создателей. А если в сооружении усыпальниц участвовал весь народ, включая подвластные племена, то какова должна быть их численность, чтобы по одному камню натаскать громадный курган. Посетите Хакасию, чтобы благоговейно посидеть возле салбыкских усыпальниц, преклоняясь перед строительным гением предков.

Долгое время полагали, что «скифско-сибирские» племена Алтая позаимствовали высокое искусство у элинов, ханьцев, иранцев и других оседлых цивилизаций древности. Понятно, что в науке господствовала европоцентристская, по сути, расистская концепция, по отношению к азиатским народам, находящимся во временном упадке, а тем более, к народам кочевым, которым было отказано в праве на наследие своих предков. Даже благожелательные души из числа ученых «бугровщиков», сравнивая находки из оледенелых курганов и толпящихся вокруг открытого сруба местных жителей, никак не могли предположить или представить себе подобную связь времен и этническую, а следовательно, и культурную преемственность. Археологи, отлично знающие свой предмет, в реальной жизни не были принципиальными диалектиками. Периоды расцвета, взлета сменяются упад-

ком, измельчением и деградацией при неблагоприятном стечении обстоятельств. Они это понимали, но только в исторической ретроспективе, не допуская это к веку своему, к текущей современности, хотя жизнь – это череда поколений, непрерывный процесс, как подъем и упадок, прилив и отлив.

Находки последних десятилетий XX века в Болгарии, на Украине и в особенности в Туве (курган Аржан) и бесстрастные данные радиоуглеродного анализа наконец позволили археологам признать неоспоримый факт – курганы Птичата Могила, Высокая Могила и Аржан датируются VIII–VII веками до нашей эры, следовательно, предшествуют по времени курганам раннескифского, классического периода. А курган Аржан принадлежит к уже сформировавшейся культуре скифо-сибирского типа, но не раннескифскому ее этапу, а другому, еще более раннему, подмечает крупнейший археолог М.П. Грязнов, который вместе с С.П. Руденко в 1947–1949 годах производил раскопки на Пазырыке, вызвавшие мировую сенсацию в археологии. Известный ученый ставит закономерный вопрос на склоне долгих лет своих: «Древние племена азиатских степей, очевидно, были такими же творцами и созидателями культур скифо-сибирского типа, как и их современники скифы. Возможно даже, что в процессе формирования искусства и культуры скифо-сибирского типа вклад азиатских племен, например, алтайских и тувинских, был иногда более значителен, чем собственно скифов. Настала, видимо, пора поставить вопрос – а была ли вообще европейская Скифия каким-то центром или очагом скифо-сибирского ареала, как это многим до сих пор представлялось? – Она занимала далекую периферию этого ареала и располагалась рядом со средиземноморскими цивилизациями, соседство и близкие контакты с которыми могли и подавлять их творческую самобытность».

Мы благодарны выдающемуся археологу, руководителю экспедиций на Алтае, Оби, Енисее и Байкале, автору таких книг как «Первый Пазырыкский курган» и «Древнее искусство Алтая» за это честное и мужественное признание!

А случайное совсем открытие в 1985 году в селе Каракол в среднем течении реки Урсул археологом В. Д. Кубаревым захоронения, которое доказывает синхронность развития культур Древнего Египта и Древнего Алтая, более того, подтверждающего, что между этими столь дальними ареалами тогда еще существовали

определенные контакты, если не прямые, то во всяком случае типа «эстафеты» – от племени к племени. Алтайцы обменивались с далекими странами не только поставками скота, мехов, золота и серебра в обмен на высокопородных верховых коней из Средней Азии и Переднего Востока, на драгоценные ковры и гобеленные ткани из Бактрии и Парфии, Мидии и Хорезма. Главное, они обменивались идеями, религиозными и культурными представлениями, произведениями духовной и материальной культуры.

Кочевники-алтайцы того времени не только производили прекрасные предметы быта, одежды, вооружения, конской упряжи. Они были и народом-художником, народом-поэтом и народом-певцом. Свидетельством тому великолепное, красочное декоративно-прикладное искусство с изображением зверей и птиц, реальных и фантастических. Но изделия и изображения несли в себе не только материальное, но и образно-эпическое, глубоко одухотворенное начало, ярко раскрывающее духовный мир народа, его пантеистические верования и возвышенное мировоззрение. Достаточно сопоставить произведения, дошедшие из глубин веков, с известными сюжетами, мотивами алтайской мифологии и героических сказаний, чтобы убедиться в связи времен и преемственности поколений.

* * *

Теперь перенесемся в Древний Китай, где на рубеже II и I веков до нашей эры жил «китайский Геродот», историк Сыма Цянь, и послушаем, какими он видит нас, кочевников Севера. Вначале, с VII–VI веков до нашей эры, когда курганы Пазырыка и Башадара еще не были сложены, мы именуемся у него *жунами*. Так, например, в степях Внутренней Монголии, Южной Маньчжурии и отрогах Большого Хингана жили *шаньжуны* («горные жуны») и *дунху* («восточные варвары»). С названьем «жун» как бы перекликается алтайский этноним «*тонгжон*», который вполне может соответствовать в переводе как «восточные жуны», и надо сказать, что у нас они подразделяются на горных и речных – *туу-тонгжоны* и *суу-тонгжоны*. Но на основании простого созвучия нельзя делать выводы и аналогии, тем более когда речь идет о языках совершенно различных типов, как китайский и тюркский. Оставим по-

лезные изыскания по сопоставлению этих этнонимов будущему тюркологу с уклоном в синологию, который появится, надеюсь, со временем из рода алтайских тонгжонов или тонгжанов, а сами поспешим к нетленному повествованию Ши-цзы:

«Все они были рассеяны по горным долинам, имели собственных вождей, и, хотя нередко собиралось свыше ста племен жуанов, они не сумели объединиться в одно целое».

Ну чем это не алтайцы-теле столь недавнего прошлого, не умевшие этнически и политически объединяться во имя общей жизненной необходимости, а оттого более всего терпевшие от сильных соседей, да еще и рассеянные по тем же горным долинам во главе с зайсанами и биями – племенными «вождями», каждый из которых спесиво бьет в грудь перед другим: «Я сам знаю, ты меня не учи, сам себе я владыка! Я именитей, родовитей тебя – меня не возьмешь!»

А враги идут набегом на Алтай, «вожди» и «князьки» тем временем, собравшись в кружок, пируют, аракуют, и когда один, взяв в руки лук и стрелы, идет отражать неприятеля, гогочут, указуя на него пальцем: «Ух, хорошо бы, если этого негодника увели на аркане или зарубили на месте, спокойнее б нам стало вокруг». Пируют, а того не понимают: сегодня этого поволокли на аркане, а завтра и к ним пожалуют – вскочить не успеют, как тугой узел затянется у остальных на шее и, глядишь, повязали, повели и этих... Когда ж образумитесь, зайсаны, – на краю могилы?! Или и туда вы уйдете с хриплыми воплями о своем превосходстве над своим родичем и жадной, как бы побольнее насолить ближнему? Неужто история ничему не научила вас? За две с половиной тысячи лет!

Мы – народ, несущий до сих пор в своем психическом складе своеобразные черты эпох военной и патриархальной демократии. Уместно поразмыслить над тем, что осталось в наследство нам от былой, невозвратной поры, когда вокруг столь много шума о демократии. Конечно, это было несомненно хорошо, когда в будничной жизни племенной старейшина, вождь или зайсан ничем почти не отличался от рядовых членов отока-рода. Когда сам пас скот и сам пекся о своем имуществе. Но хорошо ли это сегодня для нас, когда наши сердца не бьются вместе, когда чаще всего не уме-

ем ставить общие интересы выше личных, разделять большее от меньшего, а оттого и больше теряем? Скупой ведь платит дважды. Хорошо, когда твоя вера предполагает личную внутреннюю свободу и никаких уз и пут, налагаемых обычно большой религией на своих последователей, твоя душа не чувствует? Но разумно ли это, полезно ли твоему народу, если ты не чувствуешь в себе морального долга, если ты не ведаешь ни греха, ни стыда, когда предаешь брата своего, когда науськиваешь собак на него, нашептываешь сорокам худое про него? Твое радушие и гостеприимство прославлены всеми, кто посещал твой аил и дом в те или иные года. Ты и сейчас нет-нет да кичишься теми качествами твоей души, которые растаяли в конце XX века, как облачки на небе.

И разве это достойно тебя, алтай-киши, если жена твоя, хозяйка очага твоего, не умеет ласковым, приятным голосом пригласить гостя к тѳру – почетному месту в доме, отвыкла от материнских обычаев налить гостю прежде всей трапезы чай, а потом заводить неспешный разговор? Если дети твои не умеют поздороваться со старшими или незнакомыми, вошедшими в дом, если пробегают, шая, перед старшим, выказывая неуважение и полную невоспитанность? Если ты пригласил в дом гостей, а сам напился наперед? Если, встречаясь на улице, проходишь, не здороваясь с сородичем, потупив взор или, напротив, отвернувшись, как пес? Куда ж ты подевал добрейшее, замечательное слово твое – «якши», что означает и приветствие, и сообщение о том, что все вокруг хорошо и спокойно? Человек ли ты, если ты заходишь в дом друга, родственника, свата или просто знакомого, ешь, пьешь у него все, чем он богат и рад, а только захлопнув дверь, поносишь того на чем свет стоит? И, если это так, если это правда, то не ему, лучше тебе не стоит носить свои ноги по земле! Достоин ли ты высокого имени человека Алтая, Алтай-Киши, исконного его насельника, когда проповедуешь добро и свет, а сам творишь худые дела и носишь в себе черные помыслы? Если пускаешь стрелы в спину тому, кто скачет впереди, оповещая нас, идущих следом, где лучше вода и трава, где безопасней разбить нам привал? Сможешь ли ты сохранить за собой собственную юрту, когда сегодня ты запускаешь к себе ловкачей и пройдох, готовых завтра тебя самого оттеснить, загнать в дальний угол, а себя объявить владельцами твоих стад и твоей земли, и твоих вод, твоих лесов и

твоих гор? И понимаешь ли ты, что вокруг и рядом в твоём мире существуют и присутствуют не только соседи и друзья, но и недруги и лихие супостаты? Помнишь ли ты, знаешь ли, почему так сузились кочевья твоих предков, доходившие от гор Хингана до берегов Черного моря, а из богатств твоих остались у тебя лишь твоя большая как казанок голова да сердце, изрядно закопченное, но, если почистить чуток, все еще белое, светлое?..

Да, читаешь Сыма Цяня – и такое ощущение, будто происходило все это не 2500 лет назад, а только вчера, как это увидел В.В. Радлов у чолушманских тейлэсов в 60-х годах прошлого века. А взять картины жизни и быта алтайских кочевников, описанные путешественниками 20–30-х годов XIX века Гр. Спасским, Ледебуром, Бунге, Гороховым, Чихачевым, – так это сплошь идиллия и безмятежность духа, будто народ живет и действует в состоянии какого-то блаженного, золотого сна и покоя. Вот и по сей день у иных из нас сбереглось, сохранилось, к сожалению, сонное забытие и выходит оно боком не столько им, а их ближним, потому что человек – он еще и физическое тело и занимает конкретное место не только в обществе, но и ощутимом кресле. Вот и не видит, блаженный, витийствуя, шаманствуя, как растаскивают чужаки все добро в его доме, набивают карманы и сумы его добром бесценным, а взамен его детишкам подсовывают дешевенькие леденцы и всучивают пустые погремушки.

А Сыма Цянь, как и подобает бесстрастному историку, продолжает: «Переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс, одежду делают из разноцветных шерстяных тканей... Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами. Наследственного преемствования у них нет. Каждое стойбище имеет низшего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину. От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение... В каждом деле следуют мнению женщин, одни военные дела сами решают. Войну ставят важным делом».

Вот оно, раннее кочевое общество, из которого мы ведем свой изначальный след. Не знает оно ни классовых, сословных раз-

личий, ни имущественного расслоения, ни принудительной власти, насильственного авторитета. Все миром и добром. Все по согласию общему. Слушают и уважают своих женщин. Нет притеснителей, нет и хапуг. Питаются все одинаково. К любому зайди – угостят, накормят, напоят. Большая ли разница между описанием жунов VII века до нашей эры и алтайцами первой половины XIX века? Можно сказать, почти нет.

Ну, а что же это такое случилось, стряслось с нами всего-то за век с лишним, всего 150 лет с гаком? Почему у нас все встало с ног на голову? Не знали воровства, лихоимства, а теперь за замками да запорами покоя не знают. Не знали, что такое ложь и обман, – а теперь лжет и глаза в сторону не отводит. Высочайшее оскорбление – человеку сказать, что у него мысли черные, а теперь почти у каждого из нас голова набита такими помыслами, что гудят они, как черные злые шмели, даже в глубоком сне. Не знали грязных, ругательных слов, а теперь весь язык осквернен, чуть высунет – и такое льется, хоть ведро подставляй. Не было на свете таких улыбчивых, таких поющих людей, как прежние алтайцы, а глянь – какие навстречу тебе хмурые, обозленные бог весть почему, нерадостные, потухшие лица. Раньше глаза у людей светились и лучились добротой и участием, бескорыстным желанием помочь, выручить, только дай знать, а ныне? Пустые стали. Скрывающие чувства, а не раскрывающие, как это должно было быть у нормальных людей в нормальной общине. Положено было при встречах всадникам спешиваться или, подъехав друг к другу, остановиться, поздороваться, а если спешишь, хотя бы поприветствовать взмахом руки или камчи. Ныне владельцы железных, пропитанных чадным смрадом железных повозок не имеют привычки остановиться, приветствовать друг друга хотя бы сигналом или подсвечиванием фар. А если кто сломался, кто помощи ждет, – нет, нет, некогда, скорей проскочить надо, пока о помощи не попросил.

Все спешат, все торопятся, а разве вперед себя куда-либо уедешь?

Почему бы не остепениться, не сорвать пелену колдовскую с глаз? Ведь мы заезжаем уже туда, откуда нет возврата: б а р с а – к е л б е с!

Да, еще одно примечательное сообщение:

«Высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим, руководствуясь искренностью и преданностью».

Такой же аналог дает В.В. Радлов из жизни тѐёлѐсского общества Чолушманской долины, за что последующие, марксистские историки его, мягко говоря, журили, якобы за то, что он идеализирует и не видит среди них классовых различий. Но Радлов марксистом не был, в социал-демократах не состоял, а описывал все так, как видел и воспринимал. Кроме того, если в патриархальном, изолированном от мира сего обществе действительно еще не родились злые семена вражды и ненависти, грабежа и насилий, то что, надо их придумать? Вот и напридумывали, столько порушили, скольких людей погубили... *Эх, век двадцатый, век прекрасный, как объявляли, вершина человечества, а дальше что – не задумывались! Не задумывались? Ведь, если вершина, то выше – только небо. А за веком-то еще век придет, а за ним другой, так и бесконечно, если, конечно, не порешат люди сами себя, оставив земное свое обиталище крысам и мышам да тараканам, чтобы они начали новый виток цивилизации.*

А может, вернуться надо, пока не поздно? Вернуться туда, откуда начинали и что объявляли примитивным, низшим состоянием общества? Неужели с точки зрения нравственности и разума современная потогонная система индустриальных обществ, государственное крепостничество крестьян и казарменный социализм, расистская демократия, общество потребления и процветание только для своей нации, имитация труда и службы в эпоху безвременья и застоя, когда копили жир коты-мафиози и коррумпированная чиновная рать, узаконенный грабеж граждан среди бела дня – настоящих и честных людей – ловкачами «рыночной экономики» – неужели все это и есть идеал развитых общественных отношений, производительных сил? Сохраняют ли наши высшие простоту в отношении низших, то есть народа, а низшие, то есть трудовые массы, служат ли высшим, то есть начальству с искренностью и преданностью делу? Разлад и развал всего и вся у нас проистекает не оттого ли, что позабыли, подвергнув осмеянию и глумлению все эти простые и ясные вещи, на которых и стоит страна?..

* * *

Вот проходит еще несколько веков, кочевников называют уже не жунами, а ху. Среди них выделяются гунны, юэчжи и дунху, которые воюют постоянно меж собой и время от времени беспокоят Китай.

Уже в IV веке до нашей эры гунны упоминаются в качестве не мирных, идиллических кочевников, но грозных противников. Проходит еще сто лет, и союз гуннских родов, возглавлявшийся военным вождем – *шаньюем*, вместе с подчиненными племенами испытывает тяжелую ломку традиционных отношений, которая завершается возникновением централизованного государства.

Хищники, как это часто изображается в произведениях алтайского искусства той поры, начинают терзать маралов и оленей, лосей и баранов. Обратите внимание на крылатых грифонов и тигров – мифических существ. Кто они, если это не символы начавшихся войн – порождений клубящегося, беснующегося мрака в светлом, солнечном мире? Обратите внимание на тюркские каменные изваяния, на их лица, на чашу в руках и меч на боку? Что это, если это не отрешение от мирской суеты, отсекающее мечом жестокость и насилие, а чаша – знак мира и покоя, светлых помыслов?

Сыма Цянь добросовестно зафиксировал, как родилось на костях и братской крови гуннское могущество, которое в конце концов привело потом к закабалению на Алтае народа тастаракаев, народа-художника и народа-певца железными воинами – гуннами. Сначала подчинили, но затем спустя века, и сами, теснимые и гонимые, сливаются с ними и юэчжами. Но до примирения и соединения в один образ Тастаракая и Кёкютей-Мергена еще очень и очень далеко. Гунны еще вкусят плоды побед, торжествуя над поверженным врагом, но после изопьют сполна чашу горечи поражений и гибели своей.

Вот что произошло однажды в кочевьях гуннов.

Дунху (в переводе на русский «восточные варвары») в то время были сильны, сообщается в повествовании Сыма Цяня, а юэчжи достигли расцвета. Шаньюем был Тоумань (Тумен), имевший двух сыновей от разных жен. Ему очень люб был младший, поэтому помимо всего, преступив сложившиеся установления, ему хотелось сделать наследником младшего, а не старшего сына. Для

этого он решил пожертвовать старшим. В передаче китайскими иероглифами его имя звучит как Маодунь, но по-гуннски оно должно было звучать Модэ, уверяют специалисты, хотя существует алтайское имя Мете. А быть может, это было имя Мадай? На Алтае в свое время это было довольно распространенное имя, отсюда и персонаж эпоса – Маадай-Кара. Ну, отправил, значит, отец сына своего заложником к юэчжам, надеясь, что тот живым оттуда не вернется. Затем, улучив момент, шаньюй напал на них, полагая, что в отместку юэчжи не оставят в живых нежеланного сына. Но Тумен ошибся. Он не учел, что Мадай был отчаянный, храбрый юноша. Завладев в суматохе верховым конем, он ускакал к своим. Что оставалось шаньюю, когда он увидел вернувшегося против его желания сына, – дал ему под начало отряд воинов.

Мадай, обучая воинов, приказал им стрелять туда, куда летит его «свистунка». Так называются боевые стрелы с костяными полыми шариками – в полете они издавали ужасающий свист, распугивая коней противника. Но не все воины выстрелили вслед за ним. Они еще не знали, что такое воля владыки и военная дисциплина.

И вот Мадай однажды выстрелил в своего коня, прекрасного аргамака, пасущегося на лугу. Не все посмели пустить стрелу в коня своего предводителя. Тем, кто не стрелял, он приказал отрубить головы. Воины онемели от страха и бессмысленной жестокости.

Некоторое время спустя он на скаку пустил стрелу в любимую жену, сидевшую возле шатра. И опять не все воины осмелились пустить стрелу в незащищенную женщину, да еще в жену сына и сноху шаньюя. Сердца гуннов еще сохраняли боль и жалость. И Мадай без колебания отрубил головы тем, кто не посмел стрелять за ним.

В третий раз он испытал своих воинов тем, что на охоте выстрелил в коня своего отца. Все выстрелили следом за ним. Мадай возликовал – удалось такое, что не сумел никто из прежних шаньюев. Сердца гуннов задубенели, став твердым, как железо. Время настало. Он пустил стрелу в Туменя – отца своего и ни один из его воинов не промахнулся вместе с ним: шаньюй был весь утыкан стрелами так, что никто не смог бы сказать, что он, Мадай, убил отца. Ведь стреляли все.

Мадай вслед за этим казнил младшего брата, мачеху и приближенных отца и сам стал шаньюем.

Узнав о начавшейся смуте в гуннской орде – ставке шаньюя, правитель дунху потребовал, чтобы гунны уступили им кусок песчаной, пустынной земли между их кочевьями, где никто не жил. Мадай созвал совет старейшин. Многоопытные предводители родов, не желая войны и опасаясь кровопролития, способного погубить гуннов, посоветовали Мадаю отдать землю, но не уступать ни табунов, не прекрасных жен.

Тогда встал Мадай, глаза его сверкали гневом, он, едва дыша, сказал: «Земля – это основа государства и опора народа, как же можно уступить её! Как вы смели сказать такое?»

Незадачливые советчики были тут же обезглавлены, все остальные молчали. Мадай повелел:

– Отдайте им моих скакунов и моих любимых жен. Исполните все требования дунху, все, что ни захотят. Но когда мы пойдем на них войной, то все вернём сполна да ещё больше захватим!

На будущий год, собравшись со всеми силами, Мадай пошел на дунху, разгромил их наголову, убил их правителя, взял в плен людей из народа и захватил весь вражий скот.

Так начались гуннские завоевания. Так Мадай-шаньюй стал великим...

В 203–202 гг. до нашей эры он подчинил себе племена древних кыргызов Алтая вплоть до Среднего Енисея, установив северные границы своей державы.

Четверть века воевали, пока не сокрушили могучих юэчжей.

Оставался Китай. Началась эпоха войн.

И – Конца.

93-й год нашей эры

Конец могучей империи Хуннов, являвшейся в течение трех столетий грозной соседкой и неумолимой соперницей ханьского Китая.

Бесперывные войны с ханьскими армиями подточили силу державы, основанной и укрепленной великим шаньюем Модэ. Ослаблению гуннов предшествовал раскол среди них на северных и южных, чем немедленно воспользовались покоренные ими племена и прежде всего сяньбийцы, которые хотели не только высвободиться из-под власти железных гуннов, но и, сокрушив их власть, самим занять их место. Тут надобно отметить то обстоятельство, что

гуннское государство выросло из военной демократии, сложилось оно в борьбе не на жизнь, а на смерть с соседними племенными союзами, с одной стороны, и китайскими царствами, с другой.

Мете-шаньюй и его преемники видели в господстве над всеми «народами, натягивающими лук» (кочевниками) и превосходстве над «людьми, живущими в земляных домах» (оседлыми) цель и смысл своего государства.

Власть шаньюя была строго наследственной и освящались божественным авторитетом. Его называли «Сын Неба». «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, великий гуннский шаньюй» – таким был его полный титул. Кроме того, он же и был верховным жрецом народа. «Утром он выходил из ставки и совершал поклонение восходящему солнцу, а вечером совершал поклонение луне».

Так же, как позже у алтайских тюрков, уйгуров, кыргызов, монголов, ойротов и других кочевников, империя гуннов, равно как и армия, делилась на левое и правое крыло, западные и восточные части, которыми командовали военачальники, стоявшие во главе десяти тысяч всадников каждый.

Но с каждым годом гуннов все крепче стискивали с четырех сторон, натравливая *ухуаней* с востока, *усуней* с запада, а енисейских *динлинов* с севера. Хань наступала, оттесняя их все дальше, с юга. Вместе с потерей земель, слабеет их былая мощь, подтачивают изнутри распри. Часть гуннов уходит в Западный край, в Среднюю Азию, туда же, куда ушли их вековые прежние противники – юэчжи. Оттуда они повернут со временем на юг и появятся в Индии под именем «белых скифов». Южные группы принуждены были в конце концов покориться, признав над собой власть Дома Хань.

И вот – восстание сяньбийцев и жестокая война с ними, а затем и поражение. Десятки тысяч семей попали в плен и были включены в состав сяньбийского племенного союза. Но те из гуннов, которые не сдались, не смирились с поражением, уходят, отбиваясь от погони и окружения, через пустыню Гоби на северо-запад – к Алтай-Хангаю. Тут они и остаются до середины II века нашей эры, затем, когда сяньбийцы все же вытеснили их из последних владений, они перемещаются дальше – к Семиречью, где создают новое государство, *Юэбань*, просуществовавшее до V века.

Только после этого они во главе объединенной армии угорских и тюркских племен нежданно-негаданно появляются на европейском горизонте, вызвав на западе великое смятение и переселение народов в пределы одряхлевшего Рима. Но это – уже другая история, вне орбиты Алтая.

* * *

Разбитые гунны, проезжая мимо своих исконных владений, родовых гор Иньшань, по-тюркски Чугай-йыш, не могут удерживать слёзы, понимая, что навсегда покидают колыбель-юрт своих предков. И тем не менее суровые, закаленные в боях и сражениях степные воины, лучшие стрелки среди всех народов, стреляющие из лука на скаку, не могли даже помыслить себе, что великая империя гуннов падет, а на востоке и западе от них останется лишь грозное имя, приводя в трепет и страх одних, но вызывая почтение и гордость у других.

Правда, не пройдет и двух столетий, как «пятьсот семейств рода Ашина» выйдут, обновившись, из Турфанского оазиса и в положении родичей-тюрков постепенно объединив вокруг себя разрозненные племена *теле* – потомков Хунну, говоривших так же, как и они сами, на одном наречии, составят новый народ, выросший между Алтаем и Хангаем, а спустя еще столетие выступят на арене истории под именем *алтайских тюрков*, а затем и *кёк-тюрков*, создав Великий Тюркский каганат от Хингана до Причерноморья «длинным копьём и острой саблей».

Основу армии алтайских тюрков, их знаменитую панцирную конницу составляли племена *теле*, силами которых они «геройствовали в пустынях севера», отметит позднее китайская летопись Тан-шу.

Горы бумаги извели ученые мужи разных стран и эпох, споря между собой до сих пор, пытаясь уточнить, на каком именно языке говорили центральноазиатские гунны-теле и какого рода была у них письменность. Но науке хорошо знаком язык алтайских тюрков – железоплавильщиков, искусных кузнецов, а затем и выдающихся воинов, стратегов. Так стоит ли сомневаться после этого в том, что сыновья говорили, разумеется, на языке отцов своих – гуннов, передавших им не только кровь, но и речь, и предания, так же,

как и традиции государственного и военного устройства. Как бы ни пытались замолчать, опровергнуть, но это факт, что в Центральной Азии связь времен продолжалась, сохраняя историческую и политическую преемственность, хотя и бывали периоды перерывов, вакуума силы, что означало всего-навсего новые фазы этногенеза.

VI век. 545-й год

К алтайским тюркам, находящимся под властью *абаров-жуаньжуань*, неожиданно прибыли послы северокитайского государства Вэй. Династия табгачей (тобагачей) ищет себе надежных союзников в борьбе против Жужань и находит их в лице сильных жужаньских данников. Польщенные вниманием большой державы, тюрки приободрились и стали ждать подходящего случая. Не прошло и пяти лет, как восстали на жужань многочисленные телеуты, которых было больше чем, пегих берёз. Доведенные до крайности игом жужаней, телеуты двинулись походом на них. Причем плохо подготовились, собрались наспех. Телеуты были на полпути от главной ставки жужаней, когда наперерез им выехали с южных склонов Алтая стройными рядами всадники, одетые в пластинчатые панцири и с длинными копьями наперевес на добротных боевых конях. Телеутское ополчение не ожидало встречи с неизвестным противником и вначале изрядно растерялось. Но, придя в себя, предводители войска тут же сообразили, что им с родичами-тюрками делить нечего, поскольку шли телеуты на ненавистных жужаней, а встречные воины, как и они, тяготились властью безродного сброда грабителей. Телеуты немедленно изъявили покорность предводителю тюрков Бумыну, признав над собой его власть. А раз так, значит, они вправе потребовать от него, коль принял он под свою руку шестидесятитуменный народ, чтобы хан немедля повел бы их, телеутов, на врага. Через год тюрки и телеуты соединенными силами наголову разбили жужаней. Хан Анахуань покончил жизнь самоубийством. С игом было покончено, остатки жужаней разбежались в разные стороны, но большая часть двинулась, спасаясь, далеко на запад, за Волгу и Дон.

Так погасший очаг дал новый огонь, а погибшие гунны в лице потомков своих – тюрков – возродились для истории. За три года на центральноазиатской арене создалась новая держава – Мёнг-кю Эль, объединившая все кочевые племена Великой Степи с вос-

тока на запад. Но и в Китае на обломках региональных династий возникает, как феникс из пепла, новая империя – вначале Суйская, а затем и величайшая Танская династия. Долго, очень долго ей стоять, а значит, будут годы мира и годы войны, будут периоды мирных посольств и караванной торговли, набегов и карательных экспедиций.

И снова – бой! Гремят боевые барабаны, зажигаются сигнальные огни на курганах и сторожевых башнях, призывно ржут боевые кони, реют знамена и стяги.

Двести лет тюрки Алтая и *табгачи*, потомки окитаившихся косоплётов *тоба*, противостояли друг другу, то сближаясь, та расходясь меж собой. Танский Китай и Великий Тюркский Каганат оспаривают первенство в Центральной и Восточной Азии. Но это из области политики, а люди всегда и везде остаются людьми, куда бы их ни кидала судьба и война. Тюрки сражаются за отчуждённую землю на склонах Хингана, в пустынях Гоби и в Западном крае – в оазисах Турфана и Кашгара, ходят походами до Железных Ворот в Средней Азии, выходят к предгорьям Кавказа и степям Причерноморья, проникают в лесостепные пространства пустынной Сибири, где обитают палеоазиатские, самодийские и угро-финские племена. Начинают играть видную роль в мировых делах, соприкоснувшись с Китаем, Ираном и Византией – столпами мировой политики того времени.

И уже казалось им – стоять державе вечно и непоколебимо, как вершинам Алтая и Хангая. Ан нет, зарождаются смуты вследствие козней честолюбивой знати, восстают, пытаясь отойти, присоединённые или покорённые племена, а значит – опять кровь, кровь, кровь, как бы высоко ни поднималось боевое тюркское знамя с золотой волчьей головой!..

VII век, 630-й год

Пал Восточно-Тюркский Каганат и тюрки были принуждены, склонив головы перед *Танами*, «пятьдесят лет отдавать свои силы и кровь» окитаившимся имперцам, участвуя как конные войска в завоевательных войнах Танской династии в джунглях Юньнани, на суровых нагорьях Тибета, на Ляодунском и Корейском полуостровах. И так продолжалось до тех пор, пока терпение их, расселённых вдоль Великой приграничной Стены, не лопнуло.

Погибавший было народ вдруг очнулся, вспомнил об утерянной независимости, о своей былой славе и степной свободе – в их сердцах запылал, загудел дух возрождения. Или сгинуть вовсе, или победить! – таков был боевой клич, разнесшийся по всем разрозненным кочевьям. Тюрки восстали.

Возглавил восставших тюрков потомок каганского рода Ашина Кутук, прозванный позднее Элтериш-каганом, когда держава собралась из обломков на просторах Халхи, современной северной Монголии.

Тюрки Второго каганата прослыли в истории с того времени *кёк-тюрьками*, а что это означает, вызывает споры поныне – то ли синие тюрки, то ли небесные, но скорее всего потому, что были это тюрки, вышедшие из лона Поднебесной. Любопытно, что и монголы в XIII веке называли себя *синими*, а у алтайцев и киргизов поныне наличествуют *синие найманы и кёк-сойоны*.

Для нас же эти споры не суть важны, за вычетом того, что нужно для истории Алтая: они – это мы, именно мы, а не кто-либо больше. И не в обиду будет это утверждение для других тюркоязычных народов, в родстве которым не отказываем, но призываем признать очевидное. Убедительнейшим подтверждением тому – данные не только языка, но и прежде всего этнонимии, родоплеменного членения в сопоставлении их с современным этническим составом алтайского и других тюркских народов. А вот они-то прямо указывают на *тардушей (тодоши), тёлёсов, кыпчаков, мундусов, тонгужанов, тюргешей, азов, туба, тогусов, куу-киши, кёк-сойоны, теле*, поныне составляющих нашу основную этническую основу.

А религиозные верования алтайцев, совершенно тождественные с тюркскими VI-VIII веков?.. Кёк Тенгери, Ёер-суу, Умай-Эне?!

А само название Алтая – Алтын-йыш, Золотые горы, Алтын-Тайга – прошедшее сквозь века?

731-й год

Внезапно, в расцвете сил, всего сорока семи лет от роду умирает прославленный полководец, спаситель Отечества и всеобщий любимец, опора Каганата – Кюль-тегин. Настоящее его имя нам неизвестно. Так и остался он в истории как принц крови и брат кагана под сим прозванием. Великое горе воцарилось в тюркском Эле. От всех окружающих народов, даже из Тибета и Урума-Визан-

тии, пришли посольства на похороны героя с изъявлением чувств соболезнования. В его честь искусные мастера, снаряженные специальным посольством от имени самого Табгачского императора, соорудили великолепный мавзолей на берегу реки Орхон, спадающей с Хангайского нагорья, где находилась в ту пору главная ставка Каганата. Были установлены статуи самого Кюль-тегина и его жены, сооружен храм, стены которого изнутри были расписаны фресками боевых сцен из тех походов, в которых он принимал участие и побеждал неизменно. На каменных стелах – кёшөө, на «мёнгу-таш» – «вечном камне» были составлены эпитафийные надписи на двух языках – тюркском и китайском.

Ненадолго, всего на три года пережил брата и Бильге-каган, оставшись в одиночестве в ответе за судьбы и будущее огромной державы. Тяжело переживая горечь утраты не только любимого брата, но и выдающегося государственного мужа и полководца, равного которому было не сыскать, он продолжал укреплять свой Эль, пока чаша с отравленным вином не пресекла его жизнь в 734 году. И поднес ему эту чашу не враг, не иноплеменник, но тюркский вельможа, бывший в свое время послом-элчи в Танской Империи. Бильге-каган покидает мир и его душа отлетает вслед за братом. Хотя он и повелел перед смертью казнить предателя и весь его род, но семена предательства, измен, вероломства и коварных интриг уже дали обильные всходы. Кочевники одной эпохи совершали ошибки другой, предшествующей, словно они и впрямь находились в круговом, повторяющемся цикле времен.

На престол вступил сын Бильге-кагана Йолдык-тегин, писатель и историк, автор ставших ныне знаменитыми на весь мир текстов эпитафийных поэм в честь отца и дяди своего Кюль-тегина. Продолжая дело и политику отца, он старался сохранить мир с Китаем и, пытаясь смягчить обострившиеся после отравления Бильге-кагана отношения, отправил в столицу империи три посольства, хотя возмущенные тюрки требовали немедленной войны. Но, выбрав другую тактику, он продолжал поддерживать *киданей (кытаев)*, боровшихся против имперцев.

Спустя пять лет и он отлетел в мир иной, а престол перешел к его младшему брату Бильге Куттук-хану, который принял титул – Тенгери-каган. Правда, умом новый хан не блистал, да и молод был и, конечно же, не искушен в хитросплетениях и интригах, в

отличие от дедов и отцов, познавших тонкости китайской политики в силу полученного образования и воспитания.

Тут уместно припомнить еще одно важнейшее обстоятельство, о котором мало задумывались чистосердечные кочевые владыки и богатыри, обстоятельство, имевшее самые пагубные последствия для судеб Каганата.

Вся история Второго Тюркского каганата была пронизана борьбой с хитроумными танскими разведчиками, подкупавшими тюркских царевичей, послов и вельмож так, что люди мало надеялись друг на друга. И не случайно вовсе в алтайских эпических сказаниях, складывавшихся, несомненно, в ту героическую, но тяжелую эпоху, самым верным другом богатыря является его боевой конь. Он его никогда не предает, а временами дает надежный и точный совет. Человек, будь он друг что ни на есть наилучший, или же родственник что ни на есть самый близкий, всегда может предать или же столкнуть в яму бед, а конь – никогда. Оттого, пока жив, он вместе с героем, а после смерти, забив на месте, хоронят его вместе с хозяином, чтобы служил ему «там» так же верно и надежно, как и при жизни на этом свете. Так и называется верный конь – *койлого*, что значит *жертвенный*.

Задумаемся, почему же так получалось? А потому, что для кочевников соприкосновение с оседлой цивилизацией, в данном случае с китайской, оказывалось подобным аннигиляции, самоуничтожению. Причем касалось это не только отдельной личности, но и государственной системы, культуры и мировоззрения кочевников в целом. Предметы роскоши, красавицы, изменения образа и строя мыслей, посулы мусульманских и других «западных» купцов, проповеди христианских, даосских, конфуцианских миссионеров оказывали на них крайне пагубное воздействие, вызывая настоящие мутации цельного, незамутненного мировоззрения, разлагая простые, добропорядочные нравы кочевников.

Все эти средства немедля пускались в ход, при первом же удобном случае, как только в Каганате намечались признаки упадка или ослабления. Вместе с очередной свадебной процессией, сопровождая принцесс из императорского дома, прибывала многочисленная челядь, среди которой немало было лазутчиков и соглядатаев, профессиональных мастеров изощренных интриг. В составе каждой посольской свиты непременно находились им-

перские разведчики, выведывавшие и разузнававшие всё то, что могло сгодиться для медленного, но верного разложения изнутри государства-противника. Особенное внимание вызывали у творцов внешней политики Танской империи взаимоотношения племен, ситуация внутри каганского рода, настроения в армии кочевников, передраги тщеславной знати. За века сложных взаимоотношений Китая с северной кочевой Степью выработалось целое искусство шпионажа, изложенное в многочисленных трактатах, в особенности «У-цзы», где излагались конкретные постулаты того, как следует обуздывать варваров – ху. И при этом, как правило, основной мишенью становился тот народ, который являлся опорой и главной силой в кочевом государстве, ханстве или княжестве-улусе. На него и натравливались более или менее недовольные, обделенные властью племена и окружающие народы.

Для подрыва могущества кёк-тюрок в эту пору активно привлекались их родичи – карлуки, басмалы, кыргызы и, в особенности, собственный домен кагана – народ *тогуз-огузов*, состоявший из девяти племен теле, которые были, как знаем, вольнолюбивы, храбры, но никогда не отличались дисциплиной и пониманием единства целей, а оттого и терпевшие более всех.

И, как это бывает зачастую в истории, накануне падения государства, когда разложение и разрушение изнутри достигают критической точки, как правило, не находится тех, кто бы мог поддержать мудрым советом правителей, привлечь такие силы, которые могли бы еще переломить нежелательный ход событий. Такие люди, по иронии судьбы, бывают отлучены или отстранены от участия в делах именно тогда, когда они наиболее кстати и остро необходимы. Так случалось в истории не раз, и кочевые народы не являются в этом исключением. Правящий слой внезапно становится как бы слепым и глухим, не реагируя ни на тревожные сигналы, ни на опасные симптомы начинающегося хаоса и последующего крушения. Казалось бы, должен при этом тут же срабатывать своеобразный инстинкт самосохранения, но выключаются даже такие жизненно важные связи, словно паралич разом охватывает огромный, дотоле, казалось бы, могучий и сильный организм.

Да, нет в живых не только героя Кюль-тегина, чья неумемная отвага и великий полководческий дар отводили беду от Каганата в самые опасные дни, но нет уже и мудрого Тоньюкука. Нет

того, кто ночью глаз не смыкал, а днем покоя не знал, радея денно и ночью за упрочение родного Тюркского Эля, в чье возрождение и становление он вложил немалые труды и усилия. Старый сановник из второго по значению у кёк-тюрков рода Ашидэ уже покинул белый свет, оставив в назидание потомкам сокровенные слова, повелев высечь их на «вечном камне».

Тоньюкук родился и вырос во время табгачско-китайского плена тюрков, там он получил высшее по тем временам образование в императорской школе, блестящее воспитание, а в силу своего необыкновенного ума отлично познал и вник во все государственные премудрости, явные и скрытые рычаги управления, всеходы и выходы политики, тайной дипломатии. Он даже имел китайское имя Ашидэ Юань-чжэнь. Так вот, заветы этого советника и сподвижника трех выдающихся каганов звучат современно по сей день, спустя тысячу двести пятьдесят лет! Завет народу своему трудиться не покладая рук, не поднимая головы во имя упрочения и процветания своей Отчизны; завет каганам и бекам заботиться о простом народе, а народу поддерживать их во всем, что направлено для упрочения единства и целостности родного очага. *Главные беды и опасности, грозящие родному народу, Тоньюкук видел не в происках врагов, не извне, а в причинах внутренних – смутах и распрях, мятежах и отложениях племен.*

Бывает, стоит дерево, крепкое и высокое, а заведется внутри гниль и червоточина, и если вовремя их не удалить, то превратит его со временем в труху. Такое дерево рассыпается, только дотронься. Так и государство, и общество, как бы сильно оно ни было прежде, наводя страх и ужас на врагов, должно оберегаться изнутри.

А интриги тем временем идут за интригами, бесконечная распря поглощает остатки былой тюркской славы и доблести, кидавшей отважных богатырей – эр-алыпов в самую гущу сечи, где бы они ни происходили и откуда бы ни угрожала гибель Каганату. Брата натравливают на брата, племя на племя, беков и полководцев на кагана, простой народ – *кара будун* – подбивают на возмущения и роптания, используя любое недовольство и неурядицы. Кагану кружат голову, источая похвалы и лесть, отправляют к нему посольства за посольством, не скупясь на дары и награды, осыпают редкостным вниманием не только его самого, но более всего семей-

ство кагана, его родичей и окружение. А страна всё разоряется, стада уменьшаются, благосостояние кочевников, не только подчиненных племен, но, прежде всего, самих тюрков, падает как никогда. «О тюркский народ, из-за твоей собственной неразумности, оттого, что ты сам растёкся по всей земле, не оставаясь в родных пределах, оттого, что над тобой восседали неразумный каган и лживые его приказные, кровь твоя потекла потоками, а кости твои полегли горами!» – возвещал в своем завете мудрый Тоньюкук.

Увы, мало кому остается задуматься над предостерегающим его зовом, как почти нет и таких, кто бы мог подумать трезво о защите и ограждении народа от напастей, обороне границ, а кругом враги, теснятся они на границах Эля, бросая жадные взоры на погибающее тюркское наследие с тем, чтобы немедля ринуться в обнажающиеся беззащитно пределы, – грабить, жечь, насиловать, разорять да мстить яростно тюркам за былой позор, животный страх и вынужденный союз.

Войска с трудом уже несут все тяготы, сдерживая в себе глухое недовольство двусмысленным положением, когда нет ни уважения к ним, ни внимания к их семьям, ютящимся в дальних кочевьях. Пока еще только прежняя слава тюркского оружия – длинных копий и острых сабель, которыми была создана Держава, удерживает врагов, поднимающих дерзко головы. Но и это еще не совсем беда.

Главное – неблагополучно внутри самих тюрков, среди которых рыщут, как волки, густобородые смутьяны-чужеземцы, нашептывая хулу на тюркские установления и осторожно науськивая на собственных владетелей, не забывая при этом обирать их вчистую, суя взамен гнилостный, залежалый товар. Зарастают караванные тропы, замирают приграничные торжища, а всё добро тюрков уплывает задарма, за бесценок, перекочовав в бездонные карманы ловких пройдох и предприимчивых иноземцев. Уже и зерно становится золота дороже, а верный конь – ценнее всех наград.

И вот – грянуло!

После полувекового покоя и спокойствия поднимаются первыми мятежные уйгуры – тогуз-огузы, которых собрал и соединил их деятельный вождь Мойин-Чур. В 742 году они, бывшие до того собственным народом кагана, восстают, гудя и ропща, одновремен-

но же поднимаются на западе, за Алтаем, басмалы и карлуки – те же тюрки, те же единокровные родичи – *тёркины*. Тюрки идут на тюрков же. Подкупленные вожди, ослепленные посулами лучшей жизни под чужим Солнцем, идут сами на поклон к вековым врагам. Звон золота и серебра, сияние драгоценных шелков, хмель иноземного вина покрепче кумыса вскружили головы уйгурским бекам и тутукам. Они опьянены слащавыми речами имперских послов, они думают, что с ними-то вот танские императоры, в случае успеха, будут обращаться совсем иначе, нежели с кёк-тюрками. Однако предметы роскоши – вещи не очень пригодные и вовсе не столь необходимые для простого и удобного, а по-своему даже совершенного жизнеустройства степных людей: ведь всё нужное у них при себе – и одежду, и пищу доставляют им собственные стада, были бы хороши вода да привольны пастбища, а зной и стужа кочевникам нипочем. Потом, кто имеет много, тот и больше теряет, чаще всего и голову впридачу. Но вождям и невдомек, что всё это было и повторялось кровавой трагедией задолго до них, когда была другая трава и когда жили, ходили по этой же земле другие люди пятьсот, семьсот и тысячу лет назад. Беки историю не знают, а у прошлого учиться они не хотят, мнят про себя, что всё сами знают. Им ведомы сиюминутная власть, легкое и якобы безопасное обогащение за чужой счет, обладание несметными табунами лошадей да стадами овец, белоснежными ставками да белотелыми наложницами, а еще более того – изящными принцессами из императорского Дома. На время, пока они нужны, всё требуемое и просимое немедля им поставлялось, хотя расплачиваться потом приходилось и за хлеб, и за снаряжение, товары быта и предметы роскоши. Только затем их постигнет такая же участь, как и тех, кого они так бездумно предавали, от кого отреклись, против кого, забыв о чести и родине, восставали, опрокидывая камни родных очагов.

Да, тюрков, как ранее и гуннов – первых владык кочевой, степной Азии, рожденных Небом и Землей, поставленных Солнцем и Лунной, постигла судьба всех храбрых и стойких воинов Степи. Они расплачивались сполна не только за своё легкоеверие и простодушие, но и за гордыню, спесь и самонадеянность. За то, что жили одним днем. За то, что не видели разницы между тощим и жирным быком. За то, что держава их была создана оружием и силою оружия же была низвержена.

Вот почему корневой алтайский народ – из тех тюрков, которые всегда оставались в горах Алтая и никогда никуда не ходили войной, не желая проливать чужой крови, – навсегда отрекся от бранной славы, от грабежей и набегов на соседей. Не оттого ли его прозвали «алтай кулун албаты» – народ чистый, невинный, как жеребенок?

Конечно, враги сломили тюрков вовсе не силой своего оружия, но лестью, тонкой ложью, посулами, а главное – подкупом предателей, указавших пути и способы достижения целей. Куда же подевались всем известная неподкупность и отвага тюрков? Их единство и сплоченность в жизни, как в конном строю, где все стоят один за одного? Тюрки спохватились, но было уже поздно. Заговор удался на славу и смута растеклась по степи, как пожар, захватывая, пожирая все по пути. И, как писал историк, жестокие враги гнали остатки отважных тюрков, никогда не ведавших страха, по степи, как волков, ловили и убивали повсюду, и знамя с золотой волчьей головой уже никогда больше не взвилось на просторах Великой Степи, знамя, пред которым склоняли головы и преклоняли колена *абары-жужане и эфталиты, кидане и татары*, Иран и Византия, не говоря о ближних и родных кочевых племенах, которые ходили под ним вместе с тюрками во все их походы и сражения.

В памяти народной сохранился образ сироты Оскюс-уула, одинокого потомка изничтоженных кёк-тюрков, вынужденного побираться по разным аилам у бывших подданных его отцов, у прежних сородичей, оттого наиболее злых и немилосердных. Кто узурпировал власть недостойно, тот не бывает великодушен к сирым и неимущим.

Удивителен и образ Белого Волка, сокрывшегося от преследующих его врагов вместе со всем своим семейством в отдаленной, глухой «пещере» – долине предков в стороне от ненадежных степей, обернувшегося силой волшебства в дикого зверя – покровителя рода. Спустившись однажды в степи, где страсти улеглись на время и воцарился другой порядок, заметил он горемыку-сироту, у которого и было-то всего добра, что семь мерингов. Волк узнал в Ёскюс-ууле сына своего, почти истребленного племени. И с тем, чтобы помочь ему, раз за разом, спускаясь с гор, перетаскал его семерых мерингов. Тем самым он побудил сироту к отчаянным

действиям, заставив его по своим следам отправиться на поиски пропавших мерингов в таинственные, дальние горы. И когда тот явился в его пещеру с жадной мести, Волк, ударившись оземь, принял свой человеческий облик, представ перед изумленным взором Ёскюс-уула седовласым старцем, и открыл ему тайну его великого, но изничтоженного рода, рассказав, почему и сам принужден был, чтоб уберечься от верной гибели, скрываться в этой пещере. Оскюс-уул, не веря своим ушам, слушал рассказ старого воина. Глазам своим не поверил, когда увидел пасущихся семерых мерингов внизу, в ложбине посреди луга, поросшего густой, сочной травой. А когда вошла в пещеру волчица, а следом забежал маленький щенок, то оказалось, что это были его жена и красавица-дочь. По естественной логике сказанья, Ёскюс-уул женился на дочери Белого Волка и стал, как говорится, жить-поживать да добра наживать.

Счастливый конец? Да, так и должно быть в сказаньях, где с намеком на подспудные обстоятельства самим народом – как бы в уважение к самому себе – повествуется в закодированной форме о славном, хотя и горестном, прошлом. Однако в действительности, а особенно в ту пору, когда шла напряженнейшая борьба за место под солнцем и луною на просторах степей и гор, все было, конечно, намного сложнее да немного иначе. Хотя и спасение было.

Люди и племена Центральной Азии, выбрасываемые с исторической арены, спасение находили в горах Алтая, чьи цепи протянулись от Иртыша до Байкала, и в предсибирской тайге, где кочевым завоевателям особенно нечем было поживиться. Так те смельчаки, которые не боялись суровых условий гор и тайги и которым некуда было больше деваться, кроме как уходить в горы и дебри, отступив из степей, становились так называемыми «лесными народами», как о том повествует монгольская летопись XIII века «Сокровенное сказание».

Правдой в циклах такого рода преданий, как в «Ёскюс-ууле», было и то, что схоронилось семейство Белого Волка в глухой и глубокой пещере в непроходимых горах, а именно – в недоступных долинах и ущельях восточной части Алтая, куда мало знакомые с обстановкой карательные экспедиции не решались да и не хотели носа казать, чтобы понапрасну не рисковать жизнями. Эти районы Горного Алтая поныне, даже при современной технике, все

еще остаются малодоступными, туда можно добраться лишь на верной алтайской лошадке да на юрком вертолете, не говоря об условиях и возможностях VII—VIII веков при полнейшем бездорожье, кроме звериных тропок, известных лишь жителям-аборигенам, с которыми соединились остатки кёк-тюрков. Правдой было и то, что иные тюркские «Ёскюс-уулы», чудом избежав истребления, находили на Алтае – исконной отчей земле – своих близких родичей, не ушедших в середине VI-го века на склоны Хангая, куда переместился центр Великого Тюркского каганата, а затем и воссозданного Второго каганата кёк-тюрков. Только много ли было таких счастливицков, возможно, даже и каганского рода Ашина, уцелевших после державного катаклизма?

Уместно тут заметить, что *Ашина* означает «волк» в переводе с монгольского с добавлением впереди уважительного китайского префикса «А», не только для того, чтобы задать вопрос: отчего же это в алтайских преданиях так почитается *Эр-Шуну* как любимый исторический герой и вождь-мессия, когда известно, что реальный принц Шуну был сыном дзунгарского хунтайджи, и жил он в первой половине XVIII столетия? Не накладывает ли народная память более древние воспоминания на ближайшую по времени историческую эпоху? Кстати, размышляя об образе Ойрот-хана алтайских преданий, Г.Н. Потанин, так же, как и В.В. Радлов, задавался именно этим вопросом, но ответа не дал, оставив додумывать нас, потомков. Действительно, разве может занимать ум и сердце народов образ хана, да еще чужеродного, да еще якобы и злейшего угнетателя алтайцев, если поверить на слово таким историкам, как Л.П. Потапов?

И до Шуну-батыра, задолго до него, за тысячу лет тоже бывала подобные коллизии, когда угрожала гибель, принцы, покидая отчий край, бежали далеко на запад, в самые дальние уделы. Так, например, после гибели Великого тюркского Каганата, уцелевшие царевичи каганского рода Ашина бежали в отдаленный Хазарский удел, где благодаря стечению счастливых обстоятельств, они сумели воссоздать в качестве суверенного государства свой Эль, процветавший в течение более чем трех столетий, где сохранялись тюркские установления и верования в виде почитания вечного Синего Неба – Кёк-Тенгри-хана. И это в государстве, где наряду с официально принятым иудаизмом сосуществовали и

уживались такие религии, как ислам и христианство, сохранялись местные славянские, финские и кавказские культуры.

И, пожалуй, самое время вспомнить еще один трагический, пронзительной силы эпизод времен катастрофической гибели великого степного народа.

Западную границу Каганата охранял тогда глава тардуш-беков Кули-Чур. Ему в ту пору исполнилось уже восемьдесят лет. Не было в Тюркском Эле и за его пределами человека, который, очевидно, не был бы наслышан о нем и его подвигах. Он был соратником Куттук Эльтериш-кагана. Трудился он с ним вместе неутомимо, возрождая погибшее государство, когда их было всего семьсот мужей, поднявшихся в горы повстанцев, где они питались зайцами и оленями, окруженные врагами подобным хищным птицам, а они – падали, не способными к отпору.

И позже, когда подросли, возмужали славные сыновья покойного основателя Каганата – Бильге-каган и Кюль-тегин, то Кули-Чур сопровождал их во многих походах, служил им верой и правдой, был для них опорой и надеждой в трудный час. Кули-Чур сражался с табгачами под Бешбалыком, отбивал натиск наступающих в Среднюю Азию арабов на Жемчужной реке (Йинчи-су) – Сыр-Дарье, бился с уйгурами на берегах голубой Селенги и с неукротимыми татабийцами на склонах Хингана – Кадырган-йыш. За свои подвиги, воспетые устами сказителей-чеченов, он уже при жизни получил титул Мудрого и Могучего. Да, он, тодошский воевода, действительно был героем и богатырем, таким, которого боялись и уважали, страшились и ненавидели люто враги-соседи.

В 735 году Кули-Чур достиг вершин своей многотрудной и долголетней ратной службы, став хозяином западной границы, заслоняя все входы в Алтай. Через его заставы не могла проскочить даже вражеская мышь. И находился он на этом важнейшем стратегическом посту, охлаждая пыл карлуков и басмалов, ровно семь лет, пока не началась великая смута по всей тюркской земле и не пошла распря неслыханная.

Когда выступили карлуки – ближайшие родственники алтайских тюрков, а потому и самые трудные из всех врагов (свои же!), седой богатырь, сев на боевого коня, бросился в атаку, одержал победу, но тут стрелой поражают коня под ним, ему тут же подвели другого, – пересаживаясь, бился весь день, неутомимо и бес-

страшно руководя сражением. А враги все теснят, враги кругом, уже обходят его, надо б и отходить, но как – ведь позади юрт, каган, ставка, весь Эль!

Отступить – погибнуть, не отступить – тоже. Но Кули-Чур не может показывать спину врагам, отступить он не может. И он, старый воин и ветеран, свидетель рождения Второго Каганата, его детища, его любви, смысла всей жизни, не хочет пережить его конец. Кули-Чур всё бьется, сдерживая малыми силами натиск осмелевших предателей, учуявших, что Кули-Чуру подмоги нет и не будет. И вот она – страшная, черная весть: каган убит, его семья в плену, враги захватили Ставку – центр Вечного Эля! Весть горькая, весть верная, да и пришла она к воину вовремя. Значит, беречь больше некого, защищаться больше нет смысла – Отечество погибло, порушено навеки. Старый, умудренный годами и битвами человек, он все хорошо взвесил, все понимает: пощады от врагов не будет, каганат при этой жизни уже не возродить.

А вокруг, в степном мареве все возникают и возникают всадники – пыль столбом стоит над землей, поднимаясь до белых облаков в синем небе Алтая. Но чуда нет, помощи ждать не от кого и неоткуда. Нет, не может сдаваться он на милость мятежникам, хотя среди карлуков не было воина, который отважился бы поднять на него меч – так уважали его. Нет, не хочет Кули-Чур пережить унижения сдачи в плен.

Восставшие на севере, на юге и западе. И тогда он, великий богатырь, бросается в гущу врагов, бьется с ними один и погибает в свалке, дав врагам растоптать, раздавить копытами коней свое тело... Не дождутся в Чанъани – столице Табгачской империи – его головы, не получить никому за нее награды.

Так и погиб ни разу не побежденным он, Кули-Чур. Только не забылось его славное имя в народе. Прошло оно через века и через расстояния. У нас на Алтае и прежде были люди, носившие имя *Куле* и *Чур*. Так, я слышал в Чуйской степи – древней земле, видевшей все, о чем повествуется ныне мною, о том, что предком чуйских кыпчаков был человек по имени Куле, пришедший с Алтайской земли. Когда это было и в какую пору? О Кули-Чуре имеется надпись на «вечном камне», источено оно не столько временем, сколько обезображено врагами, которые, все пуще распаяясь после победы над алтайскими тюрками, пьянея от пролитой кро-

ви, не зная, на чем выместить злобу и месть, в ярости разбивали вдребезги статуи, глумились над каменными изваяниями героев, пытались стереть, содрать с камня высеченные на нем строки, чтобы не осталось даже памяти о них.

Но письма сохранились.

И когда, спустя более тысячу лет, в 1889 году Н.М. Ядринцев в долине реки Орхон, стекающей с Хангайского нагорья, обнаружил эти памятники, то выяснилось, что отбиты были головы статуй Кюль-тегина и других героев Каганата алтайских тюрков. И прекрасные мавзолеи, сооруженные на том месте, где были преданы огню их тела, оказалось, разрушены до основания – остался только выложенный каменными плитками пол да стелы, где и были высечены слова бессмертного плача, сочиненные в честь отца и дяди поэтом-принцем Йолдык-тегином. Иначе откуда б нам знать то, о чем думали, печалились или гордились наши далекие предки. Всему научному миру алтаистики и тюркологии известны сегодня эти эпитафийные поэмы-сыгыты, кроме нас самих, алтайцев, кроме нашей молодежи. А в художественной литературе они неизвестны и вовсе.

В 1988 году по завершении в Улан-Баторе нашей совместной советско-монгольской писательской экспедиции «Через весь Алтай – от Бийска до Кобдо», мы съездили поклониться памятнику Тоньюкуку, стоящему в открытой степи в шестидесяти километрах от монгольской столицы. Неподалеку от мемориального комплекса Тоньюкука находился советский военный аэродром. И под перекрывающий наши голоса рев военных самолетов, взлетающих или идущих на посадку, мы читали нараспев строки великого исторического и литературного шедевра поэзии древних алтайских тюрков. Бурят Баир Дугаров читал их по-русски, монголы переводили на свой язык, а я читал на древнем нашем языке, а затем и в переложении на современный алтайский. А поэт Александр Плитченко, переводчик алтайских героических сказаний «Маадай-Кара» и «Очы-Бала», задумчиво, напряженно вслушиваясь, молчал, раздумывал, курил. Я предложил ему перевести эту и другие поэмы на русский язык. Все дни, пока находились в Монголии, мы временами возвращались к этой теме. Из Улан-Батора полетели домой через Москву. Обрато возвращались вдвоем на новосибирском поезде «Сибиряк». В пути Александр Плитченко под стук колес транссибирской

магистрала все вчитывался в эти поэмы, сравнивая на глаз оригинал с русским подстрочным переводом. Чаевали, обсуждали и снова чаевали, говорили об Алтае, Монголии, тюрках VIII века. Я видел, как он постепенно проникался духом древней поэзии. И вот, не прошло и месяца, как я получил от него бандероль – в ней были поэтические переводы. Первое переложение древних поэм на камне на язык русского художественного слова. Нет нужды говорить, что означает для славян «Слово о полку Игореве». То же самое, если не больше, для нас, потомков древних алтайских тюрков, эти произведения, поскольку в них не только первоисточки нашей камнеписменной (не на бумаге!) поэзии, но и нашей трагической истории. Надеюсь, эти поэмы мы сможем издать на трех языках параллельно: древнетюркском, современном алтайском и русском.

Сквозь века, как кровь сквозь тугие повязки, проступают эти строки, зовущие к единению и братству, миру и покою среди всех племен, обитающих в войлочных юртах. Звучат они словами завета и назидания всем поколениям – как надо и как не надо жить, чтобы приумножаться, а не убывать, чтобы процветать, а не прозябать, если хотим уберечься в истории и продолжиться в потомках.

И, хотя тюрки расплатились сполна ценой крови и утерей великой государственности за победы свои в кровавых войнах, далеко не все из оставшихся в живых сложили оружие, несмотря на то, что дело было потеряно. Патриоты еще сумели возвести на престол вместо покойного Озмыш-хана его брата, которого звали Ак-Кабак Кулун-бек. С ним и остались до конца самые упорные ревнители прежней тюркской славы, которые продолжали борьбу сопротивления до 745 года.

Тут открылись новые смятения и враги-союзники перессорились меж собой. Вождь уйгуров напал на басмалов и разгромил их. Их предводитель Седе Иши-хан лишился буйной головы, уйгуры отправили ее в Чанъань – столицу Танской империи, предлагая взамен признать за Пэйло титул Кутлуг-билге и Кюлюк-хана. Возглавивший остатки разбитых басмалов старейшина бежал, не чуя ног под собой, в Бэйтин, но и там не смог удержаться, бросил свой народ, и уехал в Китай. Тут басмалов начали теснить и беспокоить карлуки, так что их остаткам ничего не осталось, как подчиниться уйгурам, которые после этого начали стремительно возвышаться и через три года на месте Тюркского зля учредили свое ханство.

Уйгурское ханство на территории современной Монголии существовало сто лет, после чего его сокрушили кыргызы, в чьих жилах текла кровь великих тюркских каганов – их дядей по материнской линии, заместив степных уйгуров в Центральной Азии, а те в основной массе, разбившись на два потока, откатились на юг в Ганьсу и Си-юй – Западный край, но одна часть зацепилась в Туве, это – ондар-уйгуры. Тувинцев их соседи монголы называют «людьми уйгурского языка» – «уйгур хэлтей улус», что недалеко от истины.

О басмалах после этого не стало слышно. Существуют утверждения, что их потомками являются *аргыны*, составляющие одно из пяти племен казахского Среднего жуза, но убедительных доказательств тому пока еще нет, и среди историков на сей счет существуют разноречивые толки и суждения. Ясно одно: и «басмал», и «аргын» имеют идентичное значение «помесь, человек смешанной крови», но на основании только совпадения смысла разных этнонимов недостаточно делать окончательное заключение, хотя все более убедительными доводами в пользу данного утверждения является именно хуннская трактовка имени «аргын» как северных хуннов.

К сожалению, тюрки не успели воспользоваться распрей среди врагов, хотя она была им весьма на руку. В это самое время по их восточному, еще сильному крылу – тееёлёс, состоявшему из одиннадцати родов под началом аба-тархана, ударили собственно имперские войска Тан и разгромили деморализованные войска. Ак-Кабак-хан сам попытался было закрепиться на западе своих владений, вдали от вражеских баз, снабжавших имперскую армию, но карлуки и уйгуры настигли его, хорошо сознавая, что оставить его в покое нельзя. Даже с малыми остатками былых сил кёк-тюрки были страшны подвластным им прежде племенам.

Кёк-тюрки окончательно были разбиты как военная и политическая сила в Центральной и Восточной Азии VIII века. Пэйло с радостью отослал голову Ак-Кабак-кагана в столицу, признав себя вассалом Танского императора и давая понять, что с тюрками покончено.

Оставшихся в живых, но поредевших, подобно обломавшимся зубьям костяного гребешка, тюрков возглавила почтенная По-

бег, вдова Бильге-кагана и дочь мудрого Тоньюкука. Она привела их в Китай, предварительно оговорив условия сдачи. Деваться было некуда, надо было хоть людей сохранить, схоронив глубоко в сердце призрачную, как облако в синем небе, надежду на нескорое освобождение. Это был единственный шанс из тысячи.

Тюрков зачислили в имперские пограничные войска, а Побег получила титул принцессы и княжеское содержание. От этих тюрков затем пошли омонголившиеся по языку *онгуты*, известные в XI–XIII веках под прозвищем *белых татар*, а на Алтай из них сумела пробиться, очевидно, лишь горсточка. Когда и как это произошло, точно никому не известно, кроме изустного родословного предания, но они есть, существуют среди нас и называются *кытат-тодоши*, что означает тодоши из Китая. Кроме того, среди раздела тейлès у алтайцев имеются такие, как *оргончы-тёёлès* и *ак-тёёлès*. Приставка «оргончы», возможно, указывает на их орхонское происхождение. Белые тейлèsы вполне вычлениются из прозвища «белые татары», поскольку татарами китайцы в ту эпоху называли подряд всех северных кочевников – как тюрков, так и монголов, подразделяя их на три группы по роду занятий и условиям быта – на *белых*, *черных* и «*диких*» или *лесных татар*. К белым относили тех, что жили в непосредственной близости, в Застенном Китае и уже занимались земледелием, постепенно переходя на оседлость. Черными, иначе – *настоящими*, татарами прозывали кочевых, а к лесным относили тех, чьи жилища располагались в горно-лесистых местностях у окраин нынешней Сибири, кто занимался исключительно звериной ловлей и охотой.

В связи с рассказом о тейлèsах следует сделать еще одно отступление, без которого в данном случае не обойтись.

Так, еще за сто с лишним лет перед этим, а именно в 630 году пал Первый и Великий каганат алтайских тюрков. Тогда же разбитые тюрки частью сдались китайцам, частью подчинились *сейяньто* (*сойон-тодошам*) и другим племенам теле. Но одна группа их, довольно сильная и многочисленная, вырвалась из окружения и скрылась в горных долинах, скалистых ущельях и глухих дебрях Восточного Алтая. Во главе их стоял один из удельных князей по имени Хубо (возможно, Кёбёк), принявший титул Ичжу-Чеби-хан (возможно толкование – Очу-Чапты-хан). Войско Чеби-хана исчислялось в тридцать тысяч человек из разделов тейлès и тардуш.

Тёёлёсами тогда называлось восточное крыло, а тардушами (тодош) – западное крыло тюркской военно-административной системы Эль.

Тёёлёсы расположились в восточной части Алтая. Подтверждением тому недавний относительно распорядок их расселения по внутреннему Алтаю, а также данные этнонимии и топономии. *Алтын-Кёль – Золотое озеро* – назвали по их имени Телецким, поскольку значительная часть их располагалась по озерному побережью, а поклонной горой, точно указывающей на ареал их охотничьих угодий и территориальных владений, является наивысшая точка округа – гора Абакаан, откуда и повелось название реки Абакан, стекающей с нее.

Тардуши заняли места на запад от Катуня вплоть до Иртыша, соприкоснувшись с кыпчаками, жившими к западу от Алтайских гор. Поклонной горой своей они почитают Бабурган, чье полное название Ала-Бабурган Эн-Учук. Оспаривают у них это право майминские кергилы, которые появились в этих местах значительно позднее. Стоит эта гора на самой северо-западной оконечности Алтая. Следовательно, тардуши занимали предгорные пространства, привольные для приумножения стад, места, богатые водой и травой. Современные тодоши в составе алтайского народа наиболее значительные массивы занимают в Усть-Канском, Шебалинском, Онгудайском и в меньшей степени в Чемальском, Майминском, Усть-Коксинском аймаках. Тодоши, согласно сведениям С. Швецова по переписи 1897 года, составляют первый по численности род среди этнотерриториальной группы – Алтай-Улус, не считая таких его подразделений, как *чапту, оочу, каал, юс* и т.д. Сами тодоши подразделяются на ветви: *кара-тодош* (первородные) и *кытат-тодош* (производные или пришлые). В районе Кырлыка тодоши себя называют *манди-тодош*, что можно трактовать как маньчжурские тодоши. Существует предание, что такое самоназвание появилось у той группы, которая сумела вырваться из маньчжурского плена и сбежать из Урянхайского улуса (ныне Тувы). В каком отношении «маньчжурская» группа относится к «китайским» тодошам, требует дополнительного изучения и сопоставления. Из семи отоков дореволюционных алтайцев два составляли тодошские, что также говорит в пользу их доминирующего положения как этнического ядра в сообществе с кып-

чаками, с которыми они длительное время находились в тесных отношениях свойства и сватовства, а затем и с найманами.

Тёёлёсы в составе Алтай-Улус имели один оток а, в Чуй-Улус или Чуйских волостях другой, скорее всего, корневой оток. Вторым аристократическим родом являются *ак-кёбёки*, также имевшие зайсанов с многовековой наследственной властью, восходящей непосредственно к знаменитым князьям енисейских кыргызов – Номчы, Ишею и его сыну Иренаку (Ярынаку), чьими именами пестрит сибирская история XVII века. Роды *йети-тас*, *кёбёк*, *алмат*, *ябак*, *оргончы* и *дёрбёт* считаются родственными с тёёлёс.

Следовательно, если к семи алтайским отокам добавить две Чуйские, то тёёлёсы и тодоши, выходит, имели по два зайсана с наследственной властью каждый. Остальные пять членов алтайского зайсаната приходится на *сёёки кыпчак*, *мундус*, *иркит*, *найман* и *кёбёк*. Мундусы считаются родственными с кыпчаками и кергилами. Кёбёки близки к тёёлёсам. Остаются иркиты и найманы, но первые из них, несомненно, потомки урянхайцев Алтая, входивших в Ойротский союз, они безусловно родичи тувинских и бурятских иркитов, восходящих к древним уйгурам-теле. Остаются найманы. Но «найман» – это «восемь» по-монгольски, следовательно, это союз восьми племен, несомненно тюркоязычных. Они, возможно, во главе с кара-кытайа, образовали в XI–XII веках свое государство, разрушенное Чингиз-ханом в 1204 году. Совершенно не случайно доблестный Кучулук – сын найманского хана, спасаясь, устремился в Семиречье к государю кара-китаев. В память о нем у алтайцев очень распространенным именем является Кючюк, в современной стяженной форме. Из этого пассажа, полагаем, явствует то, что алтайские тюрки, вернувшись спустя сто лет вместе с Чеби-ханом на землю предков, вновь учредили на Алтае, хотя и в значительно более скромных размерах, свою административно-территориальную систему тёёлёс-тардуш, куда постепенно, в течение сменяющихся эпох вкрапливались другие роды и племена, накладываясь на первоначальную основу, размывая ее этнотерриториальное восточно-западное расположение.

А про кыпчаков в одной из уйгурских надписей прямо указывается: «Тюрки-кыпчаки властвовали над нами пятьдесят лет».

Что же касается неукротимого Чеби-хана, то о его имени напоминают, возможно, названия рек и местностей, например, Себи

несколько в ином фонетическом оформлении, а в среднем течении Катуня – Чобы. Оставив топономические штудии нашим лингвистам, вернемся к продолжению нашего повествования.

Чеби-хан, умело используя Алтай как неприступную твердыню, сумел сохранить политическую самостоятельность еще в течение двадцати лет, так что вполне есть основания говорить о продолжении существования мини-Каганата в пределах внутренних Алтайских гор. Факт неоспоримый, но мало замеченный, как локальное явление, следовательно, не осмысленный, на фоне крушения Восточно-Тюркского каганата, даже таким историком, как Л.Н. Гумилев. Для нас же вычленение именно этого обстоятельства имеет чуть ли не основополагающее значение в свете этногенеза алтайских тюрков в их взаимосвязях с теле, кыргызами, найманами, ойронтами и урянхаями.

Достаточно серьезно и надолго укрепившись внутри Алтая, Чеби-хан осмелел и, наконец, решил выглянуть в родные приалтайские степи, по которым он изрядно соскучился. Но в степи осторожность изменила ему и, пока благодумничал, наслаждаясь кумысом, вобравшим в себя запахи давно позабытых им степных трав, его полонил экспедиционный корпус генерала Гао Кханя.

Чеби-хан не успел даже, вскочив, перевалить через Сайлюгем, чтобы успеть уйти внутрь Алтая, как был окружен и пойман. Сильно горевал Чеби-хан, проклиная себя за оплошность, пока везли его через Гоби в Чанъань, чтобы представить его как наиболее злостного бунтовщика перед священной особой Танского императора. Да и было отчего ему проклинать себя. Ведь, закрепившись так удачно внутри Алтая, где имелись прекрасные пастбища и уголья для скота, которых вполне достаточно для безбедного существования тридцати тысяч воинов-тюрков и их семейств, он превратил свою обитель в неприступную крепость, хотя и был окружен со всех сторон врагами. И как ни старались *сеянто* – исконные их соперники – пробиться в Алтай, чтоб покончить с ним, Чеби-хан успешно отражал все нападения. Сила тюрков увеличилась самим Алтаем, его рельефом, закрытым с трех сторон и имеющим открытый проход лишь с юго-востока, но эти врата охранялись как зеница ока, зорко, как игольное ушко. Беспокоили его карлуки, родичи-враги, обитавшие на Черном Иртыше, на самом юге Алтая, правда, особой угрозы от них еще не исходило, а с

северными сородичами – кыргызами, обитавшими по обе стороны Западных Саян, постепенно удалось вновь найти общий язык, заключив мир на паритетных условиях, более того, начали между ними складываться близкие связи, основанные на династийных и родственных началах, путем взаимного сватовства.

Однако, когда плененный Чеби-хан наконец был доставлен в столицу для казни, как полагал служака Гао Кхань, то неожиданно был помилован и даже пожалован высшим военным чином. Мудрый император решил, видимо, гнев сменить на милость, поскольку хорошо умел выбирать друзей, возвышать способных людей и ладить даже с врагами. Ему явно был симпатичен этот варвар, двадцать лет остававшийся верным долгу перед своим каганом и павшим Элем. Поразительно, как удалось ему в окружении врагов превратить Цзиньшань – Золотые горы – в свою крепость! Императору нравились храбрые люди. Блестяще образованный, он как никто другой знал и помнил о стародавних родственных корнях окитаившейся династии табгачей – тоба, к тому же династии нужны были хорошие воины. Таким и был Чеби-хан, алтайский чудак, ревнитель погибшего дела Мёнку-Эля.

Ну, а оставшиеся в горах Алтая тюрки, даже несмотря на потерю своего хана, сохраняли независимость до середины IX века, что видно по тому, как от тёёлёсов приходили в Китай традиционные посольства. Затем, видимо, нужда в них отпала, поскольку они соединились с кыргызами для отражения уйгуров, владычествовавших в степях Халхи.

И вот к этим-то сородичам, оставшимся на воле под сенью Алтая, бежали потом все те, кто сумел уцелеть от поголовного истребления во время восстания уйгуров. А волю и свободу тюрки ценили превыше своей жизни. Есть сведение о том, как один из плененных тёёлёсских ханов Первого Каганата после его падения был привезен в столицу и, хотя был окружен негой и роскошью, прекрасными наложницами и вниманием императорских вельмож, распевал свои, как слышалось китайцам, варварские песни и умер там от тоски по степям и горам.

На новом этапе этногенеза тюрки Алтая, постепенно консолидируясь как с кыргызами на севере, так и с кыпчаками приалтайских западных степей, стали образовывать обновленную этническую общность. К ним же присоединились те из племен теле,

которые, не восприняв манихейской религии, не вошли в состав тогуз-огузов – союза девяти племен.

На Алтае они наряду со скотоводством стали усиленно заниматься звериной охотой. Но это была не степная, облавная охота, а трудоемкий лесной промысел, требующий больших навыков в условиях сурового горно-таежного климата. Воинственные кочевые скотоводы со временем превратились вследствие адаптации в вольнолюбивых оседлых малчы-мергенов, сочетавших два типа хозяйства: охоту и отгонное яйлажное скотоводство. Исторические воспоминания о тех временах, когда они владели Халхой и Согдианой, когда панцирная конница появлялась одновременно у Великой Китайской Стены и у Дербента и Боспора, стали превращаться в легенды и предания, а затем перешли и в разряд богатырского эпоса, где описываются белые и синие моря, необыкновенные звери и птицы, отсутствующие в долинах Чолушмана и Урсула, Чуйской, Уймонской и Канской степях, редкостные кушанья и плоды, которые не видели глаза не только самих исполнителей, но даже их отцов и дедов. Мечта о восстановлении былого могущества, к сожалению, оказалась несостоятельной и в последующих исторических условиях и ей не суждено было сбыться, но эта мечта, загнавшая их, как некогда предков, в горы Алтая, всё-таки жила в душах алтайских тюрков, она и руководила всеми их действиями и поступками еще долгое время после описываемых событий. И когда, в перипетиях центральноазиатской кочевой истории, иногда улыбалась им удача, как луч солнца сквозь грозные тучи, они тут же преображались, обретая на миг свой прежний, воинственный вид. Маленький народ, которому невозможно было особо разрастись сверх естественных пределов, вследствие обитания в узких долинах и тесных ущельях, все еще мог постоять за себя, потому что оплотом и защитой служил ему действительно сам Алтай.

Так продолжалось от эпохи уйгуров, кыргызов, кытаев вплоть до XIII века – века Чингиса, «Победителя и владыки Вселенной».

Это грозное время, полностью изменившее и политический, и этнический облик, весь социально-экономический уклад в целом Старого Света, всей Евразии на много столетий вперед, заставляет нас на склонах Алтая и Хангая, меж которых привольно раскинулись найманские кочевья, в пределах которых объединился Сегис-Огуз или Найман-Ойрот – восьмиплеменный Союз. В мон-

гольской исторической летописи «Сокровенное сказание» перечислены племена *теленгут, тееёлёс, тубас, чорос, байат, кыштым* и *ойрот*, которые в 1207 году, три года спустя после разгрома найманов на Хангае, были приведены к покорности, скорее не вследствие завоевания, а по доброму уговору старшего сына Чингис-хана, Чочы-хана (Джучи), возглавившего военную экспедицию в неизведанные горы и тайгу, поскольку приведение в покорность «лесных народов», говорится в летописи, обошлось «без потерь среди людьми и лошадьми». Однако надо помнить, что подобная «добровольность» осуществилась лишь после падения найманского государства, куда и входили эти племена как инкорпорированные его члены наряду с самими кучугур-найманами уже с конца XI века. Оставшись без верховного сюзеренитета, «лесные народы» принуждены были склониться перед вновь возникшим Центром и соединиться с новой монгольской силой, построенной на качественно других принципах, нежели в Тюркском Эле и последующих образованиях. Но все эти племенные подразделения затем, спустя столетия, составят заново Алтайский Улус! Как видим, почти все из перечисленных этнонимов по сей день живут-здоровствуют среди нас, современных алтайцев. Каково!

А найманы двадцать пять лет мужественно отражали наступление новых соперников – монголов, бывших татабийцев, стремящихся к полному господству над всей Центральной Азией, Монголией и югом исторической Сибири. И еще не известно было накануне решительной битвы в 1204 году между монголами Темучина и найманами Даян-хана, кто же назавтра станет господином Азии и всей Великой Степи.

И как упущенный, но вполне вероятный шанс – не возникни раскол в найманском ханстве, не будь разъединены их военные силы – история могла бы пойти несколько по иному руслу. Да, могла бы, но такому не суждено было сбыться. Найманская загадка – это загадка того, что означает для истории упущенный миг и роковая случайность. И то правда, ведь только после победы над найманами Темучин был вознесен на белом войлоке и обрел наконец титул Чингис-хана, что переводится нами как «Вселенский хан» или же «Хан-Победоносец», и стал по праву легитимным государем – объединителем всех племен Степи, образовав то, что известно будет навсегда как Страна Монголия. Под этим титулом,

вызывающим все еще множество разнотолков, Владыка Вселенной, в жилах которого, несомненно, текла кровь прежних завоевателей Великой Степи, вошел в мировую историю.

Но и будучи побежденными, рассеявшись от Алтая до Памира, найманы-алтайцы не покорились. Большая часть их была после поражения включена в состав Монгольского Улуса в качестве федератов и храбро сражалась в его войсках, на всех фронтах Евразии. Чего стоит хотя бы рассказ о полководце и златоусте Кет-Буке.

Но самые неукротимые и непокорные из них – ревнители степной воли и свободы, *гюр-найманы* хоронились, собирая силы, в самых дремучих местах Алтая вместе с остатками вольнолюбивых *меркитов* и царственных *кергутов* – *кереитов*, а другие бежали дальше через Иртыш к соплеменникам-кыпчакам, населявшим к этому времени великие степные пространства до самого заката солнца, до земель полуночных народов. Обитавшие на крайнем западном пределе степных кочевий «табунщики» – половцы-куманы потом были жестоко наказаны и рассеяны, а их знать частью истреблена, частью принижена за сочувствие к бедам найман, меркитов и кереев, за то, что дали им обогреться и подкормиться возле своих очагов, за сокрытие беглецов и недобитков.

И с тех пор именно в составе нынешних казахов, кочевых узбеков, степных ногайцев Кавказа, Крыма, Балкан, а также киргизов, кара-калпаков и башкир оказались найманы. И меркиты не были искоренены до конца, как это повелось считать в исторической науке с чьей-то легкой руки. Чингис уничтожил меркитов как этнос, как военную силу, но малая толика людей-меркитов все же чудом избегла поголовного избиения. Меркиты ныне как мелкий род встречаются у калмыков, алтайцев, башкир, абак-кереев, под именем «табангут» среди бурят, под именем «табын» у западных казахов и ногайских башкир. «Табын» – это «пятерка» по-монгольски, что соответствует пяти-племенному составу меркитов.

* * *

Теперь-то навсегда покончено с нами, древним народом Алтай-Хангай? Казалось, погас наш очаг, одни черные, остывшие угли остались, опрокинут полный казан, откуда мы кормились

три тысячи лет, разбита вдребезги та золотая чаша, что упала к нашим предкам с неба и освещала нас в дни радости и ночи скорби – будто только на каменных изваяниях тюрков запечатлелись ее образы на руках у батыров, давным-давно покинувших сей бренный мир. Да, казалось так. Мы должны были потерять наш первородный, корневой тюркский язык, наследство предков своих – хуннов, овеечных древней ратною славой и справедливым сердцем, забыть себя, даже имя свое, превратившись в храбрых, но послушных урянхаев, яростных нукеров-теленгутов Чингис-хана и его потомков, спянных как один предначертаниями его великого Закона – Ясы?

На пятьсот лет, почитай, схоронил нас в своих недрах всемирный Монгольский Улус. Неужто пять веков у монголов «золотого рода» и ойротов мы находились только лишь как «албаты» – податники? Но великая империя Чингис-хана, сведшая воедино в первый и последний раз Восток и Запад, Север и Юг, все же рухнула, рассыпавшись вначале на пять увесистых, все еще могучих и сильных Улусов, региональных держав, которые меж собой люто враждовали, поддавшись обаянию чуждых ценностей, чужих учений и религий.

Монголы наказаны были заслушание, за попрание великих установлений своего Каана, Бога-тенгрия, Духа-хранителя. Можно так понимать, и будем правы. Монголы лучшие силы этноса порастратили в завоеванных землях, других странах. Самые храбрые погибли в сражениях, самые живые отдали свои соки чужим народам, скажем так, и тоже будем правы. Монголов постигла та же участь, что и их предшественников, создававших кочевые империи. И это будет тоже правильно.

А что мы? А мы, уцелев и на сей раз, вышли из-под обломков Монгольской империи, отряхнувшись от пепла, которым были засыпаны, обернулись весёлым Тастаракаем, богатырем-неунывайкой, глянув на солнышко, улыбнулись и усевшись на тощего торбочка, припустили в Ойротский стан, где слышим и свою родную речь в сонме голосов западных монголов. Как, и там, гляди, есть свои! А значит, примут там Тастаракая, не замахнутся камчой, уделят лишний, пусть и не жирный кусочек, ничего, оно и для здоровья полезнее, а кишки и потроха, казы-карта – самые что ни на есть деликатесные продукты. А может, смилостивившись, выде-

лят его в отдельный оток, урянхайский и теленгитский, разрешив проживать на родном Алтае? Только при каждой перекочевке испрашивая разрешения у тайджи на право передвижения. А ему и без того не надо чужой земли – своя лучше и родней...

150 лет существовал Ойротский Союз или Зенгория. Это ханство находилось опять же в постоянном противоречии с маньчжурским Китаем. Маньчжурская династия или Дом Да Цин на подъеме. Редко доставались ойротам годы передышки, мира и спокойствия, хотя, если судить по калмыцкому эпосу «Джангар», может показаться, что ойроты проводили всю жизнь в пирах и забавах, будто б и впрямь находились в «золотом веке».

Маньчжуры завоевали не только собственно сам Китай, но покорили шаг за шагом, подчинили век за веком все кочевые народы Центральной Азии, за исключением ойротов на её Северо-Западе. И опять борьба на изнурение, на подтачивание основ молодого кочевого государства, еще совсем не окрепшего. Зунгария или Сол-кол – Левая Рука – последнее государство кочевников в независимой истории монголов и тюрков. На этот раз всё оказалось гораздо сложнее и острее, процессы протекали значительно быстрее, чем в предыдущие мировые эпохи. Кочевники оказались зажатыми меж двумя могущественными империями оседлых народов – Россией и Китаем, как меж двух жерновов. На этот раз отступить стало некуда. Надо было выбирать, определяться с подданством, на чью сторону преклониться – к Эдьен-каану или Чаган-каану. Усугубило положение кочевников также и то, что Великая Степь оказалась расколотой меж двумя религиозно-мировоззренческими системами, между двумя суперэтносами – буддизмом и исламом, вызвавшим непримиримые религиозные войны кочевников между собой – тюрков и ойротов. Кочевникам объединиться стало невмочь. Это были не только войны, что чингизиды вели, не испрашивая согласия своих народов, как прежде, но и войны религий. По Азии от Кашмира до Сибири пошла волна национально-религиозного, этноязыкового разделения – процесс, не вполне завершённый поныне.

Внутренняя смута в Зунгарии вырвалась из тенет после кончины в 1745 году хунтайджи Калдан-Цэрэна или же Калдан-Черю, Калдамы алтайских преданий. Распри, междоусобицы, чехарда ханов на престоле, амбиции соперников-претендентов продолжа-

лись более десяти лет, после чего наступила поистине кровавая, страшная развязка.

Тело бьющейся в предсмертных междуусобицах страны ойротов терзают желтый дракон и хищные грифы со всех сторон. Ссоры и неурядицы, непомерная гордыня и неумемная жажда власти довели до всеобщей гибели и дядю, и племянника, и отца, и сына, племя и племя.

Такого, правда, еще не бывало в кочевой истории, чтобы с покорением суверенной, независимой страны подвергнуть избиению все ее население, не разбирая ни правых, ни виноватых, ни старых, ни малых. За что? И почему?

1755-1757-е годы

Закрываю глаза и явственно вижу – это всё очень близко, совсем рядом. Всё это происходит тут, вокруг меня и даже во мне самом. Ведь это было всего лишь вчера, в крайнем случае – третьего дня!

В горах Алтая и степях Зунгарии полыхает огненный смерч.

В страну кочевников вполз желтый дракон. Враг не щадит ни старых, ни малых. «Искоренить непокорных ойротов до единого человека!» – таков приказ богдыхана Цяньлуна. Идет смертельная, неравная схватка. Обманувшийся в надеждах на восстановление с чужой помощью единой власти, Амыр-Санаа с горсткой героев народного сопротивления, как барс, мечется, отбиваясь, между Алтаем и Семиречьем. Но силы слишком неравны, а кругом враги, и только далеко на севере, как единственный выход, смутно светя, брезжит сибирское окошечко, но туда надо еще решиться, надо пробиться с боями. Огненным дыханьем дракона опаляет улысы. Алтай – в огне пожарами. Горят леса, удушливый дым стелется по его прекрасным долинам. «Покоритесь! Примите власть Цинского Дома, и вам дозволено будет остаться в родных кочевьях. Иначе жилища ваши будут преданы огню, а животы – острию меча, женщины и дети будут угнаны в полон», – возвещают вражеские предводители, повсюду рассылая гонцов с императорским повелением.

Наступил последний час: Судьба Алтая – на острие кривой сабли. Враг извечный решает – жить нам или нет на земле отцов.

И мы дали ответ.

Алтайские роды-отоки, союзы племен создавали отряды народного ополчения, на путях и проходах устраивали завалы и засеки,

крепости на вершинах гор, на бомах, перевалах – ловушки и засады. Малые числом, но подвижные партизанские отряды алтайских тюрков заманивали врагов вглубь гор, в ущелья и дебри, уничтожали их смелым, внезапным ударом. И стар, и млад, женщины и дети поднялись на защиту священной отчей земли! И горы наши вновь стали твердыней и щитом. Народ алтайский не дрогнул, не убоился тяжкой години, хотя враги как некогда, обложили со всех сторон.

С запада набегом идет жестокий барынтач Кочкорбай, добивая раненых, беззащитных, угоня мирных жителей и скот. Ведет врагов с востока отступник Эр-Чадак, которому известны все пути и проходы в горах. Кольхаясь, движутся с юга, текут как муравьи, полки Чжао Хоя. И прокляты нами вовек до последних колен их имена – устами народа во всех реченьях да преданьях ведется этот скорбной памяти вечный наказ!

И помнится нам, как стояли батыры на высоких вершинах Алтая! Тодош Батулай – на гребне Бабургана. Утопая в волнах, отбиваясь от врагов возле лодок на катунских перевозах, бились отважные тодоши и тонги-кубанды. Найманы – сыновья Солтона на Вечной Гриве в верховьях реки Короты. И там враги, заловив седого 88-летнего старца, казнили, вырезав ему, живому, сердце и печень за неукротимую стойкость как соратника Амыр-Саны, как участника освободительного восстания в Ойротии. По Семе и Катуню стояли отряды мундусов, кергилов, тонжанов. Боевые тейлелёсы сооружали крепости вместе с жёлтыми сойонами за Телецким озером по Чолушману. Верные воины иркиты во главе со старшинами Бобоем и Будуки отражали врага на Бухтарме. Зайсан Омбо с сыном Болотом и кыпчакский предводитель Кутук собирали народное ополчение на Канско-Ябаганской степи. Черные теленгиты сражались на Чуе, а белые телеуты – по Иртышу.

Богатырь, муж славный Чече закрывал Чарышский проход, пока семьи отходили вниз по реке, к русским границам, а затем, отбиваясь, влез с товарищами на высокую скалу, где бился, пока не кончились пули и стрелы, а после, когда все погибли, оставшись один, продолжал отбиваться камнями. Тогда враги подожгли окрестный лес, чтоб выкурить его, как суслика из норы, но он, не сдаваясь, прыгнул вниз, в клокочущий поток. Лебединские и тубаларские роды – куу-киши, шалгану-шакшылыг, тиргеш, комдош, чагат и кузен укрылись в родных черневых лесах, где вместе

с шорскими кузнецами – искусными потомками древних металлургов Алтая – ковали сабли и пики для ополчения, отважно отражая идущих на них врагов.

И вечно помним, сохраняя предания о героях. Долгой и кровавой была та, последняя сеча. Не сеча – побоище. Не побоище, а избиение. Изуверское истребление целого народа. Народа стойкого, доблестного народа, который предпочел гибель неволе... Но отстояли-таки мы, хоть малой частью своей, землю отцов, вечный Алтай, пусть и малую его сердцевину, но не отдали в полон и на поругание, сохранив навсегда для потомков своих. О, Кайран Алтай, голубая жемчужина наша, сбереженная в лихую годину, укрывшая нас от врагов!

О Алтай – наш Кудай, о Кудай – наш Алтай!.. Тогда и только тогда, так и только так исторглась из сердца народного эта молитва как формула спасения и признания!..

И видится мне, как мимо пепелищ разоренных родных кочевьев я, раненый, бреду вниз по Иртышу, сжимая саблю в руках, и со мной осталось лишь три верных друга да четверо родичей – босых, безлошадных, потерявших все, как и я, но идущих со мной до конца. О, нёкеры мои! – и этим сказано все. – Вам еще долго, очень долго со мною идти да идти, суждено вам в пути уцелеть, увернувшись от стрел, в засады не попадаясь, суждено со мною выйти к Сибири. Судьба вам такая – уцелеть, уберечься в боях и сражениях, чтоб остаться жить, обретая вновь Алтай, и, когда уж покину я вас, сохранить и сберечь нашу память, как искорку в темной ночи безвременья, и разойдутся от вас среди потомков по всему Алтаю, тысячеустно повторяясь, легенды и преданья о старине ойротской и распре дзунгарской.

А пока мы уходим, отрываясь от погони, у которой приказ: непременно настигнуть, наверняка уничтожить!

Идем только ночью, при луне, хоронясь днем в прибрежных тугаях, идем к русским крепостям, к пограничной Колывано-Кузнецкой линии, к Семи Палатам, к Долон-Карагаю...

И так же, как и мы, схватываясь и отбиваясь от вражеских летучих разъездов, вниз по Чуе, Аргуту, Башкаусу и Чолушману, Катуню, Бешу, Чарышу и Алею идут и идут наши люди, целые улусы, семейные коши, отдельные караваны и группы, а то и воины-одиночки, чудом уцелевшие в битвах. Идут, покидая навсегда отроги Южного

Алтая, где испокон веку жили отцы наших отцов – верховья Эртиша, долины Бухтармы и Курчума, окрестности озера Кызыл-баш, отроги Тарбагатая, привольные склоны Монгольского Алтая – отойдут эти земли от нас, отдерут их с кровью от наших сердец, и не станет там слышно наших голосов, не будут куриться там наши костры, останутся они только в песнопеньях да преданьях старинных, как страна серебристо-седых тугаев по берегам ее рек – *Буурыл-токой Алтай*, – благословенная страна-обитель наших предков.

Вот и оттого Иртыш воспевается да вспоминается в алтайских песнях не меньше, чем прекрасная Катунь-царица. *Кан-Эртиш*, привольный Иртыш – историческая наша река, на берегах которой стояли наши очаги и дымились бронзовые котлы да ушастые казаны.

И обратили тогда мы взор свой на север, где вечно, как стержень мироздания, сияет *Полярная звезда – Алтын-Казык*, звезда России!..

И тогда все, кто остался в живых после жестокой битвы на вершине *Ял-Мёнку*, Вечной Гривы, обозревая с высоты протянувшиеся, как плеть, хребты родного Алтая, сложили скорбную, но торжественную песнь-плач о его разорении.

И решили все те, кто остался в живых, схоронясь в скалах и камнях, люди разных родов и племен Алтая: «Никогда не быть нам в полоне, не покоримся мы силе чужой, не смиримся с неволей. Деревянные пути полегче железных. Уйдем к России, под ее державной высокой рукой, в широком лоне ее, глядишь, усидим, убережемся в час лихой беды и, обрета заново кров, сохраним и продолжим свой оставшийся род. Шлите гонцов, нарочных отправляйте скорей к служилым людям Белого царя – просим Бала-Каан как всемилосердную Белую Тару взять нас под крыло, в подданство свое со всеми людьми и со всей алтайской землей, что еще осталась у нас!»

...И мы пошли, годы и годы мы шли, входили в один поток, выходили из другого. Когда щеки опаляло солнцем, понимали – наступило лето; когда виски запорашивало инеем, понимали – наступила зима. Долог был путь: год равнялся дню, мысль летела быстрее звезды, а мы все вперяли взор вперед – когда же, когда наступит то время, когда потомки наши увидят Алтай, где зажжется заря золотая, а над горами пролетит, кукуя, золотая вещая кукуш-

ка, когда от Алтая до Москвы время будет обернуться от дойки до дойки кобылиц, когда бы много песен лилось и не проливалось бы крови людской на земле, когда бы народы, составив одну семью, землю назвали Землей, а небо почитали Небом...

И день наступает, Алтай, рождается День.

Судьбы. Человека. Страны.

В муках долгих, в думах скорбных.

И падает трава, и поднимается трава.

Не оскудеть, но процветать. Не уменьшаться,

но приумножаться.

Пока Алтай бел и чист. Пока Алтай в мире

да покое. Пока небо синее. Пока...

О, Алтай мой, Алтай, великий и вечный

Алтай!

Слово мне дай, Слово!..

Слово тысячеустое, слово тысячеухое, слово

тысячелетнее...

Слово Алтая и Слово Кудая...

Слово – Дух!

Декабрь 1981 г. – июнь 1990 г.

Как рассеялись телеуты

В «Этнографическом обозрении тюркских племен Южной Сибири» В.В. Радлов обронил замечание, что телеуты – это некогда весьма значительное, но ныне рассеявшееся тюркское племя, которое переселилось с Иртыша на север Алтая.

Позднее это же мнение о телеутах было высказано и другим известным исследователем Алтая и Сибири Н.М. Ядринцевым: *«Телеуты – это рассеявшееся племя алтайцев».*

* * *

Знание своей родословной до седьмого или девятого колена, а иногда и глубже, у алтайцев всегда была традицией, которая передавалась от поколения к поколению.

Вот что сообщает нам М.В. Чевалков о своей родословной: «Я происхожу из рода Мундусов, из племени Ак-Теленгет – Белых Телеутов; имя отца моего – Андраш, отец Андраша – Килемеш, его отца Семейек, у Семейека отец Сююгиш – его отец Сеперек, отец Сеперека – Чёбёлёк. При Сепереке предки наши добровольно перешли в подданство «Белого Царя» и стали платить алман (дань). Я, потомок их, до 17 лет был «черной веры» (язычник-шаманист); отец и мать дали мне имя Киприан. К этому времени я имел свое жилище» (т.е. был женат).

Далее повествуется о легендарных временах предков – теле. Правда, как это и бывает при изустной передаче, повествование сведено лишь к ближайшей по времени эпохе – Ойротскому Союзу:

«В старые времена был Тёрбён-Ойротский хан, который владел четырьмя племенами. Это было тогда, когда 60 туменов Телеутов – Золотая орда – жили между собой в мире и согласии. После этого произошел между этими четырьмя племенами раздор и они стали воевать между собой.

...Телеуты же жили по обеим сторонам реки Ак-Умар (Обь), но и они не стали жить между собой в мире. От постоянных войн и число их весьма уменьшилось, вследствие этого их постоянно тревожили, с одной стороны, монголы, предводительствуемые Чадаком, а с другой, «черные киргизы» – Кара-казак.

Тогда телеуты, предводительствуемые Мамытом и Бальком, пришли в Кузнецк и просили воеводу города, говоря, мы желаем платить дань белому царю, чтобы под его покровительством жить на этой земле. Тогда был мой предок Сеперек, сын Чёбёлёка. От него произошли Чевалковы, живущие теперь и в Байате».

В этом семейном предании, своего рода квинтэссенции его, как видим, реальные исторические события разных эпох, причудливым образом сжимаясь, возводятся лишь к тем временам, когда алтайцами-телеутами владели ойротские ханы. Конечно, во времена Зунгарии, как об этом сообщается в достоверных исторических документах, телеуты никак не могли составлять 60(!)

туменов, а было в составе Ойротского союза лишь четыре отока телеутов из районов Верхнего Приобья в количестве 4 тысяч кибиток, что от силы могло составлять лишь два тумена всего народа.

Однако это, казалось бы, мифическое выражение «шестьдесят туменов теленгетов» и другое – «теленгетов больше, чем пестрых берез» – имеют под собой серьезные исторические основания, а именно: когда племена теле были столь многочисленны, как сообщает Тан-шу, что занимали своими кочевьями огромные степные пространства от Хингана до Каспийского моря, и в это время алтайские тюрки силами их «геройствовали в пустынях севера». В эту эпоху, во времена Великого Тюркского каганата, теле представляли мощную конфедерацию кочевых племен. Наиболее часто среди этих племен фигурируют в китайских летописях такие племена, как: сеяньто (*сойон-тодунт*), вейхо, хуйхо (*уйгур*), паегу (*байат/байырку*), тунло (*тонгжан/тонгак*), секйе, долангье (*теленгит*) или толанко, кипи (*кёбёк*), таки, хун (*куу/хонгодар*), хусйе, тубо (*туба*), гулигань (*курукан*). Большинство перечисленных племен теле обитало на территории современной Северной Монголии, Тувы, Алтая и Зунгарии. Через фантастические искажения названий этих этнонимов, почти не поддающихся точной разгадке, некоторые тем не менее дают возможность прочтения и сопоставления, например, этноним *долангье* – это, по всей видимости, не что иное, как интересующее нас *телеут-теленгит-теленгут*.

Как известно, древнетюркское государство выступило на политическую арену Центральной Азии после победы алтайских тюрков-тюкю над теле, признавшими над собой власть рода Ашина, после чего последовал сокрушительный разгром абар (жуаньжуаней). В составе Каганата теле составляли внушительную силу, с которой постоянно приходилось считаться тюркским каганам. Так, например, отпадение их от кагана Хели практически решило судьбу Первого Тюркского каганата, а их восстание во главе с уйгурами в 715–716 гг. повлияло на крушение Второго каганата. Позднее племена теле под главенством уйгуров окончательно решили судьбу государства древних тюрков, навсегда свергнув его власть.

Выступая против тюркских каганов, теле неоднократно создавали свой каганат. Наиболее значительным был каганат теле, воз-

главленный племенем сеяньто. Он получил известность под названием «тогуз-огуз», что означает «девять племен».

Что же касается выражения «золотая орда» у Чевалкова, то оно опять-таки, видимо, идет по аналогии. Некоторое время в XVII веке часть телеутов, а именно восточные отрасли, которые впоследствии составили теленгитов и урянхайцев тюлюшского, долонгутского рода, была в подчинении у западно-монгольских Алтын-ханов, имевших громкий титул, но владевших скромной территорией Тувы и ряда районов современной Северо-Западной Монголии вокруг Убсы-нура. Опять-таки события более дальней эпохи – Золотая Орда – перенесены на более ближнее время. Кроме того, едва ли Алтай, а тем более племена теле, входили в состав Золотой Орды. На том основании, что старший сын Чингис-хана послан был в поход для приведения к покорности «лесные народы» Алтая в 1207 году, трудно утверждать, что они были включены в будущий Большой Улус Джучи. Ведь Улус Джучи как удел, а после как государство, оформилось уже после завоевания и покорения Кыпчакской степи, а с собой Джучи-хану позволено было взять лишь четыре тысячи воинов, в рядах которых могли состоять урянхусы-теленгуты и другие тюркские племена.

В «Сокровенном сказании» монголов в числе покоренных народов упоминаются теленгуты вместе с тейлессами и тубасами, входящими ныне существенными компонентами в алтайский народ. Они относились к категории «лесных народов», которые обитали в горно-лесистых районах, простирающихся с запада на восток от верховьев Эртиша до Хангайского нагорья и далее на восток. По этому поводу Рашид-ад-дин поясняет: «Всякое племя, у которого юрты были по лесистым местам, называли лесным племенем».

Тут же говорится, что управление над всеми «лесными народами» было поручено сластолюбцу-нойону Хорчи: «Пусть Хорчи ведает не только тремя тысячами бааринцев, но также пополненными до тьмы Адаркинцами, Чиносцами, Тейлессами и Теленгутами, совместно, однако, с тысячниками Тахаем и Ашихом. Пусть он кочует невозбранно вплоть до приэртишских лесных народов, пусть он также начальствует над тьмою лесных народов. Без разрешения Хорчи лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов – нечего задумываться!»

С этого и началось для теленгутов и других алтайских племен долгое сожительство с теми из монголов, которых «пополнили до тьмы» за их счет, а именно с будущими калмыками и ойротами.

В другом месте «Сокровенного сказания» говорится, что в 1207 «Чжочи был послан с войском Правой руки к лесным народам. Проводником был Буха. Прежде всего явился с выражением покорности ойротский Худуха-беки со своими тумен-ойротами. Явившись, он стал проводником у Чжочия. Проводил его к своим тумен-ойротам и ввел в Шихшит. Подчинив ойротов, бурятов, бархунов, урсутов, хабханасов и тубасов, Чжочи подступил к тумен-киргизам. Тогда к Чжочи явились киргизские нойоны Еди, Инал, Алдиер и Олебек Ёлё-дигин. Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами – шонхот, белыми же меринами да белыми же соболями. Чжочи принял под власть монгольскую все лесные народы, начиная оттуда по направлению к нам (т.е. с запада на восток), а именно народы: *Шибир, Кесдиим, Баит, Тухас, Телек, Тоелес, Тас* и *Байджигит*».

Нетрудно угадать в этнонимах те родоплеменные группы, которые входят поныне в состав алтайцев: кесдиим – *кыштым*, баит – *байат*, тухас – *туба*, тенлек – *телек (теленгит-телеут)*. Что касается этнонима *тас*, то в составе восточных тееёлёсов наличествует до сих пор сеек *йету-тас* – семь тасов, а в Северо-Западном Алтае сееки тастар, тёрт-тас, байджигиты же входят в состав Среднего жуза и считаются, как указывает Аристов, отуреченным самоедским, точнее урянхайским племенем Сибири. А Шибир – это, безусловно, *сибиры-барабинцы* – сибиряки того времени.

Как видно из этого же отрывка, Джучи покорил эти народы «без потерь людьми и лошадьми», т.е. приведение в покорность не имело характера военного завоевания. Отсюда видно, что в это время теленгиты проживали в том же районе Алтайского нагорья. Дополняет и подтверждает данные «Сокровенного сказания» и «Сборник летописей» Рашид-ад-дина, где также упоминаются теленгуты и тееёлёсы. Про них сказано, что теленгуты, например, относятся к лесным племенам и «они обитают по лесам в пределах страны киргизов и кэм-кэмджуитов». Поскольку «страна киргизов» – это Минусинская котловина (юг Красноярского края и современная Хакасия), а также некоторые районы по южную сторону хребта Кёгмен-Саян, а Кэм-Кэмджуит – это территория

Кема и Кемчика (современная Минусинская котловина и западная Тува), то и теленгуты-алтайцы жили в это время в пределах сопредельной к Туве и Хакасии территории, а именно на Алтае, вплоть до верховьев Иртыша, по обе стороны хребта Алтайн-Нуру, т.е. на севере, в центре и на юге исторического Алтая.

Л.П. Потапов в своем исследовании установил, что на протяжении периода от VI–VIII до XIII–XIV веков кочевья теленгитов и тёлёсов находились в пределах Хангайского и Алтайского нагорий. Воспоминания об обитании в районах, прилегающих к Хангаю, если не в самом Хангайском нагорье (Отюкен), сохранились у современных теленгитов в заклинаниях шаманов, которые, призывая своих духов и чувствуя наиболее почитаемые горы, называют и Хангай. Выражение «Алтай-Хангай» сохранилось и в современном языке алтайских тюрков.

«Однако письменные источники позволяют проследить и дальнейшее существование теленгут-теленгитов и тёлёсов после XIV в. вплоть до появления их имени в русских письменных документах XVII–XVIII вв.», где они выступают в русской транскрипции уже как «телеуты».

Так, в известном сочинении монгольского князя Санан Сэцэна (1604–1662 гг.), излагающем историю монгольских ханов до середины XVII века, написанном на основе более ранних исторических трудов, упоминаются и теленгуты. А. Мостарт сообщает, что название Теленгус встречается как наименование одного из ойротских кланов, входящих у современных ордосских монголов в знамена (хошуны или дивизии) Аукхан и Найман. Таким образом, теленгуты оказались в Ордосе в составе ойротов и более поздних южных ордосских монголов.

А в монгольской летописи XVII века «Шара-Туджи» термин «теленгут» передан как «*тэлэнгус*».

Вот так протянулась цепь непрерывного развития современных алтайских теленгитов, или теленгутов (телеутов) от древнетюркских племен теле через теленгутов монгольского периода до телеутов в русских документах XVII–XVIII веков, до современных алтайцев.

В русских документах название «телеут» впервые появляется в самом начале XVII века. Князь Тоян – глава тюркоязычного племени юшталар, жившего в устье реки Томи, после падения Сибир-

ского ханства и окончательного разгрома Кучума поехал в Москву к русскому царю Борису Годунову с просьбой о принятии его со всеми людьми в состав Русского государства. Он подал свою челобитную 25 марта 1604 года, в которой предлагал «в вотчине его в Томи поставить город» и указал, что с построением здесь города можно будет привести под высокую государеву руку при его содействии и ряд других племен, родственных им, юштинцам, которые кочуют неподалеку, как, например, чатских татар, кыргызов, а также *телеутов* (теленгутов).

Кочевья телеутов располагались в пяти днях езды южнее его ставки. Телеуты, о которых упоминал в своей челобитной Тоян, распались на ряд феодальных улусов, которые возглавлялись князьями с наследственной властью. Наиболее крупным из них был князь Абак, упомянутый в челобитной. Он владел тысячью людей, что надо понимать как тысячу воинов. Кочевая ставка Абака (позднее его старшего сына и преемника) находилась по реке Мерет, впадающей в Обь справа, несколько выше р. Чумыша и ниже р. Тальменки.

Именно с этого времени русские письменные источники на протяжении всего XVII и XVIII веков начинают пестрить ссылками на телеутов, поскольку именно с их князьями имели дело томские и кузнецкие воеводы. В эту пору телеуты кочевали на огромных пространствах прииртышских и приобских степей, примыкающих к горам Алтая, по всей территории Южной и Западной Сибири от Томска и Барабинской степи на севере до Монгольского Алтая на юге. Телеутам были подчинены также как племена Северного Алтая (шорцы-абинцы, кумандинцы, тёлёсы), так и те, которые вследствие религиозно-политического обособления постепенно выделились позднее в различные группы сибирских татар (барабинцы, чагаты и др.). Это население считалось данниками – *кыштымами*, которое облагалось различными натуральными поборами (железными изделиями, пушниной, ячменем и т.д.). Телеуты вели экстенсивное скотоводческое хозяйство, занимались кроме того охотой, рыбной ловлей, собирательством, знали различные домашние промыслы.

В политическом отношении телеуты составляли единый Большой улус, разделившийся затем в конце первой трети XVII века на два Больших улуса: во главе одного стояли представители рода Мундус, во главе другого – Тодош.

В XVII столетии – в смутное время для истории Центральной Азии, когда происходила постоянно передвижка, переоформление многих племен и поколений, телеуты кочуют, стесненные с обеих сторон Алтая монголами и казахами, постоянно ожидая нападения то с одной, то с другой стороны.

Название «телеут», как это указывалось выше, в русские письменные источники попало в самом начале XVII века через западносибирских татар, а в монгольских и дзунгарских документах оно звучит как «теленгут». На этом основании Л.П. Потапов делает верный вывод о том, что теленгуты и телеуты составляли в прошлом одну тюркоязычную общность, получившую позднее, по крайней мере с XVIII века (если иметь в виду русские письменные источники), различное наименование.

Что касается названия «телеут», то оно может быть с полным основанием приложено по отношению к XVII–XVIII вв. только к той, северо-западной отрасли алтайского народа (теленгутов), кочевавшей в степях Южной и Западной Сибири. А название теленгит появляется в документах лишь в XIX веке для обозначения юго-восточной приграничной отрасли теленгутов, которые населяли Чуйскую степь и Улаганское плато. По существу же это различные обозначения одного и того же народа алтайских тюрков, когда название алтай-улус еще не стало доминировать как национальное общее имя всех племен Алтая – как северных, так и южных, как скотоводов, так и таежных охотников.

«Из исторических преданий у телеутов сохранилось более, чем у других, воспоминаний о передвижениях. Из них видно, что это было обширное племя, расположенное по Томи и отчасти по Иртышу. У них упоминается Иртыш и река Ак-Умар, причем отмечается Ак-Умар (*это Обь – Б.Б.*) и Кёк-Умар. Оттуда, по их преданиям, они перешли реку Кулунду и Талду (может быть, Кулундинская степь), где их начали беспокоить казахи. У телеутов были вожди когда-то Мамыт и Балык. Подданные Балыка находятся ныне под Томском. Таким образом, телеуты – это рассеявшееся племя алтайцев» – пишет известный исследователь Сибири Н.М. Ядринцев. Один из предков тодошей называется Нонобут, который казаны ставил на берегах привольного Иртыша («Кан-Эртиште казан аскан»).

Теперь обратимся к другому преданию, зафиксированному Гр. Спасским прежде всех. Спасский побывал у телеутов в самом на-

чале XIX века. Вот что пишет Спасский в статье «Телеуты или белые калмыки», опубликованной в «Сибирском вестнике» за 1821 год: «Телеуты имеют предание, что они кочевали вместе с тѣёлёсами в Алтайских горах по берегам Телецкого озера, от коего, по словам их, получили и самое название свое. Язык, вера и многие житейские обряды телеутов, общие с тѣёлёсами, доказывают совершенную справедливость такого предания. В Сибирских старинных письменных делах телеуты известны под именем белых калмыков, а тѣёлёсы – под именем черных. Причиной сих противоположных названий Миллер поставляет цвет их лица, а Георги – прежние жилища телеутов близь гор, покрытых вечным снегом. Вероятнее кажется, что оныя приданы им для отличия их между собою...»

Как известно, по поводу исторической путаницы в русских источниках, когда алтайские тюрки, в том числе телеуты, тѣёлёсы и другие, долгое время, вплоть до конца XIX века, прозывались горными или белыми, алтайскими или порубежными «калмыками», давно уже даны исчерпывающие разъяснения. Так же обстояло дело с именами и других народов. Казахи, например, назывались невесть почему киргизами, хакасы – татарами, тувинцы – урянхайцами и т.д. Однако в сообщении Гр. Спасского мы видим, что он верно уловил этнический оттенок, хотя также не дает точной, убедительной этимологии такого разночтения. Если же вместо «калмыков» поставить «телеуты», то все становится на свои места и мы увидим то самое деление одного и того же племени на два раздела, которые существуют поныне, – *теленгеты (телеуты)* и *теленгиты*. Западные и восточные. Белые и черные, подобно тому как существует деление на ногаев черных и белых. Кто знает, а возможно и ногайцы – потомки западных кыпчаков, смешавшихся с мангытами, – когда-то называли себя телеутами, поскольку так или иначе происходят все от тех же многочисленных племен теле. Точно так же делились на белых и черных средневековые угры – предки мадьяр.

И вот это самое деление на белых и черных у телеутов в свое время зафиксировано не было и мимо такого обозначения прошли все те ученые, кто изучал алтайцев и их этнический состав. Такие же деления на два или даже более подразделения встречаются у других групп алтайцев: черные и синие найманы, черные,

желтые и лысые иркиты, белые, черные и плешивые кёбёки, кыпчаки – черные, белые, катонские, красноглазые, даятские, туматские, сурасские, задние (кёдёнчи) и передние (ялчы), тёлёсы белые и чёрные.

Исследователи, в том числе сам В.В. Радлов, не обратили на это достаточного внимания, хотя Чевалков в своем повествовании, опубликованном в «Образцах», неоднократно упоминает об этом, называя себя не просто телеутом, но белым телеутом, причем звучит оно «*ак-теленгет*», но никак не телеут.

Этноним телеут в документы томских и кузнецких воевод попал через посредство служилых людей, толмачей, из местных сибирских татар и бухарцев (нынешних уйгуров).

В этой связи необходимо уточнить, что до сего времени происхождение названия «калмык» в точности не установлено. Сами себя ойроты этим именем никогда не называли, и тем более турки-алтайцы. Но откуда же оно и почему появилось и упорно прикладывалось к народу – алтайцам, которым это название до общения с русскими самим вовсе не было известно? Все, кто исследовал этот вопрос, единодушно лишь в одном: перешло к русским от тюрков. По всей видимости, так оно и было. Поначалу те турки, которые, продвигаясь к югу и западу, принимали ислам и чуждую кочевникам мусульманскую культуру, очевидно, так нарекали своих братьев и их сородичей, остававшихся в прежней вере своей – *калмак*. А поскольку в средние века людей разделяли не язык, не этническая принадлежность, но вера, то само собой разумеется, что это название постепенно перешло на всех иноверцев, находившихся позади тюрков по отношению к исламу, то есть оно прикладывалось к сородичам из тюрко-монгольского мира, которые оставались «язычниками». Вспомним легенды о первом мусульманском владетеле из тюрков – Огуз-хане и его войне со своим отцом Кара-ханом и сородичами из-за веры. Не с тех ли времен пошло название «калмак»? Неудивительно, что татары-юшталары Тояна, а также бежавшие к телеутам кучумовичи называли родственных им по языку и происхождению телеутов не иначе как калмак. А так как телеуты сами себя называли *ак-теленгет* (белый теленгет), то их нарекли белыми калмыками.

Следовательно, утверждения о том, что телеуты сами себя называли белыми калмыками, нуждаются в серьезном уточнении.

«Калмык только при разговоре с русским называет себя колмаком. Но точно так русский, говоря с китайцем, называет себя олоос, потому что так зовет его китаец. Откуда произошло название «калмак», считают неизвестным, но во всяком случае русские его заимствовали от туркестанцев, которые познакомились с калмыками раньше нас».

Отсюда логично предположить, что телеуты только при встрече с теми, кому они были известны под этим названием, могли себя называть совершенно чужим им именем – калмык. Точно так же все исследователи XIX века, как Радлов, Потанин, Ядринцев, в один голос утверждают то же самое о горных алтайцах (*май-телеутах*), которые называли себя калмыками лишь в присутствии русских.

Любопытно то, что казахи-изгои, перебравшиеся в Чуйскую степь из Юго-Западного Бурул-Токой Алтая по разрешению русской пограничной администрации в лице теленгитских зайсанов в 1882 году, называли теленгитов и всех остальных алтайцев «калмак» безо всякого обидного или уничижительного подтекста, по обыкновению своему. К этому еще приложилось официальное наименование царской администрацией алтайцев как калмыков, а казахов как киргизов. И по сей день в разговорном обиходе пожилых алтайцев услышишь нередко как они казахов называют «кыргыз», а те их – «калмак», хотя и неправы взаимно, путая этнонимы своих соседей. Как подтверждал еще А. Самойлович, оставивший о чуйских, алтайских казахах очерк, интересный поныне, хотя прошло с тех пор более полувека, казахам и тогда хорошо было известно настоящее имя теленгитов, который они произносили в стяженной форме как *телеут*. А соседние тувинцы продолжают называть их по-древнеуйгурски – *делег*, *делегтер*, с глухим «г».

Мимоходом следует отметить, что с тех пор по сей день ни о казахах, ни о теленгитах Кош-Агачского аймака не появлялось сколько-нибудь толкового, более или менее полезного этнографического или же лингвистического исследования. Факт, достойный глубокого сожаления.

Этноним «телеут-теленгут» в свое время был достаточно хорошо известен в казахской этнической среде – близких сородичей и непосредственных соседей алтайцев и прежде всего прииртыш-

ских телеутов. В.В. Радлов по поводу этого названия роняет такую фразу: «Достоинно замечания, что казак-киргизы, крепостные султана, называются *«теленгут»*».

А.Ф. Голубев, исследователь Тянь-Шаня и Семиречья, пишет: «На Асы нас встретил сын Али – старшего султана дулатов, который просил меня заехать к нему. Он тогда стоял у верховий реки Асы со своими *теленгутами*. Так называются рабы султанов, потому что когда-то уведённых в неволю или перекупленных. Теленгут есть название одного рода калмыков (*ойротов*). Вероятно, вначале количество рабов из этого рода было так значительно, что после теленгутами стали называть всех рабов без различия наций».

Как видим из этих сообщений, понятие «теленгут» в Казахской Степи не имело этнического смысла в описываемое время, будучи в то же время тождественным сословию мамлюков в средневековом Египте. Как там, так и тут они являлись своеобразной кастой воинов – придворной дружиной, составленной из невольников, не связанных с местным населением узами родства, а потому очень подходивших для чингизидов.

Г.Н. Потанин, писавший по этому поводу позже других, вслед за А.Ф. Голубевым поясняет следующим образом: «Летом 1756 года монгольские отряды, служившие авангардом китайским корпусам, появились на северной стороне Алтая; некоторые отряды так далеко углублялись на север, что не дошли до Бийска только верст пятидесяти... К этим врагам алтайцев вскоре присоединились еще новые – киргизы (казахи). Хан Аблай, принимавший деятельное участие в джунгарских неурядицах, являвшийся сначала в Джунгарии в качестве защитника обиженных князей, а потом в качестве их противника и сторонника китайцев, весной 1757 года явился в Алтай с главными своими шайками. Его воины нападали на аулы, всех мужчин избивали, а женщин и детей уводили в плен. Два года сряду казахи нападали на Алтай и страшно его опустошили; эти набеги доставили в Киргизскую степь множество рабов и рабынь из алтайцев, так что их народное имя «теленгит» обратилось в нарицательное для обозначения рабов, подобно тому, как это некогда было с именем славян – саклаб; крепостные люди казахских султанов, еще недавно существовавшие в степи, назывались по-киргизски телёнгутами. Бедность и опустошение в Алтае достигли крайних размеров». Как видим, это название у каза-

хов бытовало в социальном значении для обозначения сословия крепостных воинов, составлявших дружины султанов-чингизидов, без конкретного этнического приложения по причине забывания за давностью времени.

Пояснение Потанина вслед за Голубевым вполне убедительно, если вспомнить при этом трагические события, разыгравшиеся в Центральной Азии при уничтожении целого государства со всем его населением, как это было при падении Джунгарии.

Однако в свете новых данных толкования исторических взаимоотношений ойротов с казахами нуждаются в более углубленном подходе. Необходимо правильно представлять себе исторический фон, этнические передвижки и личностные коллизии. Неправоммерно Аблая-султана или других ханов Казахской степи считать казахами в этническом смысле.

Как ханы у казахов, так и ойротские владельцы были чингизидами – потомками монгольских господ, воссевших над тюркским населением Алтая и Казахстана. Более того, все они состояли меж собой в родстве, да и ссорились или оказывали помощь и поддержку друг другу как родственники, а вовсе не как выразители национальных чаяний. Разница была лишь в том, кем и как они владели.

Понятно, что казахские чингизиды, особенно тогдашний правитель Среднего жуза, умный и дальновидный Аблай, сам выросший при дворе Ойрот-хана, пытались использовать ослабление соседнего Ойротского Союза во главе с Домом Чорос в своих собственных интересах, а не казахских в национальном смысле этого слова. В Джунгарию они потянулись, конечно, в расчете легкой наживы именно в момент жестокой междоусобной борьбы, тем более, что такие владельцы, как Дабачи, а в особенности Амырсана – родственник Аблая, сами призывали к себе на поддержку султанов Среднего жуза, как вассалов ойротских ханов.

Амырсана обратился, например, к Аблай-султану, с которым он находился в тесных союзнических и родственных отношениях, с тем, чтобы с его помощью сокрушить своего соперника Дабачи, «обещая за то учинить плату чем бы он ни потребовал». Аблай-султан оказал Амырсане просимую помощь (четыре тысячи лошадей и верблюдов, десять тысяч овец и баранов), и Амырсана возместил ему долг дорогими бухарскими коврами и оружием, а также людьми – мужчинами, женщинами и детьми, захваченными

в улусах Дабачи. Затем Амырсана предложил правителю Среднего жуза, чтобы тот напал на ставку Дабачи, когда последний выступит против Амырсаны, собравшегося со всеми своими силами против Дабачи на р. Боротала. Аблай не отклонил и этой просьбы.

Значительную часть поданных Дабачи (алтайцы называют его Дебечи или Табачы) составляли коренные прииртышские телеуты – они-то и оказались жертвами набегов Аблая. А тем более в междоусобице двух претендентов алтайские зайсаны взяли сторону Дабачи, хотя Амырсана очень надеялся на их помощь, и казахи нападали на улусы не потому, что они были алтайские, но вражеские. А в народной исторической памяти они отложились как нападения казахов – иноплеменной, чуждой силы, враждебной Алтаю.

Но из показаний источников явствует, что правители Среднего жуза уже после поражения Амырсаны в 1754 г. не раз вторгались в пределы Джунгарского ханства, уводя богатую добычу – скот, пленных и ценности.

В этой связи любопытен еще доклад прапорщика Веревкина своему командованию, который он представил 4 января 1758 года, где сообщал, что в декабре 1758 года «со всех киргизских (казахских) улусов военных людей 5000 человек пошло на помощь к Дабачи, чтоб разорить дёрбётов, ибо дёрбёты не хотят быть подвластными ему, Дабачы, а желают иметь владетелем Унемкая-Жиргала, ... А урянхайцы (алтайцы, тувинцы. – Б.Б.) не держат сторону Дабачиеву, и прежде сего ходившим киргиз-кайсацким войском разорено калмыцких две волости».

Следовательно, в жестоком конфликте между претендентами на ойротский престол между Амырсаной и Дабачи немалый уроннесли и алтайцы-телеуты, открытые со стороны Иртыша нападениям не только воинов Аблая, но и просто разбойничьих шаек барымтачей, промышленявших особенно активно в это смутное время. Пока ойротские ханы и нойоны ссорились и воевали, волости разорялись, и пленные, угоняемые в вечное рабство в степь, были, в основном, не сами ойроты, а беззащитные телеуты, которые и упоминаются в предании, приводимом М.В. Чевалковым.

Одним из центральных пунктов конфликта между Амырсаной и Дабачи был раздел ойротских владений, причем Амырсана энергично требовал себе Алтай с передачей канских и каракольских, теелёсских и тау-телеуцких именно периферийных волостей

(алтайцев) во владение себе, но Дабачи ответил отказом. Об этом сообщает кузнецкий сын боярский И. Максюков в своем докладе.

Большой загадкой, неразрешенной поныне, являются требования Амырсаны владеть Алтаем...

Именно в эту тяжелую для истории Алтая и его народа эпоху могло попасть к казахам имя «теленгут». Однако этим объяснение не исчерпывается полностью. Теленгуты были крепостными султанов вообще всех казахских жузов, в то время как в джунгарских событиях принимали участие, в основном, правители Среднего жуза. Кроме того, у западных казахов встречается род «*тлеу*», в котором нетрудно заметить более древний, нежели телеут, этноним «*теле*». Тут следует еще раз вспомнить важное обстоятельство, а именно то, что султаны, все эти *тёре*, так называемая «белая кость» у казахов, вели свое происхождение от старшего сына Чингис-хана Джучи-хана, которому отец передал в качестве Удела Кыпчакскую степь. Джучи были приданы в качестве опоры 4 тысячи воинов, якобы коренных монголов. А поскольку в то время под разряд монголов попадали все племена тогдашней Монголии, то эти воины могли быть, вообще-то говоря, *уряняхайцами* или *уряныхусами*, чье народное, этническое самоназвание было именно «теленгут», а не иначе. Название-прозвище «уряняхай» (урянях или уряныхус), как мы знаем, прикладывалось монголами к народам как самой Монголии, так и Саяно-Алтайского нагорья – остаткам многочисленного тюркского населения-теле. К тому времени, в основном, ушедших на запад и юг. От тюрков-уряняхайцев отличали тюрков-*сартаулов* и *котонов*, как монголы именовали мусульманское население Средней Азии и Восточного Туркестана без этнического знаменателя. Но сами теленгуты не употребляли между собой такую кличку «уряняхай», да еще с обидным оттенком, а сохраняли во все века свое исконное имя в качестве национального названия, что было установлено выше. Они-то у Джучи и его потомков составили надплеменную военную гвардию теленгутов, которые и держали в мире и покое задиристых половцев-кыпчаков, чья знать, как знаем, частью бежала в Венгрию и Русь, но большей частью уничтожена, а лишь покоровшиеся, оттого уцелевшие, составили у них институт биев, подчиненных монгольским *тёре* – чингизидам, имевшим свою независимую от родов и племен кыпчаков военную силу. Вот к этим гвардейцам –

торкун-чери – и присоединены были с середины XVIII века невольники-телеуты – жертвы джунгарских междоусобиц.

Вот тут снова вернемся к сообщению Гр. Спасского, по которому выходит, что тѐёлёсы будто бы называли себя «черными калмыками». Так ли это на самом деле, попробуем выяснить. Почему? К настоящему времени во всей специальной литературе, посвященной этому вопросу, повсеместно утвердилось единодушное мнение, что под этим именем подразумеваются джунгары, то есть настоящие ойроты в отличие от псевдокалмыков – тюрков. Конечно, с этим заблуждением не будем спорить, поскольку это не входит в тему нашего исследования. Нам только необходимо выяснить соотношение между телеутами и тѐёлёсами. Не выходит ли так, что тѐёлёсы и есть эти черные телеуты, от которых себя отличали телеуты западные?

Между терминами телеут и теленгит (теленгут) есть, конечно, разница, но это разница регионального характера для обозначения разделившихся и обособившихся частей одного и того же народа, а по существу это один и тот же этноним, передаваемый в разные времена и в разных транскрипциях немного по-разному. Телеуты стали известны русским через сибирских татар. Казахи, хотя и живут смежно с чуйскими теленгитами, произносят их название, тем не менее, как телеут, без носового «нг». Так, видно, его произносили татары в свое время. Кроме того, московским воеводам легче было выговаривать «телеут» нежели «теленгут». Название «теленгут», как пояснил еще Аристов, образовалось лишь во времена владычества монголов над алтайскими тюрками. Приставка «ут» или «гут» монгольского множественного числа придана к имени теле именно в то время. Поэтому тюркское произношение (татары, казахи) требовало стяжения путем удаления «нг». Что же касается названия «теленгит», то оно стало известно в русской науке только с середины XIX века, когда установили, что так называют себя чуйские и улаганские жители, которые прослыли во многих источниках под именем тѐёлёсов. Это и были те самые «черные телеуты», от которых себя различали белые телеуты, поскольку за два столетия отдельного существования по обе стороны Алтая появилось немало нового в быту и культуре, а также в языке как у тех, так и у других. А тѐёлёсы были у «кара-теленгитов» к этому времени только половиной целого.

Если русские застали «двоеданцев» – теленгитов, населяющих Чолушман, Улаган, Чуйскую степь настоящими номадами, еще к концу XIX века сохранивших в нетронutom почти виде этнографические и бытовые особенности кочевого населения, как о том единодушно сообщают Е. Луценко и А. Калачев, посетившие их в 90-х годах прошлого века, примерно сто лет назад, то телеуты первыми из племен Алтая значительно обрусели, приняли православие, осели и занимались исключительно земледелием наряду со стойловым животноводством на русский, сибирский образец.

Довольно значительная часть так называемого населения «ясашных» волостей предгорной зоны Алтая к северо-западу от нынешнего Горно-Алтайска – это не кто иные, как обрусевшие телеуты, смешавшиеся с русскими переселенцами.

Все эти сибирские «чудики», описанные В.М. Шукшиным, в той же мере русские, равно как и телеуты-алтайцы. Да и в самом облике знаменитого уроженца с. Суртайки, после перебравшегося в Сростки – Учук – разве не угадываются черты одного из абаковичей, телеута Суртая, основавшего это село? Понимаю, найдутся скептики, не поверят, усомнятся, таких хотелось бы отослать к работам Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» (1882) и «Сибирские инородцы» (1891), для того чтобы не было сомнений в основательности данной точки зрения. Разумеется, можно было бы попросить работников Дома-музея в с. Сростки рассказать об отцовской линии писателя. Можно и объяснить, что слово «шукшу» по-алтайски означает место сочленения черепа с шейным позвонком, а в таежной части Алтая была некогда деревушка Шукша. И Бийский район – междуречье Бии и Катуня – образован на месте бывшей Быстрянской инородческой управы, сплошь состоявшей из оседлых, православных телеутов. Разумеется, В.М. Шукшин – настоящий при всем этом русский писатель, наш земляк и брат.

Данное отступление понадобилось нам только для иллюстрации того, как и куда подевались телеуты, обитавшие в предгорных районах нынешнего Алтайского края, а ранее в царские времена – Бийского уезда Томской губернии.

Проживая вблизи черневой тайги, где обитали издревле абалары, шорцы, кумандинцы, барабинцы, как утверждают, отуреченные некогда в эпоху средневековья алтайскими тюрками, телеуты вобрали и восприняли в себя немало от них. Нам же думается,

что все эти таежные люди Алтая – на самом деле суть исконные, древние уйгуры, а точнее та их отрасль, которая, поселившись на Иртыше, занялась охотой и постепенно распространилась по всей промысловой зоне Алтая, по всей Аба-йыш – черневой тайге, что доказывается их языком и эпосом, их верованиями и обычаями.

Соседство с татарами Средней или Западной Сибири привело к изменениям в наречии и лексике телеутов, что было подмечено В.В. Радловым. Служба у томских воевод в качестве казаков расколола телеутов меж собой. Вдобавок эти «выезжие телеуты», сблизившись с томскими татарами, приняли ислам, что явно отразилось на их национальности. Отатарившиеся телеуты – по языку и происхождению близкие родственники, – числятся ныне среди татар как носители некоего телеутского диалекта – «калмаки».

То же самое, очевидно, произошло и далеко на западе, куда перекинули тау-телеутов, согласившихся поневоле после принятия российского подданства покинуть родные кочевья и отправиться на Волгу, к калмыкам. Эти несчастные переселенцы рассыпались, подобно ячменным зернам среди пшеничных и просяных, затерявшись между калмыками и астраханскими, кундровскими татарами-ногаями. Проклиная себя за неразумие, они назвали «сарт-аймаками» – отщепенцами своего этноса. Конечно, не сами по себе, не по доброй воле оказались они на чужбине, исторические коллизии, великая нужда и горе способствовали тому, что их, заковав насильно, отправили кошем под началом майора фон Эндена. Перед отправлением их сосчитали, оказалось всего 3989 человек, которые выступили из Бийской крепости 28 июня 1757 года. По дороге к ним присоединялись частями алтайцы-ойроты, а также отчасти и «бухарцы», разделившие с ними их тяжкую судьбу.

Сможем ли мы отыскать потомков этих людей среди калмыков и татар Астраханской области? У калмыков имеются люди, которые относятся к таким родоплеменным группам, как теленгит, иркит, меркит, урянхай, которые по всем признакам не могут никак относиться этнически к калмыкам, как бы ни были они начисто ассимилированы. А смогут ли осознать себя вновь не татарами, но сыновьями Алтая, те, чьи предки оказались двести с лишним лет назад среди кундровских татар? Смогут ли хотя бы вспомнить о том, кто они на самом деле?

Те из телеутов, кто бежал в Прибайкалье вместе с другими группами ойротов во время смут XVII столетия, оказались в составе тункинских бурят и прозываются «долонгутами», слывут людьми усидчивыми и усердными, склонными к серьезным наукам и ремеслам, как сказывали мне о том бурятские друзья, уроженцы тех мест. В названии «долонгут» явственно проступает, как видите, этноним «теленгут-доланьгэ».

То же произошло с теми, кто укочевал вместе с хошутами и уратами в том же столетии на Кукунор и Цайдам. Там они известны среди южных монголов как род тэлэнгус.

Этногенетические связи народов Алтая и Киргизии достаточно хорошо рассмотрены в работе Абрамзона, куда и отсылаю любознательного читателя. Достаточно будет сказать, что среди киргизов значительна доля родов Мундуз, Дёёлёс (весь Джети-Огузский район Иссык-Кульской области), Сары, Найман, причем у них есть разделы кёк и кара, точно так же, как у алтайцев, Кыпчак. А среди телеутов и группы алтай-улус встречается род бурут. Бурутами называли тянь-шаньских киргизов ойроты и маньчжуры, причем производя их от племени, обитавшего в древности на склонах Куньлуня, как сообщает Чокан Валиханов.

Что касается так называемых татар Средней Сибири, то В.В. Радлов относит их без сомнений к телеутам: «По своему происхождению все эти тюркские племена – близкие родственники Алтайских телеутов, только язык их изменился от влияния тюркских пришельцев из Средней Азии и Восточной Европы». Так, он застал, как сам признается, у барабинцев еще таких стариков, которые помнили, что их отцы совершали жертвоприношения Синему Небу так же, как телеуты, и одежды имели точно телеутские, то бишь алтайские.

Северные шорцы – абалары – вне всякого сомнения телеуты, устанавливает Л.П. Потапов.

А как объяснить наличие у телеутов таких родов, как будто бы совсем неалтайских, как *сарт*, *чорос*, например. Ну, бурутов мы объяснили, это потомки настоящих киргизов, которые наряду с сартами-уйгурами из Восточного Туркестана или Малой Бухарии, как называли тогда эту страну, попали на Алтай во времена падения Джунгарии.

Чоросы являлись ханским родом в Ойротском Союзе, по всем данным, казалось бы, род ойротский, значит, западномонголь-

ский. Ну, а как быть тогда с родом *чурас* (что, видимо, всего лишь фонетическое разночтение на ново-уйгурском, карлукском наречии) эпохи Могулов в Восточном Туркестане, эпохи, непосредственно предшествовавшей началу Ойротского государства? По-видимому, следует все-таки поставить между ними знак тождества, так же, как с телеутами и теленгутами разных периодов.

Но тут же прокрадывается еще одно, лукавое, прочтение этнонима «чорос». Известно, что теленгито-телеутский в отличие от центрально-алтайского говора предпочитает в начале слов вместо «ш» ставить и выговаривать «ч». Примеры: «*чикир*» вместо «*шикир*» – сахар. «*Чил*» вместо «*шил*» – стекло. «*Чуурым* или *чуургун*» вместо «*шуурым* или *шуургун*» – самогонный аппарат для выгонки араки. «*Чорлонор*» вместо «*шорлонор*» – опростоволоситься, попасть впросак. Причем это характерно как для теленгитов, так и для телеутов. «*Чор-тенек*» вместо «*шор-тенек*» – крулый дурак.

Значит, этноним «шор» должен был звучать как «чор» в речи телеутов средневековья.

Азы были таежным, горным племенем, обитавшим в эпоху тюрко-кыргызских войн начала VIII века в Западных Саянах – Северном Алтае. Как повествуют надписи в честь «Трех великих тюрков», азы были уничтожены. Но это следует понимать не как истребление племени или народа как такового, а как подчинение, приведение в покорность путем устранения военной угрозы. Этноним «*ас*» или «*аз*» встречается в качестве составной в названиях различных и очень далеких друг от друга родов:

Чор + ас = чорас (чурас)-чорос;

Јытас = јыту + ас;

но возможно и другое прочтение:

Дъети + ас = дитас, семь азов, что означает семиколенный некогда род;

А) *Байлагас = байалык + ас, что означать могло – коренастый аз, низкорослый;*

Б) *Байлагас = байлык + ас, что означает именитый или богатый аз.*

Тёёлёс = *тёёли* + *ас*, что означает «аз, имеющий верблюдов». Очень даже может быть, если вспомнить, что в дразнилке *тёёлёсов* намекается на тяжбу и драку из-за верблюда, а также то обстоятельство, как они пришли на Алтай вместе с Чеби-ханом из степной Монголии.

И даже применительно к самому роду «чорос», памятуя, что ойроты некогда, на заре своей истории, упоминались в качестве «лесных народов» вместе с племенами несомненно тюркского и даже гуннского происхождения, **надо будет очень тщательно изучить генезис этнонима «аз» на Алтае и вокруг него. Не являлись ли именно азы аборигенами, во всяком случае, одними из древнейших племен Алтая?** Ведь локализуются они именно в этом регионе.

И подумать еще и над тем, что в названии странных существ, похожих на людей, но людоедов и оборотней – *алмасов* (*алмысов*) – также слышится в конце этноним «ас/аз». Сказаниями об алмасах полны Алтай, Тува и Западная Монголия. Появление рода *алмат* связывается с тем, что парень-тёёлёс прижил сына от алмаски, когда, сломав ногу на охоте, остался в горах, где к нему и пришла алмаска.

А коли так, то род чорос может оказаться самым что ни на есть коренным, алтайским, а не монгольским родом, пусть даже он и был ханским в Зенгорском владетельном Доме.

У телеутов основными родами были Мундус, Тодош, Кыпчак, Тёёлёс, причем, видимо, род мундус был одним из главных двух родов, наряду с тодош.

В век, когда жил М.В. Чевалков, телеуты уже были далеко не теми, какими они были в XVIII и тем более в XVII столетии, когда они доминировали по всей Юго-Западной Сибири. В те века они еще сохраняли относительную самостоятельность, находясь в вассальной зависимости от Джунгарского ханства, причем очень часто эта зависимость была чисто номинальной, обязывающей только признавать верховный сюзеренитет Ойрот-хана в общем Союзе.

Но не таково было, по всей вероятности, положение другого раздела телеутов, а именно тех, кто жил в горах Юго-Западного Алтая и верховьях Иртыша среди самих ойротов. Их ойроты называли *«урянхайцами долонгутского рода»*, то есть теленгитского

происхождения тюрками в отличие от монголизированных ойротов. Они составляли в Джунгарии особый оток – урянхайский и был еще один оток – теленгутский. Вот они и стали известны после падения Джунгарии как этнотерриториальные единицы – *алтай улус* и *чуй-улус*.

«Урянхайский оток долонгутского рода», то есть основная масса нынешних алтайцев, войдя в состав России в 1755–1758 годах, постепенно стал консолидироваться в пределах Центрального и Западного Алтая, где и стал понемногу осознавать себя новой общностью. Поначалу само название «алтай-киши» всего лишь указывало, что человек принадлежит к той группе населения, которое прежде жило на Южном Алтае, в верховьях Иртыша, можно сказать, в самом сердце Джунгарии в отличие от местных, северных или восточных родов телеутов и других лесных племен, составлявших периферию Ойротии. Эта складывающаяся общность включала в себя не только основное ядро в виде телеутских родов, как *тодош*, *кыпчак*, *мундус*, *тёёлёс*, *найман*, но и ряд других, которые в период смут и распрей «прилипли» к ним, пристали по пути – это роды западных урянхайцев и осколки других ойротов, такие, как *чагантук*, *дёрбёт*, *мунгат*, *богускан*, *байлагас*, *могол*, *иркит*, *танды*, *сойон*, *коболы* и т.д. Тут же оказались на территории Канских, коренных волостей центральных телеутов роды енисейско-кыргызского происхождения, которые, по всей вероятности, также утекали на прежнюю родину, но застряли, поскольку уже не помнили путей назад, в Минусинскую долину, откуда на юг Алтая их перевели ойроты в самом начале XVIII века в результате размена земли и людей между Россией и Ойротией. Это роды – *ара*, *модор*, *ёлюк*, *чалман*, *jeti-сары*, *каал*, *саал* (*керсагал*) и другие. По всей видимости, енисейско-кыргызским, если не сказать, кучумовским, аристократическим родом являлись *ак-кёбёки*.

Таким образом, вновь составившийся Алтайский улус, сохранив прежнюю телеутскую основу, вобрал в себя и другие, более мелкие роды, осколки – урянхайские, ойротские и кыргызские по происхождению, а потому и не мог называться прежним этническим именем. Новое сочетание родилось и постепенно стало доминировать над старыми образованиями.

Современный алтайский народ, консолидировавшийся в единый этнос в пределах Горно-Алтайской автономной области

(ныне Республика Алтай), на 90% состоит из телеутских, алтайских и теленгитских компонентов.

Прежние телеуты рассеялись, но в горах Алтая – Отечестве их собрался, народился обновленный этнос – алтайский.

Круг замкнулся. Началась новая фаза этногенеза.

* * *

В качестве приложения к данному очерку предлагаю выдержки из знаменитой книги Карла Риттера «Землеведение Азии» (том IV – «Дополнения»), изданной в Санкт-Петербурге в 1877 году.

Том вышел под редакцией Семенова-Тянь-Шаньского, статья об алтайцах написана Г.Н. Потаниным, который в 1880–1890-х годах вместе с другими учеными предпринимал попытку реанимировать и ввести в оборот для обозначения всех алтайцев этноним «теленгут».

Попытка не удалась, но факт сам по себе примечательный.

* * *

«Теленгуты в долинах Урсула, Кёксуна, Чуи, Башкауса и Чолушмана живут в кибитках, состоящих из деревянных решеток, покрываемой войлоками. Эти юрты называются кереге; вход в них закрывается войлоком или шкурой дикого животного».

«Теленгиты опрятнее и зажиточнее других алтайцев; у богатых есть и хорошие войлочные юрты, и довольно многочисленные стада. Скотоводчество и охота составляют их главные промыслы; хлебопашество мало развито и ограничивается посевами ячменя».

«В прошлом столетии кочевья Теленгутов были несколько пространнее. Именно, они занимали долины рек Бухтармы, Нарыма и Курчума. Значительная часть их, под предводительством старшины Бобоя, ежегодно появлялась на левом берегу Иртыша против Усть-Каменогорска и занимала под свои кочевья места по реке Аблайкитке... Здесь теленгуты проводили зиму, занимаясь охотой; в марте месяце они уходили в вершины Бухтармы, переплываясь через Иртыш, где-то выше Усть-Каменогорска».

«Преступлений между теленгитами, впрочем, кроме маловажных краж, не встречается».

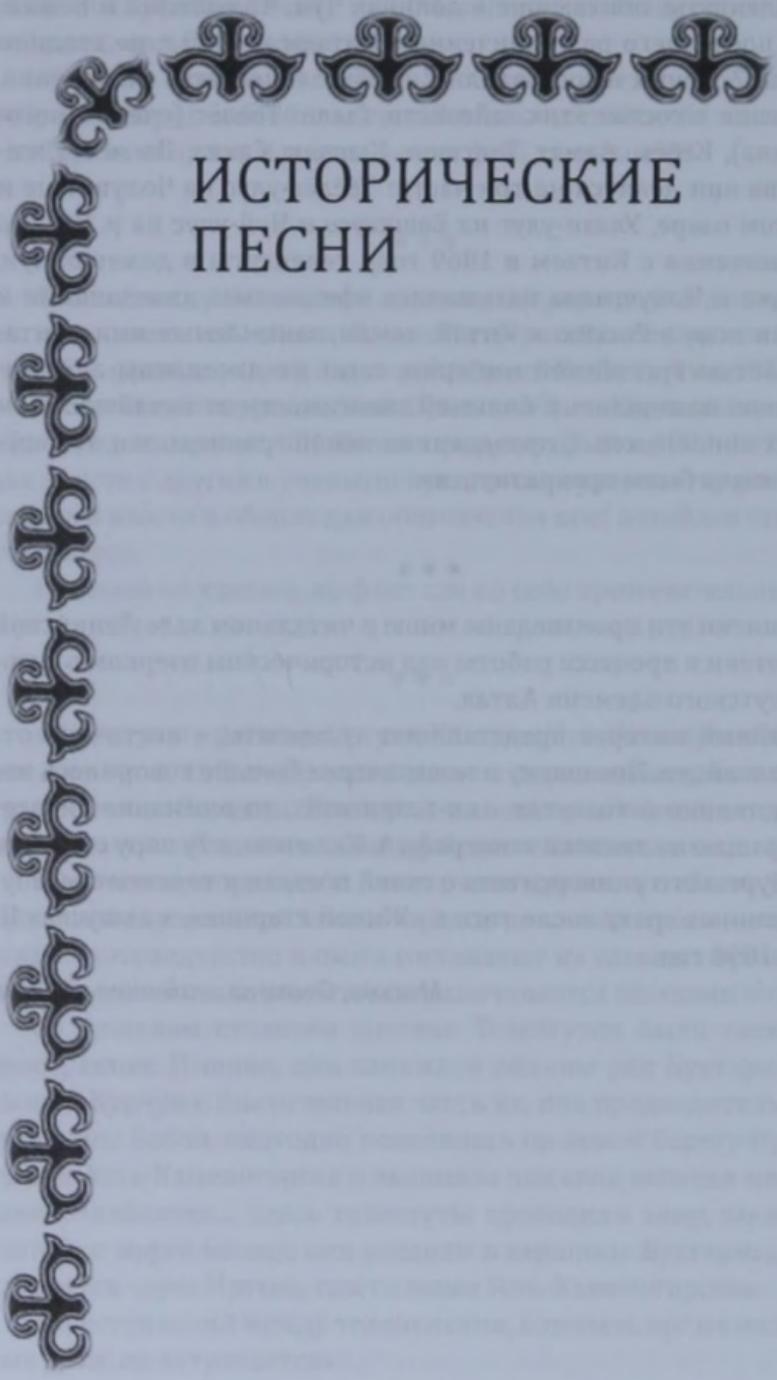
«Теленгуты, обитающие в долинах Чуи, Чолушмана и Башкауса до последнего разграничения с Китаем в 1869 г. не входили в состав 7 дучин и составляли 2 особых зайсанства. Поколения, входившие в состав этих зайсанств, были: Тёёлёс (очень многочисленна), Кёбёк, Алмат, Тонгшон, Кыпчак, Сакал. По месту жительства они делятся на три части: Тёёлёс-улус на Чолушмане и Телецком озере, Улаан-улус на Башкаусе и Чуй-улус на р. Чуе. До разграничения с Китаем в 1869 году теленгуты в долинах Чуи, Башкауса и Чолушмана назывались официально двоеданцами и платили ясак в Россию и Китай; земли, занимаемые ими, считались частью Российской империи, сами же двоеданцы административно находились в большей зависимости от китайских, чем русских чиновников. С проведением новой границы, эти отношения должны были прекратиться».

* * *

Выписки эти произведены мною в читальном зале Ленинской библиотеки в процессе работы над историческим очерком о судьбе телеутского племени Алтая.

Крайний интерес представляют теленгиты – восточная отрасль алтайцев. Поскольку в моем очерке больше говорилось непосредственно о телеутах – ак-теленгетах, то внимание читателей обращаю на записки этнографа А. Калачева, в ту пору студента Петербургского университета о своей поездке к теленгитам, опубликованных сразу после того в «Живой старине», в выпусках III и IV за 1896 год.

Москва, Очаково, май-июнь, 1980 г.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Песнь о разорении Алтая

О, если б сверху вдруг единым взором
Увидеть величавый Кан-Алтай,
Где высятся вершины гор дозором
И охраняют заповедный край!
Но удивишься и замрешь в молчанье,
Увидев Кан-Алтай со стороны, –
Вершины гор на дальнем расстоянии
Застыли, словно вал одной волны.
Как плети, тянутся хребты прямые.
Мы пуповиной связаны с тобой,
О, Кан-Алтай, и в годы роковые
Здесь приняли мы страшный смертный бой.
Обагрена струя Катуня кровью.
Не волны, а тела несет Иртыш.
И нет спасенья от беды суровой:
О, Кан-Алтай, ты в пламени горишь!
Покинуты осенние стоянки.
Кровь запеклась, как бурая трава:
Умолкли на пригорках и полянках
Счастливых песен светлые слова.
С предсмертным ржаньем сказочные кони,
Хрипя, упали, гривы разметав,
Здесь воин передал в последнем стоне
Любовь к земле и смял цветы рукав.
Сверкали острые мечи и сабли –
Здесь вышли сыновья на смертный бой.
На помощь им, чтоб силы не иссякли,
И с ножницами дочери встали в строй.
О, красные раскидистые сосны,

Кренясь под ветром, вам ничком не пасть.
О, Кан-Алтай, в веках победоносно
Ты выступишь, врагов низринув власть!

Народная песня,

восстановлена Б.Я. Бедюровым.

Поэтический перевод Л.К. Олзоевой.

Песнопения об Ойрот-Каане

1

По степи Иртышской вьётся
Путь в заветную страну,
Здесь от края и до края
Царствует Эрке Шуну.
По степи Иртышской вьётся
Путь широкий в ту страну,
Где подобно Кайракану
Славный царствует Шуну.

2

Точеные стремяна,
Садясь в седло, подтяну,
Надежда возвращена:
Владыка – Эрке Шуну!
Чеканные стремяна –
Садись в седло, мчись вперёд,
Надежда воплощена:
Владыка наш – Каан Ойрот!

3

Сапоги с упругими подошвами
Мы до дыр износим, но дойдем,
Возвращаясь к родине заброшенной,
В дорогой Токой-Алтай дойдём.
Сапоги, расшитые узорами,
Мы дотла износим, но дойдем,

Возвращаясь синими просторами,
В наш родной Буурыл Токой дойдём.

4

Слышишь, исполинская кукушка
На Священном Тополе запела,
Видишь, богатырская кукушка
На великий Бай-Терек присела.
Шестьдесят две радуги взметнулись,
На Священный Тополь опустились,
Сорок две дуги мостом согнулись,
Возле Бай-Терека приземлились.

5

Сапоги с упругими подошвами
Ноги мне натерли, что поделать?
Наш Токой Алтай, давно заброшенный,
Вспоминаю я, так что мне делать?
Сапоги, расшитые узорами,
Ноги мои стерли, что поделать?
Весь Бурул Токой с его просторами
В сердце мне вошел, о, что же делать?

*Эти песни в конце 1970-х гг.
напели Унутпас Майчикова и Шура Анатова
из сёёка кара-майман по линии Ак-Билека.*

6

Зазвенит кукушка золотая,
Знаками на крыльях полыхая.
А вослед серебряная вступит,
Знаками на темени сверкая.
Это значит, Калдан-Каан вернулся,
Это значит, к нам Дёрбён Ойрот вернулся,
Четырех сторон земли владыка –
Государь наш Кайракан вернулся.

7

Две излучины в верховьях Иртыша
Обскакал кругом мой эрдине.
«Каан вернулся!» – возвестить спешат
Вестники счастливые ко мне.
Десять рукавов реки Оймон
Обскакал кругом мой эрдине.
«Возвратился прежний каан Ойрот», –
Ярлыкчи спешат поведать мне.
Все отроги у Кадын Башы
Обогнул, гарцуя, эрдине.
«Воплотился светлый Каан Калдан», –
Мой Аба, узрев, поведал мне.

8

Шелка, как солнце, есть на дне
Серебряного сундука,
Есть знак на солнце и луне –
Пришел желанный Ойрот-Каан.
Есть лунные шелка на дне
Златой чеканки сундука,
Есть знак на солнце и луне –
Вернулся прежний Ойрот-Каан.

9

Шапку-гребешок снимаю –
Здесь прекрасный Ойрот-Каан.
Шапку черную снимаю –
Здесь верховный Ойрот-Каан.
Шапку с кисточкой снимаю –
С нами каан Дёрбён Ойрот.
Шапку лучшую снимаю –
С нами каан Калдан Ойрот.

10

Скажи, где конь мухортой масти?
Верхушки сосенок жуёт.
Где Каан Калдан, несущий счастье?
С улыбкой, с радостью идёт.
Скажи, где конь каурой масти?
Макушки дягиля жуёт.
Где Конгодой, сулящий счастье?
Со смехом, с песнями идёт.

11

Сорок два священных знамени
Окружают золотой алтарь,
На престол Дёрбён-Ойрота праведный
Золотой каан взошел, как было встарь.
Шестьдесят два заповедных знамени
Опоясывают голубой Алтай.
Золотой Ойрот, как солнце пламенный,
Навсегда вернулся в отчий край.

12

Закусив стальные удила,
Бурый конь прямой дорогой мчит.
Словно солнца луч, летит стрела -
Каан Шуну прямым путем летит.
Закусив золотые удила,
Конь-трехлеток напрямую мчит,
Словно лунный свет, блестит стрела -
Наш Шуну прямым путем спешит.

13

Плети рукоятка вверх взметнется,
Возвещая срок, как ты поступишь?
Если царь потерянный вернется
И на трон взойдет, как ты поступишь?
Если хвост камчи тебя коснется
И ударит, как же ты поступишь?

Если прежний каан назад вернется,
Воплотившись здесь, как ты поступишь?

14

На златошерстого коня
Вскочив, наш славный каан прибудет.
Носки в золотые стремяна
Вонзив, наш прежний царь прибудет.
На сереброшерстого коня
Вскочив, великий каан прибудет.
Носки в литые стремяна
Вонзив, наш государь прибудет.

15

Врата серебряного храма
Открыв, войдет великий царь.
Через порог, залитый солнцем,
Перешагнет наш государь.
Ворота золотого храма,
Открыв, войдет правитель наш.
Через порог в сиянье лунном
Перешагнет властитель наш.

16

Аил родной с шестью углами
Я острым топором срубил.
Шестидестью областями
Златой Ойрот руководил.
Дом крепкий с четырьмя углами
Я острым топором срубил.
Народ из сорока аймаков
Дёрбён Ойрот объединил.

17

О шести углах Алтай,
К счастью, не перевернулся.
Повелитель Ойрот-Каан

Торжествующий вернулся.
И о двух углах Алтай,
Будь уверен, не согнулся.
Прежний праведный каан
С ликованием вернулся.

*Эти песни были найдены
в Отчетах Алтайской духовной миссии 1907–1912 гг.
и восстановлены Б.Я. Бедюровым в 1982 г.*

18

Шестьдесят овец направит
С белой меточкой баран,
Подданных своих возглавит
Праведный Ойрот-Каан.
Сорок ярочек к кошаре
Желтый поведет баран,
Податный народ возглавит
Наш Дёрбён-Ойрот-Каан.

* * *

Шестьдесят овечек кто возглавит?
С белой метою баран возглавит.
Кто же подданных своих возглавит?
Праведный Ойрот возглавит.
Семьдесят овечек кто возглавит?
Желтой масти их баран возглавит.
Кто же Родину мою возглавит?
Каан Дёрбён Ойрот народ возглавит.

*Эту песню сочинил в юности Дьеле-Ялбан
из сёёка кара-тодош в долине Оймона,
селе Чет-Корумду.*

19

Своему коню-трехлетку
Хвост укоротил Шуну,
На поляне Чокур-Ташской,
Уходя, дневал Шуну.

Обкорнал коню-трехлетку
Хвост напололам Шуну.
На поляне Сайлюгемской,
Уходя, стоял Шуну.

*Эту песню спела Чырчык Нонукова
из сёёка кытат-тодош в долине Каракола,
в селе Бичиктю-Боом.*

20

В Алтын-Кёле, в Алтын-Кёле,
Не скажи, иссякли волны.
На Алтае, на Алтае,
Не скажи, иссякли воины.
На Алтае, на Алтае,
Не скажи, иссякли реки.
Доблестный Амыр-Санаа,
Не скажи, пропал навеки.
Алтын-Кель не обезводел,
Понапрасну не болтай.
Мой Алтай не обезлюдел,
Каан вернется, так и знай.

*Эту песню сочинил потомственный
кам Сьютюндеб в долине Оймона,
его дочь Ялбу жила в Чет-Корумду.*

21

О шести ушах казан
Вместе дружно поднимаем,
Прибывает Ойрот-Каан –
Вместе радостно встречаем.
Старый бронзовый казан
Вместе ровно поднимаем,
Приезжает славный каан –
Вместе весело встречаем.

*Напел Табар Чачияков из сёёка тёёлёс
со слов своего отца ярлыкчи Аныша,
записал Алтайчы Санашкин в 1992 г.*

22

Хвост буланому трехлетку
Ровно срезал Шунуты,
Вдоль поляны Куладинской
Мчал верхами Шунуты.
Хвост саврасому трехлетку
Ловко срезал Шунуты,
Вдоль поляны Сайлюгемской
Лихо мчался Шунуты.

23

Срок пришел волнам Катунь,
Водам Бии всколыхнуться.
Срок пришел Шуну-владыке
Воплотиться и вернуться.
Час настал волнам Катунь,
Водам Бии взволноваться,
Час пришел Шуну-Баатыру
На родной престол подняться.

24

Бийик-Сура шаг упругий
Наступает срок узнать,
Эр-Шуну преобразился
И вернулся к нам опять.
Кара-Сура шаг упругий
Пришло время услышать,
Эр-Шуну вновь воплотился
И явился к нам опять.

Ш.К. Куйрукова, г. Улала, 1990 г.

25

Воротник нарядной шубы
Небывалой красоты,
Из шестидесяти каанов
Старший – славный Шунуты.
Воротник шелковой шубы

Незабвенной красоты,
Среди девяноста каанов
Самый главный – Шунуты.

*Напела Эжербей Савдина
во время свадебного пира в долине Оймона,
в местности Кудюрлу-Тюнгюр, 1986 г.*

26

Золотой цветок цветет
В лунном свете на Алтае,
Едет праведный Ойрот
И народ свой собирает.
И серебряный цветок
В свете солнца расцветает,
Едет истинный Ойрот
И народ свой созывает.

* * *

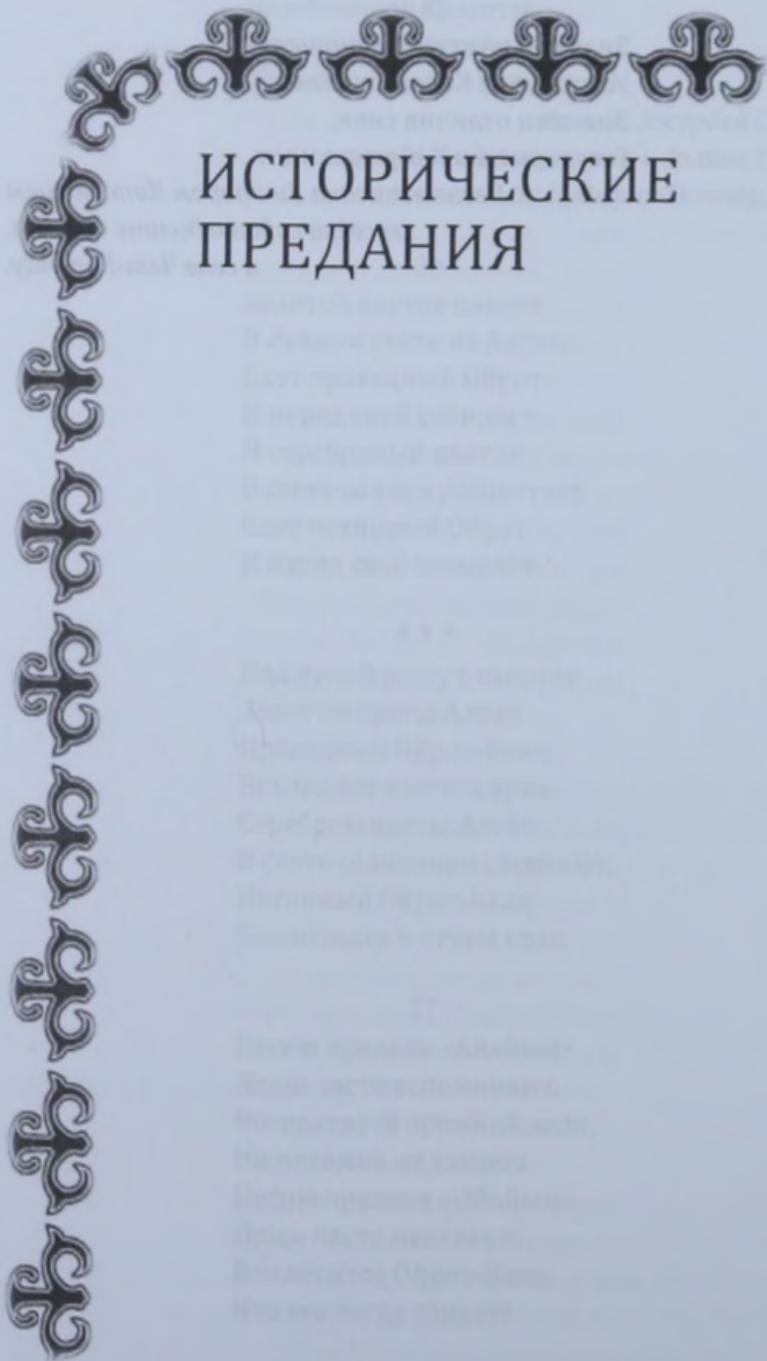
Под луной растут, сверкая,
Золотом цветы Алтая.
Праведный Ойрот-Каан
Воцарился в отчем крае.
Серебром цветы Алтая
В свете солнечном сверкают.
Истинный Ойрот-Каан
Воплотился в отчем крае.

27

Песню предков «Айайым»
Люди часто вспоминают.
Возвратится прежний каан,
Но потомки не узнают.
Песню предков «Ойойым»
Люди часто напевают.
Воплотится Ойрот-Каан,
Кто его тогда узнает?

Знаками на крыльях полыхая,
Устремился Кереди в полет.
Знаками отличия сияя,
Государь наш Кайракан идет.

*Песня записана Виктором Катыновым
из сёёка сойон в долине Оймона,
в селе Чет-Корумду.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ

В дельце...
В дельце...

В дельце...
В дельце...
В дельце...
В дельце...
В дельце...
В дельце...
В дельце...
В дельце...

В дельце...
В дельце...
В дельце...
В дельце...
В дельце...
В дельце...
В дельце...
В дельце...

Эр-Шуну

В прежние времена наш народ жил в великом государстве Дёрбён Ойрот. Правил тем государством Ойрот-Каан, а величали его Конгодой.

Говорят, у Конгодоя было две жены, две царицы – таади. Первой женой Конгодоя стала дочь Тай-Каана. Она родила ему дочь Эрке-Шуру и трех сыновей: Амыр-Сану, Темир-Сану и Калдан-Черю. Когда царица скончалась, Конгодой женился второй раз на дочери Аюки-Каана по имени Сетердяп.

Немного времени прошло, и вот в месяц кукушки, когда прекрасный голубой Алтай облачился в зелёные шёлковые покровы, когда поляны покрылись цветочными коврами, когда золотая кукушка звонко закуковала, оглашая окрестности и радуя веселой песней души людей, у царственной супруги Ойрот-Каана родился мальчик. Говорят, в левом кулачке младенца был сгусток крови, а в правом – волшебный камешек Яда. Увидав это, домочадцы и все родственники радостно воскликнули:

– Этот ребёнок будет великим воином, а, значит, народ Ойрот-Каана отныне никто не сумеет покорить!

И родичи, преисполненные больших надежд, нарекли младенца Шунуты. Когда же он достиг возраста воина, его стали величать Эр-Шуну.

И в самом деле, Эр-Шуну вырос могучим богатырем и мудрым человеком с умом провидца. И вскоре молва о его доблести и мудрости перешагнула пределы государства Ойрот-Каана и разнеслась далёко в соседних царствах и ханствах. Лишь только сам Конгодой нисколько не радовался тому, что его сын вырос необыкновенно умным и сильным.

Шуну сызмальства все делал по-своему. Прикажет Ойрот-Каан подати по весне собирать – Эр-Шуну до осени отложит. Подрастет скот, тогда и собирает государев алман. Прикажет Ойрот-Каан

вершить в аймаке суд и расправу, а Эр-Шуну разберет дело похорошему, виновника отыщет, а невинных восвоеси отпустит. Прикажет Ойрот-Каан воевать, да города брать, а города перед Эр-Шуну сами ворота отворяют, податный народ с радостью златого Шуну встречает. Ведали люди: не будет от Шуну никому напрасной обиды. Вот оттого-то был в стране мир и покой.

Златой Шуну был справедливым и щедрым человеком, всегда заступался за бедняков и сирот и делал многое для того, чтобы тяжкую жизнь простого народа облегчить. Напрасный суд не вершил, понапрасну податный люд не мучил и всегда помогал в нужде и горе там, где это только возможно. Говаривали даже, что золотое сердце досталось герою неспроста. Знающие люди утверждали, что Эр-Шуну был кубулганом – воплощением высокого духа Бурхана Тарике.

Понимал прозорливый Шуну, что не будет в государстве процветания и достатка без доброй торговли с другими народами, и делал все, для того, чтобы укрепить мир с соседями. А более всего ратовал Эр-Шуну за мир и дружбу со старинным товарищем ойротских государей – Ак-Кааном, Русским царем.

А еще от природы был Шуну веселым и смелым, а оттого, верно, удачливым во всех делах. За все это черный народ, кожаные пояса носящий, крепко полюбил Эр-Шуну.

* * *

Как-то раз пошёл Шуну один охотиться на зверя. Застрелил огненно-красную лису с мехом, отливающим золотом, и принёс в подарок отцу. После него братья втроём на охоту отправились, но, никого не подстрелив, вернулись назад с пустыми руками. Стыдно так-то отцу на глаза показаться. Только понапрасну стрелы растеряли. И на удачливого брата обиду затаили.

Эр-Шуну в другой раз на охоту за барсом отправился. Застрелил барса, да решил подшутить: потайными путами привязал барса к дереву так, чтобы стоял он там, как живой, и вернулся домой. Трое братьев следом за ним на охоту за барсом поехали. Увидели барса, стоящего возле дерева, стреляют в него, стреляют, а тот не падает. Пригляделись, а барс к дереву привязан. Рассердились братья, молодецкой удали Шуну позавидовали, а Калдан-Черю сказал:

– Узнаю руку брата! Это Шуну здесь барса привязал. Давайте не будем его забирать, а то Шуну осерчает. Лучше прямо к отцу пойдем, уж он-то шутника уймет.

Затем возвратились братья домой и говорят отцу каану Конгодою:

– Э-хе-хе, отче, приглядитесь к Шуну хорошенько. Не берите его с собой охотиться на зверя. Шуну – худой человек! Не терпит ему на престол взобраться! Как бы он вас на охоте не убил.

* * *

Как-то раз послал Конгодой сыновей с податного народа алман собирать. Договорились старшие меж собой и поехали вместе за алманом. Решили они наперед младшего брата всю дань собрать и уехали без него. А Шуну, не спеша, следом за ними едет. Ехал не торопясь, да легко нагнал. Напустил он на пути-дороги лютей мороз. Братьев мороз морозит, под кров загоняет. Остались они мороз пережить. А Шуну тем временем раньше всех до места добрался.

Прибыл и начал дань собирать. И вот выехали к нему навстречу три человека. Один человек говорит:

– Привез тебе в дар от твоего отца араку. Пей, веселись!

А другой человек говорит:

– Ты, Шуну, эту араку не пей, а лучше собаке налей.

Плеснул Шуну эту араку собаке, собака попила ее и тотчас издохла. Пожалел Шуну собаку, да делать нечего – сделанного не веротишь.

– Э, нет, не от отца пришел подарочек, а от дорогого братца моего Калдана. Видно, убитый барс не дает его темной душе покоя, – сказав так, Шуну собрал алман и домой, в родной край вернулся. А государю о злодеянии брата ничего доносить не стал.

И старшие братья вослед за Эр-Шуну воротились. Видит Калдан-Черю – не удалась его хитрость. Собака мертва, но жив брат, да и поручение отца успешно исполнил. От черного народа Шуну-Баатыру любовь, от белой знати Эр-Шуну уважение.

– Ну, погоди, – думает – вспомнишь ты еще ту собаку! Будешь, как она, слеп, хладен и недвижим!

Тут Калдан-Черю к отцу Ойрот-Каану направился и говорит:

– Эх-хе-хе, отче, твой сын Шуну лучший алман себе оставил, меж своих людей добро разделил. Видно, хочет он во главе воинства встать и поперек тебя на престол взобраться.

– Ну, что ж, хочет воевать – пускай воюет! – сказал Конгодой и отправил сына в военный поход – отбивать ойротский податный люд.

Ушел Эр-Шуну в поход и вскоре с богатой добычей назад возвратился. Воротил под руку Ойрат-Каана богатые торговые города Ташкент, Сайрам, Харамурут и Туркестан. Воротил домой, в родной край ойротский полон, угнанный в степи. А себе из дальнего похода привез красу-девицу Кара-Кыз.

Сетовали старшие братья, глядя на богатую добычу Шуну, разгорались их круглые сердца от жадности. А пуще всех сетовал Калдан-Черю, потому что приглянулась ему полонянка Кара-Кыз. Заклубились в его душе темные помыслы, зародились в его душе серые замыслы. Задумал брат Шуну погубить, а красу-девицу забрать себе.

Проведал Калдан-Черю, что Эр-Шуну отпустил на волю русский полон, который отбил в дальнем походе. И поспешил к отцу своему Ойрот-Каану с доносом:

– Эхе-хе-хе, отче! Вы победу празднуете и того не знаете, что сын ваш Шуну без вашего соизволения, без высокого повеления на сторону богатый полон отпустил.

Нахмурился Конгодой, вызвал к себе Шуну и спрашивает:

– Ты ли опять самовольничаешь, ты ли опять самоуправствуешь? Или не ведаешь, кто над Ойротом Великий Каан?

Отвечает на это Эр-Шуну:

– Напрасно, отец, вы на меня хулу возводите! Ведаю я Ойрот-Каана, свято чту отеческие устои! А русский полон вернул я назад к хозяину. Сказано же в своде наших законов: коли нашел украденное, следует прежнему владельцу вернуть. Русских людей насильно угнали в степи, вот я и отправил их к Ак-Каану назад. Ак-Каан нам исстари друг и хороший сосед. Дед мой Аюка-Каан и ваш брат названный под его рукой вольготно живут. И нам не след старую дружбу рушить!

Не по нраву пришелся Ойрот-Каану дерзкий ответ младшего сына, да прибыло ко двору большое посольство и ссоры разбирать некогда стало.

* * *

К старшей дочери Конгодоя издалека сватов прислали. Вышла Эрке-Шуру замуж за сына Эдиен-Боодо-Каана. Так Эдиен-Каан и Ойрот-Каан породнились. Сыграли весёлую свадьбу – той. Попировали на царском белькенчеке.

Много ли, мало ли времени прошло, поехал Конгодой в гости к своему свату Эдиен-Каану. Устроили на радостях большой пир, долго сидели, араковали, чегенили. И вот, пируя, говорит Ойрот-Каан своему свату такие слова:

– Отдайте мне, дорогой сват, моего зятя и дочь мою, увезу детей в свои края, поселю их жить на своей земле.

Выслушал это Эдиен-Боодо-Каан и отвечает:

– Значит, нет в Ойротском государстве покоя, раз уж вы дочернее потомство под свое крыло вернуть стремитесь. Брат на брата темно-серые помыслы лелеет, друг на друга лихо замышляет. Ни зятя, ни дочь Ойрот-Каану я ни за что не отдам.

Услыхав такое, Конгодой несказанно рассердился. Вскочил он на своего лучшего светло-серого коня и направился в материнский алтай, в свой отеческий край. Вернувшись домой, собрал множество сотен воинов и вернулся назад, чтобы воевать государство Эдиен-Каана.

Вскоре добрался Ойрот-Каан с воинством до границ Эдиен-Каана – никто ему навстречу воевать не выходит. Подданные Эдиен-Каана, все как один, обернувшись назад, молитву творят, священные слова говорят. В течение трех лет разъезжал каан Конгодой по стране во главе своего пламенного войска, да так ни с кем и не сразился, и ни с чем домой воротился.

Спрашивает отца сын Эр-Шуну:

– Вы три года воевали, Аба, что в чужих краях видали? Что в чужой стране слышали?

Отвечает Ойрот-Каан:

– Подданные Эдиен-Каана, на все четыре стороны кланяются. Молитву творят. Священные слова говорят. На нас в упор не глядят. Сражаться с нами не хотят. Самого Эдиен-Каана мы не видали и зятя с дочерью не отыскивали. Ни одного человека не сгубили, ни с чем назад укатили.

Услыхав такое, отвечает Шуну:

– Видно, вы свою дочь и зятя крепко любите? Если они так вам дороги, тогда я, не мешкая, поеду и домой обоих без промедления привезу.

– Ну что ж, поезжай и привези их, сынок, коли сил твоих на этот подвиг хватит. Спору нет, сын, дороги мне мои дети.

Не раздумывая долго, сел Шуну-Баатыр на своего вороного коня Кара-Сура и в пределы государства Эдиен-Каана направился. Эдиен-Боодо-Каан богатыря не услышал, но узнал, не увидел, но узрел, о приближении Шуну-Баатыра догадался. Понял Эдиен-Каан, что не хватит ему силы-мощи с Эр-Шуну воевать. И обратил Эдиен-Каан к прибытию Шуну всю свою землю, весь свой белый скот и свой податный народ в уголь и пепел. А сына и невестку превратил в двух одинаковых птенцов перепелки и отпустил летать под небесами. А сам, спасая жизнь свою, прочь бежал и скрылся.

Доехал Эр-Шуну и видит: объята земля Эдиен-Каана войной и разором, народа нет и белого скота нет, остались только угли да пепел. Удивился Эр-Шуну и достал из своего кармана священную книгу – Алтын Судур – и стал читать, чтобы различить правду и ложь. Глянул в книгу и видит: всё здесь, оказывается, преобразенное, ненастоящее. Узнал он, что сестру его и зятя превратили в двух перепелят и пустили по небу.

У Шуну от рождения на двух больших пальцах – эргеках – были дырочки. Узнав судьбу сестры, поднял Эр-Шуну свой левый эргек к луне и гневно закричал. В тот же миг налетел безудержный ветер и настал безудержный холод. Поднялась пурга до небес и пошла мести, белый свет заметая. А Шуну-Баатыр руки в стороны развел: на правой ладони солнышко вспыхнуло, на левой ладони месяц просиял.

Не выдержали пурги два перепеленка под небесами, вниз полетели и на ладони к Эр-Шуну сели. Там и пригрелись птички, лучами светил озаренные. Схватил Шуну-Баатыр сестру и зятя, превратил обоих в золотые бабки и положил к себе в карман. Вскочил на своего черного, как сажа, коня и в свой родной алтай стрелой полетел. Вернулся на родину, вынул из кармана бабки, подбросил кверху – превратились бабки назад в людей. Отвел Шуну свою сестру и ее мужа к родителям и говорит:

– Вот ваши дети ненаглядные, вот ваши чада ненайденные!

Воздвиг Конгодой своим детям белый войлочный дворец – ёргё, и зажили они в покое и мире.

* * *

А Шуну-Баатыр к себе домой вернулся. Подъехал к своему стану и видит – неладно что-то. Не выходит его встречать красавица Кара-Кыз. Слуги в глаза не глядят, рукавами слезы утирают. Оказывается, Калдан-Черю насильно увел красу-девицу в свой дворец – ёргё, пока Шуну был в отлучке. Прежде спокойный Шуну рассердился, прежде веселый баатыр разозлился, схватил свой боевой лук-саадак и поскакал к белойочному ёргё старшего брата. Закричал Эр-Шуну:

– Доселе воровства в нашей семье не бывало!

И выстрелил в порог ёргё своего брата. Пробила стрела Эр-Шуну насквозь крепкий железный порог. Испугался Калдан-Черю, задрожали его белые косточки, круглое сердечко от страха жалось, думает: «Вот теперь не носить мне головы!» А Шуну в гневе переломил лук на четыре части и сказал брату:

– Тому, кто завидует чужому счастью, своего вовек не видеть! Тот, кто завидует чужой удаче, свою растеряет! Мелкой лодке большое море не переплыть, мелкой душе большое дело не осилить. Метишь на отцовское место, да не по тебе отцовской шубы покрой!

Сказал так, вскочил на коня и ускакал прочь, не оглядываясь.

* * *

А в это время Эдиен-Боодо-Каан раздумывал, как бы отомстить Ойрот-Каану за похищение снохи и сына. Не в силах сдерживать свою ярость, ниспослал он на землю Конгодоя темное колдовство – шилен. И произнес такое проклятье:

– О родовитый Ойрот-Каан! Никогда в твою страну лютый враг не входил, мечи обнажая, никогда к твоим стадам хищный волк не подходил, клыки обнажая. А теперь да будет так: пусть разрушится ойротское государство изнутри, само себя изнутри поразит и погубит! И да падет Ойрот-Каан в эпоху Кал-уйе!

Трижды посылал шилен Эдиен-Боодо-Каан. Приняли шилены три разные формы. Один шилен прикрепился к двугорбому верблюду и вырос на его спине третьим горбом белого цвета. Другой шилен привязался к ребенку: обезумел ребенок и стал на красном закате с криками с запада на восток вокруг аила бегать. Третий шилен прилепился к красно-рыжей корове с рогами сомкнутыми:

перестала корова доиться, только на красном закате громко мычала-ревела, оборотясь на запад.

Ни один человек во всем Ойротском государстве темное колдовство не заметил, злые чары не увидел, черные шилены не распознал. Один только Эр-Шуну злые чары распознал и понял, где шилены угнездились.

Однажды утром разъезжал Шуну посреди своего белого скота. Видит – ходит по поляне трехгорбый верблюд. Схватил Шуну-Баатыр этого верблюда, вырезал белый горб и сжег. А затем отпустил верблюда пастись к своему стаду.

Отыскал Шуну корову с рогами сомкнутыми, которая, на красный закат глядя, страшно ревела. Хотел осмотреть ее и найти, где шилен прикрепился, да не подпускает его корова. Обезумев, глазами вращает, страшным голосом ревет, а из вымени ее вместо молока кровь и гной сочатся. Понял Шуну, что ей уже не помочь, пристрелил корову, чтобы она не мучилась, и сжег.

И наконец, отыскал Шуну безумного ребёнка, который с дикими криками противосолонь вокруг аила бегал. Посмотрел Шуну в лицо этому ребенку – глаза его навывкате как будто бы не видят, холодные и пустые, блуждают вокруг, ни на чем не останавливаясь. Страшное лицо. «И этому уже не помочь», – подумал Шуну-Баатыр. Взял он бесшумный лук, пристрелил ребенка, а тело предал огню.

Видя все это, содрогнулся черный народ, кожаные пояса носящий. Понял тогда Калдан-Черю, что пришло его время. Отыскал родителей безумного ребенка и заставил их подать жалобу Ойрот-Каану. А сам вместе с ними ко двору Конгодоя пошел.

И обвинил старший брат Калдан-Черю младшего брата Эр-Шуну перед своим отцом Ойрот-Кааном и перед всем народом, и потребовал над ним суда и расправы:

– Злодейство творит Шуну: скот, что растили мы, истребляет, детей, что родили мы, убивает!

Вспомнил злопамятный Конгодой прежние наветы, забыл легкомысленный Конгодой прежние заслуги. Решил сына осудить. Собрал Ойрот-Каан свой податный народ и устроил суд над своим сыном Шуну. И принял суд такое решение:

– За эти жестокие деяния назначим Шуну суровую кару. Нужно вынуть ему оба глаза и вставить глаза собачьи, нужно выкрутить ему обе лопатки и вставить лопатки собачьи.

Услышав жестокий приговор, закричал Эр-Шуну в отчаянии:

– Неправедный суд – это яд, который народ изнутри разъедает! Зависть к удали брата – это яд, который душу изнутри разъедает! Когда внутренние устои гнилые, врагам не нужно стараться. Толкни – и все в один миг рухнет. О отец мой, и зачем я был дан тебе в сыновья?! Меня осудили вы, как у дерева верхушку срубили вы. Вырастет ли дерево без верхушки до неба? Выстоит ли государство без доброго каана?

Да кто станет осужденного слушать!

Выкопали в земле темницу в девяносто саженей глубиною. Подобно преисподней – таамы – черна и глубока эта темница. Вытащили у Шуну оба глаза и вставили вместо них глаза собачьи. Вытащили у баатыра обе лопатки, вставили вместо них лопатки собачьи. И, чтоб не видел он белого света, опустили глубоко под землю. А старику Каргану поручили время от времени подкармливать узника. Только старик Карган да сестра Эрке-Шуру узника и навещали.

Вскоре после этого жизнь ойротского народа осложнилась: обнищали люди, обеднели, загоревали. Всё это не прошло мимо глаз соседних каанов. «Будь Эр-Шуну жив-здоров, его народ не стал бы так страдать. Видимо, богатырь погиб», – так рассудили они.

Побаиваясь алчности соседних государей, Конгодой скрыл от них то, что Эр-Шуну в заточении. Но слухами земля полнится. И вот в окрестных странах, у соседних правителей выросли алчные замыслы, оживились захватнические помыслы. Стали прежде мирные соседи укрепляться в своих жадных стремлениях, мечтая, один прежде другого, захватить, забрать к себе ойротскую землю. Дошла весть об исчезновении Шуну и до Эдиен-Боодо-Каана.

Стал он свое восьмизнаменное войско собирать, начал к войне готовиться. И все-таки идти на Ойрот-Каана войною опасно. Что, если жив Эр-Шуну? Но если со стороны посмотреть, то кажется, что и впрямь его нет. Решил Эдиен-Каан разобраться, в чем тут дело, и направил к Ойрот-Каану посла.

Передал посол палку длиной в один аршин, одинаковую с обоих концов, и загадку своего повелителя:

– Где толстый корень – узнайте, где тонкая вершина – угадайте, на мой вопрос отвечайте и палку назад возвращайте.

Ойрот-Каан собрал в своём беловойлочном дворце – ёргё – всех книжников-номчы и провидцев, которые ведали потусто-

роннее. Призвал знаменитых камов, способных воспарять ввысь и спускаться в нижний мир, чтобы испросить у праотца Эрлика человеческую душу. Пригласил гадалок и прорицателей. Показал всему собранию палку длиной в аршин, что лежала на чистейшем белом войлоке, и приказал определить, где конец, а где начало этой палки.

Три дня и три ночи пролетели, подобно времени кипения чая, но не нашлось человека, кто смог бы определить, где у оструганной палки толстый корень-комель, а где тонкая верхушка. Сидел там и старик Карганак на месте прислуги возле дверей в шубе-яргах из голой кожи, в обуви без портянок. В конце концов не утерпел он и сердито проговорил:

– Видно, это веление судьбы! Разве оскудела наша Родина сыновьями? Кому же эту загадку разгадать, если не Эр-Шуну?!

Услыхав это, Ойрот-Каан сильно обрадовался, на миг мрачное лицо его просветлело.

– Разве Эр-Шуну здоров? – спросил он у Карганака. – Если он жив-здоров, ты найди случай, придумай повод и хорошенько с ним потолкуй. На наш Алтай пришла беда. Если не разгадаем загадку о палке длиной в аршин, то Эдиен-Боодо-Каан пойдет на нас войной и, покорив нас, в данников, вассалов подневольных обратит.

– Уж, не знаю, согласится ли Эр-Шуну... Но всё-таки попробую, поговорю, – сказал старик и вышел за двери.

Эр-Шуну выслушал то, что ему Карганак поведал, и ответил с насмешкой:

– Если отец не может определить толщину какого-то дерева, то как же он правит государством? На женской половине белово-йлочного дворца стоит шестиухий медный казан, надо его наполнить водой и опустить туда палку. Тяжелый комель погрузится в воду, а верхушка всплывёт наверх.

Конгодой по совету Эр-Шуну повелел шестиухий бронзовый казан до краёв водой наполнить: погрузили в него таинственную палку, толстый и тонкий конец отметили и отправили назад в китайскую землю. Эдиен-Каан получил назад аршинную палку, удивился и сказал:

– Ну, дела! Оказывается, Эр-Шуну жив.

Но много ли, мало ли времени прошло, Эдиен-Каан снова стал сомневаться:

– Все-таки умер, видать, удалец Эр-Шуну. Был бы жив, никогда не допустил бы он того, чтобы народ его так стремительно обнищал.

Так и не узнав доподлинно, жив или нет Эр-Шуну, отправил Эдиен-Боодо-Каан к ойротам другое посольство. Привез посол Ойрот-Каану двух птиц, одинаковых с виду, и просит отгадать, которая из них ворона, а какая сорока. И снова во всём Ойротском царстве не нашлось никого, кто смог бы эту загадку разгадать. Посылает тогда Конгодой старика Карганака опять к Эр-Шуну в темницу. Тот выслушал Карганака и произнёс:

– Было бы весело, кабы не было грустно! Если отец мой не в состоянии отличить ворону от сороки, то как он может сидеть царём на престоле? В передней части белойлочного дворца стоит блестящий бронзовый сундук, внутри него – серебряный сундук поменьше, а внутри того – маленький золотой сундучок, откройте его, там лежит мой шестигранный камень Яда и сверкает, как солнце. Заверните его в белый шёлк и ко мне доставьте.

Конгодой наказ Эр-Шуну исполнил. Приказал Эр-Шуну налить воды в шестиухий бронзовый казан доверху, и, как только солнце из-за горного хребта стало подниматься, погрузил в воду камень Яда и вознес его кверху к солнечному свету. Тотчас снизошёл на землю лютый мороз, сковал мороз небо и землю. Влага с земли поднялась к небу, влага с небес до земли опустилась, и всё вокруг заволокло белым паром. Не выдержали лютого холода две одинаковые птицы и сделали, как им велела природа: сорока, вереща, полетела в лес на северной стороне горы, а ворона, каркая, взлетела на верхушку дерева. Птиц поместили, записочки к ним прикрепил, и вместе с записками отправили сороку с вороной назад. Устрашился самоуверенный Эдьен-Боодо-Каан, когда понял, что жив Эр-Шуну и на родине пребывает.

Но прошло ещё несколько лет, и Эдиен-Каан опять потерял покой: «Что, если умер уже богатырь Эр-Шуну?» И направил он к Ойрот-Каану третье посольство. Запрягли семьдесят коней в одну упряжку, и повезли в той упряжке большой лук о семидесяти роговых пластинах. А послу вручили письмо на белом шелке для ойротского государя: «Не нашлось в нашей стране удальца, который сумел бы натянуть этот лук. Есть ли в ойротской земле такой богатырь?»

Испугался Конгодой и собрал всех своих могучих богатырей, призвал всех своих широкоплечих силачей, пригласил хватких

своих борцов, но никто из них не смог натянуть лук о семидесяти пластинах. Пришлось опять старика Карганана отправлять посыльным к Эр-Шуну в темницу.

– Приведи Эр-Шуну любым словом, любым уговором, – повелел Ойрот-Каан. – Что он ни скажет – всё исполню. Проси только, коли не хочет он свой народ погрузить в пучину междоусобий, коли не хочет, чтобы на Алтай пришла война, пусть не требует он от меня отмщения за свои страдания.

Выслушал Эр-Шуну просьбу отца, выслушал великие посулы и замер в глубокой задумчивости. Долго сидел он, храня молчание. А затем дал Карганану такой ответ:

– Что взять с дерзкого и дурного Калдан-Черю? Что поделать с легковерным отцом моим Конгодоем? Материнский мой Алтай, праотеческий край мой и черноволосый народ мой не стану толкать в пучину бедствий! Жестокой войны не допущу!

В тягостном молчании замер народ, что собрался возле дворца Ойрот-Каана, возвращения Карганана ожидая. Нет старика, нет от Шуну ни ответа, ни известия. Заволновался черный народ, кожаные пояса носящий. Опечалились тайши и демичи, затуманились военачальники, погрузились в смятение воины. И тогда весь народ вскричал:

– Жив или нет Шуну-Баатыр? Где он, наш богатырь? Вытащим Шуну из ямы, его самого или кости его!

И решив так, люди, не дожидаясь повеления правителя, сами пошли вызволять Шуну из земляной темницы.

Вытащили его и видят: оброс Эр-Шуну под землёй мхом и плесенью, совсем заржавел. Вынули лекари у Шуну лопатки собачьи, а родные на место поставили. Вынули глаза собачьи, а родные на место вернули. Собрали люди можжевельник-арчын с шестидесяти шести гор, принесли молоко от шестидесяти шести кобылиц. Стали узника омыwać белым молоком, окуривать и очищать можжевельником. Добела отмыли, очистили, совсем вылечили. Упали с Шуну-Баатыра мхи и плесень, осыпался тлен, отмылась копоть, стал он еще краше и лучше прежнего.

Говорит тогда Эр-Шуну:

– Наденьте на меня одежду последнего бедняка. Уж если ойротским богатырям и борцам-удальцам не хватило силёнок натянуть лук, что поделаешь, так и быть, попробую я стариной трянуть – лук натянуть!

Принес старик Карганак старую шубу-яргак, притащил шапку-ветродуйку, приволок дырявые ичиги. Принарядился удалец Шуну.

Так и явились старик Карганак вместе с Эр-Шуну в белой-лочный дворец. Ойрот-Каан тем временем рассаживал на почётных местах широкоплечих своих богатырей, хватких своих силачей, знатных биев и зайсанов, распределяя всех по рангу и чину. Эр-Шуну и Карганак тихонечко приткнулись возле самых дверей, где сидят только бедняки и слуги. Через короткое время распахнули слуги двери зала, где пировали послы Эдиен-Боодо-Каана. Вынесли оттуда лук о семидесяти роговых пластинах, что привезли в упряжке семьдесят коней. Объявили чинно о начале испытания. Тогда сидящий возле дверей Эр-Шуну спросил собравшихся:

– Кто первым должен натягивать лук о семидесяти пластинах? Государь, на почётном месте сидящий? Или нищий раб, у порога торчащий?

Понял посол: в насмешку раб такой вопрос задал. Ведь никто не вправе нарушать порядок, установленный с древних времён. Потому и ответил в тон ему:

– Обычаи древних времён велят начинать состязание от сидящего возле дверей раба и продолжать от него далее в сторону государя.

Откуда ему было знать, что приткнувшийся возле дверей раб не кто иной, как сам Шуну! Не только посол, но даже сидящие бок о бок рабы и слуги и восседающая на почётных местах знать – никто не узнал его. Тогда Эр-Шуну встал и сказал:

– Ну, коли так, то я первый попробую!

Взял Шуну-Баатыр лук о семидесяти пластинах. Легко поднял его вверх, изогнул дугой и натянул тетиву. Зазвенела тетива, зарокотала, как струна топшуура. А Шуну-Баатыр скрутил лук, разломал на кусочки и бросил туда, откуда взял. А сам ушёл восвояси. Весь податной люд, вся знать, все богатыри и силачи, и приехавшие из Китая посланцы, застыли в изумлении, рты разинув, точно онемели.

Эр-Шуну между тем вернулся к своему адскому узилищу – к земляной темнице – и сказал старику Карганаку:

– Должен теперь государь наш сдержать своё слово. Мое условие такое: пусть он соберёт чёрный податный народ и перед всем народом попросит меня о прощении за свои грехи и бесчинства. Пусть поклянется впредь не ссориться с соседними царями-каанами.

Сказав так, опустился Шуну назад в свое подземелье. Но не захотел яростный Калдан-Черю, чёрных помыслов полный, старика Карганака с посланием от брата во дворец Ойрот-Каана допустить. Грубо отослал его назад, сказав:

– Уходи, старик, не мешай! Не видишь разве, во дворце праздник?

Празднуя успешное завершение посольства Эдиен-Боодо-Каана, сладкую арачку попивая, быстро позабыл свои обещания легкомысленный Конгодой.

А Эдиен-Боодо-Каан уяснил, наконец, что Эр-Шуну жив и здоров, коль скоро он разломал его драгоценный лук о семидесяти роговых пластинах. И задумал тогда Эдиен-Каан от мудрого и прозорливого Эр-Шуну себя обезопасить, сделав его любимым зятем. Рассудил Эдиен-Каан так: если Эр-Шуну к себе брачными узами привязать, то со временем Ойротская земля, и все её богатства, и все её неиссякаемые сокровища сами собой попадут к нему в руки. С другой стороны, богатыря-провидца опасаясь, никто не отважится и на царство Эдиен-Боодо-Каана нападать.

И вот в один прекрасный день, когда Ойрот-Каан восседал в своем беловойлочном дворце и вершил дела, к резной коновязи о сорока двух ступенях, подъехал, гарцуя, неизвестный богатырь на бело-сером коне. Прибыл богатырь неведомо откуда. Прилетел, как стрела, на солнце блеснув, в тени полыхнув. Спешился богатырь возле заповедного дерева Бай-Терек. Отодвинул в сторону тридцать юных прислужников, сам своего бело-серого коня к коновязи привязал. Вошел богатырь в беловойлочный дворец Ойрот-Каана, опустился на белый войлочный ковёр возле алтаря. С почтением расспросил Конгодоя о здоровье царственной его супруги Таади. Вежливо принял предложенное ему угощение и представился:

– Зовут меня Ак-Бёкё. Своей волей по просторам Алтая я путешествую, вот и заехал по пути в ваш прекрасный дворец погостить, о здоровье великого Ойрот-Каана поведать.

Как услышал богатыря Конгодой, ёкнуло его сердечко, мелкие косточки задрожали. Стали приближенные о причине волнения расспрашивать, отвечает Ойрот-Каан:

– Неужели сами не видите? Прибыл к нам богатырь Ак-Бёкё на своем бело-сером богатырском коне. Неспроста это! Без дела богатыри по чужим краям не ездят!

Много ли, мало ли времени прошло, попрощался богатырь Ак-Бёкё с Ойрот-Кааном и его супругой Таади. Сел на своего бело-серого коня и отбыл в восточном направлении в свой родной дом, на свой родной алтай. Как могучий бело-серый конь от обычного коня отличался, так и богатырь Ак-Бёкё от других богатырей и нравом, и статью отличался. От топота бело-серого скакуна земля звенела подобно колокольчику, и далеко по степи разносилось эхо. Долго еще сжималось плотское сердце Ойрот-Каана под звон копыт уезжающего гостя. Думал он, что из всего этого, в конце концов, получится:

- Богатырь Ак-Бёкё не напрасно в ойротскую землю заехал! Не иначе, придется удалого Эр-Шуну вытаскивать из земляной темницы, поклониться ему, пресветлому, и перед очами всего чёрного люда прощения у сына просить. Иного выхода нет.

Как только подумал он это, как только решился, наконец, направиться к подземной темнице, ниоткуда вдруг послышался громкий крик и пронзительный свист раздался. Задрожала вокруг земля алтайская. Из подземной тюрьмы богатырь Эр-Шуну сам выскочил и такие слова произнес:

- Вскормившая меня мать, взрастивший меня отец, что вы за люди такие? Как же вы не смогли распознать в богатыре красну девицу? Явилось ко мне счастье, а вы его не узнали! Почему выпустили из рук мое счастье? Это ведь Эдиен-Боодо-Каан единственную свою дочь Алтын-Солону в богатырском одеянии ко мне направил.

Испугался Конгодой и ответил в смятении:

- Прости, сын! Увидел богатыря, и ёкнуло моё круглое сердечко, мелкие косточки от страху задрожали. Как же мне было догадаться, что это счастье, тебе ниспосланное?

Услышав это, удивился Эр-Шуну:

- Ну, дела! Отец мой и мать моя, неужели вы такие трусливые люди?! Девушку узнают по пальчикам тонким да по голосу нежному. Столько раз она ваше угощение белыми ручками брала! Как же вы не заметили, что она золотое колечко свое на левой руке на показ держала? А коли так, отныне от материнского моего Алтая, от праотеческого края и родного народа придется мне удалиться. Даром, батюшка, возводили вы на меня напраслину. Злом на худо не отвечу, поперек вас на престол садиться не буду. Не должен я быть прежде вас государем. Вместо этого дайте мне семерых ке-

зеров – семерых героев моего роста и возраста. Задумал я посмотреть земли Эдиен-Боодо-Каана. Желая отправиться в страну полуденного Солнца.

– Как не исполнить просьбу своего дорогого сына, – ответил Ойрот-Каан.

Сказав все это, оседлал богатырь Шуну своего молочно-белого коня. Две подпруги и девять подпруг круто натянул, нагрудник и подхвостник любовно подтянул. Захватил лук, и саблю, и пику. Приладил оружие к бёдрам и вскочил на скакуна. Попрощавшись со стариком Карганакон, расцеловал его в обе щёки и поехал со своими товарищами-кезерами куда глаза глядят.

Горько плакали черноголовые люди, кожаные пояса носящие, видя, как покидает страну ойротов богатырь Шуну. А Эр-Шуну на глазах у всех обрезал хвост своему молочно-белому коню по край голени и сказал во всеуслышание:

– Когда отрастет белый хвост до черной земли, вот тогда я и вернусь!

Покидая родные края, с каждой горой, с каждым перевалом прощался Эр-Шуну. Говорят, богатырь Шуну дневал на Сайлюгемской поляне, а затем в долине Юстыта срубил под корень маленькую лиственницу, а спутникам сказал:

– Так и отец мой отрубил меня от своего корня. Как отрастет это деревце до неба, вот тогда я и вернусь к моему народу.

А еще говорил Эр-Шуну своим товарищам-кезерам:

– Я вернусь на родину преображенным в новом рождении. Свой черный народ, кожаные пояса носящий, узнаю по блеску черных глаз. В год дракона двенадцатилетняя девочка из рода Белого Знамени возвестит обо мне, предчувствуя время моего прихода.

Много тайн поведал прозорливый Шуну спутникам в дороге:

– На сроки моего возвращения укажет вершина Кадын-Башы. Сияющий в свете солнца и луны ледник изменит свои очертания.

Долго ли, коротко ли ехал Эр-Шуну с товарищами, это нам неведомо. Раскинулась на пути перед ними большая река Далай. Нельзя эту реку стороной объехать, негде ее перебродить.

– Ну, как, удальцы-кезеры, будем реку переплывать? – спрашивает Шуну.

В один голос семь богатырей отвечают:

– Невозможно это!

– Ну, что ж, други, коли не под силу вам переправа, возвращайтесь назад в свой лунно-солнечный Алтай, – говорит Шуну.

Семь кезеров поскакали в обратный путь. Один только Шуну коня не развернул, махнул саблей вниз к реке – река надвое разошлась. Удивились семь кезеров, завидев такое, и говорят:

– И как такой могучий богатырь на белый свет уродился?!

Устыдились кезеры и на родной Алтай назад воротились. От них и пошли по Алтаю вести о скором возвращении Золотого богатыря Шуну. Не поняли кезеры глубину предсказаний Шуну, даже малую часть и ту не уразумели. Всё то малое, что запомнили, своим детям пересказали, а те своим. Так и до наших времен пророчества Эр-Шуну дошли, на крыльях быстротечного времени долетели.

А Шуну-Баатыр переправился через большую реку, словно посуху прошел, и вскоре доехал до земель Эдиен-Боодо-Каана. Зашел к нему в Золотой дворец, приветствует его и о здравии спрашивает. Супруга Эдиен-Каана пододвинула гостью золотой стол, ставит угощение. Пьют, едят, о делах говорят.

Вышел на короткое время Эр-Шуну из дворца своего драгоценного скакуна проведать. А в это время Эдиен-Каан спрашивает у царицы:

– Скажите мне, госпожа, по нраву ли вам пришелся удалец Эр-Шуну? Приглянулось ли вам его лицо? Хороши ли его силы и стать богатырская? Скажите, госпожа, можно ли со мной, великим Эдиен-Боодо-Кааном, пришлого ойротского богатыря сравнить?

Отвечает ему жена:

– Ну, что вы такое говорите? Разве можно Шуну сравнивать с нами? Он человек иной природы. По всему видать, что он кубулган. В нем воплощены силы высокого духа. Другого такого героя нет и не было на свете!

– Донесут ветры до Шуну твои мысли! – ответил с досадой ревнивый Эдиен-Каан. – Оказывается, он тебе полюбился.

Услыхав такие слова, пронзил Шуну-Баатыр своим взглядом насквозь оба плеча Эдиен-Боодо, расплавил взглядом семь покровов на его окне и возвращаться в его Золотой дворец не захотел.

– У всякого алтая – много углов, у всякой страны – много краев, – сказал Шуну и восвояси уехал.

Увидела супруга Эдиен-Боодо, что Эр-Шуну отъехал, рассердилась на мужа и сказала:

– Что вы за человек? Бьёте по рогам корову, которая сама ко двору пришла! Зачем обидели богатыря, который сам во дворец к вам доброй волей приехал? Не хотите слышать резкий ответ – не задавайте глупый вопрос! Когда бы не ваша ревность да острый язык, сыграли бы мы веселую свадьбу – той. Выдали бы нашу родную дочь Алтын-Солону за удальца Эр-Шуну и зажили бы припеваючи, в покое и мире. Но, видно, не стоять аргымаку у нашей коновязи, не бывать богатырю Шуну нашим любимым зятем!

Ускакал Шуну, улетел, умчался. Печально провожала его взглядом красавица Алтын-Солону. У золотой коновязи стояла, звонкие прощальные песни пела. Далеко разлетались те песни по небу облачками-пёрышками, словно белые знамена вились они над головой богатыря Шуну.

Много ли, мало ли рек переплыл Эр-Шуну, много ли гор перевалил, прибыл он в неведомую страну. Видит он: у подножия белой горы на берегу белого моря живёт податный народ. На северном склоне белой горы белый скот тебенюет. А податный народ диковинный такой: на приезжего человека искоса взгляда не бросит и словечком с ним не обмолвится. Устремляя взор на вершину белой горы, все усердно молятся, не поднимая голов. Не у кого было разузнать, что же это за земля такая, что за алтай. У подмышки белой горы вознесся к выси небесной сверкающий на солнце белокаменный дворец.

Подъехал Эр-Шуну к этому дворцу, коня своего молочно-белого не стал к коновязи привязывать, так опустил в поводу. Подошёл к белокаменному дворцу, никто встречать его не выходит. Обошёл вокруг и смотрит: нет дверей, чтобы их открывать, нет дымохода, чтобы дым выпускать. И подумал тогда Эр-Шуну: «А зачем же мне двери?» Пробыл стену белокаменного дворца ногой и вошёл. Изнутри белокаменный дворец весь блистает в золоте. На высоком белом престоле сидит могучий богатырь Алып-Кюлюк, а между глаз у него родинка размером с барашка-трёхлетка.

На приветствие богатырь ни слова не ответил, искоса на гостя не взглянул. Не стерпел Эр-Шуну такого пренебрежения и отрицал спокойствие. Крепко рассердился и говорит:

– Нельзя тебя и человеком-то назвать, что ты за существо такое? Народ твой, не поднимая глаз, всё богу молится, а ты сам, оказывается, и царь не царь, а бесчеловечный истукан! В ответ на

приветствие молчишь, гость вошел к тебе, а ты сиднем сидишь! Нет дверей у тебя, чтобы войти, нет слов у тебя, чтобы произнести, что же такое ты сам?

Воскликнув так, налетел Эр-Шуну на могучего богатыря Кюлюка, схватил его за родинку размером с барашка-трёхлетку, приподнял было, да тут же упал без чувств. Силы его борцовские иссякли, удадь молодецкая исчезла. Рухнул Эр-Шуну на землю как подкошенный. После пришёл в себя и видит: лежит он снаружи белокаменного дворца возле своего молочно-белого коня.

– Что же это было? – удивился Эр-Шуну.

Вскочил на ноги, по сторонам огляделся. Никого нет.

– погоди, а куда же делся удалец с родинкой между глаз размером с барашка?

Обошёл Эр-Шуну вокруг белокаменного дворца. Стоит дворец на прежнем месте. Нет дверей, чтоб открывать, нет дымохода, чтобы дым выпускать. И дыра в стене, которую пробил Эр-Шуну, исчезла, как не бывало. Подошел он тогда к своему молочно-белому коню, вытащил из переметной сумы священную книгу Алтын Судур, раскрыл и стал читать. И оказалось вот что: живет в этом белокаменном дворце мудрец по имени Алдай-Мерген. Когда Эр-Шуну в схватке с начал брать верх, запутал Алдай-Мерген его своими чарами, вышвырнул из белокаменного дворца вон, проклял его и велел от своего народа отойти.

Вытащил Эр-Шуну своё блистающее копье и на восточной стороне белокаменного дворца начертал буквами Золотой Книги – Алтын Судур: «По грехам своих родителей без злого умысла, но по собственной глупости подрался я с мудрецом Алдай-Мергеном и, опутанный его волшебными чарами, от народа своего удаляюсь», – и подписал: «Эр-Шуну».

Затем сел на своего драгоценного коня и умчался в направлении солнечного заката.

* * *

Отправился Эр-Шуну в страну деда по матери – калмыцкого каана Аюки. Отдал Аюку ему в жены свою дочь. Собрал себе Шуну богатырей-алыпов и остался у дяди жить-поживать.

Когда Аюку состарился, призвал он Эр-Шуну и сказал:

– Правь отныне ты моим народом, ведай мой эль. Я уже стар, не могу народом, как прежде, править, не могу свой эль ведать.

И начал Шуну калмыцким народом править.

Но завистливый Калдан-Черю, обуреваемый темными мыслями, отправил своих гонцов в становья торгутской знати. Прискакали гонцы на серых конях, принесли гонцы серые вести:

– Шуну – это засланный к вам лазутчик. Вот только не ведаем, чьей он ищет корысти: восточного Эдиен-Каана или западного Кункер-Каана? Устройте ему допрос с пристрастием, и сами все узнаете.

И сказали люди этого эля:

– Шуну – нечестивец-кулугур. Пусть он не ведает нашими словами. Пусть он не властвует над нами.

Шуну, услышав это, оскорбился и уехал от них прочь.

А вослед за первыми гонцами прибыли другие. Прискакали гонцы на черных конях, принесли гонцы черные вести. Умер Ойрот-Каан. Отравлен. Коварный Калдан-Черю поспешил обвинить в убийстве каана свою мачеху – родную мать Эр-Шуну и дочь Аюки-Каана. Судил Калдан-Каан мачеху и троих младших сестер Шуну неправедным судом и, не мешкая, подверг мучительной казни. Сам на престол отца поднялся.

Услышав такие вести, крепко загоревал Шуну и в великой печали такие слова промолвил:

– Эх, Аба, не с той стороны ждали вы беды! Незаметно беда к вам подкралась, неотвратимо. Подрубили вы свою вершину, а корень змея подколотная подгрызла. Истинно, беда изнутри в ойротский царственный Дом пришла!

И стало ясно Шуну-Баатыру, что теперь его черноголовый народ, кожаные пояса носящий, без мудрого вождя останется. Понял он, что отныне некому будет заступиться за податный люд. А единокровный и властолюбивый брат его Калдан-Черю истомит свой драгоценный скот, обездолит свой черный народ. Прогибаясь перед другими государями, дозволит Калдан-Каан наложить на простой народ бесчисленное количество податей и доведёт его до нестерпимой нищеты. И сложил Эр-Шуну такую песню:

Куда стремиться мне?

Где свой народ спасать?

Где копыа длинные
Наперевес держать?
Как уберечь народ,
Чтоб враг не захватил?
Как уберечь мой скот,
Чтоб волк не заходил?

Так тревожась, размышлял Эр-Шуну. И понял он, окинув мысленным взором земли по ту и эту сторону солнечного заката, что черноголовый народ сможет защитить в это лихое время русский государь Ак-Каан, живущий на северной стороне.

И устремил богатырь Эр-Шуну свой взор в сторону Ак-Каана – Белого царя.

* * *

В ту пору русскими людьми правила царица Бала-Каан. Прибыл Шуну-Баатыр в её земли и видит: златошубые священники и простые люди со многими книгами в руках молитву творят.

– Что это вы такое делаете, люди? – спрашивает Эр-Шуну.

– Это место, где русские люди богу молятся, называется церковь, – отвечают ему.

– На купол церкви нужно поднять колокол, но не нашлось человека, который смог бы сделать это. Вот мы и молимся, чтобы Бог помог.

– Такое множество людей, а вы ещё мучаетесь? Что ж, попробую вам помочь, – отвечает Шуну.

Услыхали это люди и сказали:

– Что это за человек обо всем нас спрашивает? Нужно царице донести.

И отправили посланников к Царице. Выслушала доносчиков Бала-Каан и так повелела:

– Хочет человек установить колокол – пусть ставит. Но после его ко мне приведите.

Шуну-Баатыр подъехал к колоколу и спрашивает у людей:

– И куда его надо подвесить?

– На крюк на вершине колокольни.

– Добро, попробую я ваш колокольчик на этот крючок закинуть, – сказал Эр-Шуну.

Рукою тью своей золотисто-бронзовой плетки, не сходя с коня, поднял вверх колокол и повесил его на место. Покидали люди шапки долой, дивятся чуду, богатырской силой восхищаются:

– И как только такой человек на белый свет уродился?!

Вышел вперед городской начальник и говорит Эр-Шуну:

– Велкая царица Вас приглашает ко двору прибыть.

– Ну, коли так, отчего ж не взглянуть на царицу Бала-Каан? – ответил Шуну и поехал к царскому двору.

Взглянула Бала-Каан на удальца Шуну и спросила:

– Откуда приехал ты, богатырь?

Овечает Шуну-Баатыр:

– Из моего златоверхого Алтая, от моего миролюбивого народа.

Выслушала Бала-Каан почтительный ответ, с престола встала, золотой самовар достала, огонь разожгла, крепкий чай заваривать начала. Оглянулась назад, смотрит – в ее самоваре вода вся до последней капли выкипела. Опять воды налила, огонь разожгла, а вода в самоваре до дна замерзла. После этого говорит Эр-Шуну царице:

– Пойдите, госпожа, вы самовар оставьте, воды не наливайте и огня не разжигайте.

Бала-Каан отошла, а в самоваре вода уже вовсю кипит, через край брызжет. Накрыла Бала-Каан свой золотой стол, достала алыма-шикир – фрукты и сласти, сели они с Шуну чаевать. Поняла Бала-Каан, что Эр-Шуну не простой человек, а кубулган, наделенный божественной благодатью.

Наелся удалец Шуну, напился и говорит царице:

– Голодный живот насытился, усталый стан облегчился. Коли есть теперь какое приказание, извольте говорить, я по мере сил моих всё исполню.

Отвечает Бала-Каан:

– Есть одно такое дело, что и говорить стыдно... Воюет мое царство Большой Опо, Змей-Живоглот, помоги мне его извести.

Удивился Шуну, услышав такое:

– До чего вы дошли, госпожа, если с вами уже жучки-червячки воюют?! Но по мере сил помогу вам. Как нападает он, расскажите?

Говорит Бала-Каан с печалью:

– Ежегодно этому Змею отдаю я добрую сотню человек. На морском берегу злодей заживо людей глотает.

Еще пуще дивится Шуну и царице отвечает:

– Сделать нужно так: повелите за неделю построить большую крепость и сидеть в ней всем вашим подданным со скотом и запасом провизии. Схорониться нужно, чтобы люди ваши, и скот, и хлеба от жары не сгорели, от лютых морозов не сгнули. После того прикажите навезти побольше сена к берегу моря и поставить стога. Как исполните все эти просьбы, меня зовите. На первую неделю я мороз напущу, на вторую неделю жару напущу. Так со Змеиным воинством мы расправимся.

Сказав так, отправился Эр-Шуну к Бай-Тереку. Сверкал смолистый ствол священного тополя на солнце золотыми каплями января-шуура. Снял Шуну подобный полю чепрак. Расседлал коня. Расстелил чепрак. Привязал богатырь своего золотисто-желтого коня к ветвям тополя, а сам прилег отдохнуть. Минуло семь дней. Разбудила Бала-Каан удальца Шуну.

– Как хорошо я отдохнул, – говорит Шуну-Баатыр, потягиваясь.

Встал, оседлал коня, дорогой уздой украсил и царице наказывает:

– Ступайте теперь в крепость и сидите там безвылазно. Берегите себя и народ свой, наружу прежде времени не показывайтесь.

А после вытащил богатырь волшебный камень Яда, подставил свету солнцу и луны, и закрылись в тот же миг лики солнца и луны, ясное небо заволокла непроглядная хмарь. Заклубились черные тучи, налетел вихрь, хлынул ливень, а когда закончился дождь, наступила жара. День за днем все сильнее становилась жара. Вот уже и синее море закипело-заклокотало. Не выдержали жара пожиратели-змеи, вышли из моря и заползли в прохладные стога.

Спустя семь дней внезапно опустился на землю трескучий мороз. Синее море до дна промерзло. Не выдержали холода змеи-живоглоты, с трудом прорываясь сквозь снег, заползли в глубокую пещеру. А Шуну-Баатыр по их следам пошел.

Подъехал Шуну к каменной пещере, выполз оттуда Большой Опо, Царь-Змей – Живоглот и спрашивает:

– Ты зачем за людей Бала-Каан заступился, почему со мной воювал? Почему все мое войско уничтожил?

– А ты зачем, Живоглот, мирный народ уничтожаешь? И чего плохого тебе русские люди сделали? Ак-Каан – Белый царь моей семье старинный друг. А русский народ моему черноголовому на-

роду добрый сосед. Вот и с Бала-Каан я условился дружно жить, и тебе её обижать не позволю.

– Тогда выходит, мы с тобой теперь сражаться должны? А знаешь ли ты, что не судьба одному из нас одолеть другого? Коли биться начнем, только понапрасну оба головы сложим. Коли мы с тобой воевать начнем, на земле ничего живого не останется! Силы у нас с тобой от рождения равны. Давай-ка лучше устроим состязание: я твое имя угадывать стану, а ты мое имя назови. Кто первым угадает, тому и победа достанется. Победитель будет меж нами старшим и главным, а проигравший – младшим. И станет отныне младший жить по воле старшего.

На этом и порешили. И начал Царь-Змей колдовать-нашептывать, стал Большой Опо имя богатыря искать-разгадывать. От змеиного колдовства ум-разум у Шуну помутился, стало ему дурно и душно. И тогда крикнул богатырь, что есть мочи:

– погоди, змеище, вот расстегну свою золотую пуговку – Алтын-Топчы!

Вздрыгнул Царь-Змей, услышав такие слова, и произнес почти-тельно:

– О, могучий герой, ты опередил меня и угадал моё имя! О праведный Шуну, отныне ни я, ни народ мой не создадим препятствий на твоём пути!

Оказалось, что его так и зовут – Алтын-Топчы. Снял тут Царь-Змей свой золотой пояс и согласился признать над собой верховенство Эр-Шуну.

И дал тогда богатырь Шуну Царю-Змею суровый наказ:

– Нет у тебя права сосать кровь народа, есть его плоть. Ты ползаешь на брюхе и должен от земли питаться, другого назначения у тебя нет. Не смей больше подданным Бала-Каан вредить!

– Впредь не буду народу Бала-Каан вредить, – клятвенно пообещал змеиный царь Эр-Шуну.

И с той поры говорят в народе, что богатырь Шуну царицу Бала-Каан и народ её от верной гибели спас.

Вернулся Эр-Шуну к царице Бала-Каан и жил при её дворе несколько лет в большой чести и почёте. Послужил он для Бала-Каан верой-правдой. Никому не позволяла царица возводить на Шуну-Баатыра наветы: если приносили доносы русские подданные – сурово наказывала, если подданные Ойрот-Каана – назад отсылала.

За службы великие пожаловала его царица должностью генерала и по русскому обычаю дала ему фамилию Краснощёков, потому что был Шуну румян и пригож. А за победу над Царем-Змеем клятвенно пообещала Бала-Каан черный народ, кожаные пояса носящий, взять под свою защиту в эпоху Огня – Кал-уйе.

Сколько лет, сколько зим прожил Эр-Шуну у Бала-Каан, того нам неизвестно. И вот однажды говорит богатырь царице:

– Погостил я у вас – и хватит. За свой податный народ печалиться у меня нет причин. Теперь должен я двинуться в страну Большого Опо, Царя Змей.

Собрала Бала-Каан своё огненное войско и сама с войском провожала Эр-Шуну. Бело-серый конь на землю пал, перекувыркнулся, ясным соколом обернулся и в небеса умчался. Эр-Шуну на землю пал, перекувыркнулся, в оленя с рогами о шести ветвях оборотился и в белое море окунулся. Переплыл белый олень белое море, вышел из воды и к белой горе направился. Там он опять перекувыркнулся, в красную лису оборотился и вверх по горе поскокал.

На вершину горы поднялся, в солнышко превратился и за белую гору закатился. Неизвестно, где путь его завершился. Говорят, Эр-Шуну ушел в страну Кункер-Каана. Правда это или нет, кто теперь расскажет? Так и поют с тех пор в народе:

В краю, где Эр-Шуну стоял,
Там след остался.
А в том краю, куда умчал,
След потерялся.

* * *

Много ли, мало ли времени прошло с той поры, как Шуну исчез, старшая дочь Ойрот-Каана забеременела и родила сына. Стали ее допрашивать, кто к ней приходил, чей это ребенок, ведь ее муж, сын Эдиен-Каана, уже давно умер. Отвечала Эрке-Шуру:

– Когда я спала, через мои ноги черный кот перепрыгнул. Над дымоходом дворца стояла туча черная, а нигде больше ни облачка. Вылетела оттуда единственная градинка и упала на золу очага. Подняла я её и съела, вот так и понесла.

Ну что тут поделывать? Младенца стали воспитывать, дали ему имя Табачы, что значит «найдёныш». Этот ребенок вырос и стал шилемиром – проклятьем Ойротского государства. После того, как подросток Табачы, захотел он сам стать кааном. Знающие люди его отговаривали:

– Как же ты можешь быть кааном, ведь ты сура? Что же теперь, найдёныша в поле Ойрот-Кааном делать?

Не послушался мудрых людей Табачы, начал войну за престол. В пылу междоусобий как подкошенное рухнуло Ойротское государство, рассыпался на части великолепный Ойрот-Улус. Когда собственное нутро истончается, конечно, и силы иссякнут!

Земля Катун-Орёкён, там, где воды реки Себи впадают в Катунь, долина реки Беш, что простерлась далече, долина Кугул-Тус, которую сейчас называют Солоновка, – всё это места кровопролитных сражений.

Уцелевшие в битвах ойроты, теленгиты и урянхаи сберегли свои души в лоне Алтайских гор, все они, пройдя сквозь огонь сражений и яростное пламя междоусобий, стали отныне называться алтайским народом, составили новый Алтай Улус.

Алтайский народ вступил в подданство Бала-Каан и зажил в покое и мире.

И поныне вспоминает алтайский народ своего героя – богатыря Эр-Шуну. И верит, что придет время, и, перевоплотившись, праведный Шуну вернется на родину с победой.

Переска Б.Я. Бедюрова и Е.В. Королевой на основе легенд, опубликованных в сборнике: Озогы Туукилер / Алтайские легенды и предания ойротской и царской эпох. – Горно-

Алтайск: АУ РА Литературно-издательский дом «Алтан-Туу», 2011. – 424 с. С. 68-131.

Зачин родословной Чёбёлека (М.В. Чевалкова)

*Из автобиографической повести
«Памятное завещание»*

Ну, а теперь я поведаю тебе о своей родословной так, как слышал сам из уст старейшин.

В стародавние времена, когда шестьдесят туменов теленгетов Золотой Орды жили в покое и мире, правил четырьмя своими аймаками Тёрбёт-Ойрот-Каан. Когда внутри четырех аймаков пошел раздор, Каан, бежал, отбыв в земли Кункер-Каана. Оставшиеся сыновья Каана – солтоны, сыновья биев – мурзы, сражаясь меж собой, разбрелись в разные стороны. Некоторые ушли на восход солнца, некоторые направились в сторону полудня, а добрая половина ушла на закат. Оставшиеся после них теленгеты проживали по берегам реки Ак-Умар и на излучинах рек, впадавших в Эртиш. Но и там они никак не могли уgomониться, все время меж собой воевали. Когда от непрерывных усобиц народ-эль ослабел и уменьшился, в его земли с одной стороны пришли с войной монголы, а с другой кара-казахи. Вот тогда-то, два бия теленгетов Мамыт и Балык по собственной воле отправились в Аба-Туру вместе со своими людьми. Они подали свои руки Ак-Каану и поклялись платить Белому царю черную подать-ясак. Среди людей, что вошли в русское подданство в ту пору, был и мой предок по имени Чёбёлёк. Затем они перекочевали в Байат и зажили на новом месте.

Мой отец родился в Байате. Когда моему отцу исполнилось десять лет, его семья поселилась на расстоянии тридцати окриков от Бийского острога, в местности Кара-Суу. Там я и появился на свет. Когда я достиг возраста семи лет, мы все вместе с отцом и матерью перекочевали в местность Улулу, там и осели. В те времена в Улулу вместе с нашей семьей было всего четыре дыма.

На второй год нашей жизни в Улуле туда переселился один мещанин из Бий-Туры со своей бабой и детьми. Этот мещанин имел троих сыновей. Младшего сына звали Якоп. Играя вместе с этим Якопом, я выучил русский язык.

*Образцы народной литературы тюркских племен
Южной Сибири и Дзунгарской степи. СПб, 1866 г.*

Т.1 С.179–180.

Сыновья Калдана

У Калдан-Каана ойротского было четыре сына: Шуну, Адяян, Амыр-Санаа и Табачы.

Шуну от рожденья обладал богатырскими нравом и статью. Предчувствуя беду, нависшую над народом, Шуну решил беду

внутри самого народа извести. Мычащий на закате скот, воющих на закате собак и ревущих на закате младенцев он начал разыскивать и уничтожать. «Так изведем беду на корню», – людям он говорил. За такие проделки Калдан-Каан лишил Шуну глаз и вытащил обе его лопатки, а вместо них вставил лопатки собачьи.

Когда государство Калдан-Каана разрушилось, Шуну, сняв кору от основания ствола таволги и обрезав своему коню хвост по край голени, произнёс такие слова: «Когда это дерево вырастет и станет настолько большим, что под ним сотня всадников сможет легко уместиться, вот тогда я вернусь. Когда обрезанный по край голени хвост моего чёрного коня до самой земли отрастёт, вот тогда я вернусь».

Сын Калдан-Каана Адяян тоже потерялся.

Айылдаш Анатов, сёек кара-майман из гнезда Ак-Билека, село Кулады, Онгудайский аймак // Альманах «Жылдыс». – Горно-Алтайск, 1981.

Эн-Учук

Эн-Учук – горный хребет, почитаемый людьми из рода Тодош. Говорят, что это дань памяти тем временам, когда Эн-Учук стал твердыней, укrywшей тодошей во время долгой, кровопролитной войны. Жестокая гражданская война прокатилась по Алтаю после распада государства Калдан-Каана. В настоящее время напротив этого горного хребта через реку Катунь находятся села Суску и Муны. Про Эн-Учук сохранилась в народе такая песня:

Сапоги с упругими подошвами
 На камнях истерли Эн-Учук.
 Души наши, в бездны бедствий брошенные,
 Сохранил живыми Эн-Учук.
 Сапоги, расшитые узорами,
 На хребтах истерли Эн-Учук.
 Души наши в пламени раздора
 Сохранил живыми Эн-Учук.

Айылдаш Анатов, сёек кара-майман из гнезда Ак-Билека, село Кулады, Онгудайский аймак // Альманах «Жылдыс». – Горно-Алтайск, 1981.

Ойрот-Каан

1

Уходя, Ойрот-Каан сказал:

– Если приду со стороны заката солнца – мягко пройду. Если приду со стороны восхода – у мужчин отрезая кончик большого пальца, пройду, у женщин срезая кончик груди, пройду.

*Радиозапись Алтайчи Санашкина от
Шуручы Куйруковой, сёёк чапты, 1990 г.*

2

Про Ойрот-Каана я тоже слышан. В старые времена, когда Ойрот-Каан уходил из наших земель, перед исходом он так говорил:

– В Алтайские земли я снова вернусь, преобразившись. Я буду рожден от девушки из рода чагандык двенадцати лет. Свой черненький народ, кожаные пояса носящий, по черным глазам узнаю.

Говорят, Ойрот-Каан перед уходом хвост своего вороного коня измерил и по край голени обрезал, верхушку черного тальника саблей срубил и сказал:

– Когда верхушка черного тальника взрастет до небес, когда хвост вороного коня до задних копыт опустится, вот тогда я вернусь.

*Запись Алтайчи Санашкина от кайчи А.Г. Калкина,
сёёк сакал, 1990 г.*

4

Повелевая множеством народов, решил Ойрот-Каан от дел удалиться. У него и сыновья были, но жили они шумно, не мирно, в сражениях, распрях и ссорах, оттого и народ его жил в смятении.

Ойрот-Каан ездил на черно-гнедом коне, знаменитый был человек. Перед отъездом отрезал он хвост коня своего по край голени и сказал:

– Если хвост моего коня от голени до копыт отрастет, к своему черному народу с кожаными поясами снова вернусь.

5

Рассказывают, что Ойрот-Каан происходил от сынов Чингис-Каана, был последним из его потомков. Прежде чем оставить свой

народ и уйти, Ойрот-Каан обрезал хвост своего коня, срубил лиственничное дерево и такие слова произнес:

– Если хвост моего коня до земли отрастет, если дерево снова до небес вырастет, вот тогда я вернусь. В год дракона двенадцатилетняя девочка из рода Чагандык, предчувствуя время моего прихода, возвестит обо мне. По блеску глаз узнаю мой народ.

Подданный народ с черными поясами долго ждал-поджидал, когда же Ойрот-Каан вернётся. Всё не возвращался, уж и след его зарос. Маленький чет – росток лиственный, вымахал в большую лиственницу, народ приумножился, однако Ойрот-Каан своё слово не сдержал, не вернулся.

Амыр-Санаа и Чаган-Нараттан

Когда скончался Ойрот-Каан, его могучее некогда государство в междоусобных распрях и сражениях начало рассыпаться.

В ойротском государстве правителем над Алтайским аймаком поставлен был Чаган-Нараттан, бий из Тарбагатая. И вот, после смерти Ойрот-Каана решил Чаган-Нараттан алтайские и ойротские аймаки-отоки пересчитать и забрать под своё начало: всеми этими землями, народом и войском овладеть захотел. Предводителем ойротского войска в ту пору был Амыр-Санаа, говорят. Вовремя прознал Амыр-Санаа про этот умысел и увел всю армию прочь от Чаган-Нараттана. Вот так и началась между ними ожесточённая борьба.

В течение трёх лет боролись Амыр-Санаа и Чаган-Нараттан между собой, время от времени совершая друг на друга стремительные набеги. В конце концов два войска встретились на реке Чарас. И пошел бой не на жизнь, а на смерть. Но испугался сечи Чаган-Нараттан и, не дожидаясь исхода сражения, вместе со свитой из шестидесяти двух человек бежал с поля боя. И там, где река Усынеси впадает в Катунь, укрылся трусливый бий в одном ущелье.

А между тем алтайцы продолжали сражаться под началом своего князя Коо-Кёкшина и одержали победу. Амыр-Санаа потерпел поражение, остатки его войска из числа казахских наемников были вытеснены за реку Иртыш. От людей Амыр-Саны, говорят, осталась только третья часть. Хватились тогда алтайцы Чаган-На-

раттана, стали искать среди убитых на поле боя и, не обнаружив нигде его тела, разбрелись в поисках пропавшего бия по горам и хребтам. И так, в конце концов, набрали на место, где он схоронился. Хотел было Чаган-Нараттан опять сбежать, но рассерженные алтайцы настигли его возле малой речушки и схватили. Узнав о малодушии Чаган-Нараттана, алтайцы были глубоко оскорблены и сказали ему так:

– Во время сражения ты нас бросил, а теперь после боя мы тебя покидаем. Как ты нас, не пожалев, бросил во время боя, так и мы не станем тебя жалеть. Отныне ты не будешь нашим князем!

Вот из-за этого речку, на берегах которой алтайцы настигли Чаган-Нараттана, и назвали Бий-Туткан, что означает место, где схватили князя. А укромная пещера, где Чаган-Нараттан схоронился, стала отныне зваться Бий-Шибэ – Княжеская крепость.

Эта пещера находится на горе Тарылык – Пороховой. Внутренняя поверхность пещеры состоит из мягкого бледно-серого камня. Алтайцы его собирают, раскрошив, перемалывают и потом варят, смешивая с листовничной серой и углём. Затем к этому раствору добавляют медвежьей либо сурковой желчи и так получают порох.

Материал из книг: В.И. Вербицкий «Алтайские инородцы», Москва, 1893. В.В. Радлов «Aus Sibirien», Лейпциг, 1883 // Альманах «Жылдыс». – Горно-Алтайск, 1981. С.19–20.

Два курумника

После того как Чаган-Нараттан с позором был изгнан в китайские пределы, пришёл на Алтай новый завоеватель – Эр-Чадак сын Эзена с войском из халха-монголов. Он отправился в поход в надежде легко покорить народ, оставшийся без верховного правителя, но Алтай завоевать так и не смог. Эр-Чадак был разбит алтайскими воинами во главе с отважным Тёдётом. Так алтайцы отстояли свою родину. Потерпев сокрушительное поражение, Эр-Чадак устремился в бегство вверх по Чую. Недалеко от реки Чуй между речками Улегем и Яламан есть луг Мункаш – это место стоянки войска Эр-Чадака. Там сохранились донныне два каменных холма – два курумника: один большой, а другой маленький. Когда

монгольское войско вступило в пределы Алтая, каждый монгольский воин положил здесь по камню – так образовался большой холм. А когда они бежали назад, то каждый брал свой камень и бросал в другую сторону – так появился маленький холмик.

Рассказывают, что Эр-Чадак, желая, чтобы монголы никогда больше не помышляли о завоевании Алтая, записал на скале свой наказ. Место, где были высечены эти слова, с тех пор называют Бичикту-Кая. В памяти алтайского народа эта запись осталась как клятва Чадака больше никогда не ходить с войной на Алтай.

*Пересказ материала из книги: В.И. Вербицкий
«Алтайские инородцы». – Москва, 1893.*

Дядя и племянник Табачы и Амыр-Санаа

Амыр-Санаа и Табачы оба вели свое происхождение из рода ойротских каанов и приходились друг другу близкими родственниками: племянником и дядей.

Табачы родился несколько лет спустя после кончины Калдан-Каана. Мать его, разрешившись от бремени, сказала: «Вот нашла ребенка неизвестно откуда», – и назвала сына Табачы, что значит «найдёныш».

Мать Амыр-Саны, родив сына, облегченно вздохнула и сказала: «Наконец-то пришло умиротворение», – и дала ему имя Амыр-Санаа, что значит «мирные помыслы».

И вот Амыр-Санаа и Табачы начали между собой братоубийственную войну. Немало простого народа истребили, немало скота перебили, и в конце концов в одном месте лицом к лицу повстречались они. Амыр-Санаа сказал:

– Назавтра на этом месте мы с вами, дядя, один на один увидеться должны.

Наутро Амыр-Санаа увидел подъезжающего Табачы и закричал: – Дядя, вот я один к вам на встречу еду, отчего же вы за собой целое войско ведёте?

Растерялся Табачы и оглянулся назад, и в тот же миг Амыр-Санаа прострелил ему челюсть до основания уха.

Совершив всё это, Амыр-Санаа бежал. Вдогонку за ним отправились Морпо-бий и Серпе-бий вместе с войском из алтайских

урянхаев. Они гнались за ним неотступно вокруг всего Алтая, не давая беглецу остановиться и передохнуть. И все-таки Амыр-Санаа от преследователей своих ускользнул. Говорят, он, чертяка, сумел заморозить Ильдинскую реку и перебрался на другой берег прямо по льду. Вскоре после этого лед растаял и уплыл вниз по течению, так что гнавшиеся за ним бии со своим войском не смогли переправиться тем же путем. Так урянхайские бии остались ни с чем.

После гибели Табачы и бегства Амыр-Саны алтайские урянхаи остались без верховного правителя. Прожив сами по себе несколько лет, они решили покориться монголам. Направили послов в Монголию и вскоре договорились. Тогда с монгольской стороны пришёл караван из десяти верблюдов с богатыми дарами. Не смогли урянхаи удержаться от соблазна: убив послов и караванщиков, всё добро поделили между собой. Когда пришло второе посольство, они поступили точно так же: убили послов и разделили награбленное. Тогда монголы, собрав свое войско, отправили в поход на Алтай множество богатырей. Во главе войска поставлен был сам Чадак. С ним пришел Толотой – богатырь в железной кольчуге.

Алтайские урянхаи вышли вражескому войску навстречу и стали сражаться. Огибая Алтай, из луков по врагам стреляли. И не простые то луки были, а боевые луки – саадаки. Каждый из этих луков сделан был из семи роговых пластин, а пластины из рогов такого марала, которого не каждому охотнику под силу свалить. С вершины одной горы до другой долетала стрела, пущенная из саадака. Большая битва была, смертный бой на Алтае шел.

Под горой Кызыл-Таш в окрестностях утеса-крепости Шибе монгольский богатырь Тююкей поражён был стрелой. По легкому снегу смертельно раненный алтайский силач Ёскюс-Уул стал преследовать богатыря Тююкея. Одной рукой закрывал он на животе свою рану, а второй рукой нес сестру. Так и шел Ёскюс-Уул вверх по склону, подоткнув полы своей шубы, поднялся на утёс и стал выжидать. Завидев Тююкея, из укрытия окликнул его силач Ёскюс-Уул. Оглянувшись Тююкей, вздернул голову, тотчас прострелил ему Ёскюс-Уул шейную мышцу. И решил тогда Ёскюс-уул, что лучше его сестре вместе с ним погибнуть, чем достаться в руки врагов на позор и смертные муки, обнял ее крепко и спрыгнул вниз со скалы.

Так монгольский богатырь Тююкей и погиб, не успев дойти до целебного источника Аршаан-Суу. И место, где он пал, с тех пор зовется Тююкей.

А монгольские богатыри Бука-Кюрен и Дебе-Кюрен, говорят, погибли под каменным обвалом. Из всего монгольского воинства остался жив один Чадак, и тот кое-как ушёл с пятью только воинами. Затем прошло несколько лет, и алтайские урянхай решили вступить в подданство Русского царя. Вскоре приняла алтайцев под свою руку Бала-Каан – императрица Елизавета. После тяжких сражений народ успокоился. Прошло время, и народ Алтая вновь обрёл мир и покой.

Шонтой Кокпоев, сёёк ак-кёбёк,

село Экинур, Канский Аймак //

Альманах «Үйлдыс». – Горно-Алтайск, 1981.

Долина Тююкей

Между реками Адаткан и Шиберти есть высокий скалистый утёс под названием Шибе, что означает крепость, твердыня. На плато наверху может разместиться целый косяк лошадей во главе с жеребцом.

Давно это было, пришли с войной на Алтай монголы. Предводителем у них был богатырь Тююкей. Не смогли совладать алтайцы с монгольским войском в бою, поэтому, спасая свои жизни, бежали они и прятались, поднимаясь на утёсы и скалы. Был в то время среди алтайцев богатырь по имени Ёскюс-Уул. Вместе со своей сестрой укрылся он на вершине утёса Шибе. И задумал Тююкей сироту Ёскюс-Уула убить, а сестрой его овладеть.

Как-то раз решил Ёскюс-Уул развлечь свою сестру: поймал овода, воткнул в него былинку и отпустил. Летает овод, но высоко подняться не может. Поиграли они так, и надоело. А овод, между тем, слетел вниз с утёса и прямо на руку к богатырю Тююкею сел. А тот как раз стоял и раздумывал, где же ему Ёскюс-Уула искать. Увидел Тююкей овода с былинкой, и сразу догадался: «Видать, прячется кто-то в этом безлюдном месте». И повелел Тююкей своим людям обыскать все лога и горки. А сам остался на месте ждать, внимательно по сторонам посматривая.

И увидел Тююкей, что на самой вершине Шибе какой-то человек руками машет, мух отгоняет. Приказал тогда Тююкей окружить утёс Шибе со всех сторон, но Ёскюс-Уула схватить не сумел. Изловчился Тююкей, выстрелил и ранил Ёскюс-Уула. Пронзила стрела живот богатыря, как соломинка овода.

Раненный Ёскюс-Уул засел в засаде на единственной тропе, ведущей к вершине Шибе, тропу перегородил и монголов наверх не пропускал. Монголы хотели было взять его живым, окружили со всех сторон, однако Ёскюс-Уул вместе с сестрой с высокого скалистого утёса скатился и от врагов скрылся. Оставив Шибе, пришел богатырь в окрестности Кёдюргэ-Таш. Там на дороге укрепился и стал поджидать монголов.

А Тююкей поднялся, наконец, на вершину Шибе, оглядел плато и понял, что Ёскюс-Уул снова его провел и с сестрой своей убежал. Пошел тогда Тююкей по свежему следу крови, подъехал к Кёдюргэ-Таш, а там его уже Ёскюс-Уул встречает и кричит: «Здесь загнанный тобой олень лежит!» Привстал Тююкей на стремянах, слясь разглядеть, откуда раздался крик, и раскрылись полы его кольчуги. Выстрелил тотчас Ёскюс-Кул и прострелил живот Тююкею. После этого, чужая неминуемую смерть, с размаху разбил Ёскюс-Уул своё ружьё о камень. Взял он любимую сестру за руку, и прыгнули оба с высокой скалы вниз, и разбились насмерть.

А Тююкей со стоном и плачем направился в сторону целебного источника на вершине Шиберти. «Если дойду до этого аршансуу, то не умру», – так сказал он своим воинам. Но не суждено ему было до аршансуу добраться, Алтай не позволил. С тех самых пор место, где скончался монгольский богатырь, называется Тююкей-Озёк – долина Тююкея.

Запись И.М. Кочеева, село Шебалино, 1961 г.

Кёше-Агаш или отчего Кош-Агач получил такое название

В давние времена пришли на Алтай воевать монголы. Сражался в ту пору с Амыр-Саной зайсан-бий Мооныш во главе своих воинов. В местности, которая теперь называется Бёкён-Бюре, окружил Мооныш войско Амыр-Саны, вставшее на ночлег, и ждал

наступления рассвета, чтобы начать бой. Воинов в отряде у Амыр-Саны было меньше, чем у Мооныша, потому что основное войско находилось в другом месте. Однако Амыр-Санаа был очень хитрым человеком. Опасаясь прямого столкновения с Моонышем, он отдал такой приказ: «Навьючьте лес на четверых верблюдов и перегоните их в перелесок». После того, как это приказание было исполнено, Амыр-Санаа приказал поджечь вьюки на спинах верблюдов. А сам тем временем со своим отрядом поднялся вверх по скалистым уступам и ушел в тайгу на вершине горы. Сбитый с толку страшным рёвом горящих верблюдов Мооныш не заметил бегства Амыр-Саны и считал, что противник ночует на том же месте. Дождавшись наступления рассвета, отправился он во главе своего воинства на место ночлега, но застал там лишь останки сгоревших верблюдов. Понял Мооныш, как провёл его хитрец Амыр-Санаа, но делать нечего, пришлось отправляться вдогонку. Тем временем Амыр-Санаа, отправив гонца за подмогой, расположился со своим малым отрядом в окрестностях современного Кош-Агача, где и стал дожидаться Мооныша.

Вскоре Мооныш нагнал Амыр-Сану, а тот при виде своего преследователя даже не соизволил подняться на ноги, без малейшей тревоги на лице сидел он, попивая араку из кувшина. Увидев такое спокойствие противника, ошарашенный Мооныш спросил:

– Коня оставляя, рабом станешь ли? Араку хлебая, бием станешь ли?

Амыр-Санаа, не спеша, допив араку, так ему ответил:

– Найди крепкой араки, чтобы хватило мне допьяна напиться и на карачках ползать. Напившись араки досыта, спать лягу. Ты же, пока я сплю, найди мне богатыря – достойного супротивника. Если он победит, я навеки стану твоим рабом. А коль не одолеет меня, то пропустишь меня, и я уйду с отрядом своей дорогой.

Мооныш отдал ему все запасы своей араки. Амыр-Санаа степенно сидел, потягивая арачку, до поздней ночи. В полночь он завалился спать и проспал беспробудно до полудня. А чуть погода прибыло его неустрашимое, чёрному лесу подобное войско. В один миг пленил Амыр-Санаа всех воинов Мооныша. Тут только осознал Мооныш, что его второй раз надули, и заколол себя собственной саблей. Амыр-Санаа же, прежде чем двинуться дальше в путь, повелел с почестями похоронить Мооныша, а над его мо-

гилой воздвигнуть деревянную стелу, так как времени, чтобы изготовить каменное изваяние, у него не было. С тех пор эта местность и стала называться Кёшё-Агаш – деревянный памятник.

Современные люди, не понимая значения этого названия, неправильно произносят, говорят «Кош-Агач». В прежние века народ, живший на Алтае, над могилами усопших воздвигал человекообразные изваяния из камня или дерева. Теленгиты и сойоны-тувинцы подобное изваяние называют кёшё-таш или кёшё-агаш, в зависимости от того, какой материал был использован для создания памятника: камень – таш или дерево – агаш.

Предание записано студентом ГАГУ

*Н.А. Бабаяковым от Тюкешева, село Теленгит-Сортогой,
Кош-Агачский аймак, 1961 г.*

Юлчак, Сайдыс и Шакшак

Много раз сражались алтайцы с отрядами чёрных барынтачей-грабителей кара-кереев. О жестокой войне, что прошла, прокатилась по Алтаю, рассказывают-кайларят старейшины под мерный рокот топшуура:

Словно ласточки собрались, бу-у-уй,
Со всего Алтая люди, бу-у-уй,
Словно лес – вершины копий, бу-у-уй,
Словно лёд – кинжалов жала, бу-у-уй,
В смертный бой они вступили, бу-у-уй,
В схватку с тёмными вступили, бу-у-уй,
Лучшие из воинов пали,
в рукава свои уткнувшись, бу-у-уй,
Скакуны их рядом пали,
в гривы пышные уткнувшись, бу-у-уй.

Большая битва произошла у подножия горы Чаптыган. С тех пор эту местность люди называют Юулу-Чак или, сокращенно, Юлчак. Кара-кереи потерпели поражение и, спасаясь бегством, бросились оттуда в соседнюю долину. Но местные жители окружили их и всех перебили. В народе говорят: «Сайдыбыс – копьями мы их за-

кололи». От этого якобы и пошло название долины Сайдыс, что, как говорят, в переводе на русский означает: «Мы кололи».

Предводитель войска кара-кереев Кочкорбай сражался с алтайцами в логах и ущельях окрестных долин, грабя и поработая простой народ. Затем перевалил он через гору Сугул и ушёл в степи передохнуть. После ухода кара-кереев собрались люди на совет и стали думать, что следует сделать, чтобы не допустить повторного набега Кочкорбая на Алтай: «Пока не убьем Кочкорбая, не будет покоя нашему народу», – рассудили они единодушно. Тогда зайсан спросил собравшихся:

– Кто будет стеречь обратный путь Кочкорбая? Кто готов своей стрелой поразить врага?

В ответ вызвался один человек по имени Эскичек из рода Кюзен:

– Ну, я пойду. Суждено сгинуть – пусть сгину. А, если не погибну, то буду сражаться.

Люди, услышав слова Эскичека, обрадовались и, ободряя его, восклицали:

– Верно, верно! Воином будь! Иди, иди! Детям и семьям нашим мир и покой принесешь.

– Ну, коли так, вы посторонним ничего о нашем замысле не болтайте. Я же немедля выдвигаюсь, чтобы подстеречь Кочкорбая, – сказал Эскичек и поспешил домой, закатав назад полы своей шубы и вспоминая слова ободрения своего народа.

Дома Эскичек оседлал единственного коня, натянул покрепче тетиву боевого лука-саадака, вскочил на своего скакуна и спозаранку на рассвете отправился к зятю. Войдя в аил зятя, осмотрелся Эскичек, наскоро поприветствовал хозяев и говорит:

– Не мешкая, седлай своего коня, зять Кюскюнбей, вместе поедем.

Оседлал Кюскюнбей своего гнедого коня, и дальше в путь они вдвоем отправились. На узкой дороге соорудили укрытие – манакай. И наказал Эскичек своему зятю:

– Ты не бойся, будем поджидать Кочкорбая здесь. Лук боевой натягивай, дух боевой укрепляй.

Так, Кочкорбая поджидая, Эскичек с зятем притаились в манакае. На закате увидели они трёх подъезжающих всадников. Эскичек, нагнувшись, тихо прошептал зятю: «Кочкорбай едет, го-

товься». Сердцами воспарили, тетиву подтянули, стрелы в луки вложили, хорошо себя подготовили.

По правую и левую руку Кочкорбая сопровождали двое караульчиков. Они ехали рядом со своим господином, стремя в стремя, и держали в руках полог, растянутый на шестах, прикрывая им Кочкорбая спереди. Но все же, покачиваясь в такт конской поступи, полог иногда приподнимался выше, и тогда Кочкорбая можно было краем глаза увидеть. Эскичек пригляделся повнимательнее и видит: Кочкорбай одет в панцирный доспех, однако доспех ему немного коротковат, до луки седла нижнюю часть живота не прикрывает. Тогда Эскичек дал зятю такой наказ:

– Панцирный доспех Кочкорбая стрела не пробьёт. Целься ниже доспеха, но выше седельной луки. Снаряжай стрелу и, как он приподнимется в седле, не медля, стреляй!

Как только доспех Кочкорбая в такт конской поступи приподнялся, Кюскюнбей выстрелил. Стрела попала точно в цель. Кочкорбай рухнул с коня. Зять Эскичека выстрелил второй раз, и стрела попала в коленную чашечку караульщика справа. Караульщики быстро развернулись и поскакали с Кочкорбаем прочь. Говорят, перед смертью Кочкорбай караульщикам наказал:

– Моё тело доставьте к трём моим жёнам. Пусть они похоронят мои кости.

Эскичек со своим зятем Кюскюнбеем достойно исполнили наказ своего народа, дорогу грабителю преградили, лютого врага погубили. А место, где караульщик Кочкорбая был ранен в коленную чашечку, люди с тех пор стали звать Шакшак.

*Записал В.Ф. Чумакаев от Санабая Бабаякова,
село Сайдыс, Майминский аймак, 1961 г.*

Бюдюки

Богатырь Бюдюки из рода ирkit был человеком крепкого телосложения, и супруга ему под стать – рослая и красивая.

В старые времена кара-керейский богатырь Кочкорбай разбойничал на Алтае: простых людей грабил и убивал, а оставшихся в живых брал в полон и угонял к себе в степь. В особенности любил он похищать женщин, а наиболее пригожих и красивых из них делал

своими наложницами. Кочкорбай носил на себе крепкий панцирный доспех, который никто не мог ни саблей разрубить, ни стрелой пронзить. Ездил он на высоком, сильном и крепком скакуне.

Однажды прослышав о красоте жены Бюдюки, явился Кочкорбай, чтобы её отнять. Все люди бежали и прятались от него, кто как может, меж камней и деревьев. Тогда Бюдюки вместе с женой и детьми, и со всеми домочадцами своими, вместе с зятем своим Эрельдеем решил искать укрытия в тайге. В таежной чащобе Бюдюки укрепился – поперек конной тропы свалил деревья крест-накрест. И так, приготовившись, стал поджидать встречи с Кочкорбаем на пути его следования.

А в это время Кочкорбай со своими воинами и приспешниками рыскал по Алтаю в поисках Бюдюки и его семейства. Однажды встали разбойники на днёвку на берегу одной речки, смотрят – вниз по реке деревянная стружка плывет. Догадался Кочкорбай, что у истоков этой реки кто-то живёт. Подтвердился слух о том, что Бюдюки схоронился в таёжном краю. Кочкорбай поднялся вверх по реке и доехал до того места, где лежали поваленные крест-накрест деревья. Эрельдей, лёжа под стволами, подал тестю условный знак. Перепрыгивая через поваленные стволы на своём высоком коне, завидел Кочкорбай лежащего человека. Поднял он свою острую пику с длинным древком, приговаривая: «Смирный зверь, смирный зверь». И когда Кочкорбай привстал на стременах, чтоб заколоть человека, его доспех тоже приподнялся и обнажил живот ниже пупка. В тот же миг Бюдюки, лежавший за Эрельдеем, выстрелил из гранёного ружья, целясь в живот ниже пупка, но выше седельной луки. Как подкошенный упал Кочкорбай с коня, сказав только: «Больно, больно моему боку», – и по пути домой умер.

У Кочкорбая было девять жён. Увидав пулю, лишившую жизни Кочкорбая, они сильно дивились, как круглая пуля размером с кончик большого пальца могла убить такого могучего богатыря, как Кочкорбай. В горе зубами они свинцовую пулю рвали, плакали и причитали. Так Бюдюки уничтожил Кочкорбая. Так кара-кереи были побеждены, и остановлены их набеги. Так прекратились их грабительские походы на Алтай. Оттого и говорят теперь старые люди: иркиты спасли алтайцев от полного истребления.

*Записал Т.Б. Шинжин от Б.Б. Садрашева,
село Нижний Улегем, Онгудайский аймак, 1988 г.*

Матушкина Лиственница

В ту пору, когда нынешние пятидесятилетние были детьми десяти-двенадцати лет, посреди долины Каргысту в устье широкой ложбины под названием Куулгылу-Бут стояла красная лиственница с редкими ветвями. Местоположение этой лиственницы и остатки пня, кто не забыл, тот найдёт.

Сотни лет назад эта лиственница была молодым деревцем, и проезжающие мимо него люди радовались душой, видя в чистом поле красивое дерево с густой раскидистой кроной. Прошли столетия и молодое деревце, вымахав, растолстев, стало огромной лиственницей. Затем одна большая ветвь этой лиственницы, переломившись пополам, стала похожа на сломанную человеческую культю.

Время шло. Вершина красной лиственницы обломилась и упала на землю. Что делать, в этом мире нет ничего вечного, всё подвержено порче и тлену. Вот и лиственница состарилась, её сердцевина сгнила, и она стала полой, оттого вершина и обломилась. Однако проезжающие туда-сюда путники не оставляли без внимания эту лиственницу. Люди, которые ехали в сторону Кенги, Талду, Ёло и Кайырлыка на свадьбы, в гости или по другим своим делам и заботам, непременно спешили к подножия этой лиственницы и делали здесь привал, чтобы, сняв сёдла, потрясти потники, брызгали аракой духам и только после этого проезжали. Говорили, что путь-дорожка человека, который проезжал, не остановившись, около этой лиственницы, зачастую оказывалась неудачной. Было много конкретных примеров, когда такие торопливые люди пытались проскакать мимо, и с ними после происходило всякое: то конь, споткнувшись, упадёт на ходу оттого, что подпруги, подседельники или подгрудники отрывались, либо кожаный сосуд – ташуур разрывался и арака проливалась, либо аркан, висевший на ремешке, пропадал. Таких примеров в народной молве было не счесть. Вот потому-то об этой лиственнице люди друг у друга расспрашивали, а значит, уверенно узнавали и почитали это дерево. А называли его Матушкина Лиственница – Абыдим Тыды. Такое почтенное имя дереву было дано местными жителями в честь того, что некогда оно спасло жизнь предка местных Тодошей.

В прежние времена сюда на Алтай из владений Эдиен-Каана пришла большая война. Мужчины, взяв луки, стрелы и дру-

гое боевое снаряжение, выехали навстречу врагу. Дома осталась одна молодая сноха с ребёнком в колыбели. Вскоре страшная весть о том, что враг не сегодня-завтра окажется тут, дошла до её ушей.

– Что поделаться? Как тут быть? Неужели выпала доля мне с крошечным младенцем своим идти в полон, туда, откуда нет возврата? – так печально думала молодуха. – Куда же спрячешься, куда же спрячешься от врага? От войска, идущего подобно текущей воде, куда же убежишь?

День и ночь пребывала она в мыслях о том, как бы найти путь спасения для себя и своего младенца, и оттого впала в тоску. Приближение врага уже становилось явственно ощутимым:

– Нет! Как бы там ни было, чем, сидя дома, угодить в полон, лучше бежать, спасаясь, по горам Алтая! – решила она, наконец.

Но где найти надёжного коня, чтобы сумел преодолеть крутые перевалы и глубокие ущелья и унести прочь от врагов? Лучших коней оседлали мужчины-воины и уехали на войну.

– Так есть же Гнедой жеребец! Вожак табуна! Он выдержит! Но он ведь неукротимый и никогда на своей голове не носил недоуздка и узды!

Некогда было раздумывать молодой снохе, некогда колебаться, времени в обрез, враг на подходе. Подостлав сухие травы в колыбель своему мальчику, покормив его грудью, подоткнув полы чегедека, взяв в руки аркан, направилась она к косяку, который тебеневал на склоне повыше аила.

С первого же её броска чёрный волосяной аркан обвился вокруг шеи Гнедого жеребца. Привела молодуха Гнедого жеребца на поводу, привязала к шестиступенчатой деревянной коновязи. Колыбель со спящим младенцем вынесла из аила и ловко подвесила на подобную культю ветку стоявшей ниже лиственницы. Сама кинулась назад и начала седлать необъезженного Гнедого жеребца, чьей спины еще не касались потник с чепраком.

Сверху вниз по долине Каргысту подул холодный ветер. В чёрном небе кружился и клекотал чёрный ворон – предвестник кровопролития. Приближалось алчное вражеское войско, не оставляя на своем пути даже пучка сухой травы.

– В руки врагу не угоди! Беги, скачи, спаси жизнь ребёнка в колыбели!

Такие суровые, отрывистые, подобно приказу, мысли придали женщине дополнительные силы. Она была отважной и сильной. Необъезженного Гнедого жеребца она стремительно оседлала, затем, затянув чембур вокруг коновязи, вскочила на спину коня. Неукротимый жеребец, никогда прежде не ходивший под седлом, стремительно помчался вокруг луга Кель-Кечю. Жеребец прыгал, вставал на дыбы, но, в конце концов, женщине удалось укротить его, и она поскакала вверх по Каргысту.

В верховьях Каргысту, в окрестностях Кара-Тыт клубилась тёмная пыль – показались передний и задний фланги вражеского войска. Послышались безумные, бешеные крики. Это враги заметили отважную женщину в чёрной мерлушковой шапке и в чёрном бархатном чегедеке. Подстёгивая своих встающих на дыбы коней, кинулись они вслед молодой всаднице, которая, развернувшись на всем скаку, помчалась прочь. Набирая ход, Гнедой жеребец рванул вниз по долине Каргысту быстрее пущенной стрелы. Лихие наездники на быстроногих скакунах помчались вслед за беглянкой. Отважная женщина, подскакав к раскидистой лиственнице, на лету схватила колыбель. Гнедой жеребец ускорил ход, будто почуял необходимость спасения ребёнка, и скоро скрылся из глаз врагов. Преследователи увидели только мелькнувшие за поворотом красные ленты-бюючи её мерлушковой шапки.

Вот так, оставшись совсем одна, без защиты, с крохотным младенцем, молодая сноха избежала неминуемого плена и ребенка своего от верной гибели спасла. Проскакав по северным лесистым склонам гор, она остановилась только в верховьях реки Себи. Только здесь она сняла седло со спины жеребца, спасшего её и ребёнка, расседлала коня и выбила мокрый потник о ветви. Освободив от пелёнок своего сыночка в колыбели, покормила его грудью. Озирая свой Алтай, затоптанный врагами, вспоминала она ушедших на битву своих братьев, дядей и верного мужа, блеснули в её чёрных прекрасных глазах слёзы, и запела она печальную песню:

Вьются, как плети, хребты на Алтае,
Когда же мужчины вернутся назад?
На битву отправились в гибельном крае,
И кости их в поле белеют-лежат.

Подобны чепраку луга на Алтае,
Когда же родные вернутся назад?
За родину бились, пощады не зная, –
Сраженные, пали и в поле лежат.

На звук ее песни выходили из тайги уцелевшие люди, те, что нашли убежище среди утесов и скал. Они подхватили и переняли эту песню, а со временем сложили новую – Песню о разорении Алтая.

Годы шли, и младенец вырос, стал юношей, обзавёлся своей семьей и аилом. Те, кто ведут свой отцовский род от него, сыновья его сыновей в нашей Бешской долине – все принадлежат к сёёку Тодош.

...Вниз по долине Каргысту с верховий летит ветер, разметая снег. Этот ветер повествует о легендарных событиях старых времён от поколения к поколению, не дает прерваться воспоминаниям из века в век, напевает о давних подвигах. Вместе с поющим ветром возникает ниоткуда образ белолицой молодой женщины, которая держит на луке седла алтайскую колыбель с ребёнком и скачет с развевающимися полами чегедека из чёрного бархата, с трепещущими на лету лентами мерлушковой шапки. Летит к спасению вниз по долине реки Беш Героиня-Мать алтайского народа.

*Запись Эжера Яимова, сёёк котон-кыпчак,
село Беш-Озёк, в редакции Б.Я. Бедюрова от 1981 г.*

Сёектю тайга – Гора костей

1

На большой горе между долинами Кадрин и Яйлугуш сохранились следы былых времён. Старые люди вот как про то рассказывают:

На этой горе сохранилась дорога чёрных кереев с тех давних времен, когда они приходили на Алтай в поисках полона и легкой добычи. Эта дорога проходит по синему утёсу Ушеме, который вершиной своей упирается в небеса. Если взглянете на этот синий утёс издалека, то покажется вам, что тут не то что всадники, а даже горные козлы *теке-юмга* и то не пройдут. В ту пору разбойники чёрные керее были наголову разбиты алтайцами при Кан-Чарыше. Спасаясь бегством, они прошли по этой дороге, попутно грабя и захватывая в плен местных жителей.

Вблизи видно, что дорога, ведущая через Ушеме, сделана руками человека. Синие уступы обломив, соорудив высокую каменную кладку наподобие янгыртыка, сумели как-то проложить себе путь. Говорят, что это было сделано руками пленных алтайцев, поэтому дорога и называется Ушеме. Чуть подальше эта каменная стенка состоит из двенадцати рядов камней, а местами и того больше. Утверждают, что в прежние времена глубина дороги между каменных стен доходила до конских колен.

Следуя дальше, кара-кереи напоролись на алтайскую засаду. В жестокой схватке алтайцы пали все до единого, и кереев много полегло. Это событие произошло в долине Яйлугуша в ущелье, которое врезается в лог Диду-Бараан.

Предводителем у алтайцев был юноша по имени Саксарга из Кан-Ябаганского Алтая. Кутесу Ушеме пришел Саксарга, преследуя врагов, похитивших его красавицу-невесту. Её звали Алтын-Тогус – Золотой Павлин. Она родилась и выросла в долине Кан-Чарыша. Там и захватил ее главарь чёрных кереев – бий Чодыр-Кара Конопатый и насильно погнал в полон, туда, откуда нет возврата.

В кровопролитном сражении у лога Диду-Бараан кара-кереи смертельно ранили Саксаргу. И решил Саксарга перед смертью заклятому врагу отомстить. Притаился он под стволом дерева и, натянув тетиву боевого лука-саадака, поджидал бия Чодыр-Кара. Немного времени прошло, и Чодыр-Кара явился, преследуя Саксаргу по следам крови.

Увидал Чодыр-Кара раненого воина, выхватил саблю, замахнулся, привстав на стременах своего коня, чтобы зарубить Саксаргу. Тут приподнялся подол его доспеха, приоткрыв низ живота. В тот же миг выстрелил Саксарга кара-керею в пупок. Взвыл Чодыр-Кара, закричал страшным голосом, прибежала свита. Закричали, заголосили разбойники и увезли на коне своего главаря с поля боя. Обессиленного Саксаргу увели оставшиеся алтайские воины в маленькую ложбину, которая выходила из долины Яйлугуш. Там он и скончался от тяжкого ранения. И с тех пор эта ложбина носит имя алтайского богатыря – Саксарга.

А разбойники кереев, спасая раненого вожака, тащились верх по Яйлугушу. Но спасти не смогли, по дороге бий Чодыр-Кара умер. Он скончался на Белом лугу, что раскинулся на выходе из лога, смотрящего в сторону от Яйлугуша. На этом самом месте его

и похоронили. На могиле конопатого Чодыр-Кара черные керей установили каменное изваяние с человеческим лицом, испещренным крапинками. Вот поэтому это место и получило название Кёшөөлү, что означает «Лог с изваянием».

После похорон кара-керей спешно двинулись дальше, нещадно погоняя пленников. Не доезжая до вершины Яйлугуша, они расположились станом на привал. А чтобы развеять тоску-печаль, приказали красавице Алтын-Тогус убажывать их слух своим пением, потому что она была в этом искусна. Тогда Алтын-Тогус запела, горя о своей судьбе и насмехаясь над врагами:

К нам нагрянули керей,
И народ в полон угнали.
Голубой Алтай безлюден,
Весь поник в тоске-печали.
Обезумели злодеи,
Крови пленников желая,
Мой Алтай великолепный
Без людей поник в печали.
Яйлугушские поляны,
Без правителя – беда нам!
Кадыринские утёсы,
Каана нет – пришла беда к нам!
Так не жалуйся, Алтай мой,
С песнями назад вернусь я.
Не печалуйся, Алтай мой,
Как-нибудь назад вернусь я.
До свиданья, Яйлугуш мой,
Всей душой к тебе стремлюсь.
Здравствуй, милый Эн-Чарыш мой,
В край родной я ворочусь.
Конопатого керей
Чёрный ворон расклевает,
Тело чёрного злодея
Он по степи разнесет.

Эта песня-притча далеко разносилась по Яйлугушской тайге, отзывалась эхом и была слышна повсюду. Сообразив, о чём она

поёт, керей рассвирепели. И юную девушку Алтын-Токус жестоко убили, приговаривая: «Алтау кровавую жертву приносим». К белому пику священной вершины Яйлугуша невинную душу направили.

А затем, погоняя пленных, разбойники двинулись дальше вверх по одному из Яйлугушских логов, известному под именем Кыргысту. Поднялись на белый таскыл и к вершине Яйлугуша направились. Так керей и пленённые ими алтайцы пришли к Яйлугушским белкам. Здесь под пиком священной горы злодеи решили заночевать. А ночью на стан разбойников внезапно обрушился камнепад вместе с громом и молнией. Там и полегли грабители все вместе под обвалом. Говорят, так Алтай наказал их за все злодеяния – поразил каменным градом. Из всей шайки лишь один повар уцелел. Он разрезал живот верблюда, залез в него и таким образом спасся. Этот человек пешком спустился в Чуйскую долину и поведал о том, что приключилось с ним и его товарищами в горах. С тех пор таскыл-тайгу Яйлугуша и нарекли Сёектү-Тайга – Гора Костей.

На склонах этой горы я много-много раз охотился и пас табуны. Однажды был я там со знающим человеком Торломоевым Йозы, который уже тогда был в преклонных годах. Спускаясь с Сёектү-Тайги вниз по скалистому ущелью, мы искали кости. В одном месте на поросшем мхом склоне со множеством выбоин, намытых водой, мы нашли верблюжью голень и другие более мелкие гнилые кости. Старейшина Йозы так при этом приговаривал:

– В прежние времена, когда черные керей хватали алтайцев, словно скот, и угоняли в рабство, Алтай-ээзи – Дух-хозяин Алтая, увидев страшное злодеяние, разгневался на захватчиков и на вершине Яйлугуш поразил разбойников, низвергнув на них каменный град. Эти жалкие кости – вот всё, что от них осталось. А тот единственный уцелевший повар спустился в Чуйскую долину и соорудил там каменный курган, величиной с хороший аил, в котором каждый камень означает одного человека. Враги пришли полонить нас с несметным войском, но, не достигнув цели, с позором ушли. Хоть и мало алтайцев в живых осталось, но свой народ мы всё равно возродили. Не позволили разбойникам нашей родной землей овладеть.

*Такай Тандянов, сёек тонгужаан, село Купчегень,
Онгудайский аймак // Альманах «Үлүдүс». –
Горно-Алтайск, 1981.*

Давным-давно на этой земле жил народ байат-теленгитов. А к югу от них появился народ керей-казаков. Беспокойное то было соседство. Не давали лихие керей алтайскому люду жить в покое и мире. Об этом мой дед поведал следующее:

Аткарбай и Кошкорбай – два богатыря, два брата чёрное войско собрали и на Алтай за добычей явились. Аткарбай был старшим братом и потому имел две жены. А у Кошкорбая, младшего брата, была всего одна жена. В то время в долине Тай-Дере жил старик из рода иркит. И была у него одна-единственная дочь. Разбойники-керей его дочь захватили, а старика убили без жалости. Взял ее Кошкорбай к себе младшей женой. Затем, похватав других алтайцев, живущих дальше по логам и урочищам, братья направили своё воинство через Яйлугушский перевал. Достигнув горы Колагаш, они заночевали у подножия красивого ледника. И вот, когда наступила глубокая тёмная ночь, маленькая невольница пошла к подножию ледника и, горестно жалуясь, запела:

Окружает меня белоснежный ледник

И родного Алтая живая тайга.

О, зачем же меня отлучают от них?

О, зачем на беду меня мать родила?

Отлучают меня от любимых, дают

Мое сердце живое кереею сожрать.

Так спаси же меня, Дух-хранитель высот!

Пусть же чистое сердце не станет страдать!

Один из стражников услышал, что она поёт, и донёс Кошкорбаю. Сильно разгневался Кошкорбай и, когда рассвело, принёс девочку-сироту в жертву духу горы.

Не успели они отъехать, вдруг небо заволочло, день стал похож на ночь и со стороны белоснежной вершины послышался страшный шум. Сойдя с коня, Кошкорбай пал на колени и в ужасе воскликнул:

О, мой народ бесстрашный,

И брат единокровный,

Проклятье и погибель

Мы все здесь обречем!

Сказав так, не успел он попрощаться со своими воинами и братом, как с величественной вершины с грохотом низвергнулся каменный град. Камни величиной с конскую голову падали на них и никого в живых не оставили. Лишь один человек из числа пленных разрезал живот верблюда, залез в него и так спасся. Он стал свидетелем того, как погибло дерзкое воинство со всеми своими верховыми конями и выючными верблюдами. Когда всё затихло, он вылез из верблюжьего живота и схоронил с честью тело принесённой в жертву девушки. Затем этот человек спустился в Улаган и по пути рассказывал встречным, что он видел.

А другие люди, например, Конышев Егор из Кара-Кудюра, рассказывают, что уцелевший человек был поваром – он опрокинул казан на себя и залез под него, потому и уцелел.

Яйлугуш, Колагаш, Тай-Дере – это горы и долины в современном Онгудайском аймаке. В Яйлугуше люди и впрямь находят человеческие кости, а также кости коней, удила, стремяна и другие предметы конской упряжи. Поэтому Яйлугуш и называется Гора Костей – Сёэктю Тайга.

*Записал Бабаяков Н.А. от Тойдоновой Мариин,
село Тужаар, Улаганский аймак, 1961 г.*

Эр-Чадак сын Эзена

Говорят, в прежние времена алтайские люди в течение трёх лет не платили дани халха-монголам. Монгольских посланцев – сборщиков податей всех до одного убили. Монголы разгневались и захотели силой оружия привести к покорности народ Алтая. Для этого и послали они на Алтай Эр-Чадака, сына Эзена, во главе войска.

Рассказывают, что Чадак по происхождению сам был алтайцем. Говорят, еще в утробе матери два позвонка его срослись, оттого и вырос Чадак удалым, шустрым, сильным парнем. И все алтайцы в те годы, оказывается, знали об этой его особенности. Но в раннем детстве отняли монголы Чадака у родителей, забрали к себе и воспитали как воина. От вскормившей его матери в трёхлетнем возрасте отлученный, от родного Алтая оторванный, отчий край и своих предков малое дитя, Чадак, конечно, позабыл. И когда он достиг возраста воина – эра, монголы доверили ему во-

йско. Так сын алтайца Эзена Эр-Чадак возглавил огненное войско монголов и покорил много народов. И вот, в конце концов, Чадаку доверили поход на родной Алтай, чтобы алтайский народ силой оружия покорить и заставить исправно платить подати.

Весть о том, что Чадак идёт вверх по Урскульской долине с войском, дошла до жителей Чарышской и Бешской долин. Зайсаны Молы, Кульдюкай, Тузагаш подняли своих людей против Чадака. Супротивники бились в течение трёх дней. К вечеру третьего дня алтайцы прогнали врагов прочь, но для дальнейшего преследования сил у них оказалось недостаточно. И в тот же день вечером пришла новая весть: монголы идут через Ябаганский перевал. Тогда трое зайсанов поняли, что не одолеть им монголов, собрали своих оставшихся воинов и ушли вниз по Чарышу.

Монголы видели, что в стане алтайского войска всю ночь горели костры, но на рассвете, приглядевшись, заметили, что костры совсем погасли. Сообразив, что алтайцы, перехитрив их, бежали, монголы, не мешкая, кинулись за ними вдогонку.

Зайсаны тем временем, отправив вниз по Чарышу своих раненых и семьи со скарбом и скотом, соорудили каменные укрепления – ябаки – и стали дожидаться монголов с оставшимися воинами на пути их движения. И вот, когда монголы вошли в теснину, зайсаны скомандовали вдове согласно обычаю обрубить верёвки ябаков. Многие вражеские воины были тут же задавлены камнями. Увидев это, Чадак не решился идти дальше вниз. Чужие незнакомые горы, скалистые теснины по обе стороны реки казались ему враждебными.

– Из-за того, что здесь мое войско понесло большие потери, пусть отныне зовется это место Корогон, – отдав этот наказ, Эр-Чадак развернулся и пошёл вспять вверх по Чарышу.

Из-за понесённых потерь Чадак пребывал в ярости и оттого убивал нещадно старых и малых, людей и скот кололи и тут же бросали в волны Чарыша.

Пусть же увидят, зайсаны-пройдохи:
реками кровь потечет!

Пусть развернутся вперёд своей грудью,

Пусть спиной повернутся назад!

Пусть же дорогу в алтай материнский

Никто из них впредь не найдет!

Так Эр-Чадак проклял зайсанов и перевалил с войском в Бешскую долину.

Среди Ойбокских ирkitов был силач по имени Толдой. Он не последовал за тремя зайсанами, но собрал свой небольшой отряд и кинулся в погоню за Чадаком, который угонял с собой алтайских юношей и отары овец. В числе пленников Чадака, говорят, была и жена Толдоя. Сражаясь с Чадаком, Толдой поразил многих его воинов, но самого Чадака достать не мог. Говорят, что Чадак всегда был в кольчуге и в панцире. И вот в одном тяжёлом сражении Толдой был крепко ранен. Эту счастливую весть монгольские воины не замедлили донести до Чадака:

– Алтайского богатыря мы поразили! Он сошёл с коня и, потрясая лапами своей шубы, побрел под холм, видимо, порвалась у него пуповина, нить жизни драгоценной оборвалась. Отныне нам досаждать уж не будет.

А Толдой, чуя неминуемую смерть, позвал к себе младшего брата и так ему наказал:

– Брат мой, душа моя до вечера не дотянет. Видно, мне суждено умереть... Исполни мой наказ – не гонись за врагом, а возвращайся к себе домой, создавай новую семью. Не губи понапрасну жизни оставшихся и уведи их назад в наш родной алтай.

Монголы, прознав о смерти Толдоя, дали отдых своим коням, разожгли костры и сели ужинать. Когда мясо сварилось, Чадак грубо окликнул жену Толдоя:

– Ты, идущая в полон баба, видно, оголодала? Подходи, угостись вместе со мной, прикоснись первой к моему тепши.

Жена Толдоя к блюду-тепши не прикоснулась, будто и не заметила к себе особой милости вражеского полководца, и, подогнув одно колено, так ответила:

– Как может женщина-пленница притрагиваться к блюду-тепши, когда вы, предводитель войска, ещё к еде не прикоснулись?

Чадаку понравился умный и достойный ответ пленницы. Оценив её ум, улыбаясь, он спокойно закатал рукава и потянулся к тепши. И в это время в оголенные кисти рук вонзилась стрела.

Это, оказывается, младший брат Толдоя послушался братнего наказа, взял его боевой лук и решил врагу отомстить. Подкравшись к стану Чадака незаметно, он спрятался за большим камнем и поджидал подходящего случая. И, как только Чадак оголил свои

руки, он стрелой пронзил ему насквозь обе кисти. Чадак закричал, покатился по земле от боли и дал такой приказ своим слугам:

Ради спасения скот заколите,
Мягкое брюхо немедля вспорите,
В теплую плоть мои руки вложите,
Страшные раны мои исцелите!

– Моего скакуна и всё моё добро меткому стрелку отдайте. Его плененную родню и весь их скот освободите, иначе этот алтайский богатырь продолжит погоню за нами. А после, не мешкая, отсюда уходите. И пусть название этого несчастного места отныне будет Кача.

Вот так знаменитый Эр-Чадак, сын Эзена, был ранен и побеждён алтайским богатырем и бесславно бежал домой.

*Записал Айабас Кюндючин от К. Кудирмекова и А. Туткушева,
Канский аймак, село Кырлык, 1961 г.*

Аргымак

Рассказывают, что единственный сын князя Арыкпая Бойкош во время войны попал в плен и был уведен в казахскую землю.

В плену статный юноша приглянулся крупному бию. Не было у этого бия родных сыновей, и решил он сделать молодого ойротского богатыря зятем, женив на собственной дочери. А для того, чтобы молодой пленник ненароком не удрал, приставил бий к нему неусыпную охрану: куда ни пойдёт Бойкош, за ним повсюду присматривают.

И вот пошёл как-то раз Бойкош по воду. Черпал воду из речки и увидел, что вниз по течению плывет кусочек конского навоза. Пригляделся он к этому кусочку, схватил его в руки и увидел, что это не простой, а шестигранный помёт. Понял Бойкош, что это помёт не от простого коня, а от скакуна особой породы – могучего аргымака, и радостно запел:

Катышек от аргымака
Кто из вас узнать способен?

Сына князя Арыкпая
Кто из вас понять способен?
Скакуна могучей стати
Кто по виду распознает?
Сына славного зайсана
Кто из вас во мне узнает?

Когда он так запел, мальчик-слуга, который пошёл с ним по воду, спросил:

– Чему ты радуешься, на конский кизяк глядя?

– Это не простой кизяк, это помёт великолепного аргымака! Узнал помёт аргымака – и свой родной Алтай вспомнил, оттого и пою, – с достоинством ответил Бойкош.

Когда они возвратились с реки, мальчик-слуга донёс бию о том, что видел и слышал. Тут же разнесся слух среди знатных казахов, и они все, собравшись вместе, стали у Бойкоша допытывать:

– О чём это ты пел? Говори!

– Оказывается, в ваших землях есть великолепный конь – аргымак. Конь могучей стати, быстроногий, резвый, как птица.

Услыхав такое, казахи заволновались и решили поскорее отыскать аргымака. Повелели собрать все свои табуны. Подводили Бойкоша к разным косякам и понуждали искать аргымака. Между тем, Бойкош, обходя табуны, только головой качал:

– Нет его тут. Среди этих коней нет аргымака.

Все табуны обошли, внимательно осмотрели, но не нашлось среди них ни одного коня, похожего на аргымака.

– Где же, калмак, твой аргымак? – начали подтрунивать над ним казахи.

Бойкош задумался, прикинул про себя и говорит:

– Видимо, далеко в верховьях этой большой реки кто-то ещё живёт, надо поискать среди его табунов.

И казахи помчались искать. Доехали до истоков реки, и впрямь в верховьях одного горного лужка обнаружили бедный аил, а в том аиле старика со старухой. Оказалось, что эти бедняки – пленники, которые состарились в неволе, но никаких табунов у них не было. Пасся возле их аила один только плохонький саврасый жеребчик: передние и задние ноги коротенькие, сам невзрачный, сродни полуторогодовалому кудлатому жеребёнку – ябага. Когда этого дохо-

дядю пригнали, Бойкош с первого взгляда понял: вот он и есть аргымак. А казахи, завидев это дремлющее на ходу невзрачное существо саврасой масти, словам Бойкоша не поверили и дружно захохотали, потрясая большими животами. Хохотали до упаду, над юным пленником потешаясь. Приказали Бойкошу оседлать саврасого жеребчика да взад-вперед скакать, чтобы посмотреть на его поступь.

– Ты покатайся, а мы полюбуемся на тебя да на твоего заморыша-конька.

Усадили Бойкоша на жеребчика, но тот никак двигаться не желает, еле-еле шевелит ногами. Тогда прискакали казахи, плеткой Бойкоша хлещут, веселятся, кричат:

– Какой же это аргымак, калмак? Это паршивая кляча, а не аргымак!

– Ну, коль не верите, тогда оседлайте мне его покрепче, наполните переметные сумы песком, навьючьте на него и дайте мне пучок тальника вместо плети.

Ему быстрёхонько всё приготовили: переметные сумы песком наполнили, коньку на спину накинули, поверх усадили Бойкоша и стегнули плётью хорошенько его самого и коня под ним. Побежал аргымак потихоньку по кругу, стал помаленьку разогреваться, выступила на боках его белая пена. Понял Бойкош: вот теперь готов аргымак к неистойвой скачке. В тот же миг обрубил он ножом крепления переметных сумин и хлестнул пучком тальника коня по ляжке. В мгновение ока рванул вперёд аргымак, будто крылья расправил. А Бойкош на скаку запел:

Пусть не хвалятся вороны,
 Будто лебеда подбили.
 Пусть не хвалятся вражины,
 Что меня они пленили.
 Пусть не каркают вороны,
 Будто гуся подцепили.
 Пусть не хвастают казахи,
 Что Бойкоша захватили.

И с этой ликующей песней Бойкош ускакал. С воплями гнались за ним казахи целый день. Слышал я, до какого места они гнались, да название позабыл. На лучших конях скакала погоня, и все на-

прасно, где уж им аргымака настичь. Стрелой летел к себе домой на Алтай Бойкош и по пути сложил ещё одну песню:

Тарбаантай – большую реку
 Аргымак переплывет.
 Малахай казахский в руки
 Не возьму я – раб возьмет!
 Тёрбётёй – большую реку
 Аргымак перелетит.
 Не по мне пошили шапку,
 В ней не стану вам служить!

...Князь Арыкпай со своей престарелой супругой объятые горем дни и ночи проводили, скорбя и причитая о пропавшем в плену единственном сыне. Однажды сидели они так, вдруг слышат: на очаге бронзовый казан зазвенел. Сильно удивился Арыкпай, с испугу выронил из рук пиалу и произнёс:

– В старые времена слышал я от наших старейшин: зазвенел бронзовый казан – аргымак недалеко скачет. Только мой единственный сын, плененный казахами, обладал редким даром распознавания аргымака. Неужели это наш сын возвращается к нам из плена на своём аргымаке? Вставайте, люди, поднимайтесь смотреть!

А еще дал Арыкпай своим людям такой наказ:

– Бег аргымака остановить невозможно. Нужно всадника стащить с седла железным багром-тегеком или крюком-уруком. Кто с уруками – готовьте уруки! Кто с арканами – готовьте арканы!

Отправил он людей в разные концы узкого ущелья, чтобы они поджидали с железными баграми, крюками и арканами наготове, когда примчится аргымак.

Аргымак большие хребты перевалил, множество рек переплыл и всё без усталости летел разгорячённый. Никто из ловчих не смог скакуна остановить, ни уруками, ни арканами не смогли саврасого изловить. Словно ветер промчался аргымак мимо. Только один конопатый смуглый старик изловчился и сумел всё-таки багром стащить всадника, сидевшего на аргымаке. Когда парня стащили, он был ни жив, ни мёртв. Тогда его положили на кошму и стали как в люльке младенца раскачивать. Только после этого со-

знание вернулось к нему, и он открыл глаза. Когда Бойкош пришёл в себя и смог отвечать на вопросы, то рассказал он немного:

– Помню только, как переплывали воды Иртыша, а на другой стороне лошадь заржала. Увидел я там вороную кобылицу, наверное, это была мать аргымака. И ударил я тогда пучком тальника коня по бокам. А больше ничего не помню.

Говорят, князь Арыкпай на радостях, что его единственный сын Бойкош вырвался из плена и вернулся домой, устроил большой пир, а того старика, что сумел стащить парня со спины летящего аргымака и тем спас его, в течение трёх дней непрерывно потчевал, из своих рук угощал.

Аргымак же оттуда помчался дальше вглубь гор, в Кан-Ябаганской степи на миг остановился, и оттого, говорят, это место стало благодатным для разведения коней и овец. В долинах Кайырлыка и Каракола, говорят, он на спине покатался, от того в этих местах постоянно дует ветер. Добежав до Чуи, он отряхнулся, поэтому место это стало солончаком. Пробегая Улаган, он остановился на ходу, и с тех пор там тоже удобное место для разведения конских табунов. Так говорят наши предания. Но в каком углу Кан-Алтая он окончил свой неистовый бег, никому неизвестно. Говорят, что не смог он верховья Катуня перевалить, о вершину Белухи, ударившись, скончался. Доподлинно это никому неизвестно. И с тех пор навеки в душах и сердцах нашего народа остался сокровенный образ Аргымака.

Записал Б.Я. Бедюров в 1970-х гг. от Утюшкина Бакчабая, сёёк сары-кергил, рассказчик жил в селе Кулады, Онгудайского аймака, где и скончался в возрасте более 100 лет.

Сыновья Солтона

Рассказывают, что прародина кара-майманов (черных найманов) – это верховья Черного Иртыша в Южном Алтае. Там в местности Тас-Чокы – Лысая Сопка жил князь Солтон, от которого ведут род алтайские кара-майманы.

У Солтона было пятеро сыновей. Старший сын Бултаачы, за ним шел Боор, среднего звали Ак-Билек, еще был Апчы и самый младший Урат. Солтон и его сыновья состояли в подданстве Ой-

рот-Каана, чье государство было богатым и могущественным. Даже маньчжурский Эдиен-Боодо-Каан не осмеливался идти войной на ойротское государство.

Боор с малых лет выделялся среди всех детей ясным умом и хорошей памятью. Прослышал об этом мальчике Ойрот-Каан и повелел отправить его в Тибет на обучение в монастырь, куда каждый год посылал богатые дары, ибо там изучали грамоту и науки одаренные дети всей ойротской знати.

С малых лет, кто говорит семнадцать, а кто и двадцать пять лет, постигал Боор под руководством ученых монахов премудрости, заключенные в древних священных книгах – судурах. Когда он возвратился на родину, то не было ему равных по уму и знаниям во всей Ойроти. Звали его на службу ко двору Ойрот-Каана, но Боор отказывался. Говорил он:

– Нрав владык переменчив, не место при дворе подлинной мудрости.

Как сложилась бы судьба Боора в дальнейшем из-за его упорства, мы не знаем, потому что в это время Ойрот-Каан умер. В его стране началась смута. Своевольные князья перегрызлись между собой – каждый хотел овладеть престолом, стать выше всех. Междоусобицы ослабляли некогда могучее ойротское государство.

Воспользовавшись смутой, стали совершать набеги в пределы страны соседи – казахские и халха-монгольские князья. Каждый стремился урвать свой кусок, подстрекаемый маньчжурским Эдиен-Кааном. словно алчные псы, терзали они страну, говоря:

– Остался табун без жеребца – кто его защитит? Остался народ без государя – кто его объединит?

Вслед за соседними племенами пришли в Ойротию войска маньчжурского Эдиен-Бодо-Каана, который спешил воспользоваться удобным случаем, чтобы покорить могущественного соперника. Многие князья без боя сдавались на милость захватчиков, желая сохранить свои богатства. Более всего страдал черноголовый простой народ. Огнем и мечом прошлись иноземцы по стране. Жгли жилища, грабили скот и имущество, во множестве угоняли людей в рабство.

В эти тяжелые времена сыновья Солтона не склонили головы. Они взяли в руки оружие, собрали дружины и стали воевать с захватчиками. Однако силы были неравны. Как ни сопротивлялись

ойротские воины чужеземцам, приходилось им уходить все дальше и дальше от своих исконных мест.

Кочевья Солтона тоже подверглись грабежу и разорению. Люди его рода стали разбегаться кто куда. Решил Солтон держать совет со своим старшим сыном Бултаачы, как дальше жить, что делать, как спастись, не попасть в рабство к захватчикам. Бултаачы уже отделился от отца, жил далеко, в другом месте, и вестей от него давно не было.

Старый Солтон оседлал коня и отправился в стойбище Бултаачы, которое было в пятнадцати дневных переходах. Напрасно он ездил – никого не нашел, только пепелище увидел на месте стойбища старшего сына. Ровно через месяц вернулся Солтон домой. Привязал коня к коновязи, упал на землю и заплакал горькими слезами, а сыновьям сказал:

– Только камни и холодную золу нашел я на месте стойбища Бултаачы. Видно, он давно ушел из тех мест. Не осталось от него ни следа, ни весточки. Не смог я узнать, куда подался Бултаачы, как у него судьба сложилась.

До сих пор неведомо, что случилось с Бултаачы. То ли ушел он в китайские пределы и принял подданство Эдиен-Боодо-Каана, то ли попал в плен к чужеземцам вместе со своей семьей и родичами, да так и сгинул на чужбине. Никаких известий о нем и его потомках не сохранилось в памяти людской.

Посоветовался Солтон с сыновьями и решил откочевать из этих мест, чтобы не погиб весь его род. Собрав самый необходимый скарб, ничего лишнего, и тех людей, что при нем были, двинулся Солтон с сыновьями в самые глухие места горной части Алтая, поближе к границам земель, которые взял под свою руку Ак-Каан – Русский царь.

– Пойдем на свет Полярной звезды, – сказал Солтон, – туда, где алтайская земля граничит с владениями Темир-Чаган-Каана, Железного Белого царя, обоснуемся под его крылом. Может быть, там удастся сохранить свой род, воссоздать кочевья нашего народа.

Так и сделали. Поначалу укрылись они от врагов в Коротинской долине, в местности Турлу-Айры. Но и там не нашли они покоя. Не успели как следует обжиться на новом месте – явились вслед за ними монгольские войска Эдиен-Боодо. Отрядом командовал Эр-Чадак, сын богатыря по прозвищу Эзен Кривоносый. В свое время вместе с Боором Чадак учился в тибетском монастыре.

Среди людей ходили слухи, что Эр-Чадак был монголом. Так думали, потому что он был военачальником у маньчжуров. По правде же, он – настоящий алтай-киши из рода кыпчак, но иркиты считают его своим. Удостоился он такой милости маньчжурского каана потому, что первым добровольно перешел к нему на службу.

Когда принимали его в подданство, то спросили маньчжуры Эр-Чадака:

– Есть ли еще удальцы, такие как ты, на Алтае?

– Есть, – отвечал Эр-Чадак – это сыновья Солтона из рода каранайманов. Все храбрецы и удальцы отменные, но самый нужный для вас – Боор. Я с ним учился в тибетском монастыре. Он там превзошел всех в науках, овладел всеми премудростями. Не только знает прошлое и настоящее, но и провидит будущее. Пока их не возьмете, не думайте, что Алтай будет вашим. Это особой доблести и ума люди, не дайте им уйти к русским! Иначе будет беда, все сорвется, тогда русские займут Алтай. Дайте мне достаточно войска, и я доставлю сыновей Солтона под вашу руку.

Потому и последовал Эр-Чадак за Солтоном и его сыновьями в Турлу-Айры, чтобы упредить их переход в подданство к Железному Белому царю.

Когда отряд Чадака налетел на стойбище Солтона, его сыновья Боор, Ак-Билек, Апчы и Урат охотились в горах. Поэтому воины Чадака смогли захватить старого Солтона и побить его людей.

Эр-Чадак велел Солтону призвать сыновей, чтобы они сдавались. Хотел взять их без боя. Старый Солтон не поддался ни на уговоры, ни на угрозы, не выдал он сыновей, не позвал их, чтобы спустились с гор и отдались в руки Чадаку.

Тогда Чадак приказал подвергнуть его пыткам. Но Солтон, несмотря на свои годы, был тверд душой, не дрогнуло его сердце. Когда он почувствовал, что приходит конец, то, собравшись с силами, выкрикнул громким голосом четыре слова: «Бектен! Тыктан! Агаш! Таш!» С тем и умер он, старец восьмидесяти восьми лет.

Враги подумали, что Солтон перед смертью позвал своих сыновей. Приготовились они схватить братьев, как только те спустятся с гор на зов отца. Однако ошиблись они. Старый Солтон перед своей кончиной дал наказ сыновьям, крикнув: «Укрепляйся! Укройся! Лес! Камень!»

Дошли до братьев последние слова отца, поняли, что наказал им Солтон готовиться к битве, укрываться в лесу, среди скал. Поднялись сыновья Солтона еще выше в горы и спрятались среди неприступных скал.

Чадак приказал вспороть грудь Солтона, вырвать печень и сердце. Когда воины сделали это, то увидели, что у основания жилы, которая в сердце входит, росли у Солтона волосы. Подивились они на это чудо, но ничего не поняли.

Напрасно ждал Чадак, что братья с гор спустятся. Послал в горы своих лазутчиков, но не смогли они напасть на след братьев. Надежно укрылись они в горах и из своего убежища наблюдали день и ночь за муравьиной суетой во вражеском стане. Присутствия своего не выдавали. Вовремя уходили от лазутчиков.

Когда наступила ночь, воины Эр-Чадака разбили лагерь в долине, неподалеку от того места, где сейчас стоит село Каракол. Такое множество воинов привел Чадак, что, когда зажгли они костры, казалось, будто бы их столько же, сколько звезд на ночном небе.

Через несколько дней припасы у братьев кончились. Не осталось у них ни еды, ни курева. Приходилось терпеть. Воины Чадака перекрыли все ходы-выходы, сменяя друг друга, несли караул днем и ночью. Наконец, младший из удальцов Урат не выдержал и сказал:

– Голод я могу терпеть, но без курева совсем пропадаю. Спущусь в долину, может быть, разживусь чем-нибудь в стане врагов.

Нужно сказать, что Урат был знаменит не только своей силой и храбростью. Этот удалец был известен и тем, что мог взять там, где ничего не оставлял, да так ловко, что ни один сторож не заметит.

Сбросил Урат шубу и шапку, затянул потуже пояс и налегке спустился по тайным тропам, минуя стражу, вниз, в долину. Никем не замеченный, пробрался он в стан врагов и стал расхаживать среди воинов, словно был одним из них.

Увидел Урат, что у большого костра люди толпятся. Подошел посмотреть, а там для каждого десятка, на которые был разбит отряд Чадака, мясо раздавали, чтобы воины ужин себе могли приготовить. Урат, затесавшись среди прочих, пробился к раздатчику и ухватил с копья добрый оковалок мяса. Когда на него заворчали, что без очереди влез, гордо ответил, что его удальцы завтра пойдут сыновей Солтона в плен брать. Воистину не ведал страха сорвиголова Урат.

Припрятав мясо в укромном месте, снова стал бродить по лагерю, размышляя, где бы разжиться куревом. Вдруг увидел он, что у богатого шатра сидит военачальник в шелковом халате, а слуга набивает ему трубку отменным табаком. Догадался Урат, что это сам Эр-Чадак. Смотрел Урат, как Чадак клубы дыма пускает, даже слюны у него потекли – так курить захотелось.

Подумал Урат, что Чадак его никогда не видел, и рискнул подойти к шатру. Улучив момент, когда снова нужно было набивать трубку, подошел к слуге и услал его с поручением, а сам сказал, что трубку господину будет набивать, пока тот не вернется. Набил Урат отборным табаком трубку и с поклоном подал Эр-Чадаку. Сам же сунул в карман кисет из желтого шелка и был таков.

Урат не только мясом и табаком разжился. Он ходил по лагерю, ко всему присматривался, к разговорам прислушивался, где караулы стоят, выводывал. Когда все вызнал, стал думать, как из лагеря выбраться. С большим куском мяса в руках трудно было незаметно миновать воинов, которые лагерь охраняли.

Подобрался Урат к расседланым лошадям, которых на ночь пастись отпустили, и взвыл по-волчьи. Всхрапнули лошади и в панике бросились в разные стороны. Поднялся в стане врагов переполох. Воины бросились ловить лошадей. В суматохе Урат уцепился за хвост жеребца и выскочил. Так он выбрался незамеченным за пределы лагеря. Когда вернулся на вершину Бай-Туу, где братья прятались, все обстоятельно рассказал.

Сказал тогда мудрый Боор:

– Много воинов у наших врагов, окружили они нас заслонами, мыш с трудом проскочить может. Если выйдем днем на голое место у подножья горы, то Чадак нас обязательно схватит. Нужно сейчас, темной ночью, пока враги отдыхают, выбраться отсюда.

В тот же час тронулись братья кромешной ночью в путь. Незаметно миновали стражу, про которую Урат все разузнал, обошли вражеский лагерь и вышли в открытую степь. Оставив врага позади, вскочили на лошадей и пустили их во весь опор. За ночь миновали они Туякту, Талду и Боштуу, уйдя к Шибилику.

Как только взошло солнце, воины Эр-Чадака обложили гору Бай-Туу со всех сторон. Эр-Чадак решил устроить облаву, видя, что сыновья Солтона не показываются. Боялся, что ночью братья могут ускользнуть от него. Вооруженные воины перекрыли все про-

ходы среди скал, обшарили все ложбины и лесные чащи, в каждую пещеру и ямку заглянули. Дозорные высматривали беглецов со всех пригорков и перевалов, искали их на потаенных тропах, но следов братьев не обнаружили. Понял Эр-Чадак, что перехитрили его сыновья Солтона, ускользнули из ловушки.

Делать нечего. Пришлось Чадаку возвращаться восвояси, как говорят, не солоно хлебавши. Не удалось ему пленить сыновей Солтона и выдать их своему повелителю.

Уйдя от преследователей, Боор, Ак-Билек, Апчы и Урат собрали по пути оставшихся в живых людей своего рода и обосновались в верховьях реки Кеньги, в местности, именуемой ныне Яш-Агаш. Леса здесь были богаты непуганой птицей и зверьем. В густых зарослях во множестве водились лоси и маралы. Не зная отдыха, охотились братья с уцелевшими сородичами.

Когда убежали они от Эр-Чадака, то растеряли в пути остатки своего имущества. Теперь из шкур лосей и маралов сделали жилища, сшили одежду из меха когтистых зверей. Приготовили они много мяса и смогли благополучно перезимовать.

Наступила весна. За долгую зиму запасы подъели. Скота у них и в помине не было. Голодать стали. Однажды ночью по берегам Кеньгинского озера послышался волчий вой. Проснулись братья.

– Вот, даже волки завывали, – в сердцах сказал Урат, сглатывая голодную слюну, – не осталось на Алтае пищи ни людям, ни дикому зверю. Все под метлу чужеземцы вымели.

– Нет, братья, – возразил вещий Боор, – это не волки воют. Это подкрадываются к нам воины Эр-Чадака, окружают, хотят в полон взять.

– Откуда здесь Эр-Чадаку взяться? – сказал Ак-Билек. – Что ему здесь делать, когда он знает, что ограбил нас до нитки? Нечем ему больше у нас поживиться.

– Не за нашим имуществом пришел Кривоносый, – сказал Боор. – Он за нами охотится. В плен к богдыхану увести хочет. Нужно немедля уходить отсюда.

Не поверили братья мудрому Боору, не смог он уговорить их пока не поздно спастись бегством. Не послушались они Боора и снова улеглись спать. Только вещий Боор не смыкал глаз, вслушиваясь в тревожную тишину ночи. Знал он, что не волки то воют.

Утром же, проснувшись, братья увидели, что воины Эр-Чадака окружили их стойбище со всех сторон.

– Ну, что, братья, сами видите, кто был прав? – сказал Боор. – Куда теперь денемся? Как уйдем из ловушки? Напрасно вы меня не послушались.

Молчали братья, опустив головы, не смея взглянуть Боору в глаза. Поняли они, наконец, что Боор не только возрастом, но и мудростью их превосходит. Ничего сами придумать не могли и сказали Боору:

– Как вы решите, так и будет. Впредь перечить вам не станем. Вы ведь за главного у нас. Говорите, брат!

– Будем держаться до темноты, – решил Боор, – а когда ночь на землю ляжет, уйдем потайными тропами, как раньше уходили.

Пробили они в стенках аила из коры лиственницы бойницы на все четыре стороны света, приготовили меткие ружья, порох и пули. Стали ждать штурма. Время шло, а воины Эр-Чадака не приближались, все стояли в отдалении, оцепив лагерь.

Когда солнце зашло за полдень, прибыл гонец от Эр-Чадака с посланием. «Боор, – писал Эр-Чадак, – знаю, что хочешь, как в прошлый раз, извернуться да ускользнуть из ловушки. На этот раз темнота тебе не поможет. Мои заслоны ни тебе, ни твоим людям не миновать. Знаю, что будете вы храбро биться, да только напрасно много крови прольете. Предлагаю тебе и братьям сдаться без боя».

Долго молчал Боор, долго думал. Молчали и братья, ожидая его решения.

– Эх, надо же! – наконец воскликнул Боор. – Эл-гал! Гори оно все синим пламенем! Я эр – воин, никогда перед врагами головы не склонял, но, видно, на этот раз придется покориться силе. Будем сдаваться, братья.

Ни Ак-Билек, ни Апчы возражать не стали. Только горячий Урат не согласился:

– Нужно биться до последней капли крови, чтобы честь своего рода не уронить. Что о нас люди говорить будут, если без боя покоримся Кривоносому?!

– Ты не прав, Урат, – возразил мудрый Боор, – если бой примем, обречем на смерть неминуемую не только себя, но и всех людей нашего рода. Не пощадят воины Чадака ни стариков, ни женщин, ни детей малых. Всех их под корень истребят. Кому тогда наш род

продолжить? Какой прок от нашей смерти будет? Лучше сейчас покориться, жизнь людей сохраним, а потом будем думать, как от смерти избавиться.

Не нашел, что возразить на мудрые слова старшего брата ухарь-удалец Урат. Не стал больше спорить. Вспомнил он, что Боор может будущее предвидеть, согласился с ним.

Позвал Боор посланца Эр-Чадака и на том листе написал ответ: «Согласны сдать, если самолично придешь на переговоры. Иному не бывать!» Вручил послание гонцу и отправил его назад в лагерь Эр-Чадака.

Чадак не замедлил приехать. Вошел в аил, как ни в чем не бывало, протянул Боору руку, вежливо поздоровался. Только в глазах его таилась усмешка.

– Что же ты, Боор, мое войско на солнцепеке столько томил, покориться не хотел? Знаешь ведь, что сила силу ломит. Мои воины уже терпенье потеряли, еле сдерживал я их, чтобы они на вас приступом не пошли.

– Нет, Чадак, – не остался в долгу Боор, – не ты своих воинов сдерживал, а наши меткие ружья да черный порох. Видишь ведь, что порох и пули у нас в достатке. Знаешь, большой кровью обошлась бы тебе схватка с нами.

– Что ж, – рассмеялся Чадак, – от хорошего мяса – хороший навар, от достойного мужа – достойное слово. Ну, теперь-то, думаю, дело сладилось?

– Ты, Чадак, Кривоносый сын Эзена, скажи, зачем сюда пришел? Нет у меня коня, которого дал бы мне твой отец, нет у меня даже рваной кошмы, которую дала бы мне твоя мать! Почему же ты преследуешь меня? Гонишь вдоль границ двух великих каанов, словно раненого марала, истекающего кровью? Что же тебе от меня нужно? Чего от братьев моих хочешь? Погибели нашей желаешь?

– Не за животом твоим пришел я, Боор, и ты это знаешь, – возразил Эр-Чадак. – Хочу я, чтобы вместе мы жили, чтобы в подданство Эдиен-Каана ты перешел вместе с братьями и людьми твоими, чтобы остались, как и прежде, мы одним народом, никогда не разлучались. Нет у меня против тебя злого умысла. Почему же ты уклоняешься – хочешь к русским уйти? Что доброго от них получишь, склоняясь под руку Белого царя? Сам Эдиен-Боодо-Каан послал меня за тобой – хочет видеть тебя среди своих сыновей! Не-

ужели ты мне не веришь? Разве не обучались мы с тобой в одном монастыре? Не припадали к истокам вечной мудрости? Как я могу обмануть тебя?!

Много сладких слов говорил Кривоносый Боору и его братьям. Долго они сидели, разговаривали в самом сердце Алтая. Переметнувшийся к Эдиен-Боодо-Каану отступник по прозвищу Эр-Чадак, сын Эзена, и его пленник – славный сын алтайской земли, мудрый Боор. Предвидел он, что все по-другому будет, не так, как Кривоносый обещал. Так оно и вышло.

Вместе с пленниками отряд Эр-Чадака двинулся вверх по Чуе в пределы бывших земель Ойрот-Каана. Переправившись через реку Комду, вступили в земли монголов, но и здесь не остановились. Далеко завезли сыновей Солтона от границ владений Русского царя, прежде чем определили их на жительство. Здесь-то и открылось коварство Кривоносого.

Повинуясь приказу Эдиен-Каана, Эр-Чадак велел братьям пасти табуны лошадей, словно простым пленникам. Чтобы братья не могли общаться друг с другом, не могли побег замыслить, поселили их далеко друг от друга – на расстоянии дневных переходов. Оставили с ними воинов, чтобы караулить их.

Как только Эр-Чадак устроил все с Боором и его братьями, не мешкая, помчался ко двору Эдиен-Боодо-Каана. Принял его владыка и стал спрашивать, как его повеление исполнено, всех ли братьев в полон взял и куда старый Солтон делся?

Рассказал Эдиен-Каану Чадак про то, как вспороли грудь Солтона, и нашли у основания жилы, которая в сердце идет, дивную вещь – волосы.

Услышав об этом, Эдиен-Каан понял, что Солтон и его сыновья – люди особенные, провидцы, обладающие отважными сердцами, которые не будут прозябать в неволе, подобно другим пленникам. И повелел он Эр-Чадаку:

– Нужно загодя умыслы сыновей Солтона упредить, чтобы они вреда нашему царству не учинили. Повелеваю тебе перегнать их вглубь нашей земли через жаркую пустыню на сорок дневных переходов. Чтобы бежать не смогли, прогони их несколько раз по прошлогодним шишкам, дабы ноги изранили, ходить не могли.

Два долгих года жили братья среди чужих племен в тяжелой неволе. Все это время, днем и ночью, думал Боор, как из плена

вырваться. Только ничего придумать не мог. Сторожили его и людей, с ним оставшихся, воины Эдиен-Каана. Не мог он с братьями свидеться, чтобы вместе что-нибудь придумать. Но не терял бодрости духа, повторял про себя: «Все сделаю, а убегу отсюда, не останусь во владениях Эдиен-Боодо, вернусь обратно в родной Алтай».

Однажды промелькнул для него луч надежды. Тайными тропами добрался до стойбища Боора человек от его брата Урата. Передал посланец Боору такие слова:

– Брат мой, научился я делать порох. Когда мешаю его с желчью сурка-тарбагана, обретает он силу невиданную. Если зарядить этим порохом ружье, то пуля пробивает ствол дерева до самой сердцевины.

Возликовал сердцем Боор, услышав добрую весть. Велел он гонцу, не мешкая, возвращаться назад и передать брату, чтобы он немедленно приехал к нему совет держать.

Урат, обманув своих стражей, которые не так строго за ним доглядывали, немедленно прискакал к Боору. Рассказал ему, как он порох делает. Стали они готовить огневой припас, порох смешивали с желчью тарбагана, лили свинцовые пули. Чувяли они, что к ним новая беда подкрадывается.

Неожиданно прибыл к ним посол Эдиен-Каана в сопровождении слуги. Велел созвать в стойбище Боора всех братьев с их людьми. Когда все братья съехались, Боор устроил пир. Приказал резать баранов и кобылиц молодых, приготовить вдоволь араки покрепче. Когда посол насытился и вдоволь араки напился, объявил он, что привез хорошие вести от Эдиен-Каана. Сказал, что каан склонил свое сердце к сыновьям Солтона и решил поселить их на жительство на хорошие земли, где всего будет вдоволь и для скота, и для людей. В подтверждение своих слов посол вытащил из-за пазухи своего шелкового халата свиток, скрепленный печатью правителя, и показал его всем присутствующим, но прочитать не дал. Снова спрятал на прежнее место.

Боор не поверил послу. Сердце ему подсказывало, что посланец Эдиен-Боодо-Каана что-то скрывает. Решил Боор узнать правду. Велел принести еще араки и еды всякой, еще лучше прежней, чтобы соблазнить посланца на продолжение пира. Угощал он гостя до поздней ночи, пока тот не свалился, упившись араки.

Хотел у него грамоту каана взять, да только при нем слуга неотлучно находился. Пришлось унести гостя в отдельную юрту отдыхать.

Боор велел Урату выкрасть у посла свиток, который тот держал за пазухой. Пришел Урат в юрту, где посол отдыхал, а там слуга сидит, глаз не смыкает, караулит. Что делать? Урат стал с ним разговоры разговаривать. Да так слугу заговорил, что тот не заметил, как ловкач Урат незаметно бумагу у посла вытащил.

Вернулся Урат к братьям и передал свиток Боору. Прочитал Боор, грамоту и увидел, что не ошибся он – обмануть их хотел коварный посол. Эдиен-Каан, оказывається, приказал своему наместнику, чтобы отправил он братьев, как опасных злоумышленников, еще дальше вглубь китайской земли, в безводную пустыню, на верную гибель.

Рассказал Боор братьям, что написано в грамоте, и стали они решать, как быть дальше.

– Нужно убить посла и его слугу, – предложил Урат, – и сделать вид, что никакого приказа мы не получали. Спрячем их тела, а наши люди нас не выдадут.

– Убить-то мы их убьем, – сказал Апчы, который храбростью не отличался, – а когда Эдиен-Каан сюда войско пришлет, что делать будем?

– Ваше слово последнее, брат, – сказал Ак-Билек, – сами решайте, что делать, как поступить.

– Да, посла нужно убрать, – решил Боор, – но затем следует, не мешкая, уходить отсюда. Пока каан догадается, что его посол пропал, мы уже далеко уйдем. Если воины Эдиен-Каана нас настигнут, сражаться будем. Нужно побольше пороха и пуль сделать, еды в дорогу запасти. Тебе незваных гостей кончать придется, Урат, сам того хотел.

Взял Урат кованое бронзовое стремя и вошел в юрту, где посол спал. Видит, слуга, наконец, тоже уснул. Подошел он к спящим и ударил одного и другого по темени, прикончил их без крика и без шума. Вернулся и сказал Урат братьям, что все выполнил. Тогда Боор приказал:

– Отберите в табунах лучших скакунов, чтобы у каждого из наших людей по две подмены было. Перевяжите им языки конским волосом и отпустите их в степь, чтобы они траву щипать не смогли,

лишний жир сбросили, к долгой скачке готовы были. Режьте комолых жирных кобылиц, вяльте мясо на солнце. Маток и жеребят не трогайте, чтобы шум не поднимать. Вокруг нас стража рыщет. Если кобылицы жеребят ржанием призывать будут или жеребята маток станут разыскивать, маньчжурские воины догадаются, что мы замышляем. Не должны они знать, что мы бежать собираемся. У посла извлеките желчь и смешайте с порохом, а тела предайте огню и пепел по ветру развейте, чтобы следов от них не осталось.

Братья так все исполнили. Когда испытали порох, смешанный с желчью посла, то пуля, из ружья посланная, пробила ствол дерева насквозь.

Прошло несколько дней. Кони, которым языки перевязали, лишний жир сбросили, животы их подтянулись, словно обручами стянутые. Боор назначил день побега.

Велели братья своим людям только самое необходимое имущество во вьюки паковать, малых детей в люльки положить и покрепче к седлам приторочить. Едва к вечеру со всем управились. Хотели переночевать и с утра в путь тронуться. Но сердце Боора беду почуяло.

– Нужно спешить, братья, – оказал Боор, – слышу конский топот, дыханье сотен всадников, чую, что каан к нам своих воинов послал. Не будем ждать до утра, сейчас же выступать нужно.

На этот раз братья не стали спорить с вещим Боором. Не стали ждать рассвета, тронулись в путь темной ночью. Поскакали они на свет Полярной звезды, в ту сторону, где владения Белого царя были. Долго мчались, нигде не останавливаясь. Наконец, достигли берега широкой реки с незаметным течением. Эта была река Комду.

Никто не знал, где брод здесь есть, где опасные водовороты, в которые всадника с лошастью затянуть может. Стали думать, как переправиться через незнакомую реку, когда в темноте уши коня не разглядишь.

– Ищи брод, Апчы, – сказал Боор.

Апчы, хотя и не очень храбрый был, но не было ему равных, если нужно в незнакомой реке брод найти, в горах проход в скалах отыскать и слух он имел отменный – мог, ухо приложив к земле, услышать дальний шум и топот. Вынул он из-под седла сухую ветку, зажег ее и бросил в воду. Посмотрел, как она плывет, как ее течение крутит. Отмечал, где водовороты на реке, где течение

медленнее, где глубоко, а где мелко. Выбрал Апчы место для переправы и послал коня в воду.

Когда копыта коня ото дна оторвались, бросил поводья Апчы – добрый конь сам знает, где ему легче плыть. Другие за ним стали переправляться и то же сделали. Когда на другой берег выбрались, Боор велел пересчитать людей, все ли целы остались. Все переправились благополучно. Только у одного всадника люлька с младенцем оторвалась от седла и упала в воду.

– На такой переправе потерь не избежать, – сказал Боор, – этого младенца духи реки к себе взяли. Да будет эта жертва во благо, пусть удачу нам принесет. Искать младенца в темноте бесполезно. Едем дальше.

Не стали они на берегу задерживаться, поскакали дальше. Ехали без остановок всю ночь и половину следующего дня. Только в полдень остановились на отдых. Стреножив лошадей, пустили их пастись, сами немного поели. Боор приказал Ак-Билеку, который был искусным кузнецом, выковать восьмигранный железный прут. У Ак-Билека с собой всегда походные меха имелись и инструмент необходимый. Он быстро и так искусно отковал восьмигранный прут по просьбе брата, что все диву дались.

Боор взял прут, воткнул его в землю и наклонил в ту сторону, откуда погоню ждали. На конец прута насадил кусок сырого мяса, которое кровью истекло. С удивлением смотрели на Боора братья и ничего не понимали. Однако спрашивать и сетовать, что они зря время потеряли, никто не стал. Убедились: мудрый Боор ничего не делает без причины, все его дела им во благо будут.

Когда Боор свое дело сделал, снова пустились в путь. Скакали без остановок, пока не достигли мест, откуда берет начало могучая река Чуй. У истоков реки увидели две лысых горы, на которых леса совсем не было. Горы эти возвышались над степью прямо друг против друга, и расстояние было между ними на полет стрелы. Хотели остановиться на отдых у подножья горы, но Боор не позволил:

– Не время коней расседлывать, не место костры разводить. Чувствую я, что погоня настигает нас. Слышу приближающийся топот копыт, ржание лошадей, тяжелое дыхание всадников. Поднимайтесь на гору, укрепляйте лагерь. Здесь придется бой принимать.

Едва успели подняться на вершину горы, стенку из валунов соорудить, как вдали, на горизонте, поднялась туча пыли. Это скакали

воины, посланные на поимку беглецов маньчжурами. С глухим топотом приближались всадники, размахивая кривыми саблями. Во главе скакал заклятый враг братьев, коварный Эр-Чадак Кривоносый.

Когда Чадак увидел, что братья успели на вершине горы укрепиться, не стал он посылать своих воинов на штурм. Знал, что много крови прольется – все братья меткие стрелки и отважные воины. Решил он взять их измором, подождать, когда у осажденных еда кончится, запасы воды иссякнут. Когда же все ослабеют от голода и жажды, то можно брать их голыми руками.

Приказал Эр-Чадак своим воинам разбить лагерь на склоне другой горы, чтобы можно было за беглецами наблюдать. В степь послал дозоры, чтобы никого из беглецов не упустить, если они к ручьям за водой захотят спуститься.

Вышел на склон горы Чадак и крикнул:

– Эй, Боор, что ты мне за загадку загадал? Зачем восьмигранный прут с куском мяса в землю воткнул?

– Разве ты, сын Эзена, все забыл, чему нас в монастыре мудрые монахи учили? Неужели ничего не понял?

– Признаюсь, твою загадку не разгадал я, хотя целый день там простоял. К чему ты все это затеял?

– Да к тому, – рассмеялся Боор, – чтобы ты день потерял, дал нам время свой лагерь укрепить. В чистом поле нам сражаться с тобой не с руки, слишком мало нас против твоего войска.

Обозлился Эр-Чадак, что Боор его так провел, а братья и все остальные еще раз подивились мудрости своего предводителя. Тогда решил Кривоносый тоже на хитрость пойти. Велел он своим воинам разжечь костры, мясо варить и людей Боора едой дразнить, холодной свежей водой приманивать.

– Не хотите ли с нами жирного мяса поесть? – кричали воины Чадака беглецам. – Не хотите ли чаю с талканом напиться?

На хитрость умный Боор ответил другой уловкой, стараясь обмануть врагов. Велел он нацедить полное ведро лошадиной мочи, а в мешок из-под талкана порох насыпать. Вышел он на склон горы и стал на виду у маньчжурских воинов мочу из ведра плескать, приговаривая, что воды у них вдоволь – не жалко на землю вылить. Потом поднял мешок с порохом и крикнул:

– Эй, вояки, когда у вас талкан закончится, приходите к нам, мы с вами поделимся!

Призадумался Чадак, когда все это увидел. Решил, что и впрямь у беглецов запасов много, придется много дней осаду держать. У его войска тоже припасы могут кончиться, как тогда назад возвращаться? Если от голода и жажды ослабеют, как с удалцами-сыновьями Солтона сражаться будут? Решил он дело побыстрее закончить, замыслив очередную хитрость.

Предложил Эр-Чадак вещему Боору выйти на поединок, один на один сразиться. Кто победит, того и верх будет. Если Чадак Боора убьет, его люди должны будут без боя покориться. Если же Боор победит, то маньчжурские воины ему дорогу откроют, без урона отпустят. Боор согласился, потому что у беглецов еды совсем не осталось, последние капли воды допивали.

Договорились они, что завтра на рассвете каждый станет на условленном месте, на склоне горы на расстоянии выстрела. Будут пытаться свое счастье, искать воинскую удачу.

У Чадака был свой замысел. Эдиен-Каан пожаловал ему железный панцирь, который ни одна пуля пробить не могла. Поэтому Кривоносый выйти на поединок не опасался. Он был уверен, что Боор про его хитрость не знает. Однако он жестоко ошибся.

Провидец Боор позвал к себе в палатку Ак-Билека, который был самым искусным стрелком, не знающим промаха. Сказал брату Боор:

– Я знаю, что Эр-Чадак выйдет на поединок в железном панцире, который ни одна пуля не возьмет. Он уверен в победе. Поэтому предложил мне первому стрелять, чтобы я не отказался от поединка. На его хитрость мы должны ответить своей. Ты умеешь самых осторожных тарбаганов скрадывать. Ночью спустишься вниз и затаишься поближе к тому месту, где Чадак будет стоять. Слушай внимательно. В грудь Чадаку, знаешь, стрелять нельзя. Будет у него только одно уязвимое место. Когда он ружье вскинет к плечу, панцирь приподнимется и пупок откроется. Ты должен туда прицелиться и не промахнуться. Нам нужно выстрелить одновременно, чтобы воины его ничего не заметили. Как только я крикну: «Эй, Чадак, держи мою пулю!», – ты сразу стреляй. Смотри, не промахнись! От этого выстрела судьба всего нашего рода будет зависеть.

Вечером Ак-Билек велел обернуть себя сухим камышом, чтобы на желтой траве незаметным оставаться. И затаился неподалеку от того места, где на восходе солнца Чадак должен был встать.

Зарядил он ружье порохом, смешанным с желчью посла. Думал: если в пупок врагу не попадет, то такая пуля и железный панцирь пробить сможет.

Наступило утро. Едва над вершинами лысых гор поднялось солнце, вышел из своей палатки Боор и стал на условленное место. То же и Чадак сделал. Панцирь его был скрыт под шелковым просторным китайским халатом, расшитым золотом. Позади своих предводителей, на безопасном расстоянии, усеяли склоны гор их воины.

Прицелился Боор и ждет, когда Чадак ружье вскинет. Как только Эр-Чадак приклад к плечу поднес, крикнул Боор: «Эй, Чадак, держи мою пулю!» Два выстрела слились в один – Боора и Ак-Билека. Пошатнулся Чадак и упал навзничь, наповал сраженный пулей. Так до сих пор и неведомо: то ли Ак-Билек в пупок попал, то ли пороховой заряд, смешанный с желчью слуги Эдиен-Боодо-Каана, помог железный панцирь пробить.

В стане маньчжуров раздались крики отчаяния, когда воины увидели, что Боор сразил Чадака, который носил непробиваемый железный панцирь.

– Горе нам! Горе нам! – вопили воины. – Ждет нас казнь лютая за то, что не смогли мы славного Эр-Чадака от гибели уберечь. Не простит нам Эдиен-Каан, что у нас на глазах погиб его военачальник, которого он за доблесть Железной Грудью – Тёшу-Маатыр называл.

Крикнул Боор громовым голосом, перекрыв шум и вопли во вражеском стане:

– Слушайте, воины! Ваш предводитель, хваленый Тёшу-Маатыр, чтимый вами, сражен моей пулей! Удача нас нашла. Освободите нам путь, как уговорились.

Делать нечего. Свернули маньчжурские воины свои палатки, погрузили на коня тело командира и поехали назад, навстречу своей судьбе, поклявшись, если в живых останутся, никогда не ходить войной на Алтай, где такой богатырь, как Боор, живет, пули которого железный панцирь пробивают.

Сыновья Солтона тоже, не мешкая, снялись с места и отправились в путь-дорогу. Тяжел был их путь по безлюдной Чуйской степи, где не могли укрыться всадники от лютых ветров. За эти страшные дни все так ослабели от голода, что еле ноги передвигали. Некоторые не выдержали лишений и навсегда остались в чужой земле.

Когда смерть им в глаза заглянула, приехали они к ручью, берега которого были из белой глины. Там Боор еще раз спас своих сородичей, проявив мудрость. Вычитал он в старинных книгах, что белую глину в крайних случаях есть можно. Велел он своим людям воду взмучивать и пить этот раствор, чтобы хоть немного сил обрести, дабы продолжить путь.

Послушали они доброго совета, стали воду с глиной пить, и понемногу голод их отпустил. Боор, как мог, подбадривал людей. Говорил, что чувствует скорую перемену в их судьбе. И снова сбылось предвидение Боора. Назавтра в полдень увидели беглецы вдали озерцо с изумрудными берегами. А возле воды – матерого марала-рогача. Остановились они, не веря своим глазам.

– Смотрите, люди, – сказал Боор, – это Небо посылает нам спасение. Небо дает нам знак, что судьба будет к нам благосклонна. Если уьем марала, все спасемся. У нас осталась одна пуля. Я сам пойду к озерку, а вы здесь оставайтесь.

Повалились измученные люди на землю, а Боор спешил и стал ползком подкрадываться к маралу, сливаясь с землей. Вскоре пропал Боор из виду. Долго ждали люди, последнюю надежду на спасение потеряли. Вдруг увидели, что в воздух поднялась струйка дыма, от озера звук выстрела донесся, а марал упал как подкошенный. Откуда только силы взялись. Поспешили люди к озерку.

На зеленую траву возле воды пустили пастись лошадей, а сами к Боору бросились. Он успел освежевать марала, а из печени шашлык поджарить. Закричали все, почему так мало еды приготовил. Самые нетерпеливые ножи вытащили, хотели марала пластать, чтобы мясо на углях жарить, но мудрый Боор им не позволил:

– Вы долго голодали и желудки ваши сохлись как крепко сжатый кулак. Если сейчас много мяса съедите, никого в живых не останется.

После этих слов опомнились люди, успокоились. Боор разрезал печень марала на кусочки величиной с ноготь и всем раздал. Следил, чтобы не глотали печень, а сосали, как младенец соску, тогда все обойдется.

Несколько дней отдыхали люди и кони возле озерка, где марала встретили, сил набирались. Потом, сытые и повеселевшие, дальше в путь двинулись. Вскоре показались сверкающие ослепительным блеском в лучах солнца снежные вершины священных

Зарядил он ружье порохом, смешанным с желчью посла. Думал: если в пупок врагу не попадет, то такая пуля и железный панцирь пробить сможет.

Наступило утро. Едва над вершинами лысых гор поднялось солнце, вышел из своей палатки Боор и стал на условленное место. То же и Чадак сделал. Панцирь его был скрыт под шелковым просторным китайским халатом, расшитым золотом. Позади своих предводителей, на безопасном расстоянии, усеяли склоны гор их воины.

Прицелился Боор и ждет, когда Чадак ружье вскинет. Как только Эр-Чадак приклад к плечу поднес, крикнул Боор: «Эй, Чадак, держи мою пулю!» Два выстрела слились в один – Боора и Ак-Билека. Пошатнулся Чадак и упал навзничь, наповал сраженный пулей. Так до сих пор и неведомо: то ли Ак-Билек в пупок попал, то ли пороховой заряд, смешанный с желчью слуги Эдиен-Боодо-Каана, помог железный панцирь пробить.

В стане маньчжуров раздались крики отчаяния, когда воины увидели, что Боор сразил Чадака, который носил непробиваемый железный панцирь.

– Горе нам! Горе нам! – вопили воины. – Ждет нас казнь лютая за то, что не смогли мы славного Эр-Чадака от гибели уберечь. Не простит нам Эдиен-Каан, что у нас на глазах погиб его военачальник, которого он за доблесть Железной Грудью – Тёшу-Маатыр называл.

Крикнул Боор громовым голосом, перекрыв шум и вопли во вражеском стане:

– Слушайте, воины! Ваш предводитель, хваленый Тёшу-Маатыр, чтимый вами, сражен моей пулей! Удача нас нашла. Освободите нам путь, как уговорились.

Делать нечего. Свернули маньчжурские воины свои палатки, погрузили на коня тело командира и поехали назад, навстречу своей судьбе, поклявшись, если в живых останутся, никогда не ходить войной на Алтай, где такой богатырь, как Боор, живет, пули которого железный панцирь пробивают.

Сыновья Солтона тоже, не мешкая, снялись с места и отправились в путь-дорогу. Тяжел был их путь по безлюдной Чуйской степи, где не могли укрыться всадники от лютых ветров. За эти страшные дни все так ослабели от голода, что еле ноги передвигали. Некоторые не выдержали лишения и навсегда остались в чужой земле.

Когда смерть им в глаза заглянула, приехали они к ручью, берега которого были из белой глины. Там Боор еще раз спас своих сородичей, проявив мудрость. Вычитал он в старинных книгах, что белую глину в крайних случаях есть можно. Велел он своим людям воду взмучивать и пить этот раствор, чтобы хоть немного сил обрести, дабы продолжить путь.

Послушали они доброго совета, стали воду с глиной пить, и по-немногу голод их отпустил. Боор, как мог, подбадривал людей. Говорил, что чувствует скорую перемену в их судьбе. И снова сбылось предвидение Боора. Назавтра в полдень увидели беглецы вдали озерцо с изумрудными берегами. А возле воды – матерого марала-рогача. Остановились они, не веря своим глазам.

– Смотрите, люди, – сказал Боор, – это Небо посылает нам спасение. Небо дает нам знак, что судьба будет к нам благосклонна. Если убьем марала, все спасемся. У нас осталась одна пуля. Я сам пойду к озерку, а вы здесь оставайтесь.

Повалились измученные люди на землю, а Боор спешился и стал ползком подкрадываться к маралу, сливаясь с землей. Вскоре пропал Боор из виду. Долго ждали люди, последнюю надежду на спасение потеряли. Вдруг увидели, что в воздух поднялась струйка дыма, от озера звук выстрела донесся, а марал упал как подкошенный. Откуда только силы взялись. Поспешили люди к озерку.

На зеленую траву возле воды пустили пастись лошадей, а сами к Боору бросились. Он успел освежевать марала, а из печени шашлык поджарить. Закричали все, почему так мало еды приготовил. Самые нетерпеливые ножи вытащили, хотели марала пластать, чтобы мясо на углях жарить, но мудрый Боор им не позволил:

– Вы долго голодали и желудки ваши ссохлись как крепко сжатый кулак. Если сейчас много мяса съедите, никого в живых не останется.

После этих слов опомнились люди, успокоились. Боор разрезал печень марала на кусочки величиной с ноготь и всем раздал. Следил, чтобы не глотали печень, а сосали, как младенец соску, тогда все обойдется.

Несколько дней отдыхали люди и кони возле озерка, где марала встретили, сил набирались. Потом, сытые и повеселевшие, дальше в путь двинулись. Вскоре показались сверкающие ослепительным блеском в лучах солнца снежные вершины священных

гор. Коснувшись подножья Катунских Столбов (горы Белухи) копытами своих коней, сыновья Солтона миновали Оймонскую долину, перевалили через Теректинский хребет и попали в долину реки Урсул. Росли здесь густые травы, текли прозрачные ручьи и речки полные рыбы, в лесах было множество зверя и птицы. Многие захотели в этом месте обосноваться. Пришли к Боору и спросили – так ли они думают, правильно ли это будет? Отвечал им мудрый Боор:

– Хороша здесь земля, однако спешить не будем. Вспомните, как в этих местах мы хотели свои стойбища ставить, сколько раз враги нам неисчислимые беды приносили? Остановимся здесь и будем ждать знамения. Небеса подадут нам знак: здесь ли оставаться или в другое место идти. – А какой знак – не сказал. Известил лишь всех, чтобы замечали они необычное и об этом ему рассказывали.

Провели они на берегу Урсула много времени. Кони их стали гладкими, люди тоже поправились, повеселели. Но не было у них настоящей радости – не знали, где придется им обосноваться, чтобы жить-поживать, своих детей растить, близких земле предавать.

Однажды пришел к Боору пастух и сказал, что первый раз видит, чтобы буланая кобылица принесла сразу двух жеребят. От других он слышал: такое случается очень редко. Похвалил его Боор за эту весть и объяснил всем, что это и есть знамение. Собрались люди посмотреть на кобылицу с жеребятами. И вправду жеребята уродились необыкновенными. Всего несколько дней им от роду было, а они уже через спину матери перескакивали.

Сказал Боор, что это и есть то знамение, которого он ждал. Опять не поняли люди глубин мудрости Боора. Не понимали, как буланая кобылица или жеребята-двойняшки могут помочь им определиться на жительство. Объявил им тогда мудрый Боор:

– Загоните кобылицу и жеребят в реку Урсул и отпустите, не мешайте им. К какому берегу поплывут, туда и нам идти, на жительство становиться.

Так и сделали. Завели кобылицу в воду, чтобы ее копыта дна не чувствовали и отпустили. Буланая кобылица сразу поплыла к дальнему берегу, невзирая на сильное течение и холодную воду. На ближний берег даже не оглянулась. За нею жеребята последовали. Вылезла кобылица с жеребятами на берег, фыркнула не-

сколько раз, звонко заржала, встряхнув гривой, и стала щипать луговые травы. Тогда все люди за ними последовали.

Вместе с сыновьями Солтона из маньчжурского плена бежали не только сородичи – кара-найманы, но также манди-тодоши, тёлёсы, иркиты, соёны и другие. Когда все переправились в Каракольскую долину, собрал людей мудрый Боор и сказал им:

– Нам послан знак свыше, что отныне мы должны в этих местах жить, как один народ-юрт. Поэтому должны мы забыть прежние распри, если они были, не омрачать этих благословенных мест враждой и раздорами. Всем вместе предстоит защищать нашу новую землю-родину от захватчиков, если они осмелятся сюда придти.

Обрадовались люди, что пришел конец их скитаниям. Хотели было жилища ставить, обустроиваться, но опять мудрый Боор остановил их:

– Мы нашли место, которое нам нравится. Но чую, что враги нам спокойно жить не дадут. Алчные маньчжуры и сюда доберутся. Нам нужно переходить под руку Белого царя, чтобы воцарились в этих местах мир и спокойствие. Собирайтесь все и поедem в Аба-Туринский острог, где будем шертовать – клятву на подданство принесем. Русский царь нас рабами не сделает, как маньчжуры и казахи грабить не будет. Будем жить под его рукой в мире и согласии.

Через некоторое время со всеми чадами и домочадцами приехали они в Аба-Туринский острог, на месте которого ныне город Новокузнецк стоит. Здесь Боор опять свою мудрость показал. Когда сыновья Солтона пришли к воеводе Аба-Туринскому, тот спросил:

– Чего так запозднились, только что пришли? Все люди, которые хотели к Белому царю в подданство перейти, уже давно шерть испили. Живут в пределах, нами оговоренных. А как с вами быть, я не знаю.

– Мы бедные люди – отвечал Боор, – нас всего сорок две семьи. На всех одна корова и один топор. Издалека мы шли. Разве можно было идти с малыми детишками на руках, когда по пути пропитание добывать приходилось? Хотим мы губернатора видеть, который в Томске сидит, на подданство присягнуть.

Мудрый Боор заранее велел укрыть лошадей, чтобы перед воеводой оправдаться и не выдать, что они в плену у маньчжуров побывали. Предвидел он, что русские власти могли их не принять,

если бы узнали, что они в плену были, от Эдиен-Боодо-Каана убежали. Ссориться с Эдиен-Кааном из-за беглецов русские власти не стали бы.

Подумал воевода и согласился с Боором. Послал гонца в Томск, откуда через несколько дней губернатор со своей свитой пожаловал. Призвал Боора с братьями и спросил:

– Где ты со своими людьми жить будешь? На каких землях охотиться? Нужно обозначать пределы ваших земель, чтобы вы с соседями не ссорились, распрей-драк между вами не было.

– Жить мы хотим, если позволите, – отвечал Боор, – отсюда, от границ черневых лесов, до истоков Катуня. Охотиться будем в горах и лесах, что протянулись до Аракана, который со склонов Катунских Столбов по ту сторону течет.

– Быть по сему, – ответил губернатор, – мы согласны. Об этом решении оповестим китайского Эдиен-Боодо-Каана, а также казахских и халха-монгольских владетелей. Предупредим их, чтобы они границ ваших земель не переступали и никакого беспокойства вам не чинили. Если же они зло умышлят, то у Белого царя вы защиту найдете. Живите отныне с миром. Сегодня вы должны будете шерть испить на верность Русскому царю.

К вечеру выстроился на площади Аба-Туринского острога отряд казаков при оружии. Сюда же губернатор с воеводой и другими начальниками пожаловал. Первыми приняли присягу на верность сыновья Солтона. Вышел вперед Боор и, принося слова присяги, поцеловал свой Судур-Бичик, а затем ствол верного ружья. За ним остальные последовали. У кого ружье было, тот ствол целовал. У кого ружья не было, тот к клинку сабли прикладывался. А смысл этого целования был таков: люди клялись, что никогда на русских ружье свое не направят, никогда саблей не замахнутся.

Когда все присягнули, сказал губернатор на прощание:

– Живите, где сказано. Эти земли отдаем вам на веки вечные, и да будет мир с вами!

С тем он уехал назад, в Томск, а люди Боора еще некоторое время неподалеку от Аба-Туринского острога жили на Чумыш-Байатской земле. Воевода им припасов дал, чтобы они подкормились. По весне Боор с братьями стали кочевать на юг в сторону Кан-Каракольской, облюбованной ими Урскульской землицы. Когда, переправившись через реку Бий, вошли они в пределы отведенных

им земель и постепенно через Катунскую долину достигли реки Урсул, стали братья совет держать, кому где поселиться.

Боор, как старший в роду, обосновался в центре Каракольской долины. Дальше, вниз по течению, разбил свое стойбище Ак-Билек. Апчы выбрал место в долине широкой, на берегу реки Урсул – очень ему красота тех мест приглянулась. Решили братья поближе друг к другу держаться, чтобы можно было помочь, если нужда пристанет. Только своевольный Урат по-своему решил.

Когда из плена бежали, этот удалец, оказывается, успел присмотреть себе красивую девушку в Оймонской долине. Сказал он братьям:

– Не смогу я на одном месте жить, в Каракольской долине простора нет. Поеду в Оймон, на границу, где меня невеста ждет.

Нравом своим Урат совсем не был похож на остальных братьев. Очень легкий у него характер был. Прихвастнуть любил. Как говорят, никогда охулки на руку не положит. Да еще наряжаться он любил. Одежда его ото всех отличалась. На стремена он подвесил звонкоголосые бубенчики – шикширге с яркими шелковыми кисточками на концах. Такие же бубенчики и кисточки на поясе себе нашил. В седле ли он ехал, пешком ли шел, вокруг малиновый звон раздавался. Услышав его, говорили люди: «Вот и Шикширгелю красавец Урат к нам пожаловал». При всем том был он храбр и верен своему слову.

Стали братья на новых местах обживать. Пришла пора семьями обзаводиться. Первым должен был зажечь свой очаг Боор. Узнал он, что в Бешской долине живет знатный человек из рода тодош. Звали его Чой-Намкай. Решил он к его дочери свататься. Правда, говорили люди, что девушка была с изъяном – немного не в своем уме, хотя и красавица писаная.

Когда Боор приехал в стойбище Чой-Намкай и объявил о своем намерении, отец девушки удивился и сердито спросил:

– Не поиздеваться ли ты над старым человеком приехал? Разве ты не знаешь, удалой молодец, что моя несчастная дочь с изъяном? Неужели ты не мог найти себе другую невесту?

– Не сердитесь, уважаемый отец, не смеяться я над вашей бедой приехал, а с добром. Давным-давно, когда я учился в тибетском монастыре, один гадальщик предсказал мне, что я стану мужем вашей дочери, буду с нею детей растить. Прошу, не препят-

ствуйте, против судьбы не идите, дайте согласие на свадьбу вашей славной дочери!

Однако не мог поверить старый Чой-Намкай, что такой славный человек из крепкого рода-племени кара-найманов действительно хочет взять в жены его дочь. Решил он испытать Боора. Сказал:

– Если хочешь стать моим зятем, вот тебе ствол ружья, сделай к нему приклад. Старый давно сломался, а ружье это хорошее.

Сам же думает: «Посмотрю, какой приклад Боор сделает. Если простой да незатейливый, как для обычного ружья, значит, нет у него серьезных намерений. Если постарается и искусный приклад сделает, отдам за него дочь».

Вернулся Боор домой и сразу пошел на охоту. Целый месяц он по тайге ходил, высматривал марала с самыми развесистыми рогами. Выследил, наконец, красавца-рогача. Дивились люди на красоту маральных рогов, которые Боор добыл, никогда таких ветвистых не видели.

Нашел Боор кусок сухого кедра. Сел в юрте и стал из душистой древесины ухватистый приклад вырезать. Получился у него такой приклад, что словно сам в руку ложился. Стал Боор маральи рога резать и обтачивать. Из кусков выложил на ложе приклада чудесные узоры. Когда прикрепил ствол к прикладу, получилось такое ружье, краше которого ни у кого на всем Алтае не было.

Поехал Боор к Чой-Намкаю и почтительно вручил ружье будущему тестю. Очень понравилось старику рукоделие Боора. Убедился он, что у молодца помыслы чистые, намерения серьезные. Не стал больше препятствовать свадьбе.

Зажили молодые в Каракольской долине, своих коней к одной коновязи привязывали, у одного очага время коротали. Родила Боору жена двух сыновей. Старшего назвали Конко, а младшего Чокон.

Когда люди обжились на новом месте, умножились их стада, дети, что с ними пришли, выросли и другие народились, заметил Боор: уж очень часто они старую землю-родину вспоминают. Решил он, что пришла пора новую Родину освятить.

В месяц большого молока, когда запестрели яркие цветы на лугах, а деревья в лесу оделись в зеленый наряд, когда птицы строили гнезда, песнями заливались, когда кукушка в первый раз прокуковала, оповещая всех, что после суровой зимы пришла весна и наступают дни благодатные, собрал Боор весь народ. Привел

людей на вершину Куу-Туу. Налил до краев в большую пиалу кобыльего молока. Опустил ложку в молоко и брызнул белыми каплями на восток, потом на юг, на запад, и на север. Еще раз брызнул, принеся жертву Солнцу и Луне, духам земли и вод Алтая.

Затем сказал Боор такие слова:

– О шестиглавый Албаган! О двенадцатиглавый Олбуган! О двенадцать Белых Скал, вздымающихся к небу сияющими вершинами у Истоков Черного Иртыша! О Земля, откуда все мы вышли и где начало наше лежит! Не суждено нам к вам вернуться. Этим молением мы с вами прощаемся. Отныне наша Родина будет здесь! На эту землю призываем мы ваше благословение и все доброе, что осталось на старой Родине. Взрастет наш народ сильным и славным. Наш отец, Солтон, не дожил до этих дней. Принял он мученическую смерть от врагов наших у Короты. Отныне зовите долину, где он свою смерть встретил, Местом Великой Утраты – Короты. Ту гору, где мы с Эр-Чадаком сражались, откуда спаслись, в полон не попав, отныне называйте не Дай-Дере с четырьмя выходами, а Вечной Гривой, ибо ледник, с нее спускающийся, похож на гриву скакуна. Поклоняйтесь вы и завещайте детям вашим почитать Вечную Гриву – она священна. Вечная Грива дала нам приют и спасла род наш от гибели. Пока будут сверкать на ее вершине ледники, дотоле народ наш будет жить в мире и благоденствии.

Сказав это, бросил вещей Боор опустошенную пиалу в сторону старой Родины. Кинулись парни искать ее в густой траве, чтобы посмотреть, как пиала упала. Если пиала на донышко стала – это добрый знак. Если опрокинулась – худо будет. Сколько ни искали – найти не могли. Смотрел мудрый Боор на бегущих людей и улыбался. Потом сказал:

– Чего вы ищете? Нет здесь пиалы. Улетела она в те края, откуда мы пришли, и там встала на донышко, опять белым молоком полна.

Быстро пролетали годы. Незаметно подкралась старость к Боору. Предчувствуя свою кончину, пошел он весной в березовую рощу и нарубил множество брызжущих сладким соком белокорых стволов. Положил их сушиться в определенном месте. Людям завещал, чтобы его не зарывали в сырую землю, а после смерти тело предали огню. Велел собрать пепел, что от него останется, отнести на вершину горы Кодёгор и схоронить в пещере. Вскоре Боор умер.

Когда пламя погребального костра угасло, пришли люди в изумление: собирая пепел, нашли они не тронутый огнем эргек – большой палец правой руки почившего и бурый камень, в который его печень превратилась. И вновь убедились родичи и все люди, что Боор, как и его отец Солтон, был не простым человеком. Вспомнили, что своими мудрыми поступками он неоднократно это при жизни подтверждал.

Боор оставил много древних книг – судуров, которые он в трудные минуты перелистывал, когда нужно было будущее открыть и принять решение. Боор повелел эти книги вместе с его пеплом на горе схоронить, ибо, сказал он:

– После меня некому их читать будет. Только через семь-девять поколений, не раньше, может, появится из лона нашего рода мальчик, равный мне по уму и духовному озарению, чистый своими помыслами.

Схоронили люди книги Боора, чтобы недобрый человек силою знания, в них заключенного, во вред людям воспользоваться не смог.

Когда пепел Боора отнесли в ларце, окованном золотыми пластинами в пещеру, то объявили гору Кодёгор заповедной. Отныне ни одна женщина не могла ступать на склоны этой горы. Если стада овец туда заходили, то только мужчины их могли назад вернуть, а женщины-чабаны должны были ждать, пока овцы сами назад не спустятся. Чтобы не беспокоить дух мудрого Боора в месте его вечного успокоения, никто не смел после захода солнца дрова здесь рубить, поднимать шум или громко разговаривать.

После похорон Боора стали люди свидетелями чуда: в небольшой ложбинке на вершине крутого холма, где его тело огню предали, на месте кострища поднялась березовая роща, словно поленья, которые легли на костер, обрели здесь новую жизнь. С тех пор кара-найманы среди всех деревьев особо почитают березу. Никто не может просто так ни срубить ее, ни забавы ради веточку с дерева обломать.

Помнят люди до наших дней еще один завет Боора, который велел новую Родину оберегать, урона ей не наносить. Чтобы чистые источники не осквернять, запретил в их водах посуду мыть и одежду стирать. С тех пор вся Каракольская долина заповедной стала. Звери и птицы себя здесь вольготно чувствовали. Особенно

почитали благородных маралов и выдр, охотиться на которых в этих лесах под горой Юч-Сумер никому не разрешалось. По завету Боора не допускали в долину также шаманов, которые имеют дело со злыми черными духами.

До сих пор особым почетом пользуются у найманов черные лохматые собаки, имеющие желтые пятнышки над глазами. Помнили они слова Боора, что в одну из них может его душа после смерти переселиться и прийти к ним в образе собаки. К другим собакам кара-найманы тоже относятся с любовью: не бьют их, не ругают, если какая в аил войдет, то пинками не гонят.

Предсказаниями своими приоткрыл провидец Боор сородичам завесу над будущим. Многие из них были не поняты современниками и преданы забвению. Лишь малая часть провидческих изречений Боора, передаваясь из уст в уста, дошла до наших дней. Долгими зимними вечерами, размышляя о грядущей судьбе своего народа, старец Боор говорил:

— Одну шестую часть света занимает страна Темир-Чаган-Каана – Русского царя. В стороне заката находится земля Йопыроп – Европа. Русский царь – Ак-Каан носит титул Великого князя – Улу-Бия, помыслы его чисты, как белое молоко. Увы, век Железного Белого Царя недолог. Пройдет несколько поколений, и его низвергнут с высокого трона. Тогда появится Кызыл-Черик – Красное Войско, и воины наденут шапки, сияющие светом пятилучевой звезды.

После этого на одной шестой части света, в землях Темир-Чаган-Каана разразится большая и страшная война. Превеликое множество народу будет истреблено. В те времена вы будете тяжело страдать от голода и жажды. Смертные души свои вы сохраните только за счет пищи по прозванию «боодын мандик» (картофеля).

Эдиен-Каан – разрушитель! В земли Китая, Монголии, дети мои, на жительство никогда не переселяйтесь. Ни в коем случае нельзя этого делать. Запрещено! Там живет очень многочисленный народ, подобный полноводной реке Талай. Перестанет этот народ помещаться в своем алтае, через свой порог перельется, вас с лица земли сотрет и не заметит. Оттого-то вы от этого народа поселяйтесь в отдалении и держитесь осмотрительно.

По дну небесного океана будет летать Темир Куш – Железная птица, и это вы своими глазами увидите. Посреди обычного селения будет бегать Темир Айгыр – Железный жеребец, и это вы сами

увидите. В Петербург доберетесь за время (от утренней до вечерней) дойки кобылиц, в Москву доберетесь за время (от утренней до вечерней) дойки коров. По проволоке, подобной конскому волосу, будете меж собой разговаривать. И это все вы увидите собственными глазами.

И после наступит Бооро Тююки – Смутный век. Настанет срок прежнему веку завершиться. В страшной войне вся поверхность земли сгорит дотла. А после снова на поверхности земли все живые существа произрастут и возродятся. Под высокими горами близко не живите. В ту пору земля затрясется, гора перевернется, изменится. К берегам большой реки близко не живите. В ту пору река расплескается, выйдет из берегов, свое течение изменит.

Будет разгул стихий: холод, буйный ветер, вихрь и ураган нагрянет.

Народ деградирует, поколения смешаются, дети начнут рано развиваться, зато у взрослых ум будет, как у детей.

После появится конь с хвостом, как у комара. Коли сядешь на него, на месте не усидишь.

Появится народ с повадками, как у мошкары, слабый умом, мелочный в делах.

Ездить будете на коне размером с костяную бабку. Ростом станете размером с карыш – пядь. И ума доброго у вас не будет.

В одно время мой народ будет туго жить, как под спудом. Но минет несколько поколений, и наступит время опять проснуться. Появится мудрый муж – баатыр, вновь станет вас уму-разуму учить.

В отверстие иголки на солнце будете смотреть. Из собачьей чашки будете есть.

Кто пса подложит вместо подушки, спокойно не улежит. Кто поселится под рукой Ак-Каана, покоя знать не будет. Установится такая власть, которая будет и утром, и вечером вас самих, беловерцев, и ваш белый скот, как свои пять пальцев, пересчитывать.

Из произведенных Русским царем семнадцати видов пищи будет один под названием «картоп» (картофель). Станете готовить его, кушать да нахваливать: «Какая хорошая, добрая еда!» Среди сорока видов домашнего скота появится у вас скот по названию «какай» (свинья). Станете растить его да нахваливать: «Какая хорошая, добрая скотина!»

В широких вьюках новый товар привезут. Сорока двух видов черный баткыр-чай привезут. Станете его разыскивать, покупать и пить.

Желтый ячмень с круглою головкой появится. Станете его пить, но вкуса у него не будет.

Между аилами вашими побежит неживой синий бык. По глади синего моря поплывет неживой синий бык. Много тысяч товаров на этих быков нагрузят и станут туда-сюда перевозить.

По конскому волосу будете между собой беседовать, разговаривать. В Петербург домчитесь за время дойки кобылиц. В Москву долетите за время дойки коров. На расстояние дня пути туда-сюда ездить станете, и спозаранку назад возвращаться будете.

Станет народ многочисленным, подобно праху земному. Станете бродить туда-сюда, как бестолковые козы. Тени ваши будут длиннее вас самих. Бесов ваших будет больше, чем вас самих.

А править народом будет человек с пятилучевой звездой во лбу.

Шесть стихий, шесть айгулов придет в движение в смутный век Боро Тююки: вода, огонь, ветер, мороз, земля и человек. Все стихии придут в неистовство. Так настанет последний срок – Боро Тююки. Но после того, как случится все это, повторной беды уже не ждите. После завершения смутного времени вы успокоитесь и пребудете в мире.

При слиянии Бии и Катуня произойдет большая битва. Грохот оружия будет настолько силен, что вам, живущим в Каракольской долине, он покажется треском огня за стеною жилища. В то же время ваши голоса покажутся вам настолько тихими, что едва сможете расслышать, окликаая друг друга. Бий-Катунь (Обь) потечет тремя потоками: два потока с водой, а третий с кровью. Тончайшей резьбой изукрашенные кремневые ружья, из которых стреляют, прицеливаясь, на поле боя во множестве вы оставите. Рукоятки сабель и копий будут валяться повсюду, как дрова, что и за два года не истопить. После этой битвы война закончится. И народ снова восстановится, возродится.

Многие предвидения уже сбылись, другие еще ждут своего часа.

Пока рассказывал все это Боор, неподалеку сидел один его внучатый племянник, человек небольшого ума. Подражая своему мудрому дяде, племянничек делал вид, будто бы он человек зна-

ющий, хотя и грамоте обучен не был, и священные судуры читать не мог. Это племянничек шнырял туда-сюда между юртами, смущая умы молодежи. А сам около дядюшки все время вьюном вился, прямо в рот ему смотрел, а особенно, прислушивался к тому, что тот говорит, открывая священные книги, и всюду встревал, мешался. Уж такой был человек! Так вот, слушая пророчества, да не дослушав Боора до конца, племянник как-то раз брякнул:

– Ну, зачем же нести такую чушь!

Печально глянул на него Боор и, как бы жалея его, сказал:

– Вот, горе-то! Какой мелкий народец народился! Не думал я, не гадал, что доживу и увижу таких людей своими глазами. А мне-то казалось, что такие тёмные и круглые дураки народятся в куда более отдаленные времена. Оказывается, время пустоголовых глупцов уже пришло!

И после этого в присутствии посторонних Боор прекратил вести пророческие речи, и всегда замолкал, если в аил входили гости.

В час, каждому предопределенный, ушли из этой жизни братья Боора, сыновья Солтона. Ак-Билека схоронили в Сетерлю, где его могила до сих пор сохранилась. Апчы лежит на высоком холме, который с тех пор называют Апчы-Боом, что в кеньгинском Талду. Урат, отделившийся от братьев, почил в Кастакту в Оймонской долине. Все оймонские и яламанские кара-найманы ведут свой род от него.

Шли годы, и многочисленные потомки сыновей Солтона составили новый народ, целый аймак людей. Свой край, где живут, называют Алтайским улусом. Выносливы и жизнестойки эти люди, характер у них открытый и доброжелательный, потому что кара-найманы, как раньше было сказано, соединились здесь на новом месте с другими сёёками-родами и вобрали в себя лучшие черты каждого. Называют же все они себя алтай-киши – алтайские люди, чтобы никому не было обидно, что одно племя себя выше других захотело поставить, потому что все мы – дети одного Алтая.

Предание было впервые записано Б.Я. Бедюровым со слов родного дяди Кейлюка Майчикового зимой 1969 г.

После предание было дополнено Келюком Майчиковым, а также его двоюродным братом Айылдашем Анатовым в 1970–1980-е годы в с. Кулады.

Пересказ на русский язык Б.Я. Бедюрова, Ю.В. Фельчукова, Е.В. Королевой.

Предания о князе Ярынаке

1. Роды Чуйской степи

У нас, алтайцев Чуйской степи, именуемых иногда прежним именем теленгит, имеется множество различных родов-сёёков. Почему они так называются, как и откуда они произошли – обо всём этом у людей возникает множество вопросов, часто дело доходит до споров и перебранок, а объяснить толком некому, хотя каждому хочется лучше узнать свою родословную. Старых людей, знатоков ныне мало осталось – не мудрено ошибиться да заблудиться, пытаюсь пробиться к истине.

Ну, взять, к примеру, людей из рода тёёлёс. Их у нас больше всего в селах Куурай, Кызыл-Таш и Белтир, а в других местах их мало или почти нет. Тёёлёсы наши подразделяются на кара-тёёлёс и оргончы-тёёлёс, причем последних у нас больше.

О каждом роде-племени существуют свои присказки, свои присловия и дразнилки. Так, про тёёлёсов повелось говорить: «Нет скотины крупнее верблюда, нет сёёка крупнее тёёлёсов». Может в других аймаках тёёлёсы преобладают числом, но в Чуйской степи на деле больше людей из родов кёбёк, кыпчак, сагал и моол.

Как я слышал от старых людей, прежде всех в Чуйской степи появились кыпчаки и кёбёки. Они и есть самые старинные роды-сёёки у нас. Вот и выходит, что Чуйская земля издревле являлась колыбелью нашего народа. Все несметные курганы, которыми усеяна наша степь, это могилы наших древних предков. Так рассказывал Улаков Макадян из рода моол. Скончался старец еще в 1967 году в возрасте семидесяти восьми лет.

Поведал он следующее предание.

Человек по имени Ярынак был родом из внутренней Алтайской земли. Как-то ходил он походом на монгольскую сторону, где повоевал с монголами – дёрбётами и халхасами. Ярынак возвращался к себе на родину, отбив немного сородичей из монгольского плена. По пути остановился он на отдых в местности Улаан-Хусу, что переводится на наш язык как Кызыл Кайын – Красный березняк. Местность эта находится за хребтом, по ту, монгольскую сторону, в нынешнем Байан-Ульгийском аймаке. Крепко притомились его люди, устали держаться в седле во время бесконечного, казалось, перехода. Воины испытывали сильную жажду и голод.

Ярынак решил воинам дать роздых на два дня близ пределов родной земли.

И вот, когда все хорошенько подкрепились и утолили жажду добрым айраном, когда в потухших было от усталости глазах людей зародились веселые огоньки, Ярынак собрал их в круг.

– Воины мои, – обратился он к ним, – среди людей, которых мы отбили, как вы знаете, имеются двое сирот. Мы не знаем ни роду-племени, ни имен этих ребят. Может, они нашего корня, а может, и монгольского. Только видите, один из них русский, а другой смуглый. К народу нашему народ прибавился, к головам нашим головы добавились. Коль так, надо нам определить их между нами.

Там и порешили прозвать русого сары-моол, а смуглого кара-моол. После от них пошли дети и постепенно моолы умножились так, что теперь существуют у нас сёёки кара-моол и сары-моол.

Славный да известный был на всем Алтае и вокруг него богатырь Ярынак. Говорят, Ярынак был родом ак-кёбёк. Никто не может с точностью сказать, когда и как появились первые кёбёки, а значит, они древний род, и среди них существуют свои разделы: ак-кёбёк – белые, кара-кёбёк – черные и тас-кёбёк – плешивые.

В роду Ярынака все были наследственные зайсаны. Этих кёбёков больше в сторону Кёкёри, в верхней части Чуйской степи. Не знаю, правда или нет, но слышал о том, будто бы кёбёков много еще на Сойонской (тувинской) земле.

О появлении и разделении кыпчаков сообщаю по рассказам двух старцев. Это были Уканов Уба из рода кыпчак, почил он давно, в 1975 году, в возрасте восьмидесяти лет, а второй – Тебеков Ябак из рода моол, скончался в 1965 году в возрасте семидесяти шести лет.

Так вот, это событие произошло будто бы тогда же, когда Ярынак шел из Монголии к себе на родину, вглубь алтайской земли. Дойдя до реки Кобдо, Ярынак переправился на левый берег, где дал войску своему трехдневный отдых и устроил большой праздничный пир – байрам-диргал. Повелел забить молодую кобылицу – байтал, чтобы, оделяя воинов по заслугам, разбить их на соответствующие родовые разделы и колена.

Самые лучшие куски достались самым доблестным и отважным, определив степень заслуг и достоинств каждого.

Тот, кому дали загривок – ял, стал прозываться ялчы-кыпчак или передний кыпчак. Кому отрезали кусок со спины, тому дали

имя ак-кыпчак, то есть белый кыпчак. Кому досталась вкусная кыйма – начиненная мясом прямая кишка, – наречен был кёденчи-кыпчак, то есть задний кыпчак. Ну, а кому достался кусок от крестца, того прозвали кюндючи-кыпчак, что означает почетный или почитаемый кыпчак. Кому отрезали кусок от ляжки, тот получил имя тумат-кыпчак.

Помимо известных, корневых родов, таких, как кыпчак, кёбёк, тейёлес или сагал, встречаются в Чуйской степи носители других, очевидно, пришлых родов. Например, род тонгужаан или тонгжоон, которые, возможно, происходят от тодошей. Алматы имеют два подраздела – кара-алмат и сары-алмат, черные и желтые. О роде иркит рассказывал Энчинов Эземей, который скончался в 1967 году в возрасте семидесяти двух лет. По его рассказу выходило, что иркиты пришли к нам с Иркит-Сойонской земли, но когда это было, не уточнил.

О них, иркитах, существует такое предание.

На территории нынешнего колхоза «Кызыл Мааны» находится местность, называемая Сёек-Тыт – Лиственничный лес, усеянный костями. Такое название поясняется тем, что здесь произошло побоище.

Было дело так. В старину на этом самом месте, в лиственничном лесу, играли свадьбу – той одного парня из тех самых сойонов, перекочевавших сюда из Сойонской земли. На свадьбу собрали несметное количество араки и чегеня, чтоб наварить из него араки тут же, если запасы питания начнут иссякать. Напившись допьяна, сойоны запели, восхваляя самих себя:

Меринов у нас не счесть –
Могут всходы потравить,
Нам, иркитам, нет числа –
Нас врагам не истребить!

А пока, бахвалясь, пели и пировали, на них неожиданно напало монгольское войско и всех перебило, говорят. Хмельные сойоны не смогли оказать им даже мало-мальского сопротивления.

Встречаются на Чуйской земле отдельные представители или семейства таких родов, как ябак, тодош, дети-тас, майман, кергил. Но это роды не местные, а пришлые.

Послушать старых людей, знатоков родословных – выходит так, что алтайский народ делится на сёеки – роды и разделы согласно какому-нибудь событию, особенному случаю, отличительному происшествию, которое запомнилось, отложилось в памяти людской. Например, в связи с важным переселением или с войнами и битвами, а то и просто с мирным пиром, хорошей свадьбой. А потом как повелось, так и продолжилось. Случайно ничего не происходит. А попусту название роду никто не мог бы дать или сам придумать. Включение в свой род чужих или, напротив, выделение из него тем более не могло пройти незамеченным и всегда отражалось в родовых названиях.

Например, в селе Белтир живет единственная ойротка. Это Тебекова Эземей, дочь Орусбая. Всю жизнь она работала чабаном, славилась своим трудом. Ей уже за семьдесят лет и она давно на пенсии, но мало кто интересовался происхождением её рода. И никто в селе не знает, откуда происходит ее род ойрот – из Тувы или Монголии. Хочется изыскать корни этого ойротского рода. И где еще и у какого народа встречается род ойрот. Ведь многие из алтайских родов-племен присутствуют и среди других народов, являющихся нам братьями по чистым костям своим.

Поэтому и мы, люди Алтая, где бы мы ни встретились друг с другом, никогда не забудем спросить у человека, какого он роду-племени и где его земля-вода. Тем самым мы устанавливаем, кем доводимся друг другу – близки мы или нет, кто кому брат или сестра, дядя или племянник. Так повелось со времен изначальных и так пребудет, пока существует на свете алтайский народ и пока он помнит себя и свою родословную.

*Пересказ на русский язык Б.Я. Бедюрова и Ю. Фельчукова
по записи Торыка Энчинова из с. Курай,
Кош-Агачский аймак, конец 1970-х годов.*

2. Ярынак – родоначальник ак-кёбёков

Издавна в нашем роду велась книга, которую называли Текпе Бичик, где велась запись нашей родословной от поколения к поколению. От отца к сыну передавалась она по наследству. Мы ее лишились не столь давно, когда пошла смута и ссылали невинных людей в отдаленные края только за их родовитое и знатное происхождение.

Мы, ак-кёбёки, происходим от славного Ярынака, все мы свою родословную исчисляем, начиная с него. Это он первым укрепился на берегах Алтын-Кёля и долине Ак-Чолушпы, отстояв эти земли для нас, своих потомков.

Мой род пошел от одного из его сыновей – Бюдюгеша. Сыном Бюдюгеша был Бёдё, сын Бёдё – Тесегеш, сын Тесегеша – Чычкан, сын Чычкана – Мандай, сын Мандая – Очурдяп, сын Очурдяпа – Макайла, сын Макайлы – Чындый, а сын Чындыя – я, Кадыр. Вот я сижу перед вами, как отец шестерых дочерей и четырех сыновей. Сколько после Ярынака сменилось колен? Считай, что десятое ходит по этой земле, продолжая его род.

Все потомки Ярынака до Очурдяпа были наследственными зайсанами рода ак-кёбёков, а после Очурдяпа, когда он добровольно сложил свои полномочия, приняв буддийский духовный сан, власть перешла к его родственнику по отцовской линии Кудай-Бергену. Все мои предки до седьмого колена женились на девушках из рода тёёлёс, обладавшего среди теленгитов такой же наследственной зайсанской властью.

При зайсане Мандае мы, Чуйский народ, окончательно перешли в подданство Белого Царя, и границы наших земель составили край его владений по горам и хребтам Южного Алтая.

При внуке его Очурдяпе на Чую пришли казахи. Это он разрешил им поселиться среди нашего народа, в приграничной с Китаем полосе нашей земли.

Родоначальник наш Аба-Ярынак (мы, почитая его память, называем его Отче) на Чуе, в этой степи никогда не жил и не бывал. Воды Алтын-Кёля – Золотого озера были ему местом водопоя, а становище имел он на Ак-Чолушпе – в долине реки Белой Чолушпы, которую ныне переименовали, исказили в «Чолушман». А кто полагает местожительством Ярынака Чуйскую степь, тот, очевидно, ошибается или же, заблуждаясь, явно с кем-то другим путает. Не расслышал, видать, или чьи-то домыслы приводит. И в Монголию Ярынак набегов не совершал. Не до того было, беспокойства от других соседей хватало.

А в эту обширную степь посреди высоких снежных гор в верховьях реки Чуй – лучшую из кочевий теленгитов на Алтае – первым из ак-кёбёков перебрался наш предок в шестом колене – зайсан Мандай. Вместе с ним спустились и другие люди из всех телен-

гитских родов. Они смогли перебраться сюда только после того, как отсюда ушли прежние насельники – дёрбёты в связи с отходом ойротских земель под власть Эдиен-Каана, завоевавшего все владения бывшего Ойрот-Каана, кроме нашего Алтая. Когда тут владычествовали ойроты дёрбётского племени, мы, теленгиты, оттеснены были ими в суровые горы Улагана и прижаты к тайге у берегов Алтын-Кёля.

Иногда мы роднились с ними, особенно охотно дёрбёты любили брать у нас невест. Хороши были теленгитские красавицы, славились далеко среди окрестных племен.

А после мы оказались меж владений двух государей – Эдиен-Каана и Ак-Каана, что, впрочем, теленгитов мало печалило. Подати исправно платили как бы надвое, а жили сами по себе, никому не подчиняясь.

О зайсане Мандае мне рассказал еще в 1953 году Башпаков Чыркырак, живший в селении Чаган-Оозы. Почтенному старцу было в ту пору семьдесят четыре года, он все хорошо помнил и рассказывал, не утаивая и не прибавляя, о нашей старине, а я хорошенько слушал, ловил на лету каждое его слово, запоминал. Дед Чыркырак родом был кыпчак, пустых речей не водил, отличался добрым нравом и умом, хранил в памяти многие старинные предания. Так, Мандая он, между прочим, описывал следующим образом:

– Был Мандай старшим среди девяти зайсанов Алтая. Конь-трехлеток – тай – не мог его носить, спина тая прогибалась под кряжистым седоком. В тесную дверь не мог Мандай проходить – таким он был тучным...

Дед Чыркырак умолкал ненадолго, пока трубку набивал, затем продолжал рассказ. Родился он еще при зайсане Очурдяпе и богаче Саме, владевших несметными табунами, а сколько всего скота у них было, и сами они едва ли знали.

Да, еще рассказывал он о том, как и от кого пошел род моол. Раньше среди нас, теленгитов, такого рода и в помине не было. Приключилось это в то время, когда Мандай, зайсанствуя, сидел уже в Чуйской степи.

Как-то раз к ним явились двое беглецов из халхасской земли. Оказалось, малые совершили у себя в родных краях тяжкую провинность, были уличены в грабежах и сопротивлении властям, и там их ожидал суровый суд сановников-сайытов, а затем и скорая

расправа. И вот, желая, значит, избежать суда и наказания, парни сумели убежать и каким-то чудом, минуя китайские караулы, перевалили к нам в Эре-Чуй.

Явившись в наши пределы, они, преклонив колени и опустив головы, припали к стопам великодушного зайсана Чуйской степи. Выслушал он покаянные речи чужаков. Мандай понимал, что при случае с людьми Эдиен-Каана ему следует поступать осмотрительно. Из-за беглецов могли последовать неприятности, узнай порубежные власти о том, что они укрылись у теленгитов. Ведь теленгиты и сами были как бы между двух больших жерновов, находясь меж владений могучих государей. Приходилось быть крайне осторожными, чтоб не привлекать к себе излишнего внимания. Поэтому они исправно вносили необходимые подати в обе стороны, чем русские начальники – бии и китайские амбыни бывали очень довольны. За уважительное отношение теленгитов к священным особам своих владык они одаривали в свою очередь зайсанов и их людей серебром, шелками, тканями и одеждами, да не особенно лезли в наши дела. Теленгитам это и нужно было: чтобы не беспокоили прочие соседи и оставляли в покое великие кааны. Жили вольготно и спокойно – земля привольная, обширная, скота не счесть сколько, а народу немного. Оттого и стекался к нам, в Теленгитский Улус отовсюду бедный или гонимый люд.

Так случилось и с этими беглецами. Зайсан Мандай мог спокойно отослать их назад, за китайские караулы, где их ждала бы неминуемая гибель и за проступок, да еще за побег в чужие пределы. Много перевидал на своем веку зайсан Мандай – недаром лоб его пересекли морщины. Понимал он состояние беглецов, хотя и не мог одобрить, будучи сам зайсаном, уклонения от закона. Знал Мандай, суровы маньчжурские законы, каждый получал строго по заслугам. Каждый должен чтить законы и установления свои, над каждым свой суд.

Только приглянулись ему ребята, сами ещё молодые, а коли решились на побег, значит удалые, смелые. Да и говорит, ведь, народ: корову, что сама пришла к дому, по рогам не бьют. Беглецы сами пришли, значит, Мандая и его людей обвинить невозможно – они их не подстрекали. А, кроме того, с той стороны и раньше являлось немало других беглецов – не столько воров или преступников, но больше потомков тех алтайских людей, которых угнали, захватив в плен, в свое время при покорении и завоевании Ойрот-

ской земли войсками Эдиен-Каана. Многие из них, памятуя рассказы своих отцов и матерей, на Чуе не задерживались, а уходили дальше, спускаясь в нижние, алтайские аймаки, где их помнили еще родичи, хотя и лет прошло немало. Но кони узнают друг друга по ржанию, а люди своих родичей, выпрашивая род и племя. Так с плачем и радостью встречали люди потомков пропавших без вести, угнанных в военное лихолетье родственников, когда те возвращались из полона, откуда, как говорят, нет возврата.

Приходили к нам и просились в родню и соседние тувинцы, которым туго приходилось под чужой, маньчжурской властью. Голод и нужда часто гостевали в их кочевьях. Вот и просили они убежища у теленгитов, а если отказывали в приеме, то шли они дальше вниз по Чуе, где среди алтайских аймаков тоже находили сородичей-сойонов.

Подумал Мандай, все перекрутил в голове, о чём говорилось выше, и неожиданно для всех изрёк:

– Ну, люди мои, родичи-соплеменники, к народу нашему народ прибавился, к головам нашим головы добавились. Примем к себе этих двух парней, может, новый род пойдёт от них со временем. Худого в этом для нас нет, напротив, прибыль будет. Согласны?

Все родичи, знатные люди и старейшины согласились с предложением зайсана, а тот продолжал:

– Тогда, значит, коль вы согласны их принять в наше племя как своих, то надо их обозначить, выделив в особый род. Назовем их так: черноголовый парень будет кара-моол, а русоголовому быть сары-моол. Так и быть. Пусть все потомки их так и прозываются отныне.

Так появились роды кара-моол и сары-моол.

В прежние времена из Прикобдинской земли и Тувы прибывали к нам сойоны, сопровождая маньчжурских начальников или караваны торговых людей. А из Яш-Туринского острога прибывали, преодолевая высокие горы и крутые ущелья Алтая, карабкаясь по Катунским боомам, русские купцы со своими товарами. Наши люди, перекупив их товары, возили дальше в китайские пределы на своих верблюдах.

Так, однажды поехал туда по торговым делам наш человек из рода ак-кёбёк. С большой выгодой для себя поторговал он в дальних краях и собирался было возвращаться назад. А был он человеком бездетным, очень хотелось ему детей, да счастья такого

не имел. И вот, заходит он как-то в сойонскую юрту и застаёт там двух старух за ужасным занятием. Выяснилось, дочь этой семьи родила, будучи не замужем. Большой позор для семьи. Старухи, свив тонкую веревочку из черно-пестрых нитей, уже собирались задушить младенца, как зашёл к ним этот кёбёк – так некстати или как раз вовремя, смотря как считать. Не хотели старухи огласки ненужной да несчастья для семьи. Кёбёку очень жалко стало безвинного младенца – белого бурханчика, хоть и был он суразёнком. Не случайно существует поговорка: «Лучшее пастбище – болото-сас, а лучший из мужей – сурас».

Увидев такое, кёбёк подскочил к ним и вскричал:

– Что же вы делаете, негодные старухи? Не лишайте жизни младенца, лучше мне отдайте, если он не нужен вам. Сыном моим будет!

Оттолкнул старух и вырвал ребенка из их рук. А старухи только тому и рады. И ребенка лишать жизни не придется, и позор минует их семью. Пусть и в чужом краю, но вырастет, человеком станет. Вот и не стали они особенно сопротивляться, уступили младенца доброму кёбёку. А ребенок-то какой – с варежку. Пришлось выкармливать его соской. Так и доставил его к себе бездетный кёбёк, завернув в козью шкуру и прижимая к себе.

А младенец сойонский был от рождения совсем плешивый, без волос. Когда же подрос он, приёмьш, то нарекли его тас-кёбёк. И все, кто от него пошел, прозываются с тех пор тас-кёбёк, что означает плешивые кёбёки, в память того, что предок их родился безволосым, хотя потом волосы и отрасли понемногу.

Сейчас кёбёков столь много, что следует несколько раз переспросить, уточняя, пока не выяснится, какой он именно кёбёк – из белых, истинных, или же плешивых, приемных, или, наконец, из включенных позднее в наш оток чёрных кёбёков.

Кара-кёбёки появились при таких обстоятельствах.

Как-то с земли Черных Сойонов переселилось к нам одно большое семейство. Говорят, произошло это событие уже при зайсане Очурдяпе, во времена не столь отдаленные. Там, в Туве, произошло большое кровавое событие, и многие, спасаясь от голода и смертного суда, бежали на Алтай. Очурдяп принял в свой кошун это семейство, выделив их опять-таки в отдельный род – кара-кёбёк – с указанием на то, что они происходят от чёрных, отдалённых сойонов-тувинцев. Так на Чуе появились еще и кара-кёбёки, много их и в Улагане.

Торык Энчинов, судя по его записи, пытается уверить людей в том, что кыпчаков якобы разделил на отдельные части сам Ярынак, возвращаясь домой из похода в монгольскую землю. Надо сказать, это предположение нелепо само по себе. Да очевидно же, такое никак не могло произойти при Ярынаке, поскольку кыпчаки живут на Алтае издревле, задолго до времён жизни нашего родоначальника. Кто не знает об этом! Деление кыпчаков на роды и разделы могло произойти в очень и очень отдаленные времена, за много веков до того, при других зайсанах и при других каанах. Да как же подобное разделение мог учинить над людьми другого рода-племени Ярынак, когда он был ак-кебёк и над кыпчаками власти не имел? Кыпчаки живут в основном в нижних аймаках, а у нас – только в Чуйской степи, возле Алтын-Кёля во владениях тёлёсов они никогда не жили, нет их там и поныне.

Сведения, приведенные им по другим родам, в основном верны и по-своему интересны, хотя другой мог бы всё это рассказать более достоверно и обстоятельно.

Известно нам и то, что было в нашем роду два Ярынака – дед и внук. Мы говорим о нашем родоначальнике. Говорят, сын прежнего Ярынака похоронен при слиянии Бии и Катуня, там, где ныне стоит город Бийск. Там его могила называлась до недавних пор «могилой ойротского богатыря», как я сам слышал от тамошних русских старушек.

Мы, ак-кебёки, стало быть, причастны ко многим событиям в жизни теленгитского племени. Аба-Ярынак отстоял свой род и свою землю от врагов.

Про Мандая и Чычкана я уже рассказал.

А при зайсане Очурдяпе произошло другое, как оказалось потом, очень большое событие в жизни теленгитов Чуйской степи – переселение к нам казахов. Их принял добрый Очурдяп, уговорив других владетелей – сурового предводителя кыпчаков, богача Саму и тёлёсского зайсана Тадыша, пребывавшего в Улагане. Долго не соглашались они, спорили меж собой несколько дней, но затем согласились оба с доводами Очурдяпа. Оттого казахи, особенно пожилые, которые помнят горестную судьбу своего племени, почитают имя и могилу нашего предка. Иначе, как знать, укоренились бы они, нашли бы себе кров и пристанище среди окрестных народов? Скорей всего, они бы так и сгнули, без следа

пропали, потому что идти им было некуда. Никто их не принимал, не пускал в свои земли – ни тувинцы, ни халхасы, ни китайцы, ни сородичи – керей. Только теленгиты ждали.

А еще умели казахи хорошо доить кобылиц и готовить отменный кумыс, что теленгиты, обитая долго в горах Улагана и теснинах Чолушмана, где трудно содержать табуны, основательно подзабыли. Да и трава там другая, водянистая, а не сухая, степная. Значит, и кумыс другой, не такой душистый, как у нас. Но, скорей всего, это больше россказни да прибаутки.

Первым из казахов на Чуйскую землю прибыл Абдолдо, родом уак, из местности Чингистай, что лежит между караулами России и Китая по западную сторону от Алтайских гор. Разные толки ходят меж теленгитов о причинах появления этих казахов. То ли изгнаны были из родных мест, то ли стеснены были в кочевьях, то ли преследованиям подвергались от других, более сильных племен казахов – разное говорят. Сами казахи тоже не имеют определенного суждения на сей счёт, но иные аксакалы утверждали, что переселились они к нам, разузнав, что люди на Чуе быстро богатеют на караванной торговле между Китаем и Россией.

Абдолдо прибыл, конечно, не один, а со всем своим семейством и родичами. А всего их было вначале, говорят, семьдесят шесть семейств. Абдолдо не совсем бедный был, являясь предводителем у этих уаков, хотя и уступал по богатствам найманам, с которыми не ужился на прежнем месте.

А после, некоторое время спустя, с другой, монгольско-китайской стороны прикочевали казахи кереевского племени. Все эти передвижения казахов происходили в течение пяти лет между 1883 и 1889 годами. Им были отведены земли по левому берегу реки Чуй по Караталу, Тёбелеру, Акталу и Юстыту.

С тех пор прошло, почитай, сто лет, как на Чуйской земле рядом и вместе живут теленгиты и алтай-казахи. Сейчас уже казахов становится числом более, чем алтайцев, в нашем районе.

Двадцатый век принес нам, роду ак-кёбёков, множество горестных испытаний, равно как и потомкам Тадыша и Самы. Всё, что происходило, ныне хорошо известно. Народ наш был совсем обезглавлен, лучшие люди сосланы в Казахстан и Сибирь. Самые сильные и достойные мужчины сложили свои головы на войне. Только-только подрастает заново новая поросль ак-кёбёков. Но

детям нашим, молодёжи необходимо хорошо знать всю правду о своих корнях-истоках, славных предках и долгой истории. Так оно и будет со временем, если только молодёжь будет внимать рассказам старших, запоминать старинные предания, а мы, пожившие своё, повидавшие многое на своём веку, сумеем терпеливо и умело поведать им, молодым, о былом. Да и людям ученым и мудрым небезынтересно будет узнать, как сами ак-кёбёки помнят и ведут свою родословную от Аба-Ярынака и его потомков.

Пересказ на русский язык Б.Я. Бедюрова по собственной записи Кадыра Очурдяпова из села Кош-Агач от 1979 года.

3. Кайракан Ярынак

В пределах Большой Теленгитской земли, на берегах великой реки жили в незапамятные времена предки нынешних теленгитов. Так давно это было, что позабыли люди, где была Большая Теленгитская земля, где несла свои воды могучая река Кайракан. Жил в тех местах богатырь из богатырей, равного которому по силе и храбрости среди других людей не было.

Имени его никто не помнит, но величали его Кайракан Досточтимый, поскольку он кочевал по берегам той реки. А сохранилась память о нем среди людей потому, что он был праотцом благородного рода ак-кёбёк, которые и поныне живут в Улагане, долине Чолушмана и Чуйской степи. От этого богатыря дошли до нас песни, в которых он жаловался на свою судьбу, когда пришлось ему покинуть родину:

Едва заметную тропинку
Скакун мой за собой оставил,
Я меж Яиком и Эдилем
Могилы родичей оставил.
Крутую, потайную тропку
Жеребчик за собой оставил,
В степи меж Волгой и Уралом
Могил так много я оставил!
В краю, где Томь-Тура стоит,
Я злата россыпи оставил
И мой потерянный народ,
Как снег развеванный, оставил.

Там, где Аба-Тура стоит,
 Мои сокровища потеряны,
 Потерян отчий мой народ,
 Среди чужих людей рассеян он.
 Большому роду вышел срок,
 Истлела юрта вековая,
 Народу, верно, вышел срок,
 И он растаял, угасая.

Часто нападали на владения Кайракана алчные соседи, шли бесконечные стычки и сражения. Много подвигов он совершил, защищая свой народ и родную землю, но когда состарился, стали теснить его враги с насиженных мест. Отвернулась от Кайракана удача, полегли в жестоких сечах его воины. Пришлось ему с двумя сыновьями Ябагашем и Кёбёгёшем отступить под вражьем натиском в чужие края. А куда он от врагов скрылся, пел Кайракан в другой песне:

О мой Алтай-Куурай,
 О Абинская чернь – защита моя,
 О Алтын-Кёль – мой последний рубеж.

Был богатырь Кайракан так могуч и широк в плечах, что меж лопаток у него поместилось родимое пятно багрового цвета величиной с баранью голову. А потому добавили к его почтительному имени еще одно – Ярынак. И стали величать его с тех пор богатырь Кайракан-Ярынак.

Поначалу поселился Кайракан с сыновьями и людьми, которые с ним ушли к берегам озера Алтын-Кёль, в том месте, где в него впадает река Чолушман, у Желтого утеса – Сары-Таш. Желтые сойоны, что по соседству жили, недовольны были, когда богатырь с сыновьями там появился. Хотели прогнать его. Но силен и могуч был Кайракан-Ярынак, не смогли выжить его желтые сойоны с верховьев Алтын-Кёля. Так и оставались они там.

Ярынак с сыновьями промышляли охотой, рыбу ловили. Шло время, старел Ярынак, но мужали его сыновья. Пришла им пора жениться. Кёбёгёш был удалой молодец. Приехал он однажды к захребетным сойонам, заехал тайком. А там и приглянулась ему

дочь сойонского старейшины красавица Дитасай. Украл он девушку, увез с собой. Очень обрадовался Ярынак, когда младший сын привел невестку.

Однажды Ябагаш и Кебегеш, как обычно, уехали далеко в горы охотиться. Прознали о том желтые сойоны. Не мог отец Дитасай смириться с тем, что дерзкие делеги, так называли они теленгитов, украли у него дочь, и решил ее вернуть. Сойоны хотя и знали, что стал Кайракан-Ярынак стар и слаб, но все же побаивались его. Решили испытать и тем самым разузнать, жив или нет богатырь.

Вышла Дитасай поутру их единственную корову подоить. Только стала доить, рядом с ней стрела пропела, вонзилась в ствол дерева. Огляделась Дитасай, но никого не увидела. Смотрит, а корова головой мотает: стрела с такой силой была пущена, что, прежде чем в ствол дерева вонзиться, у коровы рог отшибла.

Испугалась Дитасай и в аил бросилась.

– Что случилось, балам? – спросил Ярынак, который давно с ложа из шкур не поднимался, старые ноги его не держали.

Выслушав рассказ невестки о том, что случилось, мудрый Ярынак все понял и наказал невестке:

– Выйди наружу и слушай. Следом за стрелой прозвучит крик. Слушай внимательно, запоминай все, как есть.

Вышла Дитасай из аила. Стоит, слушает. Донеслись до нее слова посланца сойонов, который пустил стрелу с вершины, нареченной после горой Ыйык-Баш:

– Дома ли Ярынак удалой? Цел ли его лук боевой? Коли цел лук и стрелы в порядке, то пускай выходит, когда в черном пологе неба щель начнет раскрываться и зардеет заря. На нашем берегу озера поставим коня, покрытого семью попонами из белого и как хрящ упругого войлока. Если не пробьет он своей стрелой все семь слоев и не поразит коня, тогда он сам и все, кто с ним живет, охотничьи угодыя и имущество станут добычей желтых сойонов. Если же попадет он в живую мишень – рыжего коня, то пусть ни один лютый волк, волоча длинный хвост, к его скоту не приблизится, а к его землям ни один сойон с обнаженным мечом не подойдет.

Забегала Дитасай в юрту и все, что услышала, свекру рассказала, не упустив ни одного слова сойонского послания. Понял Ярынак, что стрела из-за реки долетела потому, что не из простого лука, а из пращи пущена была.

– Ну, балам, – сказал Ярынак, – сам я встать не могу. – Хоть семь раз обернись, но соберись и прокричи ответ посланцу сойонов мужским голосом: Кайракан дома, мол, и кастак в его руках. Ярынак-де жив-здоров, и лук его готов.

Вышла Дитасай, обернулась вокруг себя семь раз и крикнула мужским голосом слова свекра. Когда вернулась назад, свекор ей говорит:

– Ну, балам, давай теперь к завтрашнему дню готовиться. Забудь о том, что перед тобой свекор-батюшка, которого ты рукой коснуться не смеешь. Считай, что старая березовая колода перед тобой. Возьми меня за руки и за ноги да подтащи к порогу. Принеси мне мой железный лук с сотней накладок.

Невестка всё сделала, как свекор велел. Кайракан-Ярынак в руках всё ещё силу имел немалую, только ноги у него не ходили. Начал железный лук сгибать, тетиву натягивать. Только к рассвету натянул он тетиву до девяносто девятой накладки-текпе.

Когда взошла алая заря, увидел Ярынак на берегу Алтын-Кёля множество желтых сойонов. Одни на горячих жеребцах гарцевали, другие накидывали на рыжего мерина, которого привязали на условленном месте, семь попон из белого, упругого как хрящ, войлока.

Ярынак поднял железный лук, стал тетиву натягивать. Натягивал до тех пор, пока из-под ногтя большого пальца кровь не брызнула и дым не пошел. Только тогда пустил он стрелу из лука.

– Ну, балам, – сказал Ярынак, – знаю, что моя стрела через Алтын-Кёль перелетела, семь попон пробила. Да только не пролетела стрела насквозь, с обратной стороны у коня в животе застряла. Эх, нет у меня той силы, что в молодости была, ушла, как весенний снег! Раньше моя стрела семь слоев попоны пробивала, тело коня насквозь проходила, с другой стороны выглядывала. Но все же удача нас нашла! Скажи сойонам, что должны они дать нерушимую клятву: впредь на наши земли не зариться, в охотничьи уголья не заходить, на наших людей не нападать, наших лошадей не угонять. Отныне наши люди будут жить, не опасаясь желтых сойонов.

Увидев, что семь слоёв попоны из белого, упругого как хрящ войлока пробиты, а стрела в туловище коня застряла, ужаснулись сойоны. Знали они, что ни один человек, кроме Кайракан-Яры-

нака не смог бы так стрелу метнуть да мишень поразить. Значит, жив еще старец, да и силу свою не потерял.

— Наш начальник-каа не поверит нам на слово, что возможно совершить подобное, — сказали сойоны. — Должны мы ему показать рыжего коня с пробитой попоной и стрелой в чреве, чтобы он собственными глазами убедиться мог.

Перетянули они коня через брюхо веревкой, обмотали тряпьем раны, чтобы кровь остановить, и повели его в поводу вверх по течению реки Кыгы. Но не дошел рыжий конь с пробитым чревом до ставки каа, пал по дороге. Однако клятву нерушимую, что потребовал от сойонов Ярынак, пришлось дать. А место в верховьях реки Кыгы, где конь пал, с тех пор называют Диерен-Ат, что означает Рыжая Лошадь.

Время шло, а сыновья Ярынака не возвращались. Позвал он невестку и говорит:

— Ну, балам, силы меня совсем покинули. Чувствую я, что душа моя скоро отлетит от тела. Я не увижу Кёбёгёша и Ябагаша, не дождусь, чтобы меня честь по чести похоронили. Ты их тоже не жди. Когда умру, отнеси меня и, как колоду, оставь там, где Башкауc сливается с Ак-Чолушпа — Белым Чолушманом. Сыновьям передай мой завет: я принес благодать своему народу. Дети, которых ты родишь, будут жить на этой земле вовек. Они возродят наше племя, и станешь ты праматерью этого народа. Да будет обширной колыбелью вам эта земля! Живите на ней, берегите ее, защищайте всегда.

Как сказал богатырь Кайракан-Ярынак последние слова, душа его отлетела от тела. Дитасай взялась за концы шкуры, на которой умер свекор, и потащила на ней, как березовую колоду, останки Кайракана к тому месту, которое он указал ей перед смертью.

Тяжело было Дитасай тащить шкуру, на которой лежало тело богатыря из богатырей. Не раз останавливалась она передохнуть. И все время оплакивала своего свекра. Много раз она отдыхала, и бесконечен был ее плач. Но ни разу не повторила Дитасай своих причитаний. А до нас дошли только вот эти слова:

Свирепого сойона я дочерью была,

А стала Ярынаку невесткой молодой.

Вельможного сойона я дочерью была,

А стала Кайракану любимую снохой.

Так, причитая и оплакивая свекра, шла Дитасай вверх по долине и достигла наконец того места, где сливаются Башкауз и Ак-Чолушпа. Стала искать достойное место, которое будет могилой Кайракан-Ярынака.

Походила по берегу и увидела глубокую промоину с отвесными краями. На одной стороне промоины росли из одного корня семь стройных берез. Понравилось ей это место, да только как положить тело Кайракан-Ярынака в глубокую промоину, если невестке к свекру нельзя прикоснуться? Глянула Дитасай на березы и вспомнила слова свекра, чтобы не величала она его свекром, а видела в нем старую березовую колоду. Вспомнив это, подняла Дитасай мертвого свекра и опустила его в глубокую промоину. А себе самой сказала:

– Да как же это я оставлю могилу дорогого свекра открытой?

Согнула Дитасай вершины семи берез и укрыла сверху останки Кайракан-Ярынака.

Люди помнят, что свекр велел смотреть на него, как на пень березы, поэтому теперь место слияния Башкауза и Ак-Чолушпы, где покоится могила богатыря Ярынака, называют Ада-Кайын, а не Ала-Кайын что означает Свекр-Батюшка.

* * *

Однажды братья спустились в степь, где кочевали кыпчаки. Ябагашу приглянулась одна девушка. Вместе с братом умыкнул он ее. Привез домой и женился. Молодая жена родила Ябагашу девочек-двойняшек, а через некоторое время еще одну дочку. Однако тоска по дому не оставляла ее. Выбрала жена время, когда муж отлучится, и, взяв детей, убежала от мужа.

Рассвирепел Ябагаш, когда узнал о побеге жены. Бросился за ней в погоню и возле Тус-Кёля – Соленого озера – настиг беглянку. Страшен был в гневе Ябагаш. Предал он смерти жену, да и дочерей не пожалел. Сказал только:

– От плохого семени не будет хорошего племени. Пусть отныне будут духами вод этого озера.

Вернулся Ябагаш домой и долго жил один. Потом сказал сам себе: «Не дело это, чтобы мужская постель остывала». Выбрал удобный день и сказал своему брату:

– Надумал я снова жениться. Поедем к сойонам, и ты поможешь мне умыкнуть девушку. Может, с дочерью этого племени мне повезет создать крепкую семью, как и тебе.

– Нет, брат, – ответил Кёбёгёш, – не поеду с тобой. Прошлый раз помог тебе невесту украсть, да ничего хорошего не получилось. Сам постарайся, вмешиваться мне не след.

Пришлось Ябагашу ехать одному. Пришел он в сойонскую землю через хребты, там и высмотрел себе красивую девушку. Умыкнул он ее и сделал своей женой. Но и вторая жена родила ему дочь, а уж очень ему сына хотелось – продолжателя рода своего.

Но и эта жена не захотела жить с Ябагашем. Выбрав время, вместе с маленькой дочкой убежала от него.

Пуще прежнего рассвирепел Ябагаш. Пустился за ней. Только на перевале, на границе сойонской земли смог нагнать жену. Чуть-чуть замешкалась она в пути по горам. Привязал он ее за ноги к двум коням и те разорвали несчастную пополам. Не пожалел Ябагаш и свою маленькую дочь. Отрубил ей голову и схоронил ее сам.

С тех пор называют этот перевал Кыс-Башы, что означает Голова Девочки.

Прошло время и Ябагаш наконец женился в третий раз. Не стал он искать невесту в чужих краях. Нарушив обычай, взял в жены девушку из своего отока. Третья жена родила ему сына. Но это не принесло ему счастья.

Поскольку Ябагаш нарушил запрет и взял девушку из своего отока, то он стал кровосмесителем. За это на него и его потомков легло проклятье. У всех его потомков в семи поколениях рождалось только по одному ребенку мужского пола.

Поэтому ябаки, которые происходят от Ябагаша, малочисленный род среди нас, а среди других племен Алтая их и вовсе нет.

Младший брат Ябагаша счастливо жил с Дитасай. Она родила ему семь сыновей. Потомки Кёбёгёша тоже были счастливы в детях. Поэтому род кёбёк могущественный и многочисленный, везде они есть.

Среднего из семи сыновей Кёбёгёша называли, как и деда, Ярынак. Он был сильный человек, и между лопатками у него было родимое пятно, которое, когда он вырос, стало величиной с баранью голову. И по другим статьям он многое унаследовал от богатыря Кайракан-Ярынака. Поэтому, несмотря на то, что он был средний

сын, его с согласия братьев избрали зайсаном. Потом зайсанство стало у его потомков наследственным званием.

До сих пор люди из рода ак-кебёк с гордостью говорят, что они потомки Аба-Ярынака.

Каждый из семи сыновей Кёбёгёша дал начало новому роду, и их потомки до сих пор живут в Улаганском краю и по реке Чуй.

Младшего сына Кёбёгёша, который по обычаю должен был оставаться в аиле родителей хранителем огня, назвали в честь его матери-сойонки Дитас. Он дал начало новому роду дитасов. Но этот род не нужно путать с другим, который есть на Алтае. Это род Дьети-Тас, что означает Семь Плешивых.

У среднего сына Кёбёгёша Ярынака было три сына. Старшего сына звали Мёнгдёён, среднего – Бюдюгеш, а младшего – Тозыр. Тозыр прославил свое имя еще ребенком.

* * *

На восточной окраине нашей земли, где она граничит с землями сойонов, неподалеку от нынешней деревни Язулу, есть перевал. Над перевалом возвышается утес, с которого теленгитские воины наблюдали за тропой, которая вела с сойонской земли на их сторону. Дозорные караулы стояли там круглый год, чтобы предупреждать своих людей, если подданные китайского императора – сойоны вздумают вторгнуться во владения вольных теленгитов.

Тозыр рос смелым и сметливым мальчиком. Когда ему исполнилось девять лет, он попросил у начальника очередного дозора, чтобы ему позволили поехать вместе с ними. Засмеялись воины:

– Не детское это дело в дозор ходить. Зачем нам лишнюю обузу на себя брать? Не проси, не возьмем тебя, мал ты еще.

Услышал это Ярынак и сказал:

– Напрасно пренебрегаете: войлок тянется – человек растет. Жеребенок вырастет – добрым скакуном станет, мальчик подрастет – славным воином будет. Пусть Тозыр и мал годами, но он смел и сметлив, видно по нему. Хлеб видать по всходам. Так возьмите его с собой, кто знает, может быть, он вам пригодится.

С неохотой, но взяли воины мальчика в дозор. Когда приехали к перевалу, лагерь разбили. Сами поехали на утес, где дозором сто-

яли, а Тозыру велели оставаться на месте. Обидно стало мальчику, но он смолчал. Значит, так надо, как старшие сказали. Помнил отцовский наказ – не забавляться приехал он на границу. Сидел в стане, ждал своих.

Когда миновало время, потребное всаднику для одного перехода, увидел мальчик, что со стороны сойонской земли движется отряд конников. Пригляделся Тозыр, а у всадников в поводу идут лошади, нагруженные разным добром. Узнал он коней, на которых дозорные к утесу поехали, узнал их одежды, притороченные к седлам. Понял тогда Тозыр, что это едут сойонские воины, которые дозорных перебили, коней захватили, одежду и вещи пограбили. Бежать было поздно, да и некуда, поэтому мальчик остался в лагере, не подал вида, что узнал сойонов, разгадал, что они теленгитских воинов порубили.

Подъехали сойонские воины, окружили Тозыра. Их начальник Каа стал спрашивать:

– Сколько людей с тобой приехало?

– Много приехало, – ответил спокойно сметливый мальчик, – столько же, сколько и вас.

– А куда все подевались?

– Кто поехал саранку да кандык копать, – ответил Тозыр, – кто рыбачить, а кто охотиться. Разбрелись кто куда. Меня одного здесь оставили стан караулить.

Хотели сойоны Тозыру голову отрубить, но Каа не позволил. Видит – безобидный мальчишка. Спешился он, а воинов послал переловить теленгитов поодиночке. Ускакали воины, а Каа с Тозыром остался. Велел ему лошадей, что сойоны у дозорных захватили, стреножить, а своего вороного коня привязать к колышку, чтобы паясы, дров для костра собирать.

Тозыр сделал все, что Каа приказал. Когда с лошадьми управился, собрал вмиг дров, сучьев да валежника, развел костер, чай сварил. Увидел Каа, что мальчонка смирный, расторопный, да и опасаться его нечего. Повесил лук и колчан со стрелами на дерево. Снял кольчугу, халат, разделся до пояса, улегся на солнышке греться.

Тозыр дела закончил, и все время вокруг Каа крутится. Как бы всему сойонскому, не виданному им, дивится. Совсем несмышленный еще, что с него взять. «Хороший слуга выйдет», – подумал

Каа, а Тозыр рядом присел, все у начальника вежливо расспрашивает, ответы его слушает внимательно, с почтением. Наконец, до лука и стрел добрался:

– А это что такое, Почтенный? – спрашивает Тозыр, показывая на лук и колчан со стрелами, который подвешен был высоко в ветвях.

– Это пока не твоего ума дело, – отвечает Каа, – это боевой лук и колчан со стрелами, а не игрушка для маленьких детей.

– А как из него стреляют? Покажите, пожалуйста! – не унимался дотошный Тозыр.

Чтобы отвязаться от назойливого мальчишки, который ему вздремнуть не давал, встал Каа и снял лук и колчан с ветки. Наложил стрелу, вскинул лук и тетиву натянул. Прицелился в Тозыра и говорит по-сойонски:

– Если врагу в его чёрную печень вот та-а-ак прицелишься да вот та-а-ак тетиву спустишь, тарс! И печень его с треском лопнет, оолум.

Опять Каа улегся на траву, а лук и стрелы рядом положил. Только вздремнул, как на дерево чёрный ворон опустился и громко закаркал. Разозлился Каа, что птица ему спать мешает противным карканьем, а вставать лень. Говорит он Тозыру:

– Возьми, оолум, лук и стрелу. Сделай, как я тебе показывал, сшиби с дерева дряную птицу.

Обрадовался Тозыр, что всё по его задумке вышло, недаром он к луку и стрелам подбирался. Взял лук и стрелу. Отошел от Каа немного и начал в ворона прицеливаться, натянулся, как струна, потом вдруг обернулся быстро и, опустив лук, направил стрелу в голый живот Каа, да так ловко, что пригвоздил его к земле. Только захрипел Каа, и на губах его кровавая пена выступила.

Тозыр, не мешкая, помчался туда, где вороного коня к колышку привязал. Заседлал вороного и, вскочив в седло, помчался наутек к своим – предупредить о врагах, идущих к ним.

Вскоре после бесплодных поисков теленгитов, которых сметливый Тозыр выдумал, вернулись сойонские воины. Увидели они своего начальника при последнем издыхании и все поняли. Хотели за мальчиком в погоню броситься, но Каа не позволил.

– Если этот делегский мальчик-с-пальчик смог нас, взрослых мужчин, опытных воинов, вокруг пальца обвести, победу надо

мной одержать, это знак свыше! Меня постигла кара за то, что я нарушил клятву нашего племени – не ходить войной на соседних теленгитов. Чтобы и с вами беды не случилось, сделайте так: как отойду я от вас, сложите все луки и стрелы, устройте из них погребальный костер. А сами вы больше никогда не ходите воевать в пределы этой земли и другим накажите.

С этими словами и умер Каа.

После этого сойоны больше никогда не нападали на теленгитов. Со временем стали селиться рядом, дружить и родниться. Когда у сойонов случалась беда, голод или разорение какое, они сразу обращались к своим соседям-теленгитам за помощью. Во время смут и преследований многие смельчаки находили спасение на Алтае. И наоборот, нам тоже приходилось искать среди них укрытие и защиту. Поэтому у нас среди сойонов теперь много родственников.

Записал Б.Я. Бедюров от С.Д. Куюкова из сёла ябак, село Улаган, 6 августа 1980 года. Пересказ на русский язык Б.Я. Бедюрова и Ю.В. Фельчукова.

4. Дедушка Ярынак

Давным-давно на Алтае в зелёной долине Чолушмана жил бий и зайсан Ярынак. Был он человеком видным: сильным, крепким и статным.

Сын Ярынака удалец Бюдюгеш весь пошёл в отца, он тоже был сильным и крепким под стать отцу, да к тому же сметливым юношей.

Лихие пришли на Алтай времена: то войны, то междоусобные смуты. Царское войско насильно собирало ясак у тёлёсов в долине Чолушмана. Отказывались вольные люди добровольно платить им подати, вот и посылали со сборщиками ясака войска. Там, где война, там и грабеж, и всякие неправды. Однажды царское войско ограбило владения бия Ярынака. Крепко рассердило Ярынака такое насилие, вот и начал он воевать с казаками в Чолушманских горах. Где только мог, подкарауливал отряды сборщиков ясака, рассеивал и прочь прогонял.

После одного такого разгрома выкрали казаки сына Ярынака и в Бийскую крепость Яш-Туру увезли. Поместили Бюдюгеша в тюремный острог как заложника-аманата и караулили день и ночь. В гневе и ярости облизывал Ярынак лезвие своего ножа и приговаривал:

Мой ячмень, чей колос не налился,
Почему на поле растоптали?
Сына моего, чьи мышцы слабы,
Почему из дома вы забрали?

Вскоре до него дошла весть, что его сын Бююдеш находится в Яш-Туре. Ярынак направился в этот только отстроенный острог. Добравшись до места, ходил он среди русских людей и купцов, наблюдая, что и как здесь происходит. Так узнал, где держат сына.

Оказалось, что ворота острога, где сидел взаперти Бююдеш, охраняла старая русская женщина. Старушка была обо всём слышана, она знала, что казаки задумали в отместку за своих погибших товарищей убить Ярынака и Бююдеша. Она поняла, что старика-отца хотят заманить в острог хитростью, напоить допьяна и убить, а следом и его шестнадцатилетнего сына. Не мудрствуя долго, бабушка рассказала обо всём Ярынаку. Тогда бий Ярынак попросил ее:

– Ты выпусти моего юного сына, пусть он живёт. А я останусь пить да гулять, и если хотят, то пускай меня, старика, убивают.

Так и произошло. Русская старушка тайком ночью выпустила юношу из заточения. А отец так и пропал без вести в том остроге, видать, убили. Но накануне он успел дать сыну такой наказ:

– Коли тебе удастся спастись, как вернешься, не мешкая, собирай свое войско. Доберется до вас царское войско – не пожалеет, готовьтесь за свою жизнь сражаться.

Бююдешу удалось вернуться в Чолушман. Дома, следуя наказу отца, он собрал небольшую дружину верных людей. Когда прибыл казачий отряд и начал его разыскивать, Бююдеш вместе со своим воинством забрался на вершину высокой горы.

Поднявшись на вершину, он начал готовить каменные ловушки-ябаки: в узком месте над дорогой укладывал поперечные деревянные перекладыны и наваливал сверху каменную россыпь – корум. И вот, когда казаки вошли под этот корумник, обрубил Бююдеш у деревянной перекладыны концы с обеих сторон. Обрушились камни казакам на головы. Но не могла одна такая ловушка уничтожить всех царских воинов. Еще два-три дня шла перестрелка. В малочисленной дружине Бююдеша особенно прославился мужеством и меткостью юноша по имени Кара-Яты.

После этого Бюдюгеш и Кара-Яты бежали в местность Каргы во владениях Эдиен-Каана. Там Бюдюгеш получил в награду за свои боевые заслуги воинский чин, а Кара-Яты удостоился звания зайсана. Радовался Бюдюгеш, что оценили его сподвижника так высоко, и решил назначить удальца из рода Сагал зайсаном над алтайскими тейлесаами, живущими в Чолушмане. Вот с тех пор в долине Чолушмана люди стали иметь своего зайсана, которых избирали из рода Сагал.

Бюдюгеш отцовский наказ исполнил сполна. В то же время, одержав немало доблестных побед, он всю свою жизнь высоко ценил отважных людей из простого народа и, примечательно, что из их числа он избрал главу.

*Кюнгей Чичинов, сёек тургун-сагал,
село Кёкёрю, Чуйская степь.*

5. Крепость Ярынака и его тибю

В давние времена в Чолушмане жил человек по имени Ярынак. Как-то раз поехал он со своим младшим братом Бютёе охотиться в верховья реки Чолушман. Когда они доехали до местности Язулу, то обнаружили там неведомое войско из чужих краев. Стал тогда Ярынак выяснять, чьё это войско и от какого каана оно пришло. Оказалось, что это воины из соседней земли сары-сойонов. Командывал этим войском полковник Каа вместе с помощником своим Саа, и прибыли они из долины Мёгён-Бюрен, что лежит в северо-восточном углу Алтая.

Заметив охотников, повелел Каа их немедля схватить. Поймали сойоны Ярынака и Бютёе, связали им руки и уложили обоих рядышком на землю. Затем Каа устроил пленникам допрос:

– С какой стороны вы приехали?

– Мы пришли с Чолушмана, охотимся, – сказал Ярынак.

– Ах, вот как? А знаете ли вы, зачем мы связали вам руки?

– Откуда нам знать? Не знаем, не ведаем. Развяжите нас! Мы вам ничего плохого не сделали.

– Как бы ни так, не развяжем! Если вы уедете отсюда, то вперед нас всех своих оповестите о нашем прибытии. И тогда ваши люди разбегутся и попрячутся кто куда по горам, лесам и ущельям, поэтому мы вас теперь при себе держать будем, – ответил Каа, а потом приказал своим воякам:

– Местные людишки все разбежались, кроме вас и посылать некого. Так идите вы сами, накопайте мне кандыка.

– Есть! – сказали бойцы-черики, и все как один пошли копать корни кандыка.

А Каа и Саа арачки напильсь, зашли в чёрный чадыр и спать завалились. Между тем, двое братьев, лежа на земле, начали меж собой перешептываться:

– Попробуй развязать зубами верёвку, – сказал Ярынак.

Бютёё подполз поближе к Ярынаку и сумел кое-как зубами развязать узел на его руках. Ярынак вскочил и тут же развязал руки брату.

– Вот теперь мы свободны! – обрадовались они.

Но из предосторожности решили все-таки не поднимать шум и не показываться чужакам. Бютёё залег в укрытие и посматривал по сторонам, не идёт ли кто сюда. А Ярынак осторожно заглянул внутрь чёрного чадыра. Видит: лежит Каа на спине, выпятив живот, и крепко спит. Ярынак схватил один из тех луков, что висели в чадыре, натянул тетиву – не годится, слабенький. Смотрит: под подушкой у спящего Каа отличный боевой лук-саадак лежит.

Осторожно вытащил Ярынак из-под подушки лук и тут же на смерть застрелил спящего Каа. После этого Ярынак и Бютёё решили поскорее уносить ноги, пока не вернулись вояки, копавшие кандык. Поймали своих коней, пасущихся на лугу, и поскакали вниз по Язулу. Доскакав до листовенничного чернолесья Кара-Тыт, глянули назад – никого нет. Помчались дальше. Доскакали до семи озёр Дьети-Кёль – никто их не догоняет. Доехали до вершины утёса Кайа-Башы, оглянулись – всё еще никого нет.

С мыслью о том, как удачно они удрали, перескочили братья через Чолушман, разбрызгивая воду во все стороны. Затем поскакали дальше по лугам, не жалея своих лошадей. Не испугавшись переправы через большую реку, радостные домой возвращались.

– Глупцы! Теперь-то они нас не нагонят! – думали братья, и так, беседуя, доехали до Кату-Ярыка. Здесь они остановились и стали решать, где поставить крепость.

– Сверху вниз и смотреть, и стрелять из луков удобней. На скале Уйттю-Кайа крепость ставить будем, – сказал Ярынак.

Вскорости, вернувшись к своим семьям и домочадцам, братья поведали:

– Из другой страны к нам идёт жестокое войско, чтобы завоевать и ограбить нас и полонить наши семьи. Если вы жалеете своих детей, то поднимайтесь все на бой.

Испугались люди, заволновались, стали спрашивать, что теперь делать и как быть. Ярынак приказал:

– Собирайтесь все. На вершине скалы Уйттю-Кайа будем строить крепость для себя и ловушку для врагов.

Оседлав лошадей, навьючив на них провизию, чолушманские алтайцы поехали вверх по реке. Ярынак и Бютёе, возглавляя своих людей, добрались до Уйттю-Кайа и остановились на камышовой поляне Кулузун.

– Это место узкое и обрывистое. Другого проезда здесь нет. Вот тут-то рядом со скалой и будем строить укрепление, а над ним соорудим ловушку – тибю.

Все начали собирать камни, складывать их в одно место и готовить для укрепления. Работая день и ночь, построили крепкие стены. По обе стороны соорудили каменные насыпи размером с копну. С задней стороны сделали отдельный вход. Меж двух каменных копен на расстоянии сорока шагов соорудили каменный вал. После этого на вершине Уйттю-Кайа соорудили ловушку – тибю. К обоим концам длинного большого дерева привязали верёвки. Концы верёвок закрепили до упора на лежащих выше валунах. Поперечное бревно-катыш разместили на верхнем уступе скалы. И поверх него нагромодили множество камней. Теперь осталось одно: отрубить топором концы верёвок, как только внизу появится неприятель, тогда бревно, скатываясь вниз, увлечёт за собой груды камней на головы вражеских воинов.

После этого люди в укреплении, на берегу реки и на вершине скалы стали готовиться к прибытию вражеского войска. Они ждали, ждали, да так и не дождались. Вражеское воинство так и не показалось. После стало известно, что войско сары-сойонов повернуло назад после того, как Ярынак прикончил Каа стрелой из его собственного же лука. Но прошло время, и вражеские войска снова вернулись, и был бой на том месте, где отстроили укрепление. Поэтому там до сих пор находят наконечники стрел.

*Записал В.Ф. Чумакаев от Бориса Теменова
из села Кёкпаш и Е. Конушева из села Кара-Кудюр,
Улаганский аймак, 1953 г.*

Бёкё Самудай

С древнейших времен и по сей день живут в верховьях Чуи наши алтайские теленгиты из сёёка Ак-Кёбёк. Во времена зайсана Очурдяпа жили они самостоятельно, составляя свой отдельный хошун-оток, куда входили также и представители других родов. Это был тогда народ богатый и родовитый. В достатке жили – скот пяти видов держали, дружно жили – деток много рожали. Преисполненный белой благодатью – ак-быйан, счастливый народ был богат и силен.

Услыхав про привольную и сытую жизнь Чуйского народа, князья халха-монголов так рассудили:

– Давно пора с живущими в верховьях Чуи вольными теленгитами устроить состязание. Удивительно богатый народ! Всякий кочующий сброд, худородные бродяги, переселяются в Чуйские земли и, женившись на местных женщинах, богатеют, поднимаются. Бедняки-сойоны, перекочевав в те края, тоже выходят в люди. Надобно этот народ подвергнуть испытанию, а для этого устроить состязание: всадникам – скачки на конях, силачам – борьбу-куреш, острословам – словесные поединки. Если наша возьмет, куда теленгитскому аймаку деваться? Со всем скотом перегоним их сюда, в наши земли. А если выяснится, что это благословенный богом народ, если откроется, что у их родной земли – сильный дух-покровитель, тогда лучше нам их не трогать. Захотят, глядя на север, повиноваться Белому царю – так тому и быть!

Сказано – сделано. Халхаские князья вступили в переговоры с чуйскими зайсанами и вызвали их на состязание. Зайсаны теленгитов разгадали смысл этого испытания и, трезво рассудив, осознали, что выхода иного нет, отступить или отговариваться нельзя. Как бы там ни было, придется принять условия состязания и биться, чарам халха-монгольским не поддаваясь.

Как сон, пролетели жаркие летние месяцы, наступило новолуние первого месяца осени. На седьмой день новой луны, точно в срок, как и было условлено, из-за перевала явились халха-монголы. Чуйская знать в течение многих дней устраивала пиры, пригласив халхаское посольство. Пир был в самом разгаре, а между тем с чуйской стороны не могли найти достаточно подготовленного для схватки борца. Пока чуйские зайсаны раздумывали, как бо-

роться и как победить, пока судили да рядили, каких коней выставить на скачки и каких силачей выставить для борьбы, халха-монголы привезли лучших своих мужей и лучших своих коней.

Пока знать сомневалась и раздумывала, среди простого народа нашелся претендент. Жил среди наших чуйцев пришлый сойон Эркин-Оол. Среди всех мужчин в округе выделялся он ростом и телосложением. «Вот этот-то удалец и повалит монгола», – решили старейшины и сойона быстрехонько уговорили:

– Если ты, Эркин-Оол, повалишь халхаского силача, то станешь старшим подручным теленгитского зайсана и будешь сидеть возле него на почетном месте, станешь баем из баев, половину скота от залога возьмешь себе.

Этот пришлый сойон был до того крупный, что смотреть страшно. Стали его готовить к сражению за честь теленгитского отока.

Ну, вот наступил день состязаний. Вот уже и халха-монголы своего силача к месту боя ведут, огненно-красным занавесом прикрывая. Борец от нетерпения прямо подпрыгивает, занавес как огонь на солнце полыхает, переливается. Кажется, что силач себя еле сдерживает, так он в бой вступить рвется. Позади него идет человек, за пояс силача удерживает, в землю ногами упирается, вперед его не пускает, а силач тащит поводыря, из-за занавеса выпрыгивает, так что крепкие его кулаки видать.

И нашего сойона тоже подготовили, опоясали его стан прочным поясом из далембы. В те времена ведь голышом не боролись, за пояс хватались, чтобы повалить соперника. За другие места нельзя было хватать. Если захватил противника неправильно, засудят князья и демичи, да построже, чем сейчас судят. Рядом секундант-язучы с плеткой-камчой стоял, чуть что стегал со всей мочи.

Выпустили сойона на борьбу. Схватились, сошлись, начался поединок. Вдруг халхаский силач обхватил сойона и кинул через голову оземь. Длинный сойон упал, лопатки земли коснулись. Всё, проиграл! Чуйские знатные люди, увидев это, запричитали, загоревали:

– Теленгитский народ опозорен! Теленгиты побеждены! Теперь нашу белую благодать – ак-бийан – монголы угонят. Как сможем выплатить такой громадный залог? Калак-калак-калак! Всему конец!

Пока так причитали, вышел вперед один человек из рода кёбёк. Сам он никогда прежде в схватках не участвовал, имя его в

народе было не на слуху. Звали его Самудай, и был он простым извозчиком, возил туда-сюда грузы богатых людей, но сам по себе при этом был очень сильным и сметливым юношей. Увидев, что Эркин-Оол потерпел поражение от халхаского силача, он вышел вперед и сказал:

– Хорошо, я буду бороться и этого силача повалю!

Подошел паренёк-кёбёк к зайсанам и предложил свою помощь.

– Что за вопрос? Если человек захотел бороться, отказывать нельзя! – ответили зайсаны, которые, потерпев поражение, не знали, кого теперь выставлять.

Другого претендента просто не было. Поэтому, готовясь к поединку, ак-кёбёки, разрезали плитку ултанг-чая и сунули Самудая в голенище сапога с добрыми словами напутствия:

– Пусть твои ноги будут крепки, как этот чай. Как бы там ни было, братец, молись про себя и повторяй такие слова: «О, Эре-Чуй, и вы, две моих священных вершины! О, мой славный Алтай, я начинаю бой! Помогите мне, Кайракан!» Произнеся это, не мешкая, хватая халхаского силача.

Возле халхаского силача восседал седоголовый ясновидец – старец ахун. У чуйцев не было ни своего ясновидца, ни знатка-шептуну, но, полагаясь только на силу и удачу молодости, теленгиты отправили кёбёка Самудая на поединок. А Самудай, даром что имел бугристые мышцы, ростом был не велик. На его фоне халхаский борец казался просто горой.

Ну, вот борьба началась. Подскочил Самудай и точным ударом сапога с ултанг-чаем подсек соперника. Тот поскользнулся и упал плашмя на землю. Тут же начали их растаскивать: Самудая в одну сторону, а халхаского борца в другую, да и укрыли за занавеской.

– Куруй, куруй, куруй, Курбустан! – далеко разнеслись по Чуйской степи радостные восклицания теленгитов.

– Никакому силачу не давай себя повалить! Будь баатыром теленгитского рода! Ты воин, о, Эр-Самудай!

После этого кёбёк Самудай был прозван Бёкё-Самудаем. А халхаский ясновидец-ахун так объяснил его победу:

– Когда Самудай подскочил, чтобы повалить халхаского силача, к нему на помощь пришел дух Чуи – Чуй-Эззи и помог опрокинуть соперника.

А своим соплеменникам халхаский ахун так сказал:

– Отныне после этого события в Чуйской степи не состязайтесь, никогда не проводите здесь поединки – куреш. У этой земли очень мощный дух, он наделен необычайной силой. Дух земли участвовал в поединке. В этом причина падения нашего силача.

Верно твердит народная молва: лучше чая нет еды, сильнее Чуи нет земли!

Вот так чуйские ак-кёбёки одолели халхаского силача, да и самих халха-монголов от соперничества надолго отвадили. Никто не смог покорить Чуйских теленгитов ни тогда, ни сейчас. Эре-Чуй – земля, наделенная счастливой долей, с ранних времен была колыбелью алтайского народа. С Чуей нельзя ни состязаться, ни бороться. И сила этой земли сохранилась до наших дней без ущерба. От прадедов родились деды, от дедов – отцы, от отцов – сыновья, поэтому, какие бы не наступали времена, лихие, погибельные, или мирные, всё равно родовые традиции не прерываются и от поколения к поколению передаются. Жизнь народа продолжается.

У Бёкё-Самудая собственных детей не было. Однажды отправился он в халхаскую землю с грузом товаров, зашел в одну юрту напиться и увидел, как две безобразные старухи одну молодую и красивую девушку вниз лицом повалили и на неё грузовое седло – ынгырчак – навьючивают. А рядышком лежит одинёшенек чёрный-пречёрный младенец, обёрнутый в старый чёрный войлок. Глянул Самудай поближе, а у младенца еще и пуповина не обсохла. А старухи уже чёрно-пёструю нитку плетут, чтобы младенца задушить. И понял он, что старухи задумали злое дело.

Рассердился Бёкё-Самудай, обеих старух кулаком ударил, разогнал по углам безумных баб, выкинул за двери с глаз долой старое грузовое седло. А затем огляделся он и, увидев конскую кишку над дымоходом, сорвал ее с крюка, смочил водой, налил туда кипяченого молока и сделал соску – умчы. Взял новорожденного мальчика за пазуху и увёз с собой. Дорогой поил Самудай малыша из соски, и так с найденышем на Чую перевалил. Своего сына, обретенного в пути, Самудай назвал Кайсыром. Кайсыр поехал на войну и пал смертью храбрых. А Бёкё-Самудай прожил всю жизнь до глубокой старости в верховьях Чуи, там и умер. Его жена Темичи, говорят, не так давно умерла, во время войны.

Прямым потомков у Бёкё-Самудая не осталось, но дети его родни, люди из сёёка ак-кёбёк и по сей день на Чуе живут. И в современных состязаниях их имена с гордостью произносят наши борцы.

Кадыр Очурдяпов, Чуй-Башы, с. Кош-Агач, сёёк ак-кёбёк. Собственная запись, 1979 г. К печати подготовил Б.Я. Бедюров.

Чуйский силач Бадма

В устье долины реки Кам-Тытту-Кем есть одно летнее стойбище. В старину здесь были летние пастбища – яйлю человека по имени Бадма Синдинов. Так пояснил мне знаток местных преданий Кертик Майкиев.

– Вот на этом самом месте, где мы стоим, – рассказывал он – жил Бадма, знаменитый чуйский силач. Гляньте туда: вон там, напротив нас есть сверкающий камень, похожий очертаниями на цифру 3, а сверху на нем стоит синевато-серый камень, похожий на чугунок. Этот камень водрузил туда силач Бадма. Называется он Кёдиргё-Таш. Сейчас речь пойдет об этом Кёдиргё-Таше. Это событие реальное, не фантазия.

Бадма родился в селе Кёкёрю, в верховьях Чуи. Здесь в верховьях Чуи в старину по традиции происходили большие состязания разных типов. Состязания в пешем беге, поднятие тяжелого камня – кёдиргё, стрельба из лука, стрельба по бабкам, игра в тебек, поднятие на обоих плечах жеребчика – однолетнего или двухлетнего. Но самым интересным состязанием была борьба – куреш. Чуйские силачи не просто так боролись ради того, чтобы одолеть друг друга. Через такие состязания слава о них разносилась далеко среди халха-монголов, дёрбётов, сойонов. Среди прославленных силачей-бёкё в народной памяти сохранились имена Саадака, Кабырги, Бултая, Саадак-Чындыя, Темир-Бука и других. Бадма был один из них.

С Кёдиргё-Таш связано одно интересное предание. Этот похожий на казан сине-серый камень лежит как подлинный свидетель той старинной жизни. Бадма был таким силачом, что мог этот камень поднять на плечи, а камень чуть поменьше он перебрасывал через оседланную лошадь. Люди до сих пор это вспоминают.

Бадма был мастаком не только в поднятии камней, в то же время он был шустрым, ловким, сметливым человеком. С виду он был коренастым человеком, при ходьбе, казалось, его мышцы перекачывались, поигрывали. В то же время он был статным и сильным мужчиной.

Однажды с восточной стороны, оттуда, где находится современная Монголия, появилась группа всадников и, перевалив через гору Согонолу, спустилась к реке Чуй. В те времена халха-монгольские и сойонско-тувинские послы, прибывая в верховья Чуи, устраивали состязания в борьбе с нашими силачами. На этот раз халхаские послы привезли своего самого сильного борца Чаган-Чонг-Баатыра, а с ним еще несколько других борцов. Эта большая новость мигом разлетелась по всем стойбищам Чуйской степи. Зайсаны Эре-Чуи и Улагана немедленно разослали своих гонцов с приказом всем борцам собираться в местности Эки-Ару – Эки-Терек. Между двух рек Ару стояла крепость Кёк-Ёргё. Это мне известно со слов чуйских старейшин, а именно со слов Петра Чойунова, который скончался недавно в возрасте восьмидесяти шести лет. И доныне сохранились останки ёргё – ставки правителя. Видимо, название села Кёкёря происходит от названия ставки Кёк-Ёргё, возле которой по обыкновению происходила торговля с монголами, китайцами и сойонами.

Таким образом, силачи с обеих сторон стали готовиться к большому состязанию. Чуйские люди волновались, переживая, найдется ли среди них достойный соперник знаменитому монгольскому силачу Чаган-Чонг-Баатыру. В те времена в верховьях реки Чуй жил сойон по имени Эркин-Оол. Вот этого-то силача и ловкача люди выбрали для состязаний в борьбе.

Через некоторое время чуйские люди, собравшиеся возле Эки-Терека, увидели всадников, которые двигались по степи Йер-Тёбё.
– Монголы едут! – разнеслись голоса повсюду.

Люди всполошились, заволновались, желая поскорее увидеть знаменитого монгольского силача. Согласно уговору монголы, перейдя речку Эки-Терек, должны были прибыть к ставке Кёк-Ёргё. Увидели люди, как монголы переправились и остановились, чтобы дать отдых коням, и занялись приготовлениями.

По халхаским обычаям силача ведут, прикрывая занавесом: двое впереди занавес несут, двое опоясывают борца и удержива-

ют его за пояс, и еще двое человек ведут его под руки. С этого ритуала они начинали каждое состязание. Между тем, Эре-Чуйские зайсаны, собрав всех силачей, обсуждали, как одолеть соперника. Как только солнце рассыпало брызги лучей по хребту Боштуу-Боро, в монгольском лагере началось движение. К этому времени в чуйском лагере борцы уже были готовы хватать соперников за рукава и класть на лопатки.

Предводитель халхасов, подняв вверх конскую плеть, подал знак о готовности к борьбе. Следом раздался тонкий звон колокольчиков и веселый перезвон бубенцов. И из-за туго натянутой занавески временами показывались макушка и два крепких кулака халхаского борца. Эре-Чуйские мужи все сгрудились в один ряд, не отрывая глаз от занавеса, и замерли в напряженном ожидании. Не прошло и времени раскуривания трубки, как силач Чаган-Чонг-Баатыр двинулся навстречу нашему борцу, исполняя по пути ликующий танец: потрясая кулаками, подсакивая и подпрыгивая за занавеской.

– Акыр, акыр! Люди, погодите! Пусть выйдет вначале Кабырга, а потом и Саадак, – прозвучал призыв среди общего людского гомона.

Как только занавес распахнулся, монгольский силач, потрясая руками, вышел навстречу чуйским борцам. Толпа зрителей, встречавшая силачей разноголосыми восклицаниями, разом затихла. Чуйский силач Кабырга, потрясая рукавами и стараясь подражать танцующей походке монгола, двинулся навстречу Чонг-Баатыру. У обоих борцов глаза горели боевым азартом, тела разгорячились, мышцы заиграли. На мгновение они замерли, глядя в упор друг на друга. Монгольский борец, очевидно, привык к легким победам, поэтому стрелой рванулся вперед, стараясь Кабыргу плотно обхватить и сдавить. Кабырга тоже от рождения был крепким человеком. Приближаясь к противнику, он наблюдал за ним, ожидая, чтобы тот сделал ошибочное движение, намереваясь ухватить его за правую руку и сделать подсечку. Но, как только соперник рванулся вперед, Кабырга напоролся на острый крючок, скрытый в его обуви, и рухнул на землю.

– Чонг-Баатыр, Чонг-Баатыр! – разнеслось по степи.

Радуюсь победе в первой же схватке, халхаский борец, исполнил танец орла и, кивая зрителям, скрылся за занавеской.

А в это время чуйские люди замерли, подобно испуганным зайцам, и не знали, что предпринять. Тогда из-за толпы напирющих друг на друга зрителей внезапно вышел бедный пастух Ярдак и обратился к распорядителям состязания:

– Уважаемые, позвольте мне вас просить, чтобы мой товарищ Бадма вышел на куреш?

– Бадму, Бадму! – закричали люди.

– Выходи, Бадма, на куреш! Победенного земля поднимает!

Несколько человек, окружив Бадму, крепко затянули его поясницу поясом из далембы, и стали ему на ухо нашептывать наказы по правилам и приемам борьбы. Главный судья состязаний с красным платком в одной руке и с белым платком в другой прохаживался туда-сюда в ожидании предложений с обеих сторон. Монголы, обсудив вопрос о продолжении состязаний, объявили, обращаясь к собравшимся:

– Чуйские люди и монгольские люди, слушайте! Чаган-Чонг-Баатыр сейчас не будет бороться, он выступит завтра. Если у вас есть сильные борцы, пусть готовятся к завтрашним схваткам. А сейчас еще один знаменитый монгольский силач Церен-Дор будет бороться. Если у вас есть силач, которого можно выставить против него, пусть выходит. Поле для вас открыто!

Этого Церен-Дора халхасы величали Ёлбёс-Баатыр – Бессмертный Богатырь.

Монгольского силача вывели, укрывая занавесом. Двое помощников несли занавес, двое вели его под руки, третий держал за пояс. У монгольских силачей в обычае выходить, пританцовывая, взмахивая руками и взбрыкивая ногами, подобно необъезженному жеребцу. Церен-Дор не был исключением и выходил на бой, танцуя, как указывала традиция.

Чуйские люди выставили против него известного силача Эркин-Оола. Он мог на скаку спрыгнуть с коня, обуздать и оседлать необъезженного быка. Однажды с этим могучим человеком произошел такой случай. Бедняк Туюк-Кара явился в аил к Эркин-Оолу, держа в одной руке плитку кирпичного желтого чая, а в другой – конскую подкову, и обратился к хозяину с такими словами:

– Эй, Эркин-Оол, дважды приветствую вас! Говорят, вы очень сильный человек. Если вы такой могучий силач, согните вот эту конскую подкову, и я тут же отдам вам плитку чая.

Услышав это, Эркин-Оол, вырвал из его рук конскую подковку, обеими руками надвое ее разорвал и сказал:

– Ваш кирпичный чай мне не нужен! У вас своих чад, как у перепелки, сами чай варите да своих деток поите!

Увидев такое, Туюк-Кара удрал, только его и видели.

Собравшиеся на большое состязание болельщики ожидали выхода Эркин-Оола. А он почему-то некоторое время раздумывал, что-то шептал про себя, и затем, закатав рукава, двинулся навстречу силачу Церен-Дору. Между тем богатырь Церен-Дор, как будто не замечая противника, пританцовывал, не задерживаясь сколько-нибудь на одном месте. Сгибаемая колена и разводя в стороны руки, словно готовая к взлету Царь-Птица, Каан-Кереде, он два-три раза крутанулся вокруг Эркин-Оола, пытаясь схватить его за плечи, с каждым оборотом все более распаясь. Наконец, борцы схватились обеими руками, стараясь подсечь друг друга. Однако силы оказались равными, и они, покрутившись немного, опять схватились. Но вот Эркин-Оол, ловко присев, проворно прошмыгнул под мышкой Церен-Дора и, прижимая его к себе, приподнял над землей и кинул оземь через бедро.

От восторженных криков собравшихся ничего вокруг не было слышно! Эркин-Оол на радостях трижды обошел Церен-Дора кругом и, опустившись на одно колено, вознес хвалу Алтай-Кудая.

– Эркин-Оол победил! Эркин-Оол! – разносились эхом по степи голоса народа.

Так завершился первый день состязаний. Но главные схватки предстояли назавтра, и зрители остались в напряженном ожидании. К последнему бою готовиться нужно особо, потому что от заключительного поединка зависит успех всех состязаний. Согласно предварительному условию победителя получали много скота, товаров и сладостей – алама-шикир.

В ту ночь в монгольском стане, не потухая, горел огонь, всю ночь они готовились в схватке. Чуйские старейшины, собрав своих борцов, провели откровенный разговор. Силачи, бедняки и большие баи – все пришли к общему мнению, что на итоговое состязание нужно выставить Бадму. Услышав это, бедный пастух, старик Ярдак был вне себя от счастья. Он похлопывал по плечу своего друга Бадму и много раз повторял:

– Главное, не попадись в руки Чаган-Чонг-Баатыра. Изловчись и постарайся его подсесть. Сдается мне, этот удалец не очень крепок на правую ногу.

В чуйском стане люди всю ночь ходили туда-сюда, громко хохотали, разговаривали, пока не рассвело. Но вот сумерки развеялись, и начало светать. Через некоторое время из-за священной вершины – ыйыка Талду-Айры взошло солнце. И как будто поверхность степи вмиг ожила: конский топот, людская молва, звон колокольчиков и бубенцов.

Монгольский стан оживился. Они начали седлать коней, дружно выдвинулись к месту предстоявшего боя и, приблизившись, остановились. Чаган-Чонг-Баатыра одели. Растянули и подняли занавес. Двое силачей взяли борца под руки, двое обмотали арканом его поясницу и стояли готовые к борьбе. Чуйцы, окружив Бадму, встали, чтоб его не было до времени видно. Главный судья состязаний взмахнул платками и возвестил звоном колокольчиков и бубенцов о начале большой схватки. Вокруг некуда было ступить, люди обступили кругом поле боя и ждали начала поединка.

Напряженное ожидание как бы замедлило время. Монгольский силач, потрясая кулаками, все еще подпрыгивал, показывая макушку из-за занавеса. Внезапно занавес раскрылся. Чаган-Чонг-Баатыр на миг застыл в позе орла, прислушался и вдруг стремительно крутанулся на одной ноге, сверкая глазами в сторону толпы. В это время силач Бадма бегом выскочил на арену. Рванувшись навстречу Чонг-Баатыру, он схватил его руками за плечи, но монгольский силач громко вскрикнул и ринулся назад, чтобы подмять Бадму. Уворачиваясь от бросков соперника, Бадма не стоял на одном месте и ловко прыгал туда-сюда. Борцы много раз сходились и расходились, пытаясь схватить друг друга. В местах захватов противника на теле Бадмы выступили кровоподтеки. Улучив момент, Бадма обхватил Чаган-Чонг-Баатыра и сделал подсежку. Соперник упал было, но немедля поднялся снова. Через некоторое время Бадма изловчился и кинул соперника через бедро. Стоявшая вокруг чуйская толпа подбодрила Бадму громкими криками. Тогда чуйский силач налетел на монгольского борца как орел, схватил его поперек туловища, поднял к небу и через голову со всего размаха кинул оземь.

– Наша победа! Бадма – победитель! – закричала толпа, торжествуя.

Чуйские зрители, присев на одно колено, вознесли хвалу борцу, а стоявшие рядом силачи подняли на руки Бадму и трижды обнесли вокруг поляны. Все люди, ликуя и радуясь, повторяли:

– Муж из мужей! Силач из силачей! Лучший силач Эре-Чуйской земли! Отныне и впредь ты никогда не узнаешь поражения!

Что тут было! Певцы поют, музыканты на комусах играют, начался большой праздник!

Согласно условиям состязаний борцу-победителю передается несколько голов овец и сладкое угощение алыма-шикир. Вручение последнего приза имеет свои особенности. Победителя усаживают на оба колена, опоясывают его поясницу далембой, и до самых его плеч выкладывают с обеих сторон горы сладостей. Бадма, хоть и был беден, разделил доставшийся ему приз поровну между друзьями. С верными друзьями радость поделил.

Годы прошли-проползли, месяцы пролетели, много еще было состязаний, а силач Бадма, закаляя себя, от поединка к поединку не единожды победителем выходил. То, что он в самом деле был сильным мужем, Бадма подтвердил не только в родной Чуйской степи, но и в землях халха-монголов, дёрбёт-байатов, танды-сойонов. Добрые традиции Чуйских силачей на этом не завершились и в новых поколениях продолжились и расцвели пуще прежнего.

*Т.Т. Яйтынов, сёёк ак-кёбёк, Кёкёрю – Улалу,
собственная запись 1991 г.*

Дева – богатырь

Жили когда-то в старые времена брат с сестрой – сироты из рода Иркит. От рождения наделены они были богатырскими нравом и статью, да остались одни, как ветер в чистом поле. Отец и мать у них погибли во время кровавых междоусобиц.

Однажды пришёл к сиротам посланец от казахского воинства с предложением состязаться в борьбе и вызвал парня-сироту на бой. Договорились, что будут готовиться в течение пяти месяцев. Месяца через два прознала о том сестра и говорит младшему брату:

- Погоди, брат мой, ты еще молод, кости у тебя пока ещё мягоньки, хрящики не затвердели, а казахский богатырь - зрелый, родовитый воин и известный борец. Не справишься ты с ним, а ведь нас с тобой только двое осталось, если ты погибнешь ненароком, то угаснет наш род. Я же всё равно в другой род должна замуж выйти. Давай-ка я вместо тебя на поединок пойду.

Таким образом, стали они тренироваться вдвоём. Прошло пять месяцев, и снизу вверх по долине пришли казахи, соблюдая обычай, с белыми берёзками и натянутой между ними белой шёлковой занавеской, да со многими подбитыми парчой шубами для залога. А у сирот и была-то всего одна облезлая кожаная занавеска. И вот сошлись борцы лицом к лицу, распахнули занавеси, смотрят казахи и видят: алтайский борец - женщина. Изумились казахи, ухмыльнулся борец:

- Девушка - борец! Ха! Повалю эту девку навзничь, одержу победу над ней, и всё будет моё, и она сама, и её земля.

Между тем, поздоровались борцы за руки и приступили к поединку. Бросил в схватке могучий казахский богатырь девушку на землю, но она тут же на ноги вскочила, как барс извернулась, обхватила его, подняла над собой и затем бросила навзничь и крепко к земле придавила. Победа досталась девушке. Как и положено, девушку-победительницу спросили:

- Чего ты желаешь? Аил золотом-серебром полный или северный склон белым скотом полный?

Отвечала она с достоинством:

- Не нужно мне ни добра в аиле, ни скота на горе, а нужна мне удобная и красивая земля, чтобы жил мой народ в покое и мире.

Тогда умерили этой алтайской девушке землю от того места, где боролись, до стоявшей в отдалении сопки. Эта сопка называется теперь Тадышок. Возле её подножия лежит квадратный жёлтый камень. Говорят, там девушка оставила знак в виде следа своей ступни с каменным узором.

Теперь я перевалила за пятьдесят лет, а камень этот всё там же лежит. От своих стариков слыхала я это предание. Теперь на том месте, где боролась и победила отважная богатырь-девушка, проходят народные праздники. Именно на том самом месте.

Предание записано В. Камылдиным от К.Д. Албановой, сёёк иркит, село Ёло, Онгудайский аймак, 1988 г.

Кёрөгөш

В прежние времена в долине реки Чаргы жили два брата Артыш и Агыди. У Артыша не было детей, вот и ходил он и всё жаловался на свою бездетность. Много ли, мало ли времени прошло, и супруга Артыша родила мальчика. Новорожденный младенец был крупнее годовалого ребёнка. Люди, разглядывая малыша, изумлялись: «Если он сейчас такой богатырь, то каким же он станет, когда вырастет?» Дали малышу-крепышу имя Кёрөгөш.

Однажды Артыш пошел смотреть свой табун. Пришел и видит: возле рыжей кобылицы играет бело-пёстрый жеребёнок, через спину матери взад-вперёд перепрыгивая. Никогда прежде не жеребилась рыжая кобылица. И подумал Артыш: «К чему бы это?» Но прибавлению в малочисленном табуне он всё же обрадовался.

Вернувшись домой, рассказал Артыш брату и другим старейшинам о том, что видел. И брат его, и услышавшие новость люди все как один сказали: «Этот жеребенок к несчастью родился, его нужно убить». Артыш долго не стал думать, зарядил ружье, сел на коня и вернулся к месту, где табун стоял. Жеребенок, как только завидел Артыша, тут же принялся спешно сосать мать. Когда жеребенок закончил сосать, Артыш поднял свое ружье, прижал к щеке приклад и выстрелил прямо в голову стригунку. Жеребенок упал. Артыш подошел к нему и увидел, что ноги и грудь убитого стригунка были необыкновенно толстыми для новорожденного. «Какое удивительное существо я погубил, послушавшись людского навета!» – с горечью воскликнул Артыш. И, ругая себя на чем свет стоит, Артыш вернулся домой.

А тем временем Кёрөгөш день ото дня подрастал, на глазах крепчал, сам собой становился все лучше и краше. Когда ему исполнилось шесть лет, он уже не мог играть с двенадцатилетними подростками. Если Кёрөгөш невзначай хватал их, то синяки оставлял или руки ломал, из суставов им кисти вывихивал. Зная это, родители старались Кёрөгөша к ровесникам не пускать, повсюду с собой водили.

Когда юноше исполнилось шестнадцать лет, родители решили его женить и сосватали ему девушку. Но не хватило бедным родителям сил уплатить калым за невесту, вот потому-то и отправили Кёрөгөша на три года жить к тестю, калым отрабатывать. А тесть

Кёрёгёша был большим любителем охоты. Частенько приказывал тесть своему зятю: «Собирайся, пойдём на соболя поохотимся». Уж очень любил тесть соболевать, а сам от природы был человеком молчаливым, но очень наблюдательным и упорным. Разглядывая Кёрёгёша, нередко думал тесть про себя: «По всему виду, этот парень – мой зять необыкновенный человек». У Кёрёгёша оба плеча в ширину были близки к шести сёмам (120 см), а его большой палец – эргек величиной с кисть взрослого человека, ну а кисть величиной с бедро. Кто видел богатыря невзначай, тот пугался. Но при этом Кёрёгёш был человеком смиренным, никогда людей не бил, не сквернословил.

И вот однажды в начале осени тесть Кёрёгёша опять отправился соболевать. Тесть для соболя делал ловушку – паспак и клал туда приманку. Так они около двух месяцев охотились, и в это время тесть много раз испытывал силу Кёрёгёша. То, разжигая костер на стоянке, просил приволочь дерево целиком, то приказывал большие камни для очага из земли выворачивать. Все эти просьбы Кёрёгёш беспрекословно выполнял. Как-то вечером тесть сказал Кёрёгёшу:

– В нашем ключике вода уменьшилась и стала перемерзать. Будь я таким же сильным как ты, я бы вывернул большой камень, что вон на том хребтике лежит, и сделал бы запруду. Но нет у меня такой мощи, этого я, увы, сделать не смогу.

Наутро тесть встал и увидел, что камень в основании похожий на копну, лежит поперек ручья.

Когда охотничьи припасы истощились, и наступило время назад возвращаться, тесть сказал:

– наших припасов до дома доехать не хватит. Я поеду к соседям-казахам и куплю овечку.

Вернувшись, тесть объявил Кёрёгёшу новость:

– Я договорился устроить тебе борьбу с казахским силачом. Состязание не будет бесплатным. Победим, десять байталов – молодых не жеребившихся кобылиц получим. А если проиграем, то мехами расплатимся.

Услышав такое условие, Кёрёгёш опечалился:

– Я ещё в силу не вошел. А вы хотите, чтобы шестнадцатилетний юнец со зрелыми мужами боролся? Неужели хотите, чтобы они меня растерзали?

И, сказав так, заплакал, точно ребёнок.

Когда солнце взошло, к стану подъехало около сотни казахов. Двое из них везли занавес – кёшөгё, за которым ехал борец. Тестю и Кёрёгёшу не осталось пути к отступлению. Пришлось Кёрёгёшу бороться. Заткнул он за пояс полы своего яргака, подошёл к казахскому силачу, раскрыл его полог, а там страшный кезер. Схватились борцы. Кёрёгёш поднял противника и стукнул оземь, только ребра хрустнули. Тут подбежали казахи и быстро оттащили Кёрёгёша, чтобы не дать убить своего борца. Подняли своего кезера, на коня посадили и увезли. А Кёрёгёш меж тем, не в силах унять свой борцовский дух, стал бушевать, раскидывать огромные камни и ломать деревья. Вскоре он вспотел, успокоился и присел у огня. Видя это, казахи вернулись к огню и стали разглядывать юного борца в большом изумлении.

Говорят, и другие люди пытались Кёрёгёша испытывать. Однажды Кёрёгёш поехал в аил бая Кыйтыка. Все байские слуги и силачи не могли поймать девятилетнего пегого жеребца. Кыйтык, завидев Кёрёгёша, обратился к нему:

– Видишь, никак не могут табунщики этого сильного и свирепого жеребца поймать. Шеи его никогда не касался аркан, а на голове его никогда не бывало недоуздка. Говорят, ты силач. Сможешь ли обуздать жеребца? Хватит ли твоих сил удержать его, парень?

Понял Кёрёгёш, что его испытывают, и попросил крепкий аркан и недоуздок. Зайдя в загон, он с первого раза накинул аркан на жеребца. Необузданный жеребец взревел, как лев, из его рта и ноздрей брызнула кровь. Взбрыкивая, отпрянул он назад, но Кёрёгёш стоял на месте неподвижно, подобно крепко вбитому колу. Раз за разом подтягивал он к себе арканом жеребца и, наконец, схватил его за оба уха и, придавив к земле, надел недоуздок. Те, кто видел это стремительное укрощение, были потрясены.

* * *

Прошло много лет. Кёрёгёш состарился. И вот как-то раз встретался он с сильным человеком по имени Якоп. Этот Якоп был задира и хвастун. Завидя Кёрёгёша, начал Якоп над ним подтрунивать. Ни с того ни с сего отвесил пощечину пожилому человеку, а затем и спрашивает:

– Это тебя в прежние времена называли кезер-баатыром, не правда ли?

Рассердился старик Кёрёгёш, свалил наглеца и, сидя на нём верхом, коленом голову ему к земле придавил. Якоп подергался, да и затих, не в силах освободиться.

– Как бы этот пройдоха подо мной не издох, – сказал Кёрёгёш окружающим, и отпустил нахала.

Якоп встал, стыдясь людей, поклонился Кёрёгёшу и сказал:

– Правду говорят, нельзя перешагивать голову медведя! Увидел перед собой старика и решил, что легко справлюсь с вами. Никогда впредь я не буду с вами состязаться. Простите мою дурость!

Рассказывают, что таких случаев в жизни Кёрёгёша было множество. Но, как бы то ни было, простые люди его очень любили. Он был человеком, который никогда никому не делал зла.

Кёрёгёш всю свою жизнь ходил пешком. Когда люди спрашивали, почему он не ездит верхом, Кёрёгёш отвечал:

– Единственный конь, который мог меня вынести, родился вместе со мной, да отец мой его застрелил. Вот поэтому я всю жизнь вынужден ходить пешком.

Это предание – не сказка. Кёрёгёша многие люди знали, и моя мать его тоже видала.

*Записал со слов своей матери И.П. Сабашкин, сёёк мундус,
село Усть-Каракол, Онгудайский аймак, 1957 г.*

Завет дяди

Кёрёгёш (Бёрёгёш) был одним из последних алтайских богатырей. Он родился в теплую весеннюю пору. Ни ветерка в тайге, ни тучки на небе не было. Все птицы залиvistо пели. Казалось, вся природа празднует пробуждение от зимнего сна. В то же самое время, ранней весной родился в табуне богатырский жеребёнок.

Кёрёгёш от рождения был резвым, он рано начал понимать речь и говорить. С младенческих лет он отличался от других детей и обликом, и умом. Когда стало ясно, что Кёрёгёш родился богатырем, его родственники, собравшись, единодушно решили:

– Рожденный богатырем на малой родине, в здешнем Алтае, надолго не задержится. Начнет он воевать, бороться. Богатыр-

ский жеребёнок вырастет и станет Кёрэгёшу драгоценным конём – эрдине. Оседлает он его и ускачет, куда глаза глядят, только мы его и видели. Вот поэтому нужно немедленно этого жеребенка убрать. Тогда никуда Кёрэгёш не денется, будет по родному Алтаю ходить-топать.

Взяли братья топоры и ножи да и поднялись под белки, где пасся косяк с жеребцом. Жеребёнок, как будто почуял беду неминуемую: хоронился за матерью, прятался и не давался. Тогда косяк с жеребцом пригнали в долину, где находился загон. Стали табун направлять к загону, но не пошла кобылица в загон – убежала по горным склонам в тайгу. Несколько дней за ней гонялись и в конце концов жеребёнка пристрелили. Когда свеживали жеребёнка, в позвоночнике у него не нашли ни одного слабого сустава.

С того самого дня, когда родня вознамерилась погубить жеребёнка, малыш Кёрэгёш перестал спать и ночью, и днём. Неведомо чего пугался, просыпался и горько плакал. А после того, как зарезали жеребенка, ребёнок стал сердитым, крикливым, неласковым. Исчез его гордый норов, как не бывало, стал он плаксивым и угрюмым. В конце концов, он заболел и на всю жизнь остался калекой.

И хотя с детства Кёрэгёш был калекой, он всё же сохранил способность ходить и всю свою жизнь охотился пешком, потому что нигде на Алтае не нашлось коня, который смог бы его поднять. Сколько слёз он пролил, родню свою ругая, никто не знает. Свою беду Кёрэгёш при себе держал, напоказ не выставлял. Одно только говорил он родителям:

– За какой грех юного жеребца погубили? Уж лучше бы вы и меня прибили в юном возрасте вместе с конём, чем обречать на такие страдания в этой жизни.

Когда Кёрэгёш постарел и уже был не в силах ходить, он часто подолгу лежал у огня, повернувшись спиной к очагу, и при этом всегда поворачивался лицом в сторону от двери к алтарю – тёру. А делал он так потому, что люди, случайно заглянувшие в его аил, бывало, сильно его пугались. Когда малые дети впервые видели Кёрэгёша, то, случалось, даже кричали от страха. Глаза у Кёрэгёша были как две большие пиалушки, голова была непомерно большой. Поэтому, когда в аил заходили гости, Кёрэгёш, лежавший спиной ко входу, предупреждал: «Не бойтесь меня», – и лишь после этого поворачивался.

Говорят, Ирбисек приходился Кёрёгёшу племянником, но кто теперь точно скажет? В то время слава Ирбисека только начинала распространяться по Алтаю. Когда до ушей Ирбисека дошла весть о том, что Кёрёгёш не может ходить, он сказал:

– Пока мой таай жив-здоров, поеду его навещу.

Зайдя в аил дяди, Ирбисек почтительно поздоровался. Кёрёгёш, услышав голос племянника, пригласил его пройти и сесть рядом с ним. Испугался Ирбисек громогласного говора дяди, мигом прибежал и сел рядом, там, где тот указал. Тогда Кёрёгёш большим пальцем правой руки начал прощупывать позвоночник своего племянника, начиная от его шеи и далее вниз по спине до кобчика. Когда его большой палец дошел до поясницы, Ирбисек внезапно дернулся. При этом дядя ему сказал:

– Эх, жалко! Оказывается, дорогой племянник, на твоей крепкой спине есть один слабый позвонок. Тяжести через силу старайся не поднимать, иначе поясница треснет. И, всё-таки, ты – вершина этого поколения. Среди своих современников ты будешь знаменитым силачом. Силой своей, однако, не кичись, не забывай родной народ, проживи свою жизнь во имя святого дела – славы народной. Я лишился своего ездового коня и, став калеккой, не сумел достойно послужить своему народу. Теперь ты должен совершить подвиги и за себя, и за меня.

А потом дядя рассказал Ирбисеку о своей жизни:

– Я в своей жизни ничего не боялся. Тяжелые вещи через силу не поднимал, но и от работы не отлынивал. Когда я был еще мальчиком, возле моего аила стояла толстая кривая красная лиственница. «Как бы это дерево при сильном ветре на жилище не упало, а то его толстый ствол и человека раздавить может», – подумал я и решил эту лиственницу убрать. Когда я подрубил лиственницу под корень, она накренилась и начала заваливаться на крышу аила. Тогда я схватил её поперек ствола и оттолкнул в сторону. Видимо, дерево было очень тяжелым. Мои мышцы слегка хрустнули.

Однажды, охотясь, я вошел вглубь леса и неожиданно для себя напоролся на семерых онгоров – огромных рыжебородых русских мужиков. Видимо, они расположились здесь станом, разожгли огонь на перекрестии упавших лиственниц, разложив возле себя свои топоры и ружья. Они заметили меня, бежать было уже поздно, да и как-то неловко, и я решительно направился напрямик к

огню, думая про себя: «Как бы они сгоряча в меня не пальнули». Подошёл к костру, ни слова не говоря, вынул трубку из кисета, неспешно набил табаком, голой рукой из огня вытащил самое толстое бревно и от него прикурил. Потом так же точно, голой рукой положил бревно назад, затянулся пару раз, пустил колечко и, похвалив табачок, пошёл прочь. Обернулся я только на выходе из леса: онгоры, обомлев, всё так же неподвижно сидели у костра. В тот день впервые дрогнуло мое сердце, боялся, как бы они меня не подстрелили. А мужики, похоже, не меньше моего испугались. Решили, наверное: «Это дух Алтая к нам приходил».

Сейчас вот не могу подняться, лежу, о чём только не думаю. Был бы жив мой конь-эрдине, разве стал бы я мыкать горе? Ездил бы по белу свету, совершал подвиги во славу родного Алтая. Племянник мой, никогда не забывай несбывшихся надежд своего дяди! Ты исполнишь их, ты будешь жить за меня!

Не забыл Ирбисек заветы дяди и совершил много славных дел, поэтому мы и по сей день гордимся своим героем.

*Тырмай Торбоков, сёек тонгужаан,
Шыргайты – Шибилик-Оозы, в собственной записи,
1 числа месяца малой жары (июня) 1995 г.*

Ирбисек – Снежный барс

Пять поколений тому назад в урочище Кача (сейчас Белокуриха) жил Калаш из рода кыпчак. Славился он среди других своими богатствами.

Однажды алтайские зайсаны съехались на совет. Каждый оток разбил свою стоянку отдельно вокруг своего огня. Зайсаны привезли с собой звонкоголосых певцов, знаменитых сказителей, музыкантов, равных которым не было в игре на топшууре, икили, комусе и других инструментах. Чечены-острословы состязались между собой в остроумии, устраивая шуточные перебранки, высмеивая чужой род и возвеличивая свой.

Вместе с зайсанами на совет съехались самые уважаемые, знатные сородичи – якшылары. Чем больше на стоянке было таких людей, тем большим почётом среди других пользовался этот род. Зайсаны соперничали между собой в хлебосольстве. Чьи люди

выставят лучшее угощение, тот зайсан прославится щедростью и будет пользоваться большим уважением среди других. Шумные застолья и веселье продолжались несколько дней.

Заметил зайсан кыпчаков, что на его стоянке нет Калаша. Послал за ним гонца. Сказал Калаш в ответ на приглашение такие слова:

– Недосуг мне ехать. Нужно свой скот пересчитывать. А коров, овец, лошадей у меня столько, сколько сосен в бескрайних Качинских лесах. Не успею на праздник.

Послал зайсан второго гонца со строгим наказом.

– Не смогу приехать, – ответил Калаш, – до тех пор, пока не сочту все свои богатства, которых у меня столько же, сколько камней в осыпях Качинских гор.

Разгневался кыпчакский зайсан на непокорного Калаша и велел третьему гонцу передать ему такой приказ: «Собери табун в сорок бурых лошадей, чтобы они, как близнецы, были похожи меж собой. Самолично отгони табун в Яш-Туринский острог, чтобы бий-начальник Загребенев отправил их, как мой подарок, в конюшни Белого царя».

На этот раз Калаш не осмелился ослушаться зайсана. Осмотрел он свой табун, но смог собрать лишь тридцать девять бурых лошадей, которых друг от друга отличить было невозможно. Только в табуне, который получила жена Калаша от своего отца в приданое, нашлась еще одна подходящая кобыла. Делать нечего. Скрепя сердце, чтобы исполнить повеление зайсана, пришлось Калашу взять любимую лошадь своей жены.

Собрав, наконец, сорок бурых, Калаш погнал табун в Яш-Туру. Не успел он за день доехать до острога. Пришлось стать на ночлег в чистом поле, чтобы лошади по дороге в темноте не разбежались.

Вышла здесь промашка. Не уследил пастух, и ночью любимая кобыла жены Калаша вырвалась на волю и ускакала домой. Что тут поделаешь? Пришлось гнать в Яш-Туру тридцать девять лошадей.

Очень обрадовались начальники неожиданному подарку, когда пропустил Калаш табун через царское окошко, как называли тогда ворота острога, даже считать не стали. Поблагодарили они Калаша и отпустили с миром.

После этого стали люди называть Калаша и его потомков так: «Пропустившие через царское окошко сорок бурых, быстроногих, как ветер, лошадок». До сих пор людей из его рода так называют.

После этого в свой срок и в свое время родила жена Калаша сына. Мальчик был такой красивый и ладный, что дали ему имя Чийне, что означает – Цветок пиона.

А кыпчакский зайсан с тех пор затаил злобу на Калаша за то, что он гордость свою показал, не выказал смирения перед ним. Стал чинить ему всяческие утеснения и обиды. То подати непомерные требовал, то подарки. Скоро вконец обеднел Калаш от поборов: оскудели его стада, развеялось все его богатство.

В то время Чийне подрост и отделился от отца. Откочевал он со своей семьей в Ябаган, где родился у него сын. Назвали мальчика Ирбисек, что означает Снежный барс.

Шло время, подрастал Ирбисек. Замечали люди, что он был не похож на других детей. Никогда не шалил, вел себя тихо и скромно. В игры с другими ребяташками не вступал, хотя не уступал никому ни в силе, ни в ловкости. Таким он оставался до восемнадцати лет.

1. Как Ирбисек в гололед перешел Келейский перевал

Однажды по весне Ирбисек из Келея домой возвращался. Когда он на перевал поднимался, пошел густой мокрый снег, на котором его следы были хорошо видны. Вслед за Ирбисеком ехал один человек по имени Таныш. Увидел он следы на снегу и решил, пока не замело, догнать всадника, потому что вместе веселей коротать дорогу.

Подъехал Таныш к подножью горы и остановился в изумлении. Смотрит: следы лошади пропали, а в гору пеший человек пошёл. «Что за диво, – подумал Таныш: куда лошадь делась?» Подстегнул он коня, но путника догнать не смог.

Таныш поднялся на перевал и еще больше удивился: рядом со следами человека появились отпечатки лошадиных копыт. Поторапливал он коня, позабыв даже об осторожности, и увидел: у подошвы горы следы человека пропали, только отпечатки копыт на снегу.

Совсем у Таныша голова кругом пошла, разобрало его любопытство. Решил он, никуда не сворачивая, по следу ехать, пока

тайну не раскроет. Ехал он, ехал, и привели его следы в стойбище прямо к одному аилу в Экинуре. А там у коновязи конь стоял. Осмотрел его Таныш, ничего необычного не нашел: конь как конь.

Переступил порог аила, поздоровался с хозяевами и спрашивает:

– Это кто сейчас приехал? Чья лошадь у коновязи стоит?

– Ну, я сюда с Келея приехал, и лошадь у коновязи моя, – спокойно ответил ему ничем не приметный юноша, который сидел у очага.

– Как это у тебя получается? – спросил Таныш. – То ты верхом едешь, то один пешком идешь, то вместе с конем следы оставляешь, то опять твои следы исчезают, а конские остаются? Уж не оборотень ли ты?

– Конь мой за зиму от бескормицы ослабел, – молвил юноша, – трудно ему без подков в гололед на гору подниматься. Я взвалил его на плечи и вынес на перевал. Вниз с горы вел в поводу. Когда спустились, сел верхом и поехал на стойбище.

Очень удивился Таныш, что этот паренек коня на плечах на перевал поднял. Спросил его:

– Чей ты, юноша? Какого ты роду-племени?

– Отец мой Чийне из рода кыпчаков. А зовут меня Ирбисек.

2. Как Ирбисек со своим дядей в Каче свиделся

Был у Ирбисека дядя, брат матери, почтенный старец из рода тейлès. Звали его Кёрэгеш. Дядя никогда не видел племянника, но до него дошла молва о необыкновенной силе и ловкости Ирбисека. А Кёрэгеш сам был известным силачом. На других людей не похож, огромный был, как гора.

Захотелось дяде с племянником повидаться. Посылал он ему через проезжающих такие слова: «Я уже стар, и, пока не ушёл из этого мира, пусть племянник ко мне приедет, повидаем друг друга, познакомимся».

И хотя наступили осенние холода, земля промерзла, по первопутку решил Ирбисек навестить дядю.

Приехал он в стойбище, где жил Кёрэгеш, в двух ташуурах угощение привез. Зашел Ирбисек в юрту и видит: дядя лежит на почетном месте возле очага. Обнаженной спиной повернулся ко входу, старые кости у огня греет. Кёрэгеш опирался локтем на кошму,

а голову на раскрытую ладонь положил. Такой огромный был, что под его рукой, которой он голову поддерживал, и боком человек мог спокойно проползти. Видом своим он походил на вывороченное из земли могучее дерево с толстым комлем.

Ирбисек почтительно поздоровался с женой дяди, назвал себя. А дядя как лежал, так и лежит себе, к племяннику не поворачивается, на приветствие не отвечает. Удивился Ирбисек: почему дядя к нему не поворачивается, почему не здоровается? Тут жена дяди сказала:

– Встань, Кёрёгёш, и повернись лицом к нам. Твой долгожданный племянник в гости приехал.

Кёрёгёш, все еще не оборачиваясь, молвил:

– Ну, племянник, сейчас я обернусь, но ты не пугайся, хотя мой облик на людей страх наводит.

Сказав так, он медленно обернулся к Ирбисеку, лицо свое показал.

Ирбисек замер от удивления. Было от чего остолбенеть. Глаза Кёрёгёша были подобны двум пиалам, а лоб такой огромный, что можно было шкатулку поставить. Поприветствовали друг друга и стали разговаривать.

– Далеки наши стойбища друг от друга, – говорит Ирбисеку дядя, – но близки души и сердца наши. Приезд племянника – к удаче. Два скакуна, встретившись, должны в беге состязаться. Два силача, увидевшись, должны побороться. Земля сейчас от холодов как камень стала. Если один из нас бросит другого оземь – на смерть расшибет. Давай на руках бороться: кто кого перетянет, с места сидящего сдвинет.

Уселись они друг против друга, руки крепко сцепили. Начали тянуть каждый на себя. Чувствует Ирбисек, что дядя его перетягивает, уперся пяткой в земляной пол. В аиле от тепла очага земля не застыла, мягкой была. Не смог Кёрёгёш сдвинуть племянника с места, но нога Ирбисека ушла в землю по щиколотку. Померял Кёрёгёш своей пядью, насколько ушла в землю нога племянника, и сказал:

– Ну, племянник, хотя и ушла твоя нога в сырую землю по щиколотку, вижу, однако, что уже сейчас нет тебе равных по силе среди прочих людей. Никто тебя на лопатки положить не сможет. Но хочу тебя предупредить: будь осторожен. До двадцати пяти лет,

пока не войдешь в полную силу, не старайся чудеса творить, а то надорвёшься. Дай-ка я тебя ещё раз испытаю.

Протянул Кёрёгёш руку и поднял с полу железный лом, свернутый в кольцо, как волосяной аркан, который у стены аила валялся. Подал ее Ирбисеку и говорит:

– Этой железкой я в молодости забавлялся, скручивал и мял ее, как хотел. Попробуй-ка распрямить ее, племянник.

Взял Ирбисек железный лом за оба конца, начал тянуть изо всех сил, но распрямить его не смог. Попробовал через колено кольцо разогнуть. Разогнуть-то разогнул, да только до конца растянуть не смог – сил не хватило.

Взял Кёрёгёш у Ирбисека железяку, потянул за оба конца и легко распрямил ее так, что сделалась она прямой и ровной, словно кузнец по ней молотом прошелся. Потом стал дядя лом через локоть на руку наматывать, как волосяной аркан. Смотал тугими кольцами и небрежно бросил на прежнее место у стены юрты.

Не стал дядя больше испытывать силу племянника, убедился, что, хоть и молод он ещё, в полную силу не вошёл, но уже силач выдающийся. Стали они пировать, разговоры разговаривать. Два дня гостил Ирбисек у дяди, а потом домой поехал.

Рассказывают люди, что был тот лом толщиной в палец взрослого мужчины, а шириной в четыре пальца.

3. Как Ирбисек посрамил силача Курбанбай

Людская молва разнесла весть о необыкновенной силе Ирбисека не только по всему Алтаю, но и далеко за его пределами. Повсюду люди рассказывали о его подвигах: как коня через перевал на себе перенес, как железный лом распрямил.

В ту пору на реке Иртыш жил знаменитый казахский силач Курбанбай. Дошла и до него весть о молодом алтайском силаче Ирбисеке. Решил он поехать в Ябаган, чтобы помериться с силой с Ирбисеком. Надеялся, коли сможет побороть алтайского силача, прославить себя и получить звание баатыра. По обычаю решил Курбанбай за себя большой-пребольшой залог выставить. Собрал он верных друзей, погрузил на верблюдов много добра, и поехали казахи караваном на Алтай.

Казахи, вступив в пределы алтайской земли, разбили стоянку повыше устья реки Кан, неподалеку от нынешнего моста. Поста-

вили походные шатры, стали отдыхать, сил набираться перед поединком. Через проезжающих посылали вести, что прибыли они, чтобы силой с Ирбисеком помериться. Однако имени Курбанбая не называли.

Вскоре дошла эта весть до Ирбисека. Решил он поехать и посмотреть на приезжего силача. Когда Чийне, отец Ирбисека, узнал о намерении сына, то сказал ему:

– Если решил бороться с приезжим силачом, то до времени не показывай ему себя, договорись о встрече через верных людей.

– Отец, – отвечал Ирбисек, – я поеду посмотреть на приезжего силача, но назовусь другим именем, чтобы он не узнал меня до срока.

Сказано – сделано. Поехал Ирбисек к Канскому мосту один, без товарищей. Когда подъехал к мосту, увидел на берегу походные шатры, а возле них пылающий костер. Вокруг костра сидели незнакомцы и, как видно, обедали. Ирбисек подъехал поближе и заметил толстое бревно, которое борцы привезли с собой на верблюдах, чтобы иметь запас дров для костра.

Ирбисек спешил возле этого бревна и, приподняв, подсунул под него повод, чтобы конь не убежал. Потом опустил бревно на место. Подойдя к костру, Ирбисек вежливо поздоровался и спросил:

– Откуда вы, люди добрые, и куда путь держите?

– Мы приехали с реки Иртыш, – отвечали казахи. – Прослышали мы, что в Ябагане живет алтайский силач Ирбисек. Хотим, чтобы наш силач с ним силой померился. А сам-то ты, кто такой будешь?

– Я младший брат Ирбисека, – отвечает хитрый Ирбисек. – А кто с моим братом бороться хочет? Как зовут этого силача?

– Это я, – ответил могучий казах, – зовут меня Курбанбай. Может быть, ты со мной сначала побороться хочешь?

– Как я могу с тобой бороться? – сказал Ирбисек, не открывая себя. – Пусть мой старший брат с тобой и борется, он сильный.

Поднялся Ирбисек от костра и хотел уехать домой.

– Помогите нам, – попросили его казахи, – вон то бревно к костру подтащить, а то мы одни не справимся.

– Ладно, – согласился Ирбисек, – а вы моего коня пока за повод подержите, чтобы он не ускакал, когда я бревно поднимать буду.

Сказал так, взял бревно за середину, поднес его к костру и положил в огонь. Потом, не говоря ни слова, сел на коня и отъехал.

Раскрыв рты от изумления, смотрели казахи ему вслед, не в силах ни слова вымолвить. Наконец Курбанбай сказал:

– Если младший брат Ирбисека такой силой обладает, то какой же силач сам Ирбисек? Как мне с ним бороться?!

Погрузили казахи свои пожитки на верблюдов, свернули свои шатры и уехали восвояси. Больше на Алтае Курбанбай не появлялся. Так Ирбисек без борьбы посрамил приезжего силача, а люди об этом узнали и еще больше стали его прославлять.

4. Как Ирбисек укротил дикого жеребца зайсана Мошой

После того, как Ирбисек посрамил силача Курбанбая, слава его еще больше возросла. Прослышал о его подвигах зайсан кыпчаков Мошой, кочевавший возле Кеньгинского озера. Захотел сам убедиться, правду ли говорят люди про необыкновенную силу и ловкость его сородича.

Послал зайсан Мошой гонца к Ирбисеку с приказом приехать к нему в стойбище. Сам же решил хитроумным способом силу Ирбисека испытать. Мошой приказал табунщикам поймать десятилетнего жеребца в расцвете сил, который ни разу в руках человека не бывал. Когда жеребца поймали, приказал зайсан набросить на него аркан из сыромятной кожи, но не на шею, а через грудь. Он хотел, чтобы аркан жеребца не душил, когда Ирбисек его поймает, и он мог свою полную силу показать. Так всё и сделали, а затем жеребца отпустили на волю.

Приехав в стойбище зайсана Мошой, Ирбисек зашел в аил, по обычаю поклонился и вежливо спросил:

– Все ли хорошо у Вас? Здоровы ли Ваши дети? Благополучны ли Ваши стада?

Мошой поприветствовал Ирбисека и похвалил его, что он приехал без промедления.

– Ну, сынок, – молвил он после приветствия, – много я наслышан о твоей силе и ловкости. Позвал я тебя вот по такому делу: отбивали мои пастухи лошадей от табуна, да по ошибке заарканили жожака. Удержать его не смогли. Он вырвался и до сих пор с арканом бегает. Прошу тебя, сними аркан, освободи жеребца.

– Скажите мне, где пасется жеребец? – спросил Ирбисек.

– Вместе с табуном возле озера пасутся, – ответил Мошой. – Ты спрячешься в яме на берегу, там, где брод. Пастухи на тебя табун погонят. Когда жеребец из воды выйдет, ты его схватишь и аркан снимешь.

Когда сыромятный ремень в воде намокнет, становится скользким, как рыба, только что вынутая из воды. Зайсан Мошой подумал: «А сможет ли Ирбисек ремень удержать, чтобы не осрамиться перед всеми?»

Табунщики погнали лошадей к броду, а Ирбисек спрятался в яме недалеко от места, где табун должен был проходить. Когда жеребец поравнялся с ним, Ирбисек выскочил из ямы и, изловчившись, ухватился за конец аркана. Ни один человек, кроме Ирбисека, не смог бы удержать скользкий ремень. Он же быстро намотал аркан на руку. Когда конь рванулся, силач так дернул аркан, что жеребец, не устояв на ногах, повалился на бок.

Ирбисек подскочил к жеребцу. Тот хотел было отпрянуть в сторону, но Ирбисек дернул его за хвост, повалив на другой бок. Одной рукой он схватил его за челку, а другой сдернул сыромятный аркан, захлестнутый на груди. Когда жеребец вскочил на ноги, Ирбисек с такой силой оттолкнул его от себя, что тот присел задом, а затем покатился кувырком. Подозвав табунщика, Ирбисек отдал ему аркан, а сам спокойно пошел к озеру мыть руки.

Когда зайсан Мошой воочию увидел, что Ирбисек укротил дикого десятилетнего жеребца, словно жеребенка-стригунка, валяя его с боку на бок, как захудалую овцу, он понял, что люди правду говорили о необыкновенной силе этого парня. Подошел он к Ирбисеку, поблагодарил и похвалил его и сказал на прощание:

– Алкыш-быйан тебе! И впредь желаю тебе, сынок, чтобы ты справлялся со всеми силачами так, как укротил этого могучего жеребца.

5. Как Ирбисек победил тубинских силачей

Прошло всего-то около месяца, как от зайсана Мошой снова прискакал гонец к Ирбисеку. Тот без промедления отправился на берега Кеньгинского озера. Только видит Ирбисек: на той кляче, что у него была, не скоро он к зайсану доберется. Решил попросить добрую лошадь у бая Болтыя. Болтый ему не отказал. Тогда Ирбисек сказал:

– Если моя дорога будет благополучной, а дело закончится удачно, я вас постараюсь достойно отблагодарить.

С тем и уехал, а свою клячу у бая оставил.

Когда приехал в стойбище Мошоя, встретили его на этот раз как почетного гостя. Зайсан приказал слугам расседлать коня Ирбисека и пасти его на аркане, глаз не спускать. В юрте расстелили праздничный ковер – ширдек, изукрашенный узорами, вышитыми цветным шелком искусными мастерицами. Мясо сварили, на блюдо положили, араку разливали, гостя угощали. Зайсан Мошой своими руками подносил Ирбисеку самые лакомые куски как почетному гостю. Когда гость насытился, зайсан начал разговор о своем деле:

– Послушай, сынок, наш оток устраивает состязания с таёжными тубинцами. На состязание борцов двух отоков приготовили богатые заклады. Победителя ждет достойная награда. Ранее не было у нас силача, который мог бы с тубинцами потягаться. Поэтому решили мы просить тебя, чтобы ты выступил за честь отока против тубинского силача. Я убедился, что нет у нас более надежного парня, чем ты. Мы тронемся в путь через три дня. Твой конь здесь, наши слуги о нем позаботятся, а тебе дадим самого легкого, резвого скакуна из наших табунов, чтобы ты выглядел достойно. На четвертый день будем на месте. Люди от двух отоков там готовят добрый стан. Будет вдосталь игр, увеселений. Сынок, – завершил свою речь Мошой – ты самый надежный и ловкий, скажи, что тебе нужно, чтобы подготовиться к борьбе? Мы всё тебе предоставим.

Не спешил Ирбисек с ответом, даже оробел чуток, посидел, подумал, а потом сказал:

– Мне нужен новый волосяной аркан. Приготовьте хорошо утопанную площадку. Есть буду крепко посоленный овечий курдюк. Другой еды не предлагайте, араки не наливайте. Пить буду крепкий чай, ничем не забеленный – ни сливками, ни молоком.

Наутро всё, что просил Ирбисек, было приготовлено. Разбросил он новый волосяной аркан по площадке кольцами и разделся до пояса. Три дня с утра до вечера катался Ирбисек голой спиной и грудью по колючему волосяному аркану. Когда закончился третий день, сказал Мошой:

– Теперь я готов бороться!

На следующий день, рано утром, отправились в путь. Зайсана сопровождал богатый караван и множество слуг. До заката скакали Мошой и Ирбисек без отдыха и остановились переночевать по пути в долине Туйакту в аиле у одной старухи. Звали ее Байду.

– Скажите, зайсан, – спросила Байду, – куда это вы с демичи и таким множеством слуг, со вьюками, полными всякого добра, направляетесь?

– Мы возьмем силача Ирбисека бороться с тубинским силачом, – ответил старухе демичи, помощник зайсана по имени Тетек.

– Послушай, сынок, – обратилась Байду к Ирбисеку, – мой сын был таким же удальцом, как и ты. Тоже ездил бороться с тубинским силачом по имени Кёшөгёлю-Бёке, да только тот заломал его до смерти. У этого силача прозвище – «Скрытый за пологом». Он скрывается за пологом, чтобы противник до времени его увидеть не мог, к борьбе подготовиться. Только когда дадут команду бороться, двое слуг полог отбрасывают, и Кёшөгёлю-Бёке на противника бросается. Будь начеку и опасайся его коварства. «Скрытый за пологом» прячет горсть битого стекла в левом кулаке и дурман-траву – в правом. Дурман-траву он тебе в лицо бросит, чтобы ты силу потерял, и мысли твои разлетелись, а толченым стеклом спину посыпать станёт. Когда бросит тебя на землю, толченое стекло тебе кожу порежет, кровью истечешь. Тогда он тебя, ослабевшего, грянет о землю и насмерть расшибет, как с моим сыном было. Ты, как только отбросят полог, хватай его крепче за запястья и жми изо всех сил, чтобы он разжал ладони, дурман-траву и стекло на землю обронил. Тогда, может быть, ты его одолеешь.

Мошой понял, что Ирбисек не зря три дня с утра до вечера голый спиной и грудью по колючему волосяному аркану катался. Теперь его коже стекло, если что, не страшно будет. А еще зайсан послал впереди каравана лазутчика, чтобы он все как следует разузнал. Обеспокоился Мошой, что тубинцы привезли знаменитого Кёшөгёлю-Бёке, боялся, что Ирбисек проиграть может и его богатый заклад пропадет. Через некоторое время видит – скачет лазутчик назад.

– Ой, калак, ака, – закричал лазутчик, обращаясь к Мошою, – приготовили тубинцы белый полог, привезли с собой Кёшөгёлю-Бёке. Их там видимо-невидимо собралось, подъезжают к Зайсан-Яйло.

Стал Мошой со своими людьми советоваться, где им взять войлочный полог, чтобы до времени Ирбисека от глаз Кёшөгёлю-Бёке укрыть. Не нашли они полога. Тогда Тетек посоветовал:

– Развернем мы большой овчинный тулуп и укроем нашего Ирбисека, как за пологом, от посторонних взглядов.

Двое слуг развернули большой тулуп, и Ирбисек за ним укрылся. Так и приехали они на место поединка. Народу собралось там множество. Со всех сторон слышались песни, раздавались звуки музыки. От огромных котлов, где суп-кёчё варили, доносились вкусные запахи. От костров, где на вертелах туши быков и баранов жарили, тянуло ароматом подгорелого сала. Тубинцы и кыпчаки отдельно расположились. Друг на друга поглядывали, но вместе не сходились.

Когда зайсан Мошой и его люди спешили, вьюки развязали, начали они возле площадки для борьбы вместе с тубинцами добро для заклада в две кучи складывать. Сначала положили разные ткани: свертки шелка, китайки, бархата, блестящего плиса и далембы. На ткани стали выделанные кожи накидывать: сафьян, замшу, хром. Когда обе кучи поднялись на высоту плеч взрослого мужчины, стали сверху сыпать серебряные слитки и монеты, пока куча до кончиков ушей не выросла. На серебро клали пачки бумажных денег до тех пор, пока за ними макушку взрослого мужчины не стало видно. Вот почему и повелось называть такой заклад-приз Заглавным. Товары, сладости, деньги и драгоценности – все это добро доставалось борцу-победителю. Победа в борцовском поединке ценилась настолько высоко, что высота горы добра, по традиции, соответствовала росту героя поединков.

После этого приготовили площадку, где борцы должны были состязаться. С одной стороны подвели Кёшөгёлю-Бёке, скрытого за белым войлочным пологом. С другой – Ирбисека, перед которым двое слуг развернутый овчинный тулуп несли. Тубинцы, увидев это, стали насмехаться над алтайским силачом. Когда судьи дали команду начинать борьбу, слуги откинули полог и отбросили прочь тулуп.

Ирбисек хорошо запомнил слова старой Байду. Он заметил, что ладони «Укрывающегося за пологом» крепко сжаты. Бросился он к Кёшөгёлю-Бёке и крепко ухватил его за запястья. Трудно это было. Запястья у тубинского борца были такие толстые,

как руки Ирбисека выше локтей. Сжал пальцы Ирбисек, словно стальными капканами охватил запястья Кёшөгелю-Бёке. Не смог стерпеть тубинский силач такую боль и разжал пальцы. Дурман-трава и битое стекло на землю просыпались. Не удались его хитрости.

Сплелись в тесном объятии два борца. Только Ирбисеку трудно приходилось. Кёшөгелю-Бёке был такой огромный, что руки Ирбисека, который ростом от обычного человека почти не отличался, не могли за его спиной встретиться. Сдавил его в своих могучих объятиях тубинский борец, и Ирбисек захрипел, стал задыхаться, ноги его подгибались, теряя опору. Еще немного и бросил бы Кёшөгелю-Бёке молодого силача на землю.

В это время зайсан Мошой вскочил с места и стегнул изо всех сил Ирбисека нагайкой по обнаженной спине так, что багровый рубец обозначился, чтобы привести его в чувство. Вскрикнул от жгучей боли Ирбисек, стряхнул с себя наваждение и, поднатужившись, опрокинул на лопатки Кёшөгелю-Бёке. Утвердил Ирбисек свое колено на могучей груди противника и стал давить, пока у тубинского силача кровь изо рта не брызнула. Увидев это, судьи приказали слугам оторвать Ирбисека от Кёшөгелю-Бёке, чтобы он с пылу не задавил противника до смерти.

– Ладно, – сказал в сердцах тубинский зайсан, – на этот раз ваша взяла. У нас еще один борец есть, пусть ваш силач и с ним поборется.

Второй тубинский борец не отличался такой силой, как Кёшөгелю-Бёке, но был очень ловким. Его звали Ялду-Бёке – Гривастый Силач и дали прозвище Тегекчи, что означает «Подсекающий». Ирбисек, хотя и устал, но не отказался бороться с Ялду-Бёке.

Только встали друг против друга силачи, как Ялду-Бёке сделал молниеносный выпад ногой и срезал с сапога Ирбисека толстый кожаный задник. Вторым выпадом рассек на нем широкий пояс из далембы. Понял алтайский силач, что и второй тубинский борец применил хитрость: прикрепил к своей обуви острое лезвие. Охватила Ирбисека ярость, когда он понял, что и второй противник честно бороться не хочет.

Он отпрыгнул от Ялду-Бёке и начал кружиться по площадке, не подпуская тубинского силача ближе чем на расстояние вытянутой руки. Долго они так кружились, пока Ирбисек не улучил

миг и не схватил противника за руку. Перебросил он Ялду-Бёке через голову и грохнул о землю. Остался лежать Гривастый Силач, распластавшись, словно дух из него вышибли. И вышел вновь Ирбисек победителем.

В это время Кёшөгелю-Бёке, наконец, пришел в себя. Приказал он слуге принести свою кожаную сумку-арчымак. Достал оттуда золотом изукрашенную пиалу и подарил ее Ирбисеку, сказав такие слова:

– Дарю тебе эту золотом украшенную пиалу с серебряным доньшком на память, пользуйся ею во благо. Глядя на тебя, никогда не подумаешь, что ты можешь бросать на лопатки таких силачей, как я. Ведь ты еще не достиг зрелого возраста, совсем юным кажешься. Видно от родной земли алтайской и от народа своего получил ты эту благодать и славное предназначение.

Ирбисек поблагодарил Кёшөгелю-Бёке за подарок и положил пиалу в свой арчымак. В это время зайсан Мошой и его управляющий – демичи Тетек своим делом были заняты: хлопотали вокруг заклада, который Ирбисек выиграл. Они давали наказы верным слугам, чтоб все добро, и свое, и чойское, в целости и сохранности домой доставили.

Когда дело дошло до расчета с Ирбисеком, зайсан Мошой свою жадность показал. Славному Ирбисеку из всех богатств уделил всего два серебряных рубля и два куска китайской ткани – далембы. Ирбисек спорить не стал.

Отправив слуг домой, зайсаны остались и пировали до утра. Начали разъезжаться, когда солнце высоко взошло. Раньше место, где силачи боролись, называлось Сарлык-Оозы, а с тех пор стали называть Зайсан-Яйлю – Зайсанский Стан.

Когда прощались, Кёшөгелю-Бёке сказал напоследок Ирбисеку со значением:

– Ну, что ж, войлок тянется, человек взрослеет. На сей раз твоя удача была. Гора с горой не сходятся, а человек с человеком встречаются. Бог даст, еще сойдутся наши пути-дорожки.

Пожали они друг другу руки и разъехались в разные стороны. Запомнил Ирбисек эти слова тубинского силача. Оказалось потом, что не зря он их тогда сказал.

Приехав в аил зайсана Мошой, Ирбисек пересел на лошадь, которую одолжил у Болтыя и направился домой. Возвращаясь в

Ябаган, Ирбисек думал, чем достойно отблагодарить бая за оказанное одолжение. Сначала никак не мог ничего придумать: не одаривать же богатого человека, каким был бай Болтый, куском дешевой китайской ткани – далембы? Наконец, решил:

– Зачем мне, бедному человеку, – думал Ирбисек, – дорогая пиала? Не место такой драгоценной посуде, золотом украшенной, с серебряным донышком в моем аиле. Да, и Кёшөгелю-Бёке, когда прощались, слова такие произнес, в которых словно бы угроза прозвучала. Если подарю эту пиалу баю Болтыю, никто меня не осудит. Как у нас, алтайцев, говорится: «От куска сала хоть капля капнет, от богача хоть что-нибудь перепадёт». Когда-нибудь да в чём-нибудь Болтый мне ещё поможет.

Повел Ирбисек коня к Болтыю, золотую пиалу из сумки вынул и за пазуху спрятал. Возле аила бая привязал коня к коновязи и вошел внутрь. Поклонившись, вынул пиалу из-за пазухи и почти-точно передал ее Болтыю.

– Почтенный Адий, – обратился к баю Ирбисек, – слово сказанное – что стрела, из лука выпущенная. Эта пиала добыта в честном поединке. Примите ее от меня в качестве благодарности за лошадь. Вы, Адий, уважаемый человек, вам и пить из такой пиалы. Я же человек простой и молодой еще, обойдусь и деревянной пиалушкой.

Болтый взял пиалу, золотом разукрашенную, подержал на ладони, с восхищением осмотрел со всех сторон и сказал:

– Ну, сынок, обрадовал ты меня! Пиалу с благодарностью принимаю, как подарок, но не как плату за пот моего коня. Осенью отдарю тебя за такой щедрый подарок – пришлю самого жирного коня из своих табунов, чтобы ты дома мог достойно гостей угостить.

Не ожидал Ирбисек такой щедрости и очень обрадовался. Не задерживаясь у Болтыя, пересел на свою клячу и домой поехал. Но на зайсана Мошоя в его душу легла большая обида.

– Столько добра получил Мошой, – говорил себе Ирбисек, – выше головы за мою победу, а мне уделил крохи: два серебряных рубля да два куска далембы. Знал бы я, что он такой жадный, не стал бы снимать с его жеребца аркан, лучше бы там же шею ему свернул.

Так он долго ворчал и бурчал себе под нос многие годы.

* * *

А Болтый не мог нарадоваться на подарок Ирбисекá. Всем пиалу драгоценную показывал, перед знакомыми похвалялся. Не ведал он, что беда к нему подкрадывается.

В те времена жил в Улале зайсан по имени Табыт, который открыл свою торговлю. Происходил он из племени туба и правил таежной Комдошской волостью. Прослышал он про драгоценную пиалу, подаренную Ирбисеком Болтыю, и решил во что бы то ни стало завладеть ею. С этой целью он приехал вместе со своим верным слугой в Ябаган. Бай Болтый обосновался в ту пору при устье Ябагана.

Работники Болтыя, увидев Табыта, который подъезжал к стану, выбежали навстречу и оказали ему знаки внимания, какие полагались важному лицу. Они ссадили его с коня, подхватили под руки и повели в аил. Когда Табыт вошел в юрту, там на кошмах уже лежал расстеленный белейший ширдек. Болтый поднялся со своего места и сам усадил почетного гостя. Обменявшись приветствиями, завязали они степенную беседу. Возле огня в кувшинчике меж тем арака подогревалась. Болтый не утерпел и, чтобы похвастаться перед городским человеком, который привык к хорошему столу и богатой посуде, стал потчевать его аракой, наливая в драгоценную пиалу. Откуда было ему знать, что Табыт приехал только за тем, чтобы завладеть драгоценной вещью.

Так они пировали, араку всё пили и пили, разговоры разговаривали. Тем временем арака в кувшинчике кончилась. Когда Болтый напоследок налил остатки араки в золотую пиалу и поднес Табыту, тот выпил и, ни слова не говоря, сунул ее за пазуху. Очень жалко было Болтыю драгоценную пиалу. Да что поделаешь? По обычаю, гость, не спросив хозяина, мог забрать себе в конце застолья опорожнённую пиалу. Так вот чем обошлось Болтыю его хвастовство. Сам виноват, что лишился своей драгоценности. Ни слова не сказал он Табыту, хотя сердце у него кровью обливалось. Табыт говорит ему:

– Теперь вы к нам в Улалу приезжайте. Мы вас тоже угощать будем. Не ударим в грязь лицом, не осрамимся перед вами. А сейчас, извините, больше рассиживаться не можем, времени нет. Ох,

как много еще мест объехать надо, дел, сами понимаете, невпро-
ворот. Будь она неладна, эта окаянная торговля!

Встал Табыт, слуга тут же подоспел. Поддерживая под локти,
повел к выходу. Болтыевские работники подвели лошадей, обоих
с почетом усадили в седло, придерживав стремя.

Табыт со своим слугой отправился вверх по реке Ябаган. А Бол-
тый вслед за ним отправил нарочных, чтобы они всем рассказыва-
ли, что зайсан, захмелев, прихватил с собой пиалу, золотом укра-
шенную, а отнимать ее у Табыта неловко было. Нужно сказать, что
драгоценная пиала с серебряным доньшком и золотыми узорами
всем в округе уже известна была.

Сам же своим людям наказал, чтобы они при удобном случае,
когда зайсан захмелеет и свалится где-нибудь, исхитрились и за-
владели пиалой.

– А кто мне доставит обратно эту пиалу, – добавил Болтый, –
того отменно награжу – дарю добрую лошадь.

Зайсан Табыт был непрост. Не надеялся на себя, он вытащил
пиалу из-за пазухи и передал слуге верному, наказав беречь ее,
как зеницу ока. Боялся, что может захмелеть и потерять такую
ценную вещь.

В это же время молодой парень по имени Бетеш, проживав-
ший в Ябагане, ехал с двумя ташуурами араки в гости к своему
дяде, который в Келее жил. По дороге, неподалеку от устья Сары-
Кобы, где священный источник – аршан был, остановился Бетеш
и сошел с коня, чтобы духам жертву принести за благополучное
путешествие. Только снял он ташуур, как подъехали к нему двое
путников. Это были Табыт и его слуга.

Как велит обычай, стал парень угощать незнакомцев, да толь-
ко пиалушки у него не было. Тогда Табыт приказал слуге достать
драгоценную пиалу. Выпили они по пиалушке и Бетеш, исполнив,
что велит обычай, заткнув ташуур пробкой, стал привязывать его
к седлу.

– Извините, пожалуйста, – сказал Бетеш незнакомцу, – не могу
я ополовинить ташуур. К дяде в гости еду.

Слуга, бесцеремонный, как и его хозяин, говорит Бетешу:

– Не жалея, невежа, араки! Это же высокородный зайсан!

Бетеш, конечно, оробел перед такой важной птицей, как зай-
сан. Да и что ему оставалось делать, простому человеку, коли долг

вежливости велит угощать, если просят. Развязал он ташуур, преклонил колени и снова стал наполнять пиалу аракой. Так и ополовинили бурдюк.

Табыт со слугой еще бы пили, да спешил зайсан в гости к знатному баю. Решил, что не с руки ему продолжать пировать в пустынном месте с незнакомым человеком. Говорит он Бетешу:

– Проводи нас в устье Аяткана к аилу Тюкеш-Матыка, а то мы дороги не знаем, заблудиться можем.

Не смог отказать зайсану бедный Бетеш. Пришлось ему не к дяде ехать, а поворачивать совсем в другую сторону. Так они и приехали к Матыку.

В стойбище гостей было видимо-невидимо. У коновязи ни одного свободного места не осталось. Припозднившиеся гости своих лошадей к жердям загона вынуждены были привязывать. Бетеш взял зайсана и его слугу за руки, помог им протиснуться через толпу в аил, подвёл к самому почетному месту. Сам же, как хитрый человек, потихоньку выбрался наружу.

На улице встретил знакомого. Разговорились. Знакомый, которого Бабандыем звали, видел, как Бетеш в юрту зайсана Табыта провожал, и сказал ему:

– Этот зайсан у нашего почтенного сородича Болтыя золоченую пиалу утащил. Болтый обещал тому, кто вернёт пиалу, добрую лошадь подарить.

– Так я же видел эту пиалу, – отвечает Бетеш, – её слуга этого зайсана из-за пазухи вытаскивал, когда я их аракой угощал, своей-то у меня не было. Вот, значит, чья эта пиала. Она и сейчас у слуги за пазухой, а не у зайсана. Поищи здесь наших ребят, и ждите меня у загона, где мы лошадей привязали. Ташууры, что к седлу приторочены, отвяжи и будь наготове. Я скажу слуге, что негоже ему среди знатных людей вертеться и приглашу его араки выпить. Когда придет, скажем ему, что у нас посуды нет. Увидишь, что он от угощенья дармового не откажется, не устоит. Придется ему пиалу вытащить. Я пушу пиалу по кругу, когда до тебя очередь дойдет, ты хватай пиалу и прыгай в седло. Я слугу удержу, а ты в это время ускачешь. Так и вернём пиалу, достояние нашего рода, законному владельцу.

Бетеш снова вошёл в юрту, проталкиваясь меж пирующих, нашёл слугу Табыта, тронул его за руку, так как имени не знал, тот,

невежа, сам не назвался. Слуга вопросительно посмотрел на Бетеша: «Чего, мол, тебе надо?»

– Пойдем отсюда, – прошептал Бетеш, чтоб никто не слышал, – пойдем со мной, аракой хочу тебя угостить.

Слуга мигом встал и пошел за Бетешем. Когда подошли к загону, встретили там Бабандыя и еще четверых парней.

– Садись, друг, – сказал Бетеш, – не стесняйся. Это все мои друзья. Мы тут попируем на славу, как равные. Не то что в байском аиле, где ждёшь, не дождёшься, когда господа на тебя внимание обратят да поднесут тебе пиалушку-чөөчөй.

Развязали ташуур, усадили слугу меж собой. Тут Бетеш нарочно, как бы спохватился:

– Эх-ма! Да ведь пить-то нам не из чего! Пиалу-то забыли в аиле прихватить. Неужели срамиться будем, пить из горлышка? Что бы нам придумать?

Слуга, которому очень выпить хотелось, с гордостью полез за пазуху и вынул пиалу Болтыя, золотом изукрашенную. Подает ее Бетешу со словами:

– Как это не из чего? Вот, держи! Забыл, что ли? Давеча мы из неё пили.

Потом засмеялся и добавил:

– Давешнюю араку будем пить из давешней пиалы. Вы, наверное, никогда из такой пиалы и не пили.

Бетеш взял пиалу в руки и стал обносить всех по кругу. Дошла очередь до Бабандыя. Бетеш незаметно подмигнул ему. Бабандый выпил араку, положил пиалу за пазуху, так как его очередь оказалась последней, и пошел себе прочь. Слуга Табыта вскочил и хотел броситься вдогонку, да тут Бетеш его задержал. Схватил его и кричит:

– Погодите, погодите, друзья, с чего бы это нам друг с другом драться?

А сам все крепче прижимает к себе слугу, который рвется у него из рук. В это время Бабандый вскочил на коня и был таков. Ускакал к аилу Бетеша.

Бетеш, убедившись, что его приятель скрылся, отпустил слугу и говорит:

– Ну, ребята, арака у меня вся кончилась, больше угощать вас нечем. А в аил к баям я не пойду. Не к лицу это нам, неприлично подачки с байского стола выпрашивать.

Не тратя времени, Бетеш тоже вскочил на коня и дал дёру от аила Матыка. Прискакал домой, а Бабандый уже его дожидается. Утром Бетеш, прихватив с собой пиалу, отправился к своему почтенному сородичу Болтыю. Вошел в аил, вытащил золотом украшенную пиалу из-за пазухи и говорит:

– Вот, почтеннейший Адий, ваша утерянная пиала, из-за которой вчера едва не учинилась великая драка. Насилу смог унять слугу зайсана Табыта. Чтобы вам ее вернуть, пришлось мне пожертвовать двумя ташуурами араки, которую я в подарок своему дяде вез.

– Не горюй, сынок, – сказал обрадованный Болтый, – коль вернулся ты мне пиалу, значит, будешь удачлив. Слов я на ветер не бросаю, что обещал, исполню. Дарю тебе добрую лошадь. Бери и ездь на ней.

Тут же приказал пастухам, чтобы пригнали из табуна белую лошадь.

– Стало быть, – переспросил он Бетеша, – к дяде в гости собрался?

– Да, в Келей направлялся, да только теперь без угощенья не знаю, как и быть.

– Не тужи, сынок, сейчас тебе приведут быструю, как ветер, лошадь. Отведёшь ее к себе, а через день заедешь к нам по пути в Келей. Прихвати пару пустых ташууров, мы тебе их здесь доверху наполним.

В это время табунщики привели Бетешу белого коня да с недоуздкой в придачу.

По пути испытал Бетеш своего коня. И впрямь белый конь оказался быстрым, как ветер. Когда он погостевал у дяди, снова на свою беду заехал к Болтыю. Там в это время находился его сосед по имени Мамбак. Как увидел он белого коня, пристал к Бетешу как с ножом к горлу, чтобы тот одолжил ему коня. Захотелось старику поездить, погулять по аилам. Очень надоедливым и бесцеремонным оказался. Бетеш не смог отказать в просьбе пожилому человеку и, скрепя сердце, дал коня.

Старик Мамбак был очень грузный. Оседлал он белого коня и помчался по долине Айалу подобно ветру. Пониже долины была болотистая, топкая местность, которая так и называлась Батай-Сазы, что означает трясина. Мамбак не смог удержать раз-

горяченного коня, который мчался под уклон прямо в болото. Испугавшись, что если он круто повернет, то врежется в дерево и насмерть разобьется, решил Мамбак: будь что будет, – и направил коня в топкое место. Белый конь там застрял и стал, как вкопанный, Мамбак перелетел через шею коня и увяз в болоте. Только чудом каким-то выбрался. А конь порвал себе сухожилия на ногах и стал никуда не годным. Так беспутный человек, хоть и старик, загубил коня, которого получил в подарок Бетеш от Болтыя.

Так получилось, что только Болтый в выигрыше оказался. Пиала, золотом изукрашенная, которую Ирбисек подарил, чудом к нему вернулась.

6. Как Ирбисек помог караванщикам

Однажды ранней весной Ирбисек пас коров возле озера Арынур и увидел караван верблюдов, который шел берегом. Один верблюд оступился и завяз в трясине. Караванщики с громкими криками попытались вызволить верблюда из болота, но ничего не получилось. Долго смотрел Ирбисек на их суету и не выдержал, направил своего коня к каравану.

Подъехав, разговорился с погонщиками и узнал, что приехали они издалека, с верховий Иртыша, из пределов Китая. Сказали ему погонщики, что привезли они с собой силача, который хочет помериться силами с Ирбисеком. Не знали они, что перед ними сам Ирбисек на коне сидит. В больших вьюках караванщики везли много всякого добра для заклада. Ирбисек, не назвав себя, прикинулся простаком и спросил:

– Что, не можете верблюда из трясины вытащить?

– Никак не можем. Вместе с нашим силачом битый час мучаемся, да всё без толку. Умаялись совсем.

– Если я верблюда вытащу, как вы меня отблагодарите? – спросил Ирбисек.

Купцы посоветовались на своем языке и сказали так:

– Вы только помогите, в накладе не останешься. Раскроем вьюк и дадим Вам четыре плитки зеленого китайского чая.

Ирбисек спешил, стреножил коня, снял халат, сапоги и полез в болото, где застрял верблюд. Схватился за вьюк, выдернул верблюда из трясины и оттащил его на сухое место. Караванщикам

пришлось выполнить обещание. Развязали они вьюк, достали четыре плитки душистого чая и отдали Ирбисеку.

Тогда он сказал им:

– Я и есть тот Ирбисек, с которым ваш силач хочет бороться. Вон там мой аил. Бороться так бороться. Хотите – будем сегодня, а хотите – денек отдохнете, поборемся завтра.

Проговорив такие слова, Ирбисек сел на коня и поехал к аилу. А караванчики, онемев от изумления, тихо смотрели ему вслед. Переночевали они на берегу озера, а утром, чуть свет, собрали свой скарб и поехали к себе домой на Черный Иртыш. Видно, поняли, что не стоит связываться с таким силачом: схватит одной рукой, бросит оземь, все кости переломает. Подумали они, что вместо алтайского добра, которое надеялись увезти, пришлось бы им везти домой останки своего силача, который Ирбисеку в подметки не годился.

7. Как Ирбисек в Черный Ануй за хлебом ездил

Алтайцы-кочевники в те времена совсем мало хлеба сеяли. Только у некоторых были небольшие полоски ячменя, да и того до нового урожая не хватало.

Как-то раз зимой, когда у Ирбисека и соседей хлеб кончился, поехал он в Чаргы-Оозы, который впоследствии стал по-русски называться Черный Ануй. Жили там хлебопашцы, переселенцы из России. Вместе с ними жили крещёные алтайцы, которые тоже хлебопашеством занимались.

Пробыл Ирбисек в Черном Ануе три дня, искал, у кого можно хлеб купить. У него были две вьючных лошади да конь под седлом. Заприметили его худые люди, посчитали за купца, у которого полная мошна денег.

В ту пору в новом селении Тураты обосновалось десяток семей «чокунган казак» – крещеных казахов. Иные из них не оставили прежних своих воровских привычек. Они избивали и грабили проезжих, нападали на одиноких путников. Предводителем у них был забияка по имени Машак. Настоящий сорвиголова.

Ирбисек, радостный и довольный тем, что удалось купить муки и зерна по сходной цене, не спеша возвращался домой. Он рассчитывал к вечеру добраться до Экенура, где решил заночевать. Однако его лошади под тяжелыми вьюками шли очень мед-

ленно. Он доехал только до Келейского перевала, когда наступили сумерки.

Тут-то его и нагнали всадники. Это были те самые разбойники, предводителем у которых был Мшак. Было их ровно десять человек. Ирбисек не ожидал от них ничего худого, поэтому ехал всё так же неторопливо. Грабители окружили Ирбисека, стали теснить его, выкрикивая угрозы и заливаясь зловещим хохотом. Когда приблизились, то стали стегать Ирбисека нагайками. Преградили ему путь, проехать не дают.

Мало-помалу добродушного силача охватила ярость, крепко осерчал он на наглецов, которые напали на него и начали избивать без какой-либо причины. Не обращая внимания на сыпавшиеся на него удары, Ирбисек слез с коня и отвел вьючных лошадей поближе к деревьям. Только начал он их привязывать, как разбойники тоже спешили и с угрожающим видом начали приближаться к нему, чтобы прикончить. Ирбисек притворился, что очень испугался и стал медленно пятиться от них, не вступая в схватку. Сам же про себя думает: «Еще не все слезли с лошадей, по дождю немного, пока все спешатся».

Видя, что Ирбисек не думает оказывать сопротивления, грабители совсем осмелели и скопом кинулись на силача, считая, что он у них в руках. Да не тут-то-было! Одного за другим Ирбисек хватал грабителей и втыкал головой в глубокий сугроб, так что только ноги в воздухе болтались. Когда покончил с последним, то не спеша отвязал лошадей и зашагал на перевал, ведя их в поводу. На перевале оглянулся и увидел, что разбойники все еще барахтаются в глубоком снегу, потирая ушибленные места.

Мшак, предводитель грабителей, в схватке не участвовал. Он остался в седле, из безопасного укрытия наблюдая за происходящим. Когда разбойники вылезли на дорогу, то с руганью набросились на своего жоака:

– Ты почему в стороне стоял, почему нам на помощь не пришел? А еще сорвиголовый считаешься!

– Ой-ба-ай! Ведь это был Великий Ирбисек, Ябаганский силач. С ним никто совладать не может! Разве вы сами в этом не убедились?

Тогда озлобленные разбойники стащили его с лошади и стали избивать, приговаривая:

– Так ты знал, оказывается, что это Ирбисек, а нам не сказал! Хотел, чтобы он нам кости переломал, а сам в стороне решил остаться?!

Крепко досталось атаману. Говорят, что с тех пор грабители оставили свое дурное занятие и стали мирно жить со своими соседями, как крещёные люди – христиане.

Ирбисек же благополучно вернулся домой, привезя себе и соседям зерна и муки на всю зиму.

8. Как Ирбисек наказал купца Шам-Алтына

В селении Яан Чаргы – Большая Черга жил купец по прозвищу Шам-Алтын – Жадный до золота, известный ростовщик. Отличался он хитростью и изворотливостью. Никто из кочевников не мог найти на него управу. Всех зайсанов, судей и других начальников подкупил Шам-Алтын, на взятки не скупился. Как беднякам с ним судиться, свою правду доказывать? Судьи и начальство всегда на стороне купца были. Что с бедняков возьмешь, когда они сами с хлеба на воду перебиваются?

Пользуясь покровительством корыстолюбивых начальников, Шам-Алтын всякий стыд потерял, бессовестно грабил местный люд, последнюю рубашку мог снять с того, кто к нему в кабалу попадал.

Даст кому-нибудь займы два-три рубля, а в счет долга осенью забирает бычка, который намного дороже стоит. Алтайцы тогда доили корову с подпуском, при ней всегда теленок должен быть, иначе молока не даст. Шам-Алтын этим пользовался. Приходил к должнику весной, когда тот все запасы подобрал, и требовал в уплату долга телёнка. Как отдашь? Без молока останешься, чай даже нечем забелить будет, а дети совсем пропадут. Поэтому приходилось людям задарма Шам-Алтыну все лето скот откармливать, который он забирал осенью.

Хуже того, он не только последнюю овцу мог забрать, но и нещадно бил людей, когда приходил долги взыскивать. Как-то раз пришлось Ирбисеку у Шам-Алтына денег занять, три рубля всего. Как обычно, купец заявился к Ирбисеку задолго до срока, ранней весной, когда у того все запасы кончились, одна надежда на корову осталась. Решил Шам-Алтын Ирбисека, как и других, поприжать. Зашел он в юрту к Ирбисеку, поздоровался и сел возле очага.

Ирбисек на приветствие ответил, как велит обычай. Чайник поставил – какой-никакой человек этот купец, а всё же гость, хотя смекнул сразу, почему он появился.

Не успев чайник закипеть, Шам-Алтын худой разговор начал:

– Пришел я к тебе, Ирбисек, чтобы долг получить. Чем платить будешь?

– Так ведь только осенью я тебе должен долг вернуть, когда бычка заколю, мясо продам. Нет у меня сейчас ничего, нечем долг платить.

– Не могу я ждать до осени, сейчас деньги нужны. Если денег нет, отдай мне теленка от твоей коровы.

– Как же я отдам телёнка? Корова доиться перестанет, дети от голода умрут.

– Тогда коня отдай, – не унимается Шам-Алтын.

– За три рубля как я могу коня отдать? На чем ездить буду? Жизни мне не будет!

– Знать ничего не хочу, – настаивает купец. – С пустыми руками от тебя не уйду. Не можешь телёнка отдать – коня отдавай. Не отдашь добром – уведу силой!

Призадумался Ирбисек: «Лошадь ли, теленка ли нельзя отдавать. Если не отдавать, драться придётся. Если в аиле шум поднимать, дети испугаются. Нужно увести купца подальше отсюда. Если выйду я, он за мной обязательно увяжется».

Ни слова не говоря, встал Ирбисек и вышел из аила. Оседлал он коня, отъехал подальше от дома на берег озера. Привязал коня к колышку, разделся до пояса. Сидит, на солнышке греется. Смотрит, а Шам-Алтын за ним поспешает, ругается, долг вернуть требует. Ирбисек отвернулся, в другую сторону смотрит.

Купец подъехал, спешился и рядом своего коня привязал. Потом, не говоря ни слова, подскочил к Ирбисеку и со всей силы огрел его нагайкой по голой спине. Ирбисек вскочил на ноги, а купец еще раз успел его ударить. Вскипел от ярости Ирбисек. Ухватил голову Шам-Алтына, сунул под мышку и придушил маленько. Купец только один раз дернулся, потом вытянулся и замер, словно заковенел.

– Хорош! – воскликнул Ирбисек и стал у купца карманы выворачивать и деньги собирать.

В это время за рекой, на выходе из Сары Кобы – Желтой ложбины, Болтый с табунщиками лошадей в загон загонял, чтобы

гривы у них стричь для арканов и волосяных веревок. Увидев, что Ирбисек Шам-Алтына как щенка, за шиворот трясет, закричал бай своим людям:

– Калак! Калак! Избавь нас от него! Не глядите, люди, в ту сторону, а то вас, как свидетелей, по судам затаскают. Вы ничего не видали, ничего не слышали. Не делом Ирбисек занимается.

Тут же Болтый приказал открыть ворота загона и выпускать табун, а пастухов, как насадка цыплят, за собой подалше от греха увел.

Ирбисек еще раз придушил купца и отбросил в сторону, словно тряпку. Потом отвязал лошадь Шам-Алтына и подвел её к неподвижно лежащему телу. Расправив повод, он крепко спутал им ноги купца. Сам же поехал домой.

В тот же вечер он раздал все деньги окрестным жителям, которых ограбил купец-ростовщик. Шам-Алтын оклемался только к заходу солнца. С опаской огляделся, едва приподнимая голову, – боялся, что Ирбисек где-то рядом находится. Боялся, что тот его совсем придушит. Видит, что только конь рядом с ним, никого больше нет. Не теряя времени, распутал ноги, вскочил на коня и умчался подалше от стойбища Ирбисека. Так скакал он верхом по долине, не останавливаясь, до самого Айаткана. Местным жителям наказывал:

– Если будете в Арынуре, где Ирбисек живет, передайте ему, пусть на меня не серчает, зла не держит. Я на него не в обиде. За долгом не поеду, и пусть он ко мне не едет. Квиты мы!

Так проучил Ирбисек жадного ростовщика.

9. Как Кёшөгёлю-Бёкё и Ялду-Бёкё приняли смерть от руки Ирбисека

Прошло несколько лет. Ирбисек вошел в полную силу. Сильнее его человека на Алтае не было. Когда садился есть, то съедал, сварив, целого барана. В народе тогда появилось присловье: «Ирбисек осерчает – коня поднимает, оголодает – барашка съедает». Простой народ всегда находил у него защиту. Ни себя, ни других не давал Ирбисек в обиду баям и богачам. Никто за ним плохих поступков не замечал. Если наказывал кого, то за дело, значит, по другому поступить было нельзя.

Однажды донесла людская молва до Ирбисека, что силачи Кёшөгёлю-Бёкё и Ялду-Бёкё снова ищут с ним встречи. Услышав это, он не на шутку встревожился. Подумал, что не с добрыми наме-

рениями тубинские силачи снова его разыскивают. Видно, отомстить за свое бесчестье задумали. Припомнил он слова, которые Кёшёгелю-Бёке сказал ему на прощание.

Задумался Ирбисек, как ему поступить. Если ждать их дома, то ссора в аиле обязательно начнётся, без шума не обойтись. Детей испугают, да и другим людям беспокойство выйдет. Решил не ждать противников на месте, а выехать им навстречу, чтобы перевестись в безлюдном месте, если они что-нибудь недоброе затеяли. А там будь что будет!

Подобрал Ирбисек себе в товарищи двух надежных парней, которые силой и ловкостью обижены не были. Оседлали они коней и поехали навстречу незванным гостям. Когда они одолели Себинский перевал, совсем стемнело. Видят: впереди костер горит, подле огня два незнакомца на ночлег расположились.

«Если это Кёшёгелю-Бёке и Ялду-Бёке, – подумал Ирбисек, – поступим мудро. Не выдавая себя, присоединимся к ним и постараемся выведать, с чем они пожаловали».

– Подъедем к костру, – сказал Ирбисек товарищам, – но себя называть не будем. Если это тубинские силачи, то вы заманите Ялду-Бёке подальше от костра и скрутите его. Вдвоем вы должны с ним справиться. Я же займусь Кёшёгелю-Бёке.

Приблизившись к костру, увидели они, что один из путников – человек огромного роста, второй же поменьше, но, по всему виду, тоже очень сильный. Ирбисек сразу узнал тубинских силачей, но вида не подал. Поздоровался, как обычно. Тубинские силачи себя сразу назвали, таиться не стали. Ирбисека они видали только раз, да и то недолго, и не узнали его. А он назвался другим именем – «Танытпас», что означает Неузнаваемый. Один его товарищ сказал, что его зовут Диерен – Рыжий, а второй сказал: «Зовите меня Аябас», – что означает Неудержимый.

– Едем мы из Ябагана в Кумалыр, – первым начал разговор Ирбисек, – к родственникам в гости. Там свадьбу играть будут.

Стали у костра разговоры разговаривать. Кёшёгелю-Бёке спросил:

– Знавал я раньше одного силача из ваших мест. Ирбисек его зовут. Не подскажете, где его сейчас найти можно?

– Эх! Поздно вы спохватились, – отвечает Ирбисек, – давно уже нет его на этом свете. Надорвался, силой похваляясь, лопнула у

него внутри какая-то жила, умер он давно. А зачем вы его разыскиваете?

– Да, вот, вспомнили молодость, решили снова с ним побороться, силой помериться. Жаль, что не повидаемся, должок за ним кое-какой остался, расплатиться хотели.

Насторожили эти слова Ирбисека. «Если они бороться приехали, – подумал он, – то почему, вопреки обычаю, добро для заклада с собой не везут? Нет, значит недоброе дело затеяли».

Дал он знак своим товарищам, чтобы они наготове были.

Пришло время на ночлег устраиваться. Расседлали коней. «Диерен» и «Аябас» повели коней пастись и попросили Ялду-Бёке показать, куда они своих коней пустили на выпас. Ирбисек принес седло и потник к костру, сделал вид, что кошму расстилает, а сам думает, как бы Кёшөгелю-Бёке не спугнуть, чтобы он не догадался, с кем встретился.

Соперник думать не думал, что его злой умысел Ирбисек разгадал. Не бороться они приехали в наши края, а погубить Ирбисека. Не давала им покоя давняя обида.

Улучив момент, Ирбисек прыгнул на тубинского силача, повалил его на живот и уперся коленом в лопатки. Потом, не теряя времени, дернул Кёшөгелю-Бёке за голову и сломал ему шею. Тот сразу испустил дух, даже не вскрикнул.

Поднялся Ирбисек и забеспокоился, почему его товарищи не возвращаются. Пошел в ту сторону, куда они с Ялду-Бёке коней повели. Видит: тубинский силач успел уже связать руки его товарищам и собирается их прикончить. Вскипела в жилах Ирбисека горячая кровь. Бросился он на второго злоумышленника. Крепко схватил его за руку и дернул с такой силой, что тот, словно пятилетний ребенок, по земле покатился. Тогда он взял его за ноги и несколько раз о ствол лиственницы стукнул. Голова Ялду-Бёке лопнула, как орех. Потом освободил он своих товарищей и велел собрать побольше сухого валежника.

Вернувшись к костру, они развели большой огонь. Когда пламя взметнулось к верхушкам высоких кедров, положили в костёр тела злоумышленников, которые вскоре превратились в пепел. Потом собрали все их вещи и навьючили на лошадей. Ударили их нагайками, направив в ту сторону, откуда приехали Кёшөгелю-Бёке и Ялду-Бёке. Сами же не захотели оставаться ночевать на этом

месте. Оседлали своих коней и, невзирая на темень, пустились в обратный путь.

* * *

После этих событий Ирбисек жил еще много лет. И был у него сын Селбик, а у этого – Сайму. Сыновьями Сайму были Димшай и Чингиспай. А сына Димшай звать Кару, который живет в Ябагане.

А имя их предка – Снежного Барса кыпчаков – до сих пор живет в памяти народной.

Собственная запись Бачымата Акчина, 1972 г.

Пересказ на русский язык Б.Я. Бедюрова, май 1990 г.

Москва, Переделкино.

Гнездо Кульди

Кульдя из рода кёкёл-майманов не был от рождения богачём – баем. Был он всего-навсего человек «средней силы», как говаривали в те времена.

В старину все алтайцы были охотниками, и каждый держал двух-трех хорошо обученных собак. Были собаки, чтобы пугать белку, гонять косуль-эликов и настигать их подранков. А были и такие, которые отыскивали медвежьи берлоги. Были собаки, которые пасли овец, эти последние имели монгольское происхождение и назывались «капал».

Собака старилась в возрасте восьми-девяти лет, когда она уже теряла способность пасти овец. Таких старых собак Кульдя скупал по дешевке ради меха и, выделав искусно шкуры, шил теплые шубы-дохи, которыми путники укрывали себя в долгом санном пути. Эти дохи умелец ловко сбывал русским крестьянам в алтайских степях за деньги или в обмен на ячмень, а полученное таким образом зерно, в свою очередь, выменивал у сородичей на молоденьких бычков-торбочков.

В былые времена алтайцы-скотоводы не имели привычки ставить сено, метать стога. Кульдя, напротив, старался за лето заготовить как можно больше сена и на нём в течение зимы откармливал своих осенних торбочков. Летом он выпасал молодняк на

сочных альпийских лугах под белками и таким путем очень быстро доводил торбоков до веса и цены огромных быков-кастратов, после чего сбывал их осенью выгодно, по хорошей цене.

Таким образом Кульдя быстро разбогател. А сыновья его – Манди, Аргымай и Баинка – отцовское богатство еще более приумножили. Эти трое унаследовали отцовскую хватку и, посчитав прибыль от продажи скота недостаточной, занялись мараловодством. Сыновья Кульди первыми среди алтайцев начали отлавливать диких маралов и содержать их в пригонах.

В предзимний период из-за царственно тяжелых рогов маралу становится нелегко бегать в тайге по горным склонам, поросшим лесом. Обычно в эту пору рогачи ходят особыми тропами, более открытыми и удобными для передвижения. Вот на таких-то маральных тропях и подстерегали животных Аргымай и Манди. Завидев марала, они начинали погоню верхом на лошадях. Тем временем третий брат Баинка поджидал их в условленном месте со сменными конями в поводу. Так Аргымай и Манди, меняя верховых лошадей, гнали марала все дальше и дальше. Когда марал, обессилев, уже не мог бежать, братья арканили его, привязывали и волочили по снегу, спускаясь до ровных мест, где можно было погрузить животное на сани и везти, куда требовалось. В то время, в нынешнем Кёшё-Агаче располагались консульства Монголии, Тибета и Китая. Срезав маральи рога, сыновья Кульди отвозили их туда на продажу.

В то же самое время братья Аргымай, Манди и Баинка занимались коневодством, приумножая поголовье. Они выращивали коров и продавали самарским купцам по предварительному договору, а молодыми бычками торговали в Яш-Туре (городе Бийске).

Наращивая свои отары, братья поставляли на продажу шерсть и войлок. В отличие от праздных соплеменников, они не предавались пьянству, не араковали, не курили, не шлялись по значным местам – по свадьбам и игрищам. Работящие, хозяйственные сыновья Кульди не тратили время впустую.

Вскоре стало ясно, что каждый из братьев хотел бы вести дела самостоятельно. Все трое владели грамотой, отлично говорили и писали по-русски. Оттого-то, быть может, отцовское наследие – энчи – они поделили честно и поровну. Только маралов делить не стали. Отогнав их всех поголовно, братья посчитали денежную

стоимость стада. Всех маралов забрал Манди, а двое других братьев получили свою долю деньгами.

А теперь, пожалуй, стоит рассказать про каждого из трех братьев по очереди, поскольку все трое были сполна наделены смекалкой и трудолюбием, а значит, достойны отдельного повествования.

Аргымай переехал в устье реки Кеньги, выстроил двухэтажный дом, что по тем временам было делом необычайным. На верхнем этаже в трех комнатах он поселился сам вместе со своей семьей, а одну большую горницу отвел для приема приезжих биев, как тогда величали русских чиновников, и других почетных гостей. На нижнем этаже в одной комнате он разместил магазин, а в остальных трех были устроены кухня и жилье для работников.

Аргымай соорудил небывалый двухэтажный амбар, в котором было десять отделений. Он предусмотрел, чтобы с одного конца амбара можно было въезжать верхом и проезжать таким образом вместе с саними или телегой до самого конца, по пути разгружая поклажу и распределяя по всем отсекам хранилища.

Возле амбара находился маслодельный завод. В то время алтайцы держали достаточно коров, масло у каждого было свое, так что аргымаевское масло никто не покупал. Заводское сливочное масло отвозили в Бийск на продажу. Дело это было достаточно выгодным. Впоследствии Аргымай решил расширить производство и начал строительство более крупного завода в верховьях долины Кеньги, но из-за революции не сумел довести дело до конца.

В устье Кеньги Аргымай также выстроил заведение для заготовки и просушки кедровых орехов.

Но самым главным и любимейшим направлением деятельности для Аргыма стал селекционное коневодство. В той же Усть-Кеньге он устроил конюшню со многими отсеками. Здесь были помещения для племенных жеребцов, для кобылиц и для жеребят – всё отдельно. Племенных жеребцов он закупал на конезаводах Сибири и в других ещё более отдаленных местах, привозил на родину и сводил с рослыми и здоровыми кобылицами местной породы. Вот такую важную и нужную работу по улучшению алтайской породы коней начал Аргымай.

В одном журнале он вычитал, что в Англии в городе Ланкашир существуют завод по производству племенных лошадей, и

вознамерился поехать туда. Но питерские начальники остановили его на полпути и не выпустили из страны. В то время царские чиновники относились к Аргымаю с предубеждением, почитали за вольнодумца, видимо, по этой причине его и не выпустили за границу. Ходили слухи, что он прятал у себя русских революционеров.

Аргымай не отчаивался и с избранного пути не сворачивал. В Сибири, в городе Аба-Туре, современном Новокузнецке, он приобрел племенного жеребца и свёл с кобылицами-кайлыками смешанных кровей. Затем самых лучших трёхлетков из первого помёта он вновь соединил с кобылицами-байталами смешанных кровей. И так он продолжал работать, и на девятом поколении вывел новую породу, которую назвал Кузнецкой. В 1924 году аргымаевских кобылиц и жеребцов Кузнецкой породы обследовали специалисты и чиновники из Наркомзема и по результатам осмотра признали создание новой породы лошадей. Прослышав про это, аймачные зоотехники стали величать Аргымаю «селекционером», а Кузнецкую породу лошадей переименовали в Аргымаевскую. Вскоре на конкурсе табунных коней в районном центре аймака одной гнедой кобылице из этой породы дали диплом и какую-то медаль. После этого зоотехники из других аймаков стали частенько приезжать для того, чтобы своими глазами посмотреть на эту «призовую» кобылу.

В 1916 году алтайских мужчин царским указом призвали на фронтовые работы и начали собирать на призывных пунктах. Среди мобилизованных Аргымай отобрал двух человек: Пупилянова Кёгё и Санаша Итпалина и оставил их при своём конезаводе. Он как-то договорился с чиновниками, поясняя, что для поставок в армию Его Императорского Величества добротных высокорослых коней и для селекционных работ нужны именно эти специалисты.

Аргымай был грамотным, хорошо владел русским языком, выписывал газеты и журналы, читая их, он всегда был в курсе последних событий. Хорошо понимая пути развития капитализма, Аргымай сам становился капиталистом.

Чтобы заручиться благосклонностью русских священников-абысов, на собственные деньги он выстроил в Кеньге храм и передал в дар Алтайской духовной миссии, хотя сам при этом оставался некрещёным.

Взамен своей маленькой первой алтайской «домашней школы» он открыл новую школу в новом здании. Для этого специально построил дом и назвал его «частной школой Аргымая». В качестве школьного учителя Аргымай привез к себе Анаева Айруша из сёека майман, который получил образование в городе. В этой школе учились дети ближайших родственников и друзей Аргымая. В том числе Бектенеков сын Текий. Позднее в первые годы советской власти этот Текий обучал людей грамоте у себя на дому.

В тегёрюкской тайге и верховьях Кеньги Аргымай выстроил амбары-склады, где хранил продукты и соль для скота. В дальнем Тегёрюке одно место до сих пор называется Алмарлу в память об амбарах Аргымая.

Существует предание, что в доме Аргымая нашел убежище бежавший из ссылки революционер Бадаев. У Аргымая какое-то время проживал и Меджит Иванов, который стал впоследствии первым председателем ойротского облисполкома. Из-за шрама на ухе жители Кеньги прозвали его «ярык кулакту Диманов» (Иванов с дырявым ухом). Когда Иванов стал главой Ойротской области, про него сочинили насмешливые стихи:

Иванов не стоил и буханки,
Бием стал, во всём царю подобным.

В 1921 году предусмотрительный Аргымай сдал муниципалитету свой двухэтажный дом, маслодельный завод, амбары, конюшню, по доброй воле пошёл на сближение с Советской властью. Поэтому в 1924-1925 гг. он был избран членом комиссии аймакревисполкома и вскоре стал членом правления аймачного кредитного товарищества. А в 1926 году никто иной как Аргымай руководил выдачей кредитов пострадавшим от гололеда хозяйствам.

Аргымаев сын Карман в 1919 году был писарем партизанского отряда, а в 1921 году служил секретарем сельской налоговой комиссии. В 1923 году Карман съездил на выставку в Москву, где услышал изречение Бухарина: «Теперь появилась возможность стать советским богачом, обогащайтесь!» Вернувшись домой, он заявил областным руководителям: «Вот вы на нас косо смотрите, как на баев, а Бухарин велел обогащаться». Из-за этих слов он и попал у местных властей в опалу.

Карман часто ездил через Кёшё-Агач в Монголию по торговым делам и подолгу жил там. В Кош-Агаче он сошелся с молодой по фамилии Борина, от нее он имел сына, которому дал фамилию по своему имени – Карманов. Во время Великой Отечественной войны этот парень стал отважным разведчиком Чагандаем. Дочь фронтовика Карманова Дялаа и сам Чагандай, понимая свое родство, постоянно втихаря ездили в гости к братьям и сёстрам из аргымаева гнезда.

Второй сын Аргымая Кару в 1926 году отделился и ушел из отцовского дома. Он изменил свою фамилию на Куладжи, но это не спасло его от репрессий, в период учебы он был арестован и отсидел срок в тюрьме. Вернувшись, впоследствии дожил до 70 лет. Его родной сын Алексей Карунович живет в столице Чувашии, где стал главным архитектором города, известным художником, поэтом. В прошлом году сборник его стихов был издан в столице республики Чувашия.

Еще одна дочь Аргымая Тана была передовой чабанкой в Кеньгинском совхозе. В 1950-е годы ее за трудовые заслуги выдвинули кандидатом в депутаты облсовета. Но, изучив документы, советские чиновники поняли, что она дочь Аргымая, и потому не утвердили в качестве депутата. Дочь Таны Чырчык Ярукова вслед за матерью тоже стала передовой работницей совхоза. Выйдя на пенсию, она неустанно помогала сиротам и нетрудоспособным людям. Сыновья дочерей Аргымая участвовали в войне за Родину, работали учителями, да и в других местах – всякую работу выполняли добросовестно.

* * *

Кульдин Манди занимался табунным животноводством, имел более тысячи голов. Поголовье своих коров Манди увеличивал с умом. Молоденьких бычков содержал в стойле, зимой кормил, летом выгонял нагуливать жир на белках, а на вторую зиму оставлял подросшее стадо на тебенёвке. На продажу скот отправлял в возрасте 2-3 лет, и никогда не держал дольше.

Занимался Манди и овцеводством. За лето дважды стриг овец. По весне шерсть продавал. По осени валял большие войлоки и этими войлоками заново перекрывал юрты и обновлял кошмы.

Войлочные полотна Манди также отвозил на продажу в русские города и селения. В его хозяйстве этот войлок производили не вручную, как было принято в то время, а с помощью коней. Такая технология алтайцам была понятна и доступна. Войлок, изготовленный таким способом, шел на производство больших ширдеков и сырмаков – напольных ковров. В ту пору всё это было необходимо в большом количестве, потому что многие люди жили не в тёплых высоких домах, а в юртах с земляным полом.

Манди увеличивал поголовье маралов. Продолжая отлов диких самцов, он соединял их с одомашненными, тем самым улучшая породу. Панты маралов он продавал в Кош-Агаче китайским и прочим заезжим купцам.

У себя дома Манди по примеру отца открыл школу, нанял учителя и обучал грамоте детей своих родственников и друзей. Сыновья Манди умели читать и считать, и отлично владели русским языком. О просветительской деятельности Манди писал в свое время журнал «Православный благовестник». На странице 109 выпуска за 1910 год есть такие слова: «Кульджин Манди предложил составить за его счет букварь для детей алтайцев и поместить в нем нравоучения, составленные им (Манди) в стихотворной форме. Он со своими стихами познакомил священников и получил от них одобрение».

* * *

Детей Баинки, старшего сына Кульди, в живых уже не осталось. Внук его от младшего сына Окраш Баинкин и внучка Мён-Якшы всю жизнь проработали в совхозе. Теперь оба они вышли на пенсию и находятся на заслуженном отдыхе. Сын дочери Баинки, знаменитый среди нас Донской Кыдыевич Тарбанаев живет и здравствует сейчас в Онгудайском аймаке, в селении Бичикту-Бом.

О Донское Кыдыевиче особо отметим следующее: во время Великой Отечественной войны он был знаменитым военным разведчиком. Во время освобождения столицы Белоруссии Тарбанаев Донской был в числе первых шестнадцати воинов, прорвавшихся с боями в город Минск. О подвиге этих бойцов много раз писали белорусские литераторы и журналисты, и даже был снят отдельный документальный кинофильм.

После войны Донской Кыдыевич долгие годы работал председателем колхозов в селах Бичикту-Бом и Короты.

Многие люди из гнездовья Кульди сыграли в истории достойную роль. Это были учителя, работники совхозов, известный стихотворец, талантливый музыкант, деятели культуры.

Однако, к сожалению, и участники Великой Отечественной войны, и те, кто честно трудился во славу народа, до недавнего времени опасались открыто называть себя выходцами из рода Кульди.

Ишенер Чапыев, уроженец долины Тоотой.

Гнездо Кеёрчёка

В прежние времена алтайцы неоднократно страдали от военных набегов, подвергались истреблению и насильственному переселению – полону. В военное время численность нашего народа сильно сократилась. После присоединения к государству Ак-Каана – Белого царя – народ понемногу восстановился. Все это общеизвестно.

Но такое большое, значимое дело нигде не описано на конкретных примерах. Чтобы это исправить, рассмотрим происхождение одной группы людей, известных под названием «гнездо Кеёрчёка».

Речь идет о тех алтайцах, которые уцелели, укрываясь меж высоких гор Адаткан и Кёдёти, и, примкнув к Русскому Улусу, снова зажили в покое и мире.

Сын одного из них, известный под именем Кеёрчөк, жил в урочищах на стыке современных Шебалинского, Онгудайского, Усть-Канского аймаков. Кеёрчөк имел восемь сыновей и трёх дочерей. Из этих восьми сыновей только лишь от шести потомков мужского пола происходит тридцать две фамилии. А фамилии потомков от оставшихся двух сыновей до настоящего времени не выяснены. Не говоря уже о потомках по женской линии, которые фамилии отцов не унаследовали.

Для пущей достоверности и для понимания назовем имена этих двух сыновей, а также некоторые фамилии, которые произошли от них.

Самого старшего сына Кеёрчёка звали Топорок. Через потомство по мужской линии от него произошли фамилии Комдылаев, Комдошев, Кыпчаков, Самаков, Мерлушкин и множество других.

Второму сыну дали имя Чопо. От него произошли фамилии Белендин, Чымыев и другие.

Но третий и четвертый сыновья Кеёрчёка укочевали дальше прочих от отцовского стойбища, вот почему фамилии их потомков нам до сих пор не известны. Пока нет ясности.

Пятого сына Кеёрчёка называли Тёнгёрёк. Через потомство по мужской линии от него пошли фамилии: Айбыков, Анчин, Епкин, Табыдаков, Текенов, Яйтаков и другие.

Шестого сына звали Сапы. От него осталось мало мужского потомства. От этой линии происходит только одна фамилия Табаков.

А вот по линии седьмого сына получилось множество фамилий. Имя этого седьмого было Ёкёлёк. От его сыновей произошли следующие фамилии: Белеков, Бокошев, Бурушев, Кашев, Эремзин, Постоев, Салдатов, Шурупов, Шылыков, Яимов и другие.

Восьмого и последнего сына Кеёрчёка звали Комдыак. От него осталось совсем немного мужского потомства. Из фамилий, которые от него произошли, до сего времени уцелела лишь одна – Чыбыков.

Все перечисленные выше фамилии и по сей день произносятся и пишутся так же, как встарь, по тем же именам родоначальников. Носители этих фамилий до сих пор с гордостью говорят, что все они – люди из гнезда Кеёрчёка.

Здесь мы упомянули только фамилии потомков по мужской линии. Но если назвать всех ныне здравствующих людей из этих фамилий, то их общая численность приближается к трёмстам. И все триста человек произошли от общего предка и называют себя людьми одного гнезда.

Сам Кеёрчөк родился уже после присоединения Алтайского Улуса к России. С той поры прошло уже более 200 лет. Можно с гордостью отметить, как за этот небольшой срок из одной только семьи, считая по мужской линии, народилось превеликое множество людей.

А если учесть и девиц этого гнезда, тогда потомков Кеёрчёка окажется ещё больше. И где бы они ни жили, где бы ни кочевали,

где бы ни бродили по свету, все они называют себя племянниками гнезда Кеёрчёка. И с гордостью причисляют себя к большой семье родоначальника Кеёрчёка.

От племянников по женской линии также происходят многие фамилии. Например, в Онгудайском аймаке Табаков Ырыс записал себя по фамилии матери. В 1942 году к его матери Табаковой Калтыс пришла похоронка, в которой сообщалось о том, что ее сын Ырыс был убит фашистами на берегах Волги. А этот самый Ырыс (а нужно сказать, что его имя по-русски означает «счастье») и после своей мнимой смерти отважно сражался с врагами Родины. Похоронка пришла по ошибке.

Рассказывают, как русский товарищ, повстречав в эти дни Ырыса, поздоровался с ним словами: «Жив-здоров!» На что Ырыс немедля ответил: «Убит в 1942-м». Эта история развеселила и ошеломила нас в свое время. Такое вот настоящее воинское приветствие.

Временами, собираясь в дружеском кругу, Табаков Ырыс и до селе припеваает: «Кеёрчёка племянник я, дорогого теелёса сын я».

Потомки Кеёрчёка живут в семи аймаках нашей республики. Многие из них – прославленные пастухи в своих колхозах и совхозах, есть среди них и передовики производства. Есть и такие, что живут в других краях: в Средней Азии, на Крайнем Севере и на Дальнем Востоке.

Уехал работать на Дальний Восток Постоев Чоднак, тот самый, который ещё в средней школе прославился добычей медведя. Теперь он – инженер-метеоролог. И он себя тоже называет птенцом гнезда Кеёрчёка.

В Онгудайском аймаке только в фамилии Чачыяковых шестнадцать человек, оказывается, родились от дочерей из гнезда Кеёрчёка. И, конечно, внуков из этого гнезда происходит ещё больше. Среди них есть знаменитый сказитель Табар Чачыяков, сын репрессированного, но не сломленного ярлыкчы, сосланного погибать в степи Центрального Казахстана.

У многих людей из этого гнезда с давних пор есть еще одна особенность – это хорошее владение русским языком. Сын сына Кеёрчёка Дёишка Тёнгерёков служил переводчиком-толмачом у царских чиновников-биев. Он ездил по алтайским селениям, будучи переводчиком у зайсанов, много раз ездил в уездные и гу-

бернские центры, в Бийск и Томск. Меткие песенные афоризмы Дёйшки, сказанные по этому поводу, до сих пор не забыты в родных местах:

Среди аилов – вы кюлюки,
 А я в Аба-Туре кюлюк.
 На свадьбах-тоях – вы кюлюки,
 А я и в Том-Туре кюлюк.

Аба-Тура – это Кузнецк, а Том-Тура – это Томск, так назывались сибирские города на алтайском языке того времени. Тура – это город, оседлое поселение.

Ставший впоследствии партизанским командиром Каушин Япыр и обучившийся грамоте ещё в царские времена Каушин Диекен – оба служили царским биям толмачами. Последний, рассказывают, даже нанимал себе учителя, чтобы научиться читать и писать по-русски, что по тем временам было делом невиданным.

В ту пору старейшины Табыдак, Эремсе, Керей и другие тоже обучались русскому языку.

В истории этого рода есть ещё одно примечательное явление. Отец отца Кеёрчёка жил у подножия горы Ала-Бабурган, в прежней кумандинской волости. Поэтому он породнился с кумандинцами, как говорили в старину. Произшедшие от этого рода Постоевы с кумандинцами тоже состояли в родстве.

Гнездо Кеёрчёка длительное время поддерживало родственные отношения с тодошами из рода Чолтугана, жителями Беш-Озёка, и тёлёсами из рода Чачыяка, которые обосновались в селе Ёло. Эти два гнезда, находясь в родстве с Кеёрчёком, тоже широко разрослись.

Известен и такой любопытный факт: Табыдак, который происходил по линии пятого сына Кеёрчёка, взял в жены дочь кочевого казаха. Поэтому и с казахами эта большая семья породнилась. Дружить и родниться с представителями других народов – давняя традиция гнезда Кеёрчёка. И благодатному развитию рода эта традиция тоже, видимо, помогала.

Ишенер Чапыев.

Учар Ака

В старину в долинах Ёло и Кайырлыка жил человек по имени Ялбак сын Тогочоя. Он обладал способностью говорить красиво, почтительно и неизменно остроумно. Величали его Учар Ака. Он был поэтом-ярлыкчы. Учар Ака от рождения имел Божий дар, проявил недюжинные способности к грамоте, каким-то образом самостоятельно выучился читать и писать, сочинял стихи. Трудно сказать, где он родился и вырос. Он жил на территории нынешних Усть-Канского, Усть-Коксинского, Кош-Агачского и Онгудайского аймаков. Некоторое время провёл он в краю халхасов-монголов, где легко выучился монгольскому языку, оттуда отправился в Кашгарию, где успешно овладел уйгурским наречием, близким алтайскому. Побывав в землях танды-тувинцев, и там освоил наречие сойонов. За то, что он побывал во многих землях, в народе его величали Учар Ака – Перелётный. Старейшины говорили, что он добирался даже до Северного Китая. Знал этот человек и русский язык и в свое время служил переводчиком консула в Кош-Агаче. Знал он и грамоту узюк-бичик. Говорили, что он умел писать как справа налево, так и сверху вниз. Он и русскими буквами, и по-алтайски свободно писал. Он был способен, выяснив день, месяц и год рождения, каждому человеку определить его тамгу – знак зодиака, как надлежало. Он определял счастливые кольца, серьги, подходящие камни, иными словами, был астрологом – юракайчы.

В течение долгого времени стихи Учар-Аки сохранял его сын Тёмён-Байры. После его кончины некоторые стихи читал людям вслух (по памяти) человек по имени Айлан. Но после кончины и самого Айлана стихи Учар Аки стали забываться.

Учар Ака подолгу жил в Монголии. Говорят, что он много стихов сложил о том, как пересекал пустынные степи Кобдинского края, как переваливал через высокие горы, переезжал через высокие реки, как обучался грамоте. В одном из его стихотворений есть такие слова:

И ворон гору синюю
 Не взял – а я осилил.
 Сорока над пустынею
 Упала – я осилил.

Скакун на кручу не взошёл –
 А я перевалил.
 В краях, отцам не ведомых,
 Я, молодец, бродил.
 Мой конь реки не переплыл –
 А я перебродил.
 В краях, незримых матерям,
 Я, удалец, ходил.
 В сургалы шёл учиться я,
 Судур читать стремился я.

В старые времена в алтайском языке слово «сургал» обозначало школу. А слово «судур» – мудрую книгу, так поведали нам старые люди. Очевидно, Учар Ака имел связи с ламами и от них обучился грамоте. Он сочинил немало стихов о своем пребывании на тувинской земле. В одном говорится так:

Алтын-Тайгу переходил,
 Алаш-Кемчик перебродил.
 Мёнгюн-Тайгу перевалил
 И вдоль Мёгён-Бурен ходил.
 К верховьям Барлыка взошёл,
 Обрёл себе учителей.
 Потоки Кемчик перешёл,
 Кегенов встретил я за ней.

В танды-тувинской земле горы Алтын-Тайга и Мёнгюн-Тайга, водные источники Алаш и Мёгён-Бурен, реки Барлык и Кемчик до сих пор сохранили те же самые имена. А вот слова «бакшы» (учитель) и «кеген» (ученый лама-геген) относятся к людям, которые знали божественное учение и устраивали молебны. Учар Ака и сам провёл множество мюргюлей, руководил ими.

На пути в Кашгарию к уйгурам Учар Ака перевалил через вершины Кадын-Башы, а далее шёл вниз по долине реки Бухтармы, которая ныне относится к территории Казахстана. Он описал свои странствия в верховьях у истоков Катуня и Иртыша и переправу через эти две великие реки в своих стихах:

Вершин Кадын-Башы достиг,
 Прошёл вдоль многослойных гор.
 В верховья Иртыша проник
 Старинной, горестной тропой.
 Катунь-реку переезжал
 Я в лодочке с одним веслом.
 Иртыш-реку переплывал,
 Грёб парой вёсел я при том.
 В истоках у Катунь-реки
 Излучин множество лесных.
 Излучин у Иртыш-реки
 Лишь две, два дерева при них.

До сих пор сохранились в памяти народа стихи Учар Аки, где он повествует о том, как пребывал в этом нашем исконном Алтае. Мы берём для примера только некоторые из сочинений поэта, как свидетельство его необычной жизни:

На коне-аргымаке крылатом верхом
 Изнутри весь Алтай я кругом обошёл.
 На своём драгоценном коне-эрдине
 Материнский Алтай я кругом обошёл.
 По долинам рек Кан и Чарас я скакал
 На гарцующем, великолепном коне.
 При слиянии Бия с Катунью скакал
 На танцующем и драгоценном коне.
 По долинам вдоль белых хребтов Эре-Чуй
 По дорогам извилистым я проезжал,
 По долинам, где Бий и Катунь протекли,
 Между гор многослойных мой путь пролегал.

В его стихах встречаются острые строки, направленные против богачей-баев и чиновников-биев. Одно стихотворение начинается так:

Где законы Белого каана?
 В доме бая алчного ютятся.
 И законы Томска, как ни странно,

В хищных лапах богача таятся,
 Вы гарцуете на аргамаках,
 Час придет – и посошок возьмёте,
 Скакунами правят задаваки,
 Срок придёт – пешком гулять пойдёте.

В то время стихи Учар Аки, естественно, не могли быть напечатаны. Слова поэта, жёсткие, подобные удару бича, широко не распространялись и баи не знали о них. К тому же в большинстве своем баи были неграмотными, не смыслящими ничего в поэзии, даже услышав какие-то строки случайно, все равно ничего бы не поняли.

Особенно иронично Учар Ака в одном из своих стихотворений отзывался о зайсанах:

Катунской долины грабитель –
 Жестокий и жадный зайсан,
 Оймонской долины властитель –
 Гордый и глупый зайсан.

* * *

И девять на девять умножить
 Не могут они, подлецы.
 И шесть на шестёрку умножить
 Не смогут – такие глупцы.

Такого рода афоризмы можно назвать неписьменной литературой. Если их все собрать, целая книга выйдет. Среди них есть и глубокие стихи со смыслом. Во многих стихах высмеиваются люди с дурным нравом.

Случилось однажды, похвалялся некий лысоголовый бай такими словами:

Приведите скакуна
 Моего коня резвей.
 Приведите человека,
 Чтобы был меня умней.
 Будем с ним соревноваться,
 В скачках, в шутках состязаться.

Учар Ака в пику ему ответил:

Среди множества коней
Много встретится похожих,
И захочешь привести –
Быстро изловить не сможешь.
Встретить множество людей
Волосатых тоже можно,
Череп начисто обрить
У живого очень сложно.

Изящные слова-афоризмы он находил стремительно и применял очень метко. Старики вспоминают и такой случай.

Однажды среди людей, собравшихся в кружок, начался спор. Когда в пререкания вмешался Учар Ака, люди, не узнавая его, спросили: «Кто это такой шустрый?»

А он им так ответил:

Если вы бывали в Толубае,
Сына Тогочоя знать должны вы.
Если вы бывали в Урмалыке,
Об Учар Аке слышать могли вы.

Однако все же неясно, как он – сын бедного человека – сумел многому выучиться? Что-то задумав, исполнял, во многих краях побывал. Изучил языки других народов. Он был талантливым ярлыкчы, отстаивал достоинство своего народа и боролся за восстановление буддийской Белой веры на Родном Алтае. Когда началась Гражданская война, Учар Ака ушел вверх по Чуе, так рассказывали старые люди. А куда ушел он, в какие глубины Урянхая или Монголии, кто знает?..

Таких людей прежде было немало. Собрать все сведения о них, записать и сохранить для потомков их изречения – дело хоть и трудное, но очень нужное.

*Рассказ Ишенера Чапыева
записал Алтайчы Санашкин в 1986 г.*

Калан-острослов

От многих людей я слышал рассказы о жизни Калана. От всех этих историй о жизни еще одного отважного сына нашего народа во мне остались глубокие раздумья.

Калан... Это имя ныне среди алтайцев известно широко. Рассказы ходят в народе, в школьных учебниках есть сведения о нем, и, тем не менее, немногие знают теперь, каким необычайным человеком он был.

Имя Калана особенно широко известно в Улаганском аймаке. Герой здесь родился, и рос, и прожил свою жизнь. Калана нельзя назвать умершим, потому что люди до сих пор его не забыли и в наши дни ведут разговоры о нем. Послушав такие рассказы, любой восхитится отвагой, храбростью и остроумием Калана. Много будет смеха и много раздумий. Не будет преувеличением сказать, что он для своего времени был выдающимся человеком. Это подтверждают многие эпизоды из его жизни.

Однажды Калан пришел в гости к зайсану. По родовым корням Калан доводился Семееву дядюшкой – тааем. В ту пору зайсан Семеев в Улагане считался большим человеком. Его побаивались даже более мелкие баи, не говоря уже о простых смертных. Сам он был кривым на один глаз, да к тому же чванливым, твердолобым и гневливым человеком.

Когда Калан приблизился к айлу Семена, слуги, узнав его, поспешили доложить зайсану. Семен вышел гостю на встречу, чтобы приветствовать Калана, как и подобает родственнику. Получилось так, что Калан прибыл в разгар пира. Поздоровались они, расспросили друг друга про жите-е-бытье, и Семен пригласил Калана в аил. В айле зайсан посадил Калана поближе к себе, на почетное место, и начал угощать всем, что было на пиру, да потчевать аракой. В зайсанском айле было много гостей-гуляк. Все они стремились выслужиться перед зайсаном и наперебой рассказывали байки, приятные слуху хозяина. Так гости, подначивая друг дружку, пререкались, состязаясь в острословии. Калан сидел, прислушиваясь, потихоньку прихлебывая араку и угощаясь едой, и в разговор вступать не спешил. Однако вскоре молодая невыдержанная арака ударила ему в голову. Потихоньку распалаясь, Калан начал осаживать острым языком тех, кто шумел

и балагурил, вызывая своими шутками-прибаутками дружный смех. Пир разгорался, шум усиливался. Уже многих гуляк Калан успел загнать в тупик своими остроумиями, как вдруг внезапно зайсан Семеев попросил Калана спеть. В начале Калан отказывался. Услышав это зайсан рассмеялся, говоря: «Однако же у чеченов-острословов, которые пытаются состязаться со мной, языки отчего-то пересыхают». В тот же миг Калан резко глянул в упор на зайсана и сказал:

– Здесь вы – большой человек, сначала вы спеть попробуйте!

Зайсан, отодвинув чарку, поднял руку и остановил шумящих людей. Внутри аила стало тихо. Затем зайсан, толком петь не умеющий, начал свой распев такими словами:

Бугай девятилетний я,
Как камень мёрзлая земля.
Матёрый бык могучий я,
Сухая, твёрдая земля.

Окончив петь, зайсан остановился. Тогда Калан, которого задели слова Семеева о чеченах, ответил песней так:

В землю мёрзлую, как камень.
Жердь сухую вбить не сложно.
Бугая-девятилетка
Торбочёк осилить может.
В землю твёрдую, сухую
Жердь сухую загоняем.
А матёрого бычару
Шустренький бычок сгибает.

Услышав такие слова, зайсан весь затрясся от гнева:

– Если эта собака меня не считает за старшего, розгами шкуру ему спустите! – Тогда полупьяные зайсанские прихвостни-подручные, схватив Калана, выволокли на улицу и избили.

Долго пролежал Калан там за стенами аила, стена и причитая после порки. Наконец очнулся, сел на коня и отправился домой, продолжая костерить зайсана последними словами:

Жеребёнка куцего без гривы
 Жеребцом считает мой народ.
 Зря кривого, глупого Семейна
 Над собой поставил мой народ!

Калан оставался некрещеным человеком, перед церковью головы не склонял. Между тем в те времена на улаганской земле был один монастырь и более десятка церквей-часовен. Однажды Калан дождался, когда люди закончили службу, и, подойдя к священнику, спросил:

– Ну ка, абыс, посмотрим, сколько ты собрал сегодня денег?

Абыс, недолго думая, показал Калану все деньги, собранные за службу, как видно, похваляясь своей хорошей работой. Калан же взял у того из рук мешочек с деньгами, немного потряс им, а затем развязал завязки и высыпал прямо в штаны все монеты. Абыс так и застыл от удивления. Понял он, что как бы ни был силен, отнять деньги у Калана не сможет: не заставлять же его раздеваться прямо в храме. А Калан преспокойно вышел из церкви и денежки, собранные абысом, тут же раздал детям и неимущим.

Через некоторое время абыс явился к зайсану, требуя суда над Каланом. Зайсан вызвал Калана и снова высек. После очередной порки розгами Калан, едва вскочив, тут же отругал священника такими словами:

Золотой гордишься шубой –
 То мишурный блеск, не более.
 Носишь звание абыса –
 То архиерея воля.
 А без жалованья стал бы
 Ты ходить в штанах дешёвых.
 Без златой роскошной шубы
 Стал бы щеголять в холщёвой.

В старину широкие в плечах борцы-бёкелёры, ездили в другие края состязаться в борьбе. А чечены-острословы состязались в умении складно шутить. А богачи состязались меж собой в щедрости и богатстве, приготавливая ценные подарки для победителей. Победитель таких состязаний забирал все призы.

Калан в состязании острословов тоже однажды участвовал. Говорят, в ту пору в Катунской долине была певица-острослов. Зайсанам алчности не занимать, вот и устроили они встречу-состязание Калана и этой женщины. И каждый зайсан привез с собой множество даров.

Случайно перед началом состязаний Калан услышал, что у этой певицы нет мужа, но при этом она в положении. Когда словесное состязание объявили открытым, первой выступила женщина. По старинному обычаю через занавес она начала подзадоривать Калана и запела:

Я видала Чолушман -
Каменистый, скудный край.
Предо мной сидит Калан -
Дурачина, так и знай.

Столь грубое начало поединка не понравилось Калану, и он ответил так:

Посмотрел Катунскую долину -
Крутогор кругом непроходимый.
Посмотрел на молодую бабу -
На вдову без мужа, нелюдимую.

Таким образом, пререкаясь друг с другом, они долго пели. В конце концов женщина не выдержала острот Калана, не в силах дать ответ, она начала заикаться. То, что соперница уже на последнем дыхании, Калан заметил и начал еще сильнее ее задирать, и в конце пропел такие слова:

Раз седло одели на корову,
Разве это можно не заметить?
Раз без мужа женщина брюхата,
Разве это можно не приметить?

Не выдержав такой обиды, женщина-острослов расплакалась то ли от слов Калана, то ли от своей горькой судьбы. Победу присудили Калану, а большую часть призов зайсан и его подручные

забрали себе. А Калан и свою малую долю до дома не довез, всё по дороге людям раздал.

Старший брат Калана был богатым человеком. Он жил на другом конце Алтын-Кёля. Калан хорошо знал его скупость и жадность. Поэтому он нарочно много раз к нему ездил и досаждал всякими просьбами.

Однажды он снова поехал просить в долг и в качестве оплаты согласился на некоторое время пасти скот богача. Брат такому предложению очень обрадовался. Калан некоторое время скот пас, да при этом потихоньку сделал отметины-тамги комолу (безроговому) скоту на копытах, а не комолу – на рогах. Через некоторое время он явился к зайсану с жалобой:

– Мой старший брат силой забрал весь мой скот. У моих коров есть тамги: у комолых на копытах, у рогатых – на рогах.

Зайсан, чтобы установить истину, вместе со своими подручными устроил суд-яргы. Привели скот и увидели, что и впрямь добрая половина всех животных носит тамгу Калана. Этот скот зайсан присудил Калану. Старший брат и без того Калана не выносил, а тут стал ему прямо-таки кровным врагом.

На Чуйской земле, говорят, жил богатый человек по имени Сама. Он был сверх всякой меры властолюбив и свиреп. Его не то что прислуга, а и простые люди побаивались. Потому что, бывали случаи, когда он в приступе гнева забивал до смерти слуг и даже своих гостей. Прослышав про это, Калан собрался и проехал прямиком в гости к Саме. Сойдя с коня, Калан с аракой в руках вошел в юрту. После обычных приветствий и обмена новостями Калан вручил ташуур хозяину и рассказал, зачем приехал:

– Прослышал, что вы людей легко убиваете, вот и пришел, чтобы вы меня прикончили, потому что в моем родном краю все, начиная от моего родного брата, ненавидят меня лютой ненавистью. Только и ждут, когда моя черная голова с плеч покатится и оземь ударится. А родом я дитас и зовут меня Калан.

Однако человекоубийца Сама, услышав имя гостя, вместо того, чтобы жизни лишить, до утра угощал смельчака аракой. А перед отъездом, заколов валуха, нагрузил полный арчымак Калану свежего мяса и, взяв под руки, сопровождал до коня, так говорят.

Это лишь несколько историй из жизни Калана. Но из этих небольших рассказов ясно видно, каким он был необычайным чело-

веком. Такие люди, хоть и нечасто, но встречались в нашем алтайском народе. Вот теперь ко всем собранным материалам нужно добавить и эти истории да книжку издать.

Торык Энчинов, село Курай.

Песни Калана

В Чолушманской долине, в селении Чергей жил-поживал именитый певец по имени Калан Кынгыраков. Умер он в 1929 году в возрасте шестидесяти восьми лет. Калан был человеком бедным, но никогда не боялся ни баев, ни зайсанов, ни священников-абысов. Всю эту братию он острыми словами высмеивал и за это много раз бывал сечен розгами. Из-за розог вся его спина была чернопестрой и твердой, как старый ремень. Но как бы крепко его ни избивали, отлежавшись, он вставал и уходил. А затем снова в отместку высмеивал и передразнивал баев, слагал о них ядовитые песни. В Чолушманской долине народ до сих пор не забыл песни Калана.

При жизни Калана улаганским зайсаном был Семеен Юлуков. Калан приходился ему родным дядей. Но они друг друга терпеть не могли. Однажды Семен за неуплату податей подверг певца наказанию желтой колючкой. Калан вернулся домой, колючки из спины ему дети повытаскивали. Тогда Калан завернул эти колючки в ткань и назад к Семеену вернулся. Бросил зайсану под ноги тряпку с колючками и сказал:

– Вот, держи свои податные деньги!

Жеребенка красно-серой масти
 Вожаком отец зачем же сделал?
 Злого, одноглазого Семеена
 Мой народ зачем зайсаном сделал?

* * *

Разве человек наш брат Семеен?
 Дурень с лошадиной головой.
 Разве он зайсан – зайсан Семеен?
 Для народа лихоимец злой!

Когда отец Калана ещё жил в достатке, Семеен от него принял в подарок скот. Однако, когда Калан обнищал, Семеен взял за правило выставлять его за порог своего аила. И Калан сложил про это такие песни:

Хребет крутой Бёдюргё
 Матёрый волк протоптал.
 Бродил без шапки Семеен,
 А мой отец приодел.
 Верхи тайги Ачылман
 Медведь большой протоптал.
 Ходил голодным Семеен,
 Родитель мой напитал.
 Когда иноходцев брал,
 Дядюшкой звался Калан.
 Когда на порог пришёл,
 Псом оказался Калан.
 Когда коней забирал,
 Дядей считался Калан.
 Когда к зайсану зашёл,
 Псом оказался Калан.

Как то раз в Чолушманской долине в местности Юулу баи сидели и пьянствовали с приспешниками, а Калану на этом пиру ни одной чарочки араки не поднесли. Тогда Калан звонко запел:

В мерлушковых гуляли шубах,
 А бедняка не накормили.
 В каракулевых пили шубах,
 Несчастливого не напоили.

Баи, рассердившись, хотели уже задать Калану трепку, но он вскочил на коня и был таков. Гнались за ним, да угнаться не могли, потому что Калан заранее перерезал ремни на упряжи их коней. Высмеивая зайсанских помощников и демичи, Калан пел такие песни:

Звание помощника зайсана
 Винной чарки донышко скрывает.

Слово, что Калан сказал навскидку,
 Лучше стрел калёных поражает.
 Званьё демичи, давно известно,
 Дно сосуда винного скрывает.
 Ну а глупого Калана песня
 Лучше пуль свинцовых поражает.

Однажды в церкви в местности Ыйык-Кель проходила служба. Опасаясь, чтобы своими выходками Калан не смущал народ, хозяйева переправы не разрешили ему переплыть Чолушман на лодке. Тогда Калан переплыл реку верхом и все-таки явился на службу. Когда он вошел в церковь, люди целовали руку священнику Петру Тырмакову. Увидев это, Калан громко спросил с деланным удивлением:

- И зачем вы, люди, грязную руку попа целуете? Чем она лучше моей?

После чего, недолго думая, протянул свою руку священнику для поцелуя. За это оскорбление он получил сто пятьдесят ударов розгами. Высмеивая попа, он пел:

Разве это золотая шуба?
 Мишура из рук архиерея.
 Разве это муж в поповской рясе?
 Нет для нас опасней лиходея.
 Разве это золотые пряди?
 Конский хвост окрашенный, не более!
 Гоголем красуется священник -
 Лихоимец он простой, не более!
 Без бумажного, смотри-ка, бога,
 Без рубашки ты давно ходил бы.
 Без оклада, подношений многих,
 Без штанов голодный ты бродил бы.
 Золотую шубу надевая,
 Хвалишься напрасно ты, абыс.
 Свой народ креститься заставляя,
 Торбоков себе берёшь, абыс.
 Восковые свечи зажигая,
 Мнишь себя полезным ты, абыс.

Деньги у народа собирая,
Как нахлебник ты живешь, абыс.

Однажды зайсаны Улагана и Чуи решили устроить состязание и определить, кто среди их сородичей лучший певец. Дело было на Чуе. От Улагана на состязание поехал Калан, а от Чуи выступила одна женщина. В качестве приза победителю обещали дать коня.

Перед началом состязания два зайсана в крытых шелком шубах с почётом уселись напротив огня на тёре, а Калана в голой шубе яргак посадили возле улаа – у загородки, откуда поят сывороткой коров, на женской половине.

Первой петь начала женщина:

Разве шкурку драного козлёнка
Можно вместо шубы надевать?
Близ улаа сидящего Калана
Разве можно молодцем назвать?
Разве шкуру козочки без меха
Можно, словно шубу, надевать?
У дверей сидящего Калана
Разве можно мужем называть?

Калан парировал так:

Шкурку малолетнего козлёнка
Мастер разминает и сшивает.
Близ улаа сидит Калан, однако
Про тебя, поющую, всё знает.
Шкуру козью мягкой и надёжной
Мастер, если нужно, сделать может.
У дверей сидит Калан, так что же?
От него услышишь правду тоже.

Женщина в ответ спела:

Кто не видел Чолушмана?
Каменистая долина.

Кто не слышал про Калана?
Просто круглый дурачина.
Кто не видел Алтын-Кёля?
В нём проточная вода.
А слушаешь Калана –
Всё сплошная ерунда.

Калан рассердился и ответил жёстко:

Эре-Чуя кто не видел?
Каменистая пустыня.
Кто напев вдовы не слышал?
Смысла нет, слова пустые.

А некоторые люди говорят, что последние строки были такие:

Раз седло одели на корову,
Разве это можно не заметить?
Раз без мужа женщина брюхата,
Разве это можно не приметить?

Женщина действительно была в положении. Калан про это каким-то образом прознал, а женщина, услышав такие слова от соперника, горько заплакала. Состязание прервали, и певица, стыдясь, ушла восвояси.

Однажды улаганцы ходили караваном за каким-то грузом в Чолушман и попутно унесли подпругу седла Калана. Когда певец обнаружил пропажу, он запел:

Муж бывалый я, Калан,
Зря свою подпругу снял.
В Эре-Чуе я бывал,
И привычки местных знал.
Умный человек Калан
Зря подпругу на ночь снял.
Объезжая Ан-Улаан,
Норов местных наблюдал.

От Калана эти и многие другие песни из уст в уста разошлись и теперь считаются народными.

*Записали С. Суразаков, Т. Тюхтенов,
Л. Кокышев в с. Коо от дочери Калана Анны Чокурбашевой
и внука Петра Максимовича Каланова в 1956 году.*

Песни Колонди

В Чолушманской долине помимо Калана известным певцом считался еще один человек по имени Колонди. Оба они, и Калан, и Колонди, были друзьями. Когда в 1901 году в Чолушмане случился пожар, зайсан Семеен Юлуков, посчитав Колонди виновником происшествия, присудил ему сто ударов розгами. Рассказывают, когда Колонди секли, он пел:

Бить велит Семеен зайсан сурово,
Разве у него сгорела кожа?
Колонди косматого, худого –
Разве я в ту ночь стоял на страже?
Сечь велит Баабык-зайсан сурово,
Разве у него сгорели космы?
Колонди голодного, худого –
Разве я стерёг его покосы?
Жеребец табун по склонам водит,
Этот конь мне хорошо известен.
Пусть Семеен народом верховодит,
Его норов мне давно известен.
Тучный скот в твоём логу пасётся,
Жеребец каурый всех возглавит.
Твой народ в хошууны соберётся,
Колонди-певец его возглавит.

Эти песни в 1936 году были записаны Исаем Тантыевым.

*А в 1959 году их записал повторно Созон Суразаков
у Алексея Калкина.*

Кергилы

С древнейших времен и по сей день люди из рода кергил родиной почитают Алтай с голубыми горами. Издавна слыли кергилы на Алтае мастерами, здесь они добывали и ковали железо. Помимо оружия, такого как сабли, мечи, доспехи, панцири, они умели создавать искусные украшения из золота и серебра. Будь то береза, ель, какое угодно дерево, попадая в руки кергилов, оно превращалось в красивые блюда тепши или другие необходимые в хозяйстве вещи. Кергилы не занимались овцами и коровами, не держали во множестве другой скот, поэтому они не кочевали, подобно другим алтайцам, меняя пастбища и становища. Они промышляли охотой и мастерством своих рук. Зимой кергилы жили в домах, оттого и получили прозвание «керкилеры» (имеющие керки). В древности топорик называли «керки». Со стародавних времен кергилы не были чиновниками и баями, но и в прислуге не ходили, да и рабами ничьими не были. Они были люди свободные, норова гордого, характера бодрого. Вот почему в алтайском народе сохранилось о них немало преданий и сказок.

* * *

Рассказывают, некогда к одному каану кергилы послали сватов. Каан, выслушав сватов, промолвил:

– Вы всего лишь мои кузнецы. У вас нет ни звания, ни чести. Дочь свою за вашего сына не выдам.

Услышав такой ответ, кергилы осерчали и пошли на каана войной. Тогда поневоле пришлось тому каану выдавать дочь за кергилов.

* * *

Когда Чингис-Каан напал на Алтай, первыми против него выступили кергилы. Когда прежние тюркские каганаты развалились, не стало единого правителя над множеством алтайских родов. Вот поэтому-то Чингис-Каан алтайцев легко разбил и покорил. Нападая, Чингис-Каан сжег все кергильские дома. С тех пор у алтайского народа культура пришла в упадок. После этого чака –

бедствия кергилы были во множестве истреблены, почти совсем со света исчезли.

* * *

От этой беды чудом уцелел один человек из рода кергил. От одиночества он уже начал было сходить с ума, но оправился и начал камлать, а поскольку он был человеком светлых помыслов, то и прозвали его Ак-Кам – Белый кам. Выживший после этой большой войны, сильно поредевший алтайский народ одно время платил калан и государю Ойроту, и русской царице Бала-Каан. С той поры сохранились в народе предания о кергильском Ак-Каме. Силы этого шамана Ойротские кааны и Белый царь множество раз испытывали.

Однажды Ак-Каан отправил к алтайцам высокородного посла с наказом: «Узнайте, что за человек этот Ак-Кам, настоящий он шаман или ложный? Испытайте его, если окажется он обманщиком, то его народ нужно в армию брать, а если настоящий, то в армию алтайцев брать не станем и подати уменьшим».

По прибытии бии-послы Ак-Каана выстроили каменную тюрьму и решили в ней Ак-Кама сжечь, но кам в огне оборотился камнем и остался цел. С той поры Белый царь повелел алтайцев в армию не брать.

Калдан-Каан джунгарский перед этим Ак-Кама тоже испытывал. Испепелить его пытался. На вершине Уч-Сюмер есть голубые озера, где плавают дочери Улгень-Кудая – золотые лебеди. Калдан-Каан повелел Ак-Каму поймать и привести к своему двору тех девиц-лебедиц. Ак-Кам лебедей поймал и привел, говорят, после этого Кудай проклял Калдана (оттого, должно быть, и его царство развалилось).

Про Ак-Кама есть еще старинный рассказ. Однажды монголы грабили алтайцев, насильно собирали дань. Прихватив одну-две скотины Ак-Кама и нагрузив на верблюдов кое-какой его скарб, они пустились в обратную дорогу. Сына Ак-Кама в ту пору дома не случилось, так что и постоять за отцовское добро было некому. Узнав о пропаже, старый шаман рассердился. Он достал свой волшебный камень яда и спустил с неба каменный град. Все монголы-грабители были поражены насмерть, только один из них, го-

ворят, разрезал живот верблюда, залез внутрь туши и так спасся. Теперь местность, где все это случилось, называют Короты – место утраты.

* * *

Белый кам умер в преклонных годах. Сына Ак-Кама звали Йес-Бука. С рождения он обладал богатырской статью. Йес-Бука был мастеровитым человеком, но любил и поохотиться всласть. Высокого роста, с твердыми, словно литыми мышцами он имел обличье силача бёкё. Поэтому его и прозвали Йес-Бука – Бронзовый Бык. В высоких Катунских горах, не страшась лавин и камнепадов, охотился он на драгоценных черных соболей. Меха, добытые им, отправляли Белому царю в качестве подати-калана. Йес-Бука был резвым, живым человеком. По горам ходил он на лыжах, покрытых шкурой выдры. Бывало, смельчак нарочно спускал лавину руками или криком, потому как любил он на лыжах перед снежной волной на полной скорости проноситься. Но однажды Йес-Буке не повезло, стал он, как обычно, перегонять лавину, но не успел проскочить и был погребен под снегом так, как и шёл, стоя на лыжах. Место гибели его под лавиной впоследствии так и назвали: «Здесь остановился косатый бык».

* * *

Старшего сына Йес-Буки звали Йес-Казан, он решил поселиться там же, в верховьях Катуня. А меньшей сын по имени Чычканак, а с ним и его девять сыновей, стали кочевать. Долго они странствовали вдоль по Иртышу, но ни к одному зайсану не захотели прислониться. В конце концов, устав от скитаний, остановились в Бешпелтире. Там они успокоились и, покорясь кыпчакскому зайсану, приняли обет братания и стали братским-карындаш сёёком кыпчаков.

* * *

Говорят, когда человек по имени Чычканак перешёл в Бешскую долину, на толстом валежнике нарисовал он свою лунную

тамгу и, сделав это место своим становищем, зажил. Там он и осел.

Об этом человеке есть и еще один рассказ.

Когда семья Чычканака кочевала, самый младший ребенок заснул под прохладной лиственницей и отстал от своих. О том, что один ребенок пропал, мать узнала только наутро, потому что за завтраком одна чашечка оказалась лишней. Хватились, затеяли поиски. Два дня искали отец и мать своё дитя и, наконец, нашли. Всё время ребенок этот лежал под деревом, не снимая меховую шапку даже в жару. Оказалось, на макушке его косичка завшивела. Из-за этого то появилось у кергилов еще одно прозвище, называют их иногда (люди) «с червивой косичкой тас». И до сих пор местность, где Чычканак поселился впервые, называют Чычканакту поблизости от Балкашту-Ёзёка.

Жена Чычканака на игры своих детей взирала с удивлением. Мальчики, подобно коням, ржали, гоготали или, как кони, спустившись к солончаку, валялись в грязи и точно так же возвращались цепочкой назад. Соседи с удивлением смотрели на них в эту пору.

Кергилы прежде не знали овцеводства. Переселившись в Беш, сыновья Чычканака, повзрослев, разошлись по долинам Кан-Ябагана, дошли до Экинура, где и стали, наконец, скотоводами. Сыновья Чычканака: Некей, Мелей, Кулер, Йес-Казан, Очок, Отук, Тарынак, Баачак и Артыш. В наше время в Экинуре живут люди, которые носят фамилии, происходящие от их имен. Сыновей Баачака звали Ийт-Бала, Илдя и Суйманак. Их потомки записаны как Итбалины, Ильдины, Клёновы, Суйманаковы.

От младшего сына Чычканака произошли Артушевы. От сыновей Некея пошли Шагаевы, которые впоследствии перешли перевал и стали жить в селе Келей.

Анна Чарас-Суйманакова, с. Экинур.

Родовые легенды кергилов

Местом исхода для рода-сёёка кергил стала черневая тайга Йыш. В Абинской тайге, на берегах Алтын-Кёля селились керги-лы, которые произошли от сына знаменитого Тулуну-Бёкё – Ко-

сатого Силача, погребенного стоя. Старшего сына Тулунду-Бёкё звали Йес-Бука. От семи сыновей Йес-Буки и пошли эти кергилы. Семь сыновей Йес-Буки жили в семи разных долинах. Старший сын поселился в Каракольской долине, по Урсулу. Звали его Мыймандык. Вслед за ним на свет появились младшие братья Юкю, Суйманак, Шагай, Тобош, Белтирик и Кырлубаш.

Этот Косатый Силач Тулунду-Бёкё был заядлым охотником. Ночью он видел сны, а наутро добывал то, что увидел. Косатый силач – это насмешливое прозвище, которое ему дали люди за то, что он за всю свою жизнь голову не брил. На голове у Тулунду-Бёкё было столько волос, что его коса выглядела как настоящий девичий тулун, а вовсе не мужская тоненькая косица – кедеге, которую носили на темечке.

Когда спрашивали его люди:

– Почему не бреешь голову, волосы не стрижёшь?

Тулунду-Бёкё отвечал:

– Так ведь мне зимой теплее будет, зачем же брить?

Когда спрашивали:

– Почему с ночи наутро не сторожишь зверя?

Отвечал:

– Подсказка будет ведь, зачем туда ходить?

Когда Косатый Силач хотел узнать, есть ли медведь в берлоге или нет, он валил стройную сухую ель с пышными ветвями и верхушку толкал глубоко внутрь берлоги. Медведь, взревев, хватал дерево, тогда силач стрелял вдоль ствола и поражал зверя на смерть. Когда товарищи-охотники пугались звериного рёва, Тулунду-Бёкё говорил просто:

– Зачем он там в берлоге рычит? Лучше бы уже выходил наружу!

Медведь выходил, и охотники разбегались кто-куда. А Косатый Силач стрелял, не дрогнув. Убедившись, что медведь мертв, силач начинал его свежевать, тогда только и возвращались к берлоге бравые охотнички.

Другое прозвище Тулунду-Бёкё – «На месте застывший». История этого имени такова. Как-то раз семь зайсанов и Косатый Силач затеяли спор. Силач говорил:

– Я буду спускать лавину с семи вершин и вместе с передовой снежной волной по верхам на лыжах поеду.

Тогда семеро зайсанов спросили его, подзадоривая:

– А скажи-ка, смельчак, когда впереди лавины поедешь, услышав крик «стой на месте», остановишься ли?

Косатый Силач, вызов принимая, ответил:

– Если остановлюсь и условие ваше выполню, какой зарок дадите за смелость?

И зайсаны посулили, если остановится в том месте, где услышит клич, дать отважному лыжнику семь косяков коней.

Тогда семидесятилетний Косатый Силач заставил алчных зайсанов подписать свидетельство и приложить к нему свои тамги в ознаменование договора. Так и записали, что спускать лавину будет Тулунду-Бёкё, и на лыжах побежит впереди, и остановится тогда, когда услышит крик: «Стой на месте».

Бумагу с печатью Косатый Силач отдал на хранение своему старшему сыну Йес-Буке, промолвив при этом такие слова:

– Всё может случиться, сын мой, окажется нога собаки кривой и я погибну, тогда эта бумага будет свидетельством. Если семь косяков не отдадут тебе алчные зайсаны и дорогой отец твой под снегом сгинет, в отместку пристрелишь всех семерых. А если сдержат слово, то всех коней по одному косяку раздашь своим семерым сыновьям.

Немного времени прошло. Побежала-загудела лавина с семи вершин. Впереди летит большой снег, следом идет вода, затем щебень, песок, деревья, камни. Семь зайсанов на крутом месте в сторонке сидят, наблюдают. Видят, впереди по верхам подобно горе снега несётся Косатый Силач. Семеро зайсанов – ещё те дураки! Словно не понимают, что перед ними живой человек. Вместо того, чтобы сказать: «Беги в сторону!» Закричали: «Стой на месте!»

Тулунду-Бёкё был хороший лыжник, мог и успеть уйти от лавины, и не погибнуть под снежным сугробом, но он произнес зарок, а потому, услышав клич, встал на месте и под лавиной семи вершин тут же бесследно исчез. На месте, где сошла лавина с семи вершин, выросла гора снега. Косатый Силач, великан, стоящий на лыжах, подобно мухе, исчез под огромным белым курганом.

Тогда Йес-Бука спросил семерых зайсанов:

– Ну так как же, отдадите ли семь косяков скота? Если не отдадите, пеняйте на себя: становитесь друг за дружкой, одной пулей попробую вас всех на месте пристрелить.

Что на это ответить? Как же становиться зайсанам друг за дружкой, если ружье Йес-Буки несёт железную пулю размером с яйцо. На спор Йес-Бука простреливал ствол лиственницы шириной в обхват человека. Даже если все семьдесят зайсанов встанут в ряд, то и их он легко прострелит. Ничего не поделаешь, величая стрелка «дорогой муж», семь зайсанов отдали обещанные косяки.

* * *

Переселившись из черневой тайги в алтайские земли, Йес-Бука обосновался в местности Ташту Боочы – Каменный перевал. Когда из тайги выходили, самый маленький из его семи сыновей ещё лежал в колыбели. Пришли они сюда в чем были, с продуктами из сухого толченого маральего мяса и серой коровенкой с червивой задницей. Серая корова была старой, один рог сломан, а позади червоточит рана. Это корова, что брела следом за ней в стаде, рогом бедняжку боднула, проткнула. Вились за старой коровой летние мухи, в ране появились белые черви. Тогда жена Йес-Буки начала рану промывать корове-кормилице молочной сывороткой и мало-помалу вылечила.

Затем Йес-Бука перебрался в окрестности озера Эке-Нур. С берега реки Чарас принес он тальник и соорудил жилище чадыр, в котором и поселился, пока детишки понемногу подрастали.

Кыпчакскому баю Тышкылу, тейлёмскому баю Тактару, кёбёкскому баю Салдырге, майманскому баю Аргымаю служил Йес-Бука с сыновьями, в оплату получая жеребят и бычков-торбочков. Так постепенно обзавелись они скотом, и с той поры кергилы зажили в достатке. Теперь на алтайской земле кергилов много.

* * *

Старший сын Йес-Буки Мыймандык поселился в Каракольской долине. Мыймандык родил девятерых сыновей, подпоясывался девятью кушаками и к ним пристёгивал девять мешочков-паштыков. Так и ходил с высоким воротником, подобно большому баю, на ярмарку никогда не ездил, торговаться не любил. Его жена была из рода майман. Сыновья, хотя и стали по роду-отчеству кергилами, но характером пошли в своих майман-

ских дядей. Удалыми молодцами стали, задиристыми и страсть как любили охоту. По роду своей супруги имел Мыймандык в Караколе около сорока семей родственников – сватовьев. Если в гости к ним приезжал, то всегда с ночевкой. В прежние времена по приезде родственника люди угощения ради кололи барана, коня дорогого гостя пускали пастись, а самого всячески ублажали. Мыймандык наутро перед отъездом имел обычай так спрашивать родню:

– Как вы живете-можете, в достатке ли? Есть ли у вас вещь, которая цвет у воды меняет, а называется «чай»?

Если дадут на дорожку чая, Мыймандык складывает добычу в мешочек и дальше спрашивает так:

– А есть ли у вас вещь, которая придает пище вкус?

Если есть у хозяев соль, прячет её во второй мешочек и еще спрашивает:

– Есть ли у вас вещь, которая пускает ароматный дым?

Если дадут ему табаку, собирает в третий мешочек и продолжает:

– А есть ли у вас то, что детей веселит, называется талкан-кёчө?

Если угостят и этим, так кладёт в другой мешочек запасливый. Зная эту его повадку, родственники загодя наполняли мешочки с продуктами и, провожая гостя, приговаривали:

– Все, что есть в нашем аиле, мы вам уже положили на дорожку. У других родственников тоже погостите. Малое подношение за большое посчитайте.

А когда ему самому случалось принимать гостя с ночевкой, Мыймандык наливал молоко в казаны. Если в гости приходила женщина, он наказывал, чтобы сама казан грела, сама и пила. А мужчине-гостю, если ночевать оставался, овцу вручал живой: «Хочешь – заколи, хочешь – с собой увези!»

Некоторые люди, зная его норы, бывало, увозили барана живьем, чтобы хозяин не осердился. А Мыймандыку того и надо. Правда, если гостю барана колешь, хотя бы кровь, да своя собака попьёт, хотя бы рёбрышко, да свой ребеночек съест. А если гость сытый, то можно и наутро заколоть. Или отдать овцу, пусть вырастит в своем стаде. Вот такой был чудной старик, гость увезет овечку, а он радуется: «То, что я дал, дитя моё не бросило, живьем увезло».

« Когда же к нему приходил кто-нибудь из племянников и просил необъезженного коня, Мыймандык никогда не говорил: «Иди и поймай». Сам загонял лошадей в загон, сам накидывал аркан. Никому из девяти сыновей аркана не доверял. Кому хотел дать коня, тому давал. Который скакун в аркан попадет, с тем и отпускал.

Однажды племянник Мыймандыка даже плакал. Был у старика в табуне красавец-конь – каурый трёхлеток, белолобый, с белыми чулочками и белыми копытами. Племянник надеялся, что возьмет именно этого жеребца в качестве дядюшкиного наследства – баркы. Однако аркан Мыймандыка лег на шею саврасого коня с горбатой спиной.

– Что поймал, то и бери, – сказал дядя, и племянник огорченный, со слезами вывел коня.

* * *

Однажды, вызвал Мыймандык к себе всех девяти сыновей и спросил:

– Есть ли у вас в чём нужда, сыновья мои?

Сыновья отцу отвечали:

– В верховьях Каракола, по склонам горы Уч-Энмек ходит пятнистый марал с четырьмя глазами, с тяжёлыми развесистыми рогами. Никак мы этого марала подстрелить не можем. Вот если бы Вы его для нас вымолили.

– Принесите мне девять ташууров араки, камлать стану, – ответил Мыймандык.

Принесли девятéro сыновей отцу девять ташууров араки. Два ташуура Мыймандык использовал для кропления, а из семи ташууров пил семь дней подряд, всё выпил и начал камлать. Камлал он так, камлал и в конце концов сказал:

– Ну что ж, длинными своими речами я, видимо, взял своё, сыновья. Поезжайте на охоту и смотрите, какова будет теперь ваша добыча.

С подножия горы Уч-Энмека спустились сыновья, подстрелив трёх маралов. Первый марал – пятнистый, с четырьмя глазами, с тяжёлыми развесистыми рогами. Второй марал бело-жёлтый в начале длинного хребта своего нёс рану, в ней – два красных кры-

ла и с белым кончиком. Совсем не похож он был на обычного марала. А у третьего марала, светло-рыжего, в обоих ушах блистали серьги: на одной стороне луна, на другой – солнце.

Как увидел Мыймандык этих троих, опечалился, а сыновьям сказал:

– На беду случилось так, парни, подстрелили вы троих из шести ездовых маралов самого Алтай-Ээзи. Отныне нам добра не видеть.

А наутро оказалось, что сноха Мыймандыка – жена его старшего сына – от кровотечения всю ночь из носа скончалась. Невестка была на сносях и уже приближался срок родов, две жизни в одно утро потеряла семья.

А вскоре пал скакун Мыймандыка – его любимый серый конь. В Урскульской долине участвовал он во всех скачках. Стреноженный конь пасся и, застряв в развилке лиственницы, умер от жажды.

В то время неподалёку на той же стороне реки Каракол гостевал таежный шаман из рода туба. К этому каму и отправился Мыймандык с аракой за советом. Выслушав просьбу старика, таежный шаман ответил:

– Отныне народ ваш не будет жить в мире и покое, да и вы сами не сможете. Ваши сыновья лишили жизни маралов Хозяина Алтайской земли.

– Как могут все девятеро сыновей Мыймандыка сгинуть? Самое большее двое-трое умрут, – так сказал в сердцах Мыймандык и выскочил из дверей аила.

Шаман только плюнул ему вослед:

– В чем разница, шесть ли, семь ли погибнут, девятеро или трое умрут, когда весь род полностью сгинуть может?!

Но из девятерых сыновей Мыймандыка не все умерли, по всему видать. Кергилы в Каракольской долине и по сей день живут-поживают.

Записал Бронтой Бедюров от Алексея Калкина, 1981 г.

Зайсан тее́лёсов Каака

Каака был зайсаном у тее́лёсов. Прежде тее́лёсы были седьмым отоком (дючиной), занимая местности ниже Чуи на месте со-

временных сел Яламан, Йодро, Купчегень, а также долину Урсула, Кан-Ябагана, Кёк-Суу, Оймон, Себи и долину Беш.

Отцом Каака был Чамчыяк, отцом последнего Кончык, у Кончыка отец звался Боконок, у Боконока – Кату-Кара, родителем Кату-Кара был Кураган. Предком Курагана по отцу, кажется, был Барчыгар. Следовательно, Каака – потомок по линии Кату-Кара и Боконока. Внук Боконока. И, в то же время по линии, ведущей от Кату-Кара и Боконока. Через Чапан Быянты и Ялбака получил свою должность в наследство. Все они были наследственные, родовитые зайсаны.

Кааку уважительно называли Аакым – Отче. Был он человеком крупного телосложения. Как говорится: «Через узкую дверь великан не пройдет, конь-трехлеток его на себе не снесёт». При таком сложении не удивительно, что голос Аакым имел громкий, глубокий, когда в своём аиле разговаривал, в соседнем слышно было. Когда сморкался да сплёвывал, эхо по всей долине разносилось. Внешне Каака был строгим, сдержанным человеком, и речь его была степенной (никогда он не сквернословил и попусту не болтал).

Каака жил в местности Болчок-Таш, в устье Таади-Кышту – Княжеского зимовья. Хорошее место, там и зимовал. Там стояли его обзаведения: загоны, амбар, навес, чтобы вялить и сушить мясо, юкпек и прочее. Всё по хозяйству он делал сам вместе с родичами и сыновьями, прислуги не держал. Свои загоны и двор чистил сам, навоз сам выгребал. Наутро, как только рассветёт, заткнув топор за пояс, он поднимался на северный склон за дровами. Никогда баклуши не бил, хороший человек, работающий. Аакым никогда не одобрял праздных людей и сыновей держал в строгости, наказывая им так:

– По домам не сидите, на Алтай выходите, по горам поднимайтесь, по долинам разъезжайте, зверя-птицу добывайте, аракуя, не гуляйте.

По отношению к сыновьям Каака был суров, если что-то недоброе про кого-то из них услышит, то мог и плеткой огреть. А для своих снох-келин был свёкром ласковым, перед сыновьями жён всегда защищал да нахваливал.

Вставал Каака очень рано, едва вдалеке рассвет займётся, и, спешно почаявав, поднимался на соседнюю сопку со своим чай-

ником. Поднимется и сидит, обозревая окрестности. Какая сноха прежде встанет, ту похвалит. Сородичам, сидя на той же сопочке, всё, что видит, докладывал: «Вот там твои овцы стоят. Вот здесь твои коровы ходят». Глаза у него были очень зоркие и внимательные. Всё-то он своими глазами насквозь видел. Да к тому же был умным, душевным и рассудительным человеком.

Об необычайной зоркости Кааки рассказывал как-то Абай-Эдек:

– Однажды вызвал меня к себе Аакым. Зайсан к себе вызвал. Прихожу и вижу, что тот собирается на волков охотиться. Нужно волков загонять. А меня посадил в засаде. Вижу: люди во главе с Аакымом с горы в долину идут, крики то тут, то там раздаются. Вдруг прогремел клич Аакыма: «Эдек, перед тобой навверх один волк поднимается!» Кёк-ярамаc! Аакым на другой горе, моя гора от него через долину находится. Ни много, ни мало прошло, смотрю волк тут как тут, прямо передо мной выскочил! Выстрелил. Промазал! Раненный волк ушел! Затем опять послышался окрик Аакыма: «От места, где ты стоишь, в пятидесяти саженьях кверху волк залег, шевелится на вершине черного камня». Я за волком, выслеживая, пошёл. Опять загудел голос Аакыма: «Вверх через камень не застрелишь, обойди, зайди сбоку, тогда попадешь». Так я сделал и волка застрелил. О чем это я? Ведь глаза Аакыма работали словно турнабай – подзорная труба.

Абай-Эдек доводился зятем Кааке, поэтому своего сына так расхваливал: «У! Наш парень калап-удалец! Очень рано встает, ровно сам Аакым!»

Один целебный аршан назывался аршан Кааки. Аршан находился в местности Бозыр-Таш, выходил из скалы. А рядом из расщелины камня проросла одинокая березка, словно из камня вышла. Вела к этому аршану одна-единственная крутая тропка, узенькая, только одному человеку впору пройти. Каака на аршан ходил и весной, и осенью, омывался. Впоследствии, когда пришла советская власть, этот аршан исчез. А березка его, подгнив, упала. А недавно на том же самом месте, оказывается, выросла другая маленькая березка.

Каака ежегодно путешествовал. Каждый год или каждые два года он отправлялся вместе с Майчыком на аршан в верховьях Катуня. Перед поездкой всем попутчикам зайсан давал наказ. Аа-

кым был строгим, но милостивым. Летом, совершая поклонение тайге и горам во главе своих братьев, возжигая можжевельник, он таким образом давал людям отдых. Вместе с Кёкюлеком, Абакаем, Аспаном и зятем Айбыном ходил он по белкам своей тайге-родине поклоняться.

Ак Янг

Каака исповедовал Ак Янг. Каака-зайсан, как и все баи и зайсаны того времени, способствовал возвышению Белой веры. Когда в долине Тёрёнг происходили моления, Каака ездил туда вместе со всеми своими помощниками. Когда на молящихся напали казаки, он сумел благополучно ускользнуть, говорят. Ни сам зайсан, ни помощники не расседывали коней, видимо, были наготове, чтобы в случае опасности вырваться из окружения. О том, что там происходило, он никогда и никому не рассказывал. Люди вспоминали, как однажды в летнее время группа всадников на гнедых конях спешно проследовала вниз по хребту. Все они возвращались с Кырлыка, примчались, перевалив хребет. Гнедой жеребец – был ездовым конём Кааки. Говорят, этого скакуна по просьбе зайсана ездил обучать Киндик-Абайым. Вот как Киндик об этом сам рассказывал:

– Каака-зайсан меня к себе вызвал. Если сам Аакым вызвал, как не поехать? Когда подехали, табун стоял в загоне. «Выучи для меня этого гнедого коня», – попросил Аакым. Красавец конь! Гнедой масти, с белой полоской, бегущей вниз по лбу, и с белыми чулками. Когда заседлали, конь двенадцать дней бушевал-боролся! Великолепный конь! Гнедой скакун для дальних поездок. Для близких поездок между аилами Каака держал пёстро-пегого коня.

Каждый год алтайцы, жившие по долинам Кайёрлык-Ёло, пробуждая Алтай, проводили весеннее моление в местности Бозыр-Таш, недалеко от ставки Кааки-зайсана. Аакым сам всегда участвовал вместе в ярлыками. Болчок-Таш и Бозыр-Таш – это одно и то же место. Здесь кропили молоком, делали посвящение скота. Здесь народ собирался для поклонения Алтаю, и для совершения обряда были установлены большие тагылы, возле тагылов вбиты столбы-сыраны, а рядом прикопаны березки. У веревки-аркана с козьей шерстью привязывали кобылиц и доили, гривы

и хвосты таких кобылиц украшали священными лентами – кый-ра. Оттого-то и говорят, что Болчок-Таш был «местом кропления молоком».

Возле селения Короты в устье Талды есть и другое место. Это место, куда всех шаманов собрав, отселили. С утверждением Белой веры Каака-зайсан всех шаманов собрал и переселил туда, в одно место, от прочих людей подальше.

Судур-бичик

Каака отправил своего сына Куйку в монгольскую землю учиться грамоте. Куйка учился там полтора года. А когда вернулся, привез с собой книгу – судур. Он читал, переворачивая листы этой книги один за другим. Готовился стать ярлыкчы, но затем внезапно скончался. Когда Куйка умер, книгу привезли среднему сыну Кемдику. Однако с той поры, когда книгу доставили, в его аиле люди начали болеть. Тогда вызвали из Каракола ярлыкчы, чтобы выяснить, что за беда случилась. Не знаю точно, то ли Ада, то ли кто другой приезжал. По прибытии ярлыкчы совершил обряд. Смотрел, как горит можжевельник, и сказал: «У среднего сына нельзя держать судур, следует передать книгу в семью младшего сына Ямая». Сказано – сделано. Книгу в аил Ямая принесли.

А вскоре случилась революция. Книга-судур меж тем всё в том же аиле лежала, в золотом ящике, завернутая в желтую и белую материю. И снаружи ящик тоже была обернут в материю. Небольшого размера книга, но толстая. После, когда у алтайцев начали такие книги отнимать и сжигать, Ямай ее унес на гору и спрятал за пазухой скалы...

Спустя годы вплоть до нашего времени книгу искали, но так и не нашли. Говорят, когда книгу прятали, Ямай взял с собой свою дочь, но та начисто забыла это место.

Алкыш-благословение Кааки

В аиле Ойынчы Адарова, который жил в Кайырлыке, родился мальчик. Супругу его звали Токна дочь Туткуша. Для обряда наречения имени младенцу закололи овцу. С обеих сторон пригласили соседей и родственников. Каака-Аакым тоже прибыл. Сам имя мальчику дал и благословил: «Пусть будет этот мальчик силен, как бык, и пусть зовут его Бука-Бай». Мальчик вырос и стал

поэтом Аржаном Адаровым. Стесняясь своего старинного имени, он взял поэтический псевдоним Аржан, от него и пошло такое имя гулять по Алтаю.

Суд Кааки

Брат Кааки носил имя Сюрю, а его сына звали Карачы. Жена Карачы Чумур, величальное имя которой было Кюдей, в старости рассказывала.

Собрались мы с мужем варить араку да поругались. В запале ссоры Карачы пнул меня. Доварив араку, разлив по ташуурам, отправилась я к Каака-зайсану с жалобой, хотела развестись. Ну вот пришла я, Каака-зайсан араку попробовал, и пока я набиралась решимости, чтобы высказаться, стал араку нахваливать:

- Какая славная келин! Хорошую араку сварила и угостить принесла, не поленилась. И впредь так же ладно живите, детей многих воспитайте!

С тем и вернулась я домой, а там и успокоилась. Стали жить. Родили с мужем двух сыновей и двух дочерей. Много скота вырастили. Прожив в замужестве много лет, вплоть до самой кончины, Кюдей про этот случай рассказывая, посмеивалась:

- Пил араку и нахваливал, приговаривая «какая славная келин», ну как после этого жаловаться на мужа?

* * *

Вплоть до недавнего времени люди вспоминали Кааку и рассказывали о том, как с ним встречались. Старейшина из селения Ленин-Йолл по имени Якар родом тѐёлѐс так рассказывал.

Дело было в его аиле. Жена наспех очистила перловку для кѐчѐ, за что муж попрекнул её: «Разве нельзя почище, ладом сделать?» На это замечание жена разъярилась: «Не этот кѐчѐ перед Каака-зайсаном ставить будем! И нечего тут мудрить!»

И вот пока так переругивались, ближе к полудню (вот тебе на!) сам Каака-зайсан заходит к ним. Оказывается, он ездил в Онгудай по своим делам и, возвращаясь назад, по пути заезжал, чтобы навестить сородичей. И вот как вышло, что за этот самый кѐчѐ стыд и срам приняли большой. Что было делать? Доварили кѐчѐ, да и пришлось поставить перед Каака-зайсаном.

* * *

На землях нынешних Коксинского, Канского, Шебалинского и Онгудайского аймаков располагался раньше оток теедесов. Разъезжая по этим местам, Каака-зайсан творил суды. По закону, когда проводили суд-яргы, должны были присутствовать многие чины: демичы, шуленги, сотои, албанчы.

Однажды он творил суд в Большом Улегеме (ныне село Купчегень в Прикатунской долине). Один человек совершил преступление, вроде как украл коня с седлом. В долине прошла весть: завтра прибудет зайсан, будет творить суд. Наутро закололи барана, со всех урочищ и логов стал съезжаться народ. Все люди собрались на место проведения яргы. Когда взошло солнце, на склоне показался всадник. Народ зашумел: «Каака-зайсан едет на суд!» Когда зайсан подъехал, три человека подхватили его под руки, помогая спуститься с коня. Затем прибывшие вошли в аил и стали пить чай. После трапезы к народу вышел Каака-зайсан. Зайсана усадили на белый войлок. Объявили, что начинается суд – яргы. Тем временем к числу прибывших добавили ещё двух местных жителей, таким образом судей стало пятеро. Виновного выслушали, затем пятеро судей, собравшись, между собой обсуждали приговор. Порешили присудить наказание: двадцать пять розг из краснотала. И велели, чтобы сам человек, совершивший проступок, сходил и срезал лозу. А если откажется, приговор могли ужесточить – назначить вдвое больше ударов. Осужденному делать нечего, приносит. Сечь должен тоже кто-то свой, из рода теедесов. Берет один тальник, бьёт, и, в сторону прут не откидывая, прибавляет второй, и так далее пока охалка не кончится. Так судили. Обвиненный человек обещал, что больше никогда так делать не будет. Рассказывают, что после суда этот человек сложил песню с такими словами:

Катунь-река бурлива, говорят,
Я глубины ее не знал, не ведал.
Каака-зайсан суровый, говорят,
Насколько он суровый, я не ведал.
Наш Тюгюрюк глубокий, говорят,
Стремнин глубоких у него не встретил.

Зайсан тее́лэсов строгий, говорят,
Но строгости я как-то не заметил.

Впоследствии этот человек приговаривал, что решение суда было неожиданно мягким. И его слова стали песней в народе. Старые люди рассказывали, что Каака-зайсан вовсе не был суровым, а напротив, мягким и отходчивым человеком.

Все эти истории рассказала почтенная старая женщина из рода, которая была снохой у тее́лэсов, мать А.И. Иртамаева из села Шебилик-Оозы.

Про житье-бытье Кааки-зайсана в той местности Болчок-Таш люди до сих пор вспоминают и пересказывают друг другу, как он, забравшись на холм, всё кругом обзиревал.

* * *

Еще имел Аакым такой обычай, говорят: семью, где скандалили и безобразничали, да ещё с соседями попусту бранились, такую семью он норовил поближе к себе переселить. И, пока живут они рядышком, приглядывал, отчего скандалы возникают, и таким образом помогал улаживать ссоры и искоренять дурные привычки.

Бедняка бедняком не обзывал, бая баем не величал, всё добро делил поровну и пытался сделать так, чтобы людям было хорошо. Он не был зайсаном-мучителем, не был свирепым. Каака был хорошим человеком и потому хорошим зайсаном. Некоторые говорили, что Каака имел слуг, но это неправда. Он никогда не держал прислуги и всю работу делал сам. Каака не был ни богатым, ни бедным, имел по тем временам средний достаток. Он держал считанное количество коров, несколько косяков коней да отару овец. Когда в Монголию отправлялись грузы, он вместе с этим грузом и сам ездил в Монголию. В 1890-х годах зайсаны, собравшись в устье Кеньги, выдвинули Кааку в зайсаны тее́лэсов. Затем он отправился в Яш-Туру (Бийск), где и был утверждён в зайсанском звании. И с тех пор в течение восемнадцати-двадцати лет являлся зайсаном тее́лэсов. В 1914 году свое зайсанское звание он передал Ялбаку, который был братом Быянты (предшественника Кааки в этом звании). А вскоре пришла советская власть.

В 1930 году в возрасте восьмидесяти четырёх лет Каака был сослан. Уходя в изгнание, неподалеку от Яш-Туры он скончался. Там и похоронили этого высокородного старейшину.

*Рассказал Эрке Какинович Ямаев, внук кара-тёёлёсского
Каака-зайсана, записала его дочь –
Елизавета Эркиновна Ямаева.*

Братья из рода Тонгужаан

Человек с человеком встречаясь, сперва о здравии друг друга спрашивают, а затем, разузнав имя, род и племя да кто куда путь дорогу-держит, так знакомятся. И дальше можно свободно беседу продолжать, новостями обмениваться.

К примеру, меня зовут Тандянов Такай Тужукович. Мой род – тонгужаан. Родился я в Яйлугуше с черневой тайгой, пронзившей небесную высь белоснежным вечным пиком – сюмером. А у подножия вершины с белоснежным сюмером, окруженным бело-голубыми полянами, вольготно пасется и размножается скот. Если спросите про моих предков, то я происхожу от людей, которые в старые времена, в годину бедствия – чак пришли сюда из далёкого края под названием Урал, скитаясь по горам и долам. Было их трое братьев, а с ними и ещё множество алтайцев, которые во время набега Чингис-Каана были насильно уведены с Алтая (*возможно, речь идет о переселении части ойротов в Калмыкию в середине XVIII века. – Прим. ред.*).

Множество алтайских людей, попав в круговорот бедствий, дошли до Урала, и немало было тех, кто потерялся в дороге. Предки трёх братьев в это худое время скончались на уральской земле. И трое братьев бродяжничали, потеряв обоих родителей, а по пути повстречались с неким человеком из рода иркит. Этот почтенный старец трём парням так наказывал:

– Наша земля, та, что родила и взрастила нас, – это бело-голубой Алтай, и лежит этот край в стороне восхода солнца. Туда вы и такие же, как вы, молодые и резвые, неженатые ребята, если захотите, добраться сможете. Должно быть, на Алтае уцелели кое-где наши люди, по логам и урочищам скрываясь. Если сумеете дойти туда, то непременно сородичей отыщете. А мне, старому человеку, этот бело-голубой Алтай, увы, не видать более.

Так сказав, старик горько заплакал, потекли из его черных глаз ручьём жгучие слёзы. Так и остался, и смерть принял старый человек на чужой земле.

А трое братьев на поиски бело-голубого Алтая направились и пустились в странствие в сторону восхода. Через несколько лет скитаний добрались они, наконец, до Алтая и дошли до селения Майма-Чаргычак, где и повстречались с другими алтайцами. Познакомились, поговорили, стали расспрашивать, кто где живёт-поживает на бело-голубом Алтае и каким способом здесь лучше пропитание добывать и жизнь молодую налаживать. В ту пору помыслы трёх братьев разделились. Где лучше жить и чем заниматься, каждый из них по-своему понимал.

Старший брат сказал:

– Я пойду в Аба-Йыш, там буду добывать орех и заживу в своё удовольствие.

Средний брат сказал:

– Я немножко русский язык знаю, пойду в Оймон, там буду хлеб сеять, хлебом питаться, стану жить сыто и в достатке.

А младший брат сказал:

– А я про Яйлугуш-Кадрин слыхал, говорят, там сподручно скот разводить, зверя-птицы довольно, а значит, для охоты удобно.

Так трое братьев с тремя разными устремлениями отправились в разные стороны.

Старший брат ушёл в Аба-Йыш, там обзавелся семьей и стал жить как туба, и сам стал туба. Теперь в Чойском и Турачакском аймаках, да в Прикатунской долине есть немало людей из сёёка Тонгужаан.

Средний брат отправился в Оймон. Поступил к русскому кержаку в работники, а вскоре стал он у него мастером-кузнецом. Время шло, богатый кержак присмотрелся к парню, видит: он молодой да сильный, работы не боится, может крепким хозяином стать. Понял это кержак, и, чтобы не отпускать парня-тонгужаана от себя, выдал за него свою дочь и оставил у себя жить. Вот почему среди рыжих оймонских кержаков есть немало русских тонгужаанов. А фамилии у них Черепановы, Туткушевы, да и другие встречаются.

А младший брат направился искать Яйлугуш-Кадрин. Он умел искать приметы богатой земли. А были эти приметы таковы: нуж-

но выкопать в земле ямку, а затем вернуть в нее землю обратно, если ямка землей не наполнится, значит будет тут народ голодать и бедствовать. Если ямка землей переполнится, значит будет народ в этом месте жить сыто и богато. Так и шел младший брат, разыскивая такие места, и дошел, наконец, до Яйлугуша. Выбрал место, выкопал ямку, обратно землю засыпал, ямка землей переполнилась. Увидел это парень, обрадовался, и решил поселиться в Яйлугушском краю, сделать его своим Алтаем, здесь завести своё становище – юрт. Сказано – сделано. Начал он растить скот и детей воспитывать. Оттого-то большая часть ныне живущих в Яйлугуше людей стали по роду-сёёку своему тонгужаанами. Мало-помалу эти тонгужааны увеличились числом и образовали свое родовое ведомство, стали людьми одного гнезда. Некоторые из них расселились вниз по Катуню и живут в Эдигане, Кайынче, Шебалино, Кан-Чарасе по одной-две семьи. Эти тонгужааны до сих пор там обитают, но вышли они все из долины Яйлугуш.

Из проживавших в Яйлугуше тонгужаанов на Великую войну за Родину отправилось тридцать молодых мужчин. Все они участвовали в боях за Ленинград, защищали блокадный город, и почти все, подоткнув рукава, погибли в том далёком краю. Как я слышал, в Ленинграде воевало много алтайцев. Тобонкин Самсон вернулся после ранения. Этот ветеран так рассказывал:

– Встречал я на фронте Бедиекова Ялбагула, он был командиром батареи. Его род – тонгужаан. Он рассказывал, что вырос в Яйлугушском алтае, там оставил своих сестёр и братьев и просил, если кто живой вернётся на сине-голубой Алтай, пусть боевой привет родне доставит.

Самсон и сам служил в батарее Ялбагула. Там и был ранен, так он рассказывал. Все бойцы, которые служили в батарее Ялбагула, оказывается, были родом с Алтая, все они были призванными на войну алтайскими парнями.

Ялбагул всегда стремился поражать танки, иную технику или живую силу прямой наводкой. Вражеских воинов брать в плен не любил и наставлял солдат перед боем:

– Если враги пришли убивать нас, значит мы должны как можно скорее уничтожить их всех. Если мы не уничтожим, они без жалости раздавят нас. Врага нужно поражать там, где только увидим, товарищи.

– Наш командир Ялбагул за свою отвагу уже тогда был награжден двумя орденами и множеством медалей. Однажды случилась в боях передышка. Мы все вместе обедали, усевшись кружком. И вдруг, откуда ни возьмись, прилетел снаряд и разорвался. Все парни тут же, подоткнув рукава, погибли. Меня и еще двух товарищей тяжело ранило. Излечившись, вернулся я на родину и вот сижу перед вами. А бойцы из батареи Ялбагула и сам он навеки остались лежать в той фронтовой земле.

*Рассказал Такай Тандянов, сёёк тонгужаан,
из села Купчегень. Записал Бронтой Бедюров, 1981 г.*

Агунак – Ак-Кёбёк

В незапамятные времена не было на Алтайской земле людей из рода ак-кёбёк, дети-тас и тёёлёс.

Агуна из сёёка ак-кёбек был знаменитым охотником. Он вырос в местности Ачылман (ныне это село Балыкча), на берегу Алтын-Кёля. Отец и мать почили в Белом Чолушмане. Агуна уже в шестилетнем возрасте подстрелил птицу агунак (за что и получил своё имя), а в семилетнем возрасте добыл белого зайца. С той поры он стал знаменитым охотником.

Птицу агунак не каждому человеку дано подстрелить. Убьёшь агунака – в течение шести дней будет ненастье. Если выпить кровь этой птицы, можно исцелить желудочную болезнь, изжога уйдет без следа. Сильно обгоревшего человека мажут жиром агунака, а большие болезни лечат свежей кровью.

Шестилетний ребёнок убил птицу, не зная, кого посчастливилось добыть. В Ачылманскую тайгу он пошёл шишковать вместе с другими детьми. У ребенка в руках было «деревянное ружье» – обыкновенный лук. Белая птица сидела на ветке спокойно, не пуганая, не стреляная. Агунак прицелился и попал прямо в сердце, и птица умерла.

Прошли годы, Агунак вырос, женился. В Аба-Йыше в то время было много шаманов. Его родители, имевшие шестерых детей, друг за другом в один год скончались. Тогда Агунак обратился к шаману за помощью. И шаман сказал:

– Отцовский юрт обветшал, аза-кёрмёс бродит здесь. Юрт матери старым стал, от Эрлик-бия гонец. Кёбекские люди, если хоти-

те уцелеть и умножиться, кочуйте на западную сторону, туда, где кёрмёс вас ещё не видал.

А сторона к западу от Чолушмана, это вот этот алтай, где мы сейчас беседуем с вами: Шебалинский и Канской аймаки. Погоня впереди себя малое своё стадо, Агунак пересёк Бий на лодке и направился в нашу сторону. Агунак имел двоих сыновей и четверых дочерей. Самая старшая дочь почему-то в лодку не садилась, все норовила отстать. Скот пустили вплавь через реку, без мотора веслами гребли, содержимое аила и всех детей перевезли на лодке. А на переправе Агуне помогал холостой парень.

Когда перебрались через реку, жена Агуны осмотрелась. Из утвари ничего не пропало, дети и скот – все на месте, и только старшей дочери нет. Парень-лодочник пустился назад для того якобы, чтобы перевезти их старшую дочь, но дойдя до середины Алтын-Кельского притока, обернулся и крикнул:

– Хорошо вам добратся, хорошо на новом месте обосноваться, а вашу дочь я не перевезу, в жёны её беру и от вас умыкаю.

С этими словами лодочник скрылся из глаз. Затем на берегу Бия показались два всадника. Дочь помахала красным платком и усакала.

Оторопела семья, сидят, смотрят: еще лодка по реке плывет. Пристала, а там четыре человека сидят, все с аракой, полные ташууры. Один из прибывших вышел вперед и говорит:

– Старче Агуна, ваша старшая дочь осталась на родной земле, где все вы родились и выросли. Парень, который вам помогал с переправой, – это мой сын. Мы прибыли сватать вашу дочь. И дальше мы намерены, вас не бросая, проводить до места назначения.

Следом за лодкой переплыли четверо коней, сваты их заседлали и стали собираться провожать новую родню.

Агуна супруге с горечью говорит:

– Что думаешь, пить араку сватов или нет?

Мать отвечает:

– Камень, куда бросят, там и лежит. Девушка, куда замуж уйдет, там и живёт. Угощение выпей. Шаалта-калым нам зачем? Не нужно. Пусть проводят нас. Это уже хорошо.

Долго ли, коротко, но Агуну привели они к долине Бешпелтира. Теперь здесь стоит село Беш-Озёк. А рядом есть лог Агунак – место где располагалось когда-то становище-юрт Агуны.

В Беш-Озёке выросли пятеро детей Агунака. Когда двое сыно-вей стали взрослыми, стало ясно, что они тоже хотят жениться. Матушка Анушка двух своих сыновей спрашивает:

– Почему бы вам со старшей сестрой не встретиться? Почему бы родину отца-матери не навестить вам? Людям, имеющим коня и одежду, Ак-Чолушпа разве далёк? Вдвоем отправляйтесь, сестру навестите. Весточку от нас принесите.

Ребята и вправду захотели сестру навестить, родину отца-матери посетить. В Артыбаше оставили коней и переплыли Бий.

Когда добрались до сестры, стыдно стало, что так долго не показывались. Давно не приезжали. У сестры оба виска поседели. Братья постеснялись сказать сестре, что она состарилась. У сестры и ее мужа (йесте) было шестеро детей. Увидев братьев, сестра очень обрадовалась. Родственников чествовали семь дней. Когда парни собрались назад, зять подарил им дорогой подарок. Одному шурина вручил скакуна, а другому подарил ружьё.

Местные ак-кебеки от Агунака все произошли. Кости Агунака в Беш-Озёке, дети детей жили в Ялангае, в Усть-Канском аймаке и в Шебалино.

На этом ульгер про Агуну закончился.

В роду ак-кебеков есть большой баатыр. Все это было на самом деле. О нем отдельное предание есть.

* * *

В Ялангае живет внук от сына Агуны Акулов Стапан, человек 1898 года рождения. Он с девяти лет в руках ружье держал, на финской войне воевал. Был в рядах Красной армии, в Великой войне за Родину участвовал в боях на Ленинградском фронте, с двумя красными орденами возвратился, в девяти местах имеет на теле раны, до недавних пор охотничал, до глубокой старости без дела не сидел. В его семье сына не было, только дочери.

Его брат Акулов Макар в селе Ябаган живет, на войне не был из-за болезни легких.

В нашей земле есть пещора (пещера): один конец в Ябагане, а другой – в Беш-Озёке. Говорят, что внутри этой пещоры схоронено семь кувшинов золота. Положил этот клад парень, который в 1918 году пал в Оймоне от пуль Красной армии, потому как был

он белый офицер. Этот парень ак-кёбёкам Акуловым приходился родственником, оказывается.

Брат Макара Акулов Стапан и его дочь Акулова Байбан до сих пор живы, в Ялангае живут (в селе Белый Ануй), семидесяти-восемидесятилетние люди. Дочь дочери Агуны Байбан и теперь, как выпьет араки, раззадорится и рассказывает:

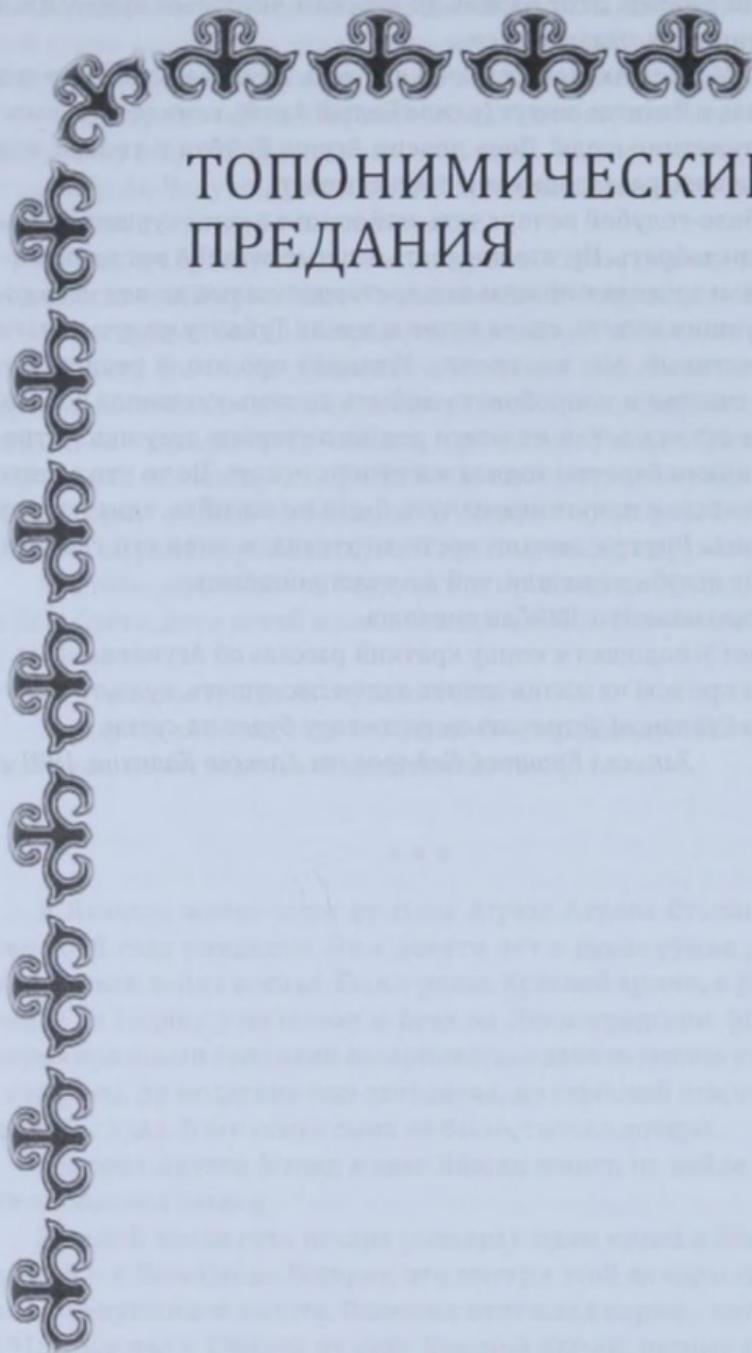
– В бело-голубой печоре есть моё золото в семи кувшинах. Мы не смогли забрать. Ну, что поделать, глупые люди! А вот вдова Аргымая, выкорчевав коновязь подле старого жилья, из-под него достала кувшин золота, сдала казне и в селе Туйакту на эти деньги себе крестовый дом выстроила. Услышав про это, я решила попытаться счастья и попробовать добыть те семь кувшинов золота, которые остались там от моего родного старого дедушки. С тремя вязанками бересты ходила я в печору искать. Не то что золото найти, вместе с попутчиками чуть было не погибла, едва наружу выбрались. Внутри лежали кости мертвеца, и змеи его глодали. А дальше вглубь не пошли, той же участи опасаясь.

Рассказывая это, Байбан смеялась.

Ну вот и подошел к концу краткий рассказ об Агунаке.

Если про всю их жизнь хотите ладом послушать, нужно с Макаром и со Стапаном встречаться, разговору будет на сутки.

Записал Бронтой Бедюров от Алексея Калкина, 1981 г.

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ

Узюк, Бешпек и Согоон-Саадак

Пришел как-то раз Сартакпай-богатырь к выходу из урочища Чобы и присел отдохнуть на плоский камень. Отдыхая на камне, подумал: «Хорошо, а не пустить ли мне вниз стрелу». Уложил Сартакпай стрелу в алагырский лук и выстрелил. Могучий богатырь так сильно напрягся, натягивая тетиву, что получилось углубление в камне. Поэтому алтайцы и называют тот камень Ойдык-Таш, что означает «Камень с выемкой».

Трёхгранная стрела, пущенная Сартакпаем, взлетев ввысь быстрее птицы, в дальней дали исчезла. Алагырский лук, выпустив стрелу, запел-загудел подобно большому комусу. И его пение слух Сартакпая уладило. А трёхгранная стрела с гудением ветра воспарила над Катунью-рекой и через высокие скалистые горы стремглав пролетела, звеня в голубой дымке. На пути полёта стрелы стояла удивительная островерхая гора. Силы стрелы иссякали в полёте и, снижаясь, попала она в островерхую макушку горы, отчего эта гора у основания треснула. Место, в которое попала стрела, откололось. С тех пор это место называют Узюк – Осколок. Когда стрела ударилась о гору, земля, которая разлетелась от Узюка, опустилась на правом берегу реки Чамал, и когда куча этой земли превратилась в горку, люди назвали его Бешпек, что значит «Пышка».

Оторвавшиеся от Узюка камни – корумники вместе со стрелой пролетели вниз, вздымая пыль, и со звоном падали на землю, подобно гигантским каменным каплям. И когда они падали на правую сторону от скалы Кирее, то стоявшие рядом горы Маашыган, Тарбаган, Кирее сотрясались. Теперь это место люди называют Согоон-Саадак.

*Записал В.Ф. Чумакаев от Чюрмеш Такачаковой,
Эликманарский аймак, село Чопош, 1961 г.*

Кёшөө-Агаш

В старину на этом месте одно время жили монголы. Они справляли свадьбу – развеселый той. Справив свадьбу, откочевали. На месте, где проходила свадьба, от свадебной занавеси невесты остались два берёзовых дерева. Потому это место называется Кёшөө-Агаш, что значит дерево-занавеска.

Сопо Севастьян 54-х лет, сёек ябак, село Куурай, Кызыл-Таш, Кош-Агачский аймак, 1961 г.

Кан-Аркыт

1

Мои родители рассказывали: когда-то в старину здесь жили сойоны. Однажды справляли они свадьбу девяти девушек разом. А в это время враг налетел. Сойоны бежали. Перед тем, как бежать, повесили они свой аркыт на дерево и сказали: «В добрую пору ты полон жира и сала, кан-аркыт, в худую пору ты полон крови и слизи, кан-аркыт».

С тех пор эта долина и называется Аркыт. После ухода сойонов обитали в этих местах одни лишь олени да маралы и другие дикие звери. Затем наперёд всех перекочевал сюда с реки Башкауз человек по имени Янга из рода Кёбёк. Он приходится мне дедушкой по материнской линии.

Записал С.С. Суразаков от Чинчиновой Акынбай Таптыйовны 56 лет, местность Аркыт (Аргут), Кош-Агачский аймак, 1961 г.

2

На Аркыте в прежние времена жил народ из рода сары-сойонов. Их скот пал. Народ обнищал, оголодал. Тогда один сойон повесил на дерево свой аркыт и произнёс:

Полон доброю порою
Белым салом Кан-Аркыт,
А в худую пору кровью
Человеческой налит.

Сказав это, он ушёл. В народе рассказывают, что от того аркыта, подвешенного на дерево, эта местность и получила название Аркыт.

Записал С.С. Суразаков от Казакпай Сонуковой 1887 г.р., село Теленгит-Сортогой, Кош-Агачский аймак, местность Кара-Кем.

О проживании в Чуйской долине монголов и сойонов

В старину по реке Чуй выше Куурая жили монголы, а после них желтые сойоны. Теленгитов тогда здесь не было. Теленгиты пришли сюда с Алтын-Кёля и Чолушмана. Раньше монголы нас называли северными, алтын-нурскими или алтын-кольскими урянхаями. На этой земле многие названия даны монголами. Мукор – глухое место в переводе с монгольского языка, Тоготы – котельная. Тут и впрямь ложбина, похожая на казан. Калан-Инир в переводе означает Жаркий вечер. Байсын – дворец, построенный из камня или глины, такое название есть в районе с. Кокорю. А сойонов на Чуйской степи я и сам видал. И в Курае они некогда жили, да ушли. Когда они в Курае жили, выпал большой снег, их скот пал, тогда, эту землю прокляв, они откочевали. Поэтому закрепилось такое название Куурай – Сухая Степь. А местность Ара-Дян, восхваляя, называли они Красным Аркытом. Это оттого, что был там аркыт из красной кожи. Слово Кем на сойонском языке означает река: Ак-Кем, Кара-Кем – эти названия от них пошли, говорят. Река Ак-Кем впадает в Катунь, а река Кара-Кем в Аркыт.

*Уванчиков Петр, 60 лет, с. Мукур-Таркатты,
Кош-Агачский аймак, 1961 г.*

Почему озеро называется Алтын-Кель?

Давным-давно на берегах горного озера, которое наполняют хрустально-чистой водой около сотни рек и ручьев, сбегających с ледниковых гор, поселились люди тюркского племени тёёлёс. Стали называть озеро по имени поселенцев Тёёлёс-Кель – Озеро Тёёлёсов. Откуда же пошло другое, более раннее название озера Алтын-Кель – Золотое Озеро?

Рассказывают, что в далекие времена в долине реки Чолушман, единственной, что впадает в озеро, жил охотник Чокул. Однажды пошел он в тайгу на охоту. Много дней ходил он по распадкам, выслеживал добычу на горных склонах, но удача от него отвернулась. Когда припасы у него кончились, поехал он домой.

Вдруг конь его споткнулся и мох с земли скovyрнул копытом. Смотрит охотник – внизу что-то блестит. Спешился он и видит в земле золотой самородок. Выкопал он его и обмер. Был тот самородок величиной с конскую голову.

Обрадовался охотник такой удаче. Не помня себя от радости, помчался домой. Привез золото в свой стан и стал похвастаться, что теперь он будет самым богатым человеком по всей округе. Приходили соседи, дивились на огромный кусок золота, никогда раньше таких не встречали. Только никто находке Чокула не позавидовал.

Жили люди просто: охота и рыбалка, на маленьких полосках земли, что лепились по горным склонам, ячмень сеяли. Однако, даже имея немного, чувствовали себя счастливыми, так как были вольными охотниками, никому не подчинялись. Все были равны друг перед другом. Деньги, злато-серебро им были чужды, и нужны разве что на украшения и поделки.

А Чокул схоронил свое богатство и думал, что теперь ему никакая беда не страшна, в черный день его золотой самородок выручит.

Однажды наступил год великой жары. На скудных делянках высохли, не налившись, колосья ячменя, на лугах травы пожухли и пожелтели, скот от бескормицы падал, в лесах деревья листья уронили, ни кедровые орехи, ни грибы, ни ягоды не уродились. Звери и птицы ушли с берегов озера. Наступил великий мор и глад. Потянулись с насиженных мест люди, спасаясь от голодной смерти.

Пришла беда и в аил Чокула. Потускнели прекрасные глаза его красавицы жены, отошли в мир иной родители, пухли от голода дети. Но охотник не отчаивался. Надеялся он, что золотой самородок выручит его в лихую годину, как это повелось у дальних-предальних народов.

Поехал он по соседним становищам, чтобы сменять золото на еду для своей семьи. Долго ездил, много аилов обошел. Да только напрасно все. Нигде не нашел он людей, которые согласились бы ему еду на золото обменять. Да и то сказать, сами последние запасы доедали. Если бы было лишнее, кто бы отказал голодному и без золота в куске хлеба?

Прослышал Чокул, что в одном аиле живет богатый бай, меняла и торгаш, очень падкий на золото. Обрадованный этой вестью поскакал Чокул к баю. Попросил он за самородок величиной с конскую голову всего одну чашку ячменя, но бай ему отказал, хотя и любил золото.

– Самому скоро есть нечего будет, – проворчал он на просьбу охотника. – Когда еда кончится, какой мне будет прок в твоём золоте? Такого добра и у меня навалом, да что толку?!

С тем и уехал от него бедный Чокул.

Вернулся он в долину Чолушмана, зашел в аил, но ни жены, ни детей в живых не застал – умерли они голодной смертью. В отчаянии, не помня себя от горя, вскричал Чокул:

– Если самородок величиной с конскую голову не могу я обменять на чашку ячменя, зачем мне это золото? Брошу я его в озеро, чтобы больше никого не смущало, несбыточных надежд не вселяло.

Из последних сил поднялся Чокул по каменистой тропинке на вершину горы, что над озером зависла. Бросил он самородок в озеро и сказал:

– Духи гор и вод, приношу это золото в жертву вам! Прошу вашего благословения для моего народа, чтобы не золотом он был богат, а теми дарами, что приносят земля, леса и воды благоденственного Алтая. А в память о том, что нет у золота той силы, что приписывают ему люди, отныне будет называться эта гора, с которой я самородок бросил, Алтын-Туу – Золотая гора, а озеро, что его в свои воды приняло, Алтын-Кель – Золотое озеро.

Мало-помалу старое название озера призабылось. Да и тёлёсов чужаки со временем оттеснили с его берегов в другие края. Только малая часть этого племени до сих пор живет в окрестностях озера, да и те обижаются, когда их прежним именем – тёлёсы кличут лесные охотники йыш-киши – тубалары.

Летом 1633 года из Аба-Туринаского (Кузнецкого) острога на озеро прибыл отряд казаков под командованием боярского сына Петра Сабанского. Собрались к нему местные жители, впервые увидевшие русских казаков. Спросил их Петр Сабанский, как называется озеро. Ответили ему, что озеро Алтын-Кель называют. Но записал в своих бумагах боярский сын «Телесское озеро» по названию его насельников. Со временем в русской речи превратилось это название в Телецкое озеро. Только сами алтайцы и все сосед-

ние народы – хакасы, монголы, кыргызы, тувинцы и шорцы по-прежнему называют его Алтын-Кель (Алтын-нор) – Золотое озеро.

*Записал Бронтой Бедюров в 1975 году
в Горно-Алтайске со слов В. Ф. Чумакаева.*

Красавица и два богатыря

Рассказывают старики, что в древности на месте Алтын-Келя в окружении высоких, обрывистых гор лежала узкая глубокая долина. По обеим сторонам долины на склонах гор жили два богатыря. Каждый хотел долиной овладеть. Не раз затевали они жестокую сечу, да только ни один не мог над другим верх взять – силы у них были равные.

Разгневались духи гор и вод, что богатыри своими сварам нарушают покой этих мест. Позвали они богатырей к себе и сказали:

– Прекратите ссоры и драки. Спор ваш мы так решим – кто первый произнесет слово «женщина», тот на веки вечные потеряет право владеть этой долиной.

На том и порешили.

Разошлись богатыри по домам. Чтобы запретное слово невзначай не произнести, совсем разговаривать перестали. Очень уж каждый хотел стать владельцем долины. Так и сидели они друг против друга, каждый на своем месте и молчали, слова друг другу не говорили. Долго так продолжалось.

Однажды, проснувшись утром, когда солнце из-за гор показалось, увидели богатыри, что внизу, в долине, вдоль ручья идет красавица, прекраснее которой они никогда не видели. Потрясенные красотой ее неопишуемой, не удержавшись, одновременно воскликнули два богатыря:

– О, как прекрасна эта женщина!

Едва прозвучало запретное слово, как посыпались оглушительные раскаты грома, небо покрыли черные тучи, в которых за сверкали ослепительные молнии, из долины за клубился густой молочный туман. Исчезла в нем прекрасная женщина. Долго так продолжалось. Наконец все утихло. Снова выглянуло солнце, туман рассеялся. А на месте долины увидели богатыри глубокое озеро, по которому перекачивались высокие волны. Во все глаза смотрели

богатыри на поверхность озера, пытаясь разглядеть в ее водах красавицу, что сердца их поразила. Только она так и не появилась.

Правда, говорят, что красавица та из озера не ушла. Рассказывают, что многих молодых охотников, которые неосторожно к берегам Золотого озера приближались, пригожих рыбаков, выходивших в одиночку на рыбалку, своей красотой очаровывала, увлекала в пучину глубоких вод. Однако другим часто помогала. Особенно тем, у кого семья большая. Во время бурь, когда налетает ветер и на озере волна штормовая ходит, от смерти спасала.

Теперь, правда, все реже и реже ее люди видят.

*Записано со слов В.Ф. Чумакаева, пересказ на русский язык
Б.Я. Бедюрова и Ю.В. Фельчукова.*

Откуда пошло название Майма-Чергачак?

Совсем недавно поселок, что расположен рядом с Горно-Алтайском, стали называть просто Майма, хотя издавна он Майма-Чергачак на русский лад назывался. Об этом забывать не следует. А откуда такое название пошло, наверное, не все знают.

Издавна при впадении в Катунь реки Майма жили алтайские люди, которые называли себя маймалар – майминцы. Занимались они охотой в густых лесах, что тогда по долине реки росли, лошадей разводили, скот всякий держали.

Со временем стали появляться в этих местах русские поселенцы. Приходили они из-за горы Бекет, где раньше граница владений русского царя проходила. Крестьяне-земледельцы селились по правому берегу Маймы, плодородные земли им понравились.

Так и жили: алтайцы по левому берегу, русские по правому. Друг другу не мешали, поэтому ссор или свары какой между ними не возникало. Добрыми соседями оставались, хотя поначалу близко между собой не сходились.

Первыми приходили сюда из России крестьяне-бедняки, у которых ни имущества, ни тягла не было. Приходилось им на новых местах на коровах землю обрабатывать, в телеги запрягать. Редко у кого пара волов имелась.

Смотрели алтайцы на соседей и удивлялись: «Странные люди эти русские, почему на коровах землю пашут и боронуют? Почему лошадьми не пользуются?»

Когда поближе познакомились, узнали, что не от хорошей жизни русские крестьяне корову в соху и плуг ставят, в телегу запрягают. Узнали, что не на что им лошадей покупать. Решили алтайцы помочь новым соседям, как у них в извечном обычае было. Кто по весне лошадь землю вспахать одолжит, кто по осени урожай с поля в закрома свезти поможет.

А русские алтайцев калачами и пирогами угощали. Раньше-то алтайцы-скотоводы хлеба мало ели. Только кое-где ячмень помаленьку сеяли, талкан готовили, лепешки пекли.

Мало-помалу торговлишку кое-какую между собой завели. Алтайцы русским скот пригоняли, кожи выделанные приносили, пушнину и другое, что имели в избытке. А русские им хлеб да зерно, материю всякую, железные поделки необходимые, что их кузнецы ковали, в обмен предлагали. Так обзавелись русские лошадьми, на них землю обрабатывать начали.

Да только с самого начала русское село, что год от года разрасталось, называли местные жители Чергачак, произнося на свой лад. Считается, произошло это название от слова *чар*, что означает вол. Другие выводят его от слова *чарык*, то есть пахота.

Чем больше люди друг друга узнавали, тем ближе сходились. Алтайцы русских мужиков в тайгу шишковать водили, когда кедровые орехи поспевали, охотиться на местное зверье учили. Ну, а русские алтайцев землю обрабатывать приучили, когда что сеять или сажать подсказывали.

Шли годы. Алтайцы и русские роднились между собой. Сообща мост через Майму между селами построили. Многие алтайцы, что к земле привязались, оставили охоту, стали земледельцами. Так оба села слились в одно. И стало то селение называться Майма-Чаргычак. Два названия, как два села, в одно слились.

Потомки тех людей, что имя общему поселку дали, до сих пор в этих местах живут. Посмотришь сейчас на иного, совсем русский по обличию, а фамилия его от старинного алтайского имени. Наверняка, в его роду были алтайские предки. А иной приземистый крепыш, по всем статьям чистокровный алтаец, фамилию носит русскую. Да и раскосые глаза у него не черные смородины, а голубые или серые. Значит, были у него в роду русские предки.

Так и поныне живут в мире и дружбе на одной земле, которую общим домом считают, наследники тех, кто этой дружбе в старые времена основы заложил.

Записал Т.С. Тухтенов от А.И. Чечегоевой, Горно-Алтайск, 1961 г.

Пересказ на русский язык Б.Я.Бедюрова и Ю.В. Фельчукова.

Как песня на Алтае появилась

Старые люди рассказывают, что песня родилась в далекой Индии, где научила этому искусству людей Богиня Песни. Люди других племен, приезжая в Индию, с наслаждением слушали певцов и певиц, проникаясь игрой искусных музыкантов. Горько сожалели они, что в их краях совсем нет песен. Прослышала об этом Богиня – покровительница музыки и песен и повелела Песне лететь на север за Гималайские горы, чтобы научить тамошние народы складывать песни и играть на музыкальных инструментах.

Долго летела посланница Песня над высокими горными хребтами, одетыми ледниковыми панцирями, над бездонными пустынями, над широкими реками и озерами, высматривала, где люди живут. Наконец, достигла она пределов страны халхасов и опустилась на землю неподалеку от небольшого стойбища.

Когда опустилась ночь и люди вернулись в юрты вместе со своими стадами овец и табунами лошадей, запела она, заиграла на разных инструментах. Услышали незнакомые звуки монголы и сначала ничего не поняли. Бывалые люди объяснили, что это звучат песни. Хотели было сразу пойти в то место, где посланница на ночлег остановилась, да очень устали, спать захотели. «Коли песня к нам прилетела, подумали они, то и утром будет не поздно ее послушать, да выучиться ее пению». С тем и легли, и спали, до утра не просыпаясь.

Утром встали и пошли на то место, откуда песня раздавалась, музыка звучала. Однако за ночь позабыли они, что накануне слышали. А Песня тем временем улетела дальше. На том месте, где она ночевала, осталась бродячая собака. Сидела она и, задрав голову, протяжно выла, жалуясь на свою судьбу. Переглянулись между собой халхасы и сказали: «Вот, значит, какая она, песня, ее совсем нетрудно выучить». Стали они подражать и не смогли ладом научиться искусному пению. Поэтому до сих пор, как только монгол

сидится на коня и в путь трогается, поднимает он голову и заводит протяжную песню, в которой непривычному уху только горе и тоска слышится, хотя и веселых песен у этого народа, конечно, не счесть.

Правда, другие люди говорят, что не так это было, по-другому монголы протяжным, заунывным песням научились. Рядом с ними жили искусные певцы – казахи. Слава об их песнях далеко вокруг пошла. Завидовали монголы соседям, хотели у них песни перенять. Да как это сделать? Жили они с ними не очень-то дружно. Поэтому опасались, что казахи добром хорошим песням не научат, а плохие перенимать не хотелось. Решили монголы пойти на хитрость. Выбрали они среди своих расторопного парня и послали его к соседям, чтобы он тайно подслушал их песни и хорошенько запомнил.

Забрался парень на высокую гору, где их земли с казахскими кочевьями граничили, стал высматривать, где люди живут. Высмотрел он большое стойбище и стал тайком к нему пробираться. Трудная дорога была среди скал и камней, много времени прошло, пока он спустился к тому месту, где стойбище видел.

Дождлся парень, когда темнота на землю опустилась, и, приблизившись к аулу, укрылся за пригорком. Не знал он, что казахи перекочевали на другое место и там, где было стойбище, только кострище с холодной золой да хромая собака, которая за хозяевами не могла идти, остались.

Горько было собаке, что она одна осталась. Задрав морду, выла она на луну, жалуясь на свою несчастную долю. Парень подумал, что это казахи поют, и постарался покрепче запомнить заунывный мотив. Когда вернулся, других людей так петь научил. Поэтому до сих пор песни монголов в большинстве своем протяжные и заунывные.

А тем временем посланница Песня прилетела в пределы Танды-Тувы. Там уже были наслышаны, что в их краях божественная посланница объявилась. Встретили ее с почетом, привели в юрту, угостили как следует, ночлег предоставили. Однако столь велико было нетерпение тувинских людей, что попросили они песню не откладывать обучения на утро. Всю ночь, не смыкая глаз, учились они песням, игре на различных инструментах. Показала им небесная посланница, как играть на звонкоголосом топшууре, скрипке – икили, тростниковой дудочке – шооре, на губном варганчике – комусе и других инструментах.

С тех пор славятся тувинцы среди соседних народов как искусные певцы и музыканты, особенно отличаются искусством горлового пения – кёёмей.

Мало-помалу научились тувинцы складывать песни свои, и поют там все от мала до велика. На все случаи жизни у них песни есть: радость и печаль, горе и счастье в своих песнях изливают. Хорошо поговорила Песня на тувинской земле. Наконец, полетела на Алтай.

В те времена на восточных границах алтайской земли совсем немного народу было. Поэтому так получилось, что, пересекая границу Алтая, не заметила Песня среди высоких гор и дремучих лесов укромные стойбища теленгитов. Ее песни только краем задела эту землю, отразившись эхом в обрывистых скалах, по распадкам и долинам мимолетно прокатившись. Летела Песня высоко в небесной сини. И поэтому только те, кто очень внимательно вслушивался в Песню и ее отзвуки, смогли подхватить и научиться пению. Да и жизнь у наших теленгитов в ту пору была тяжелая, безотрадная в суровых горах, и не оттого ли мало у нас певцов, слава о которых границы родного края перешагнула. Правда, были среди нас знаменитые певцы Калан и Колонди, до сих пор в народе память живет. Других же, подобных им, никто не помнит. Но зато среди теленгитов было немало славных сказителей – кайчы.

Прилетела Песня в сердце Алтая и обрадовалась. Снежные шапки и ледники на вершинах гор напоминали ей Гималаи. В это время звонкоголосая кукушка свою песню пропела, извещая о приходе весны. Все вокруг цвело и радовало глаз. Среди зеленых лугов синели глади озер, отражая безоблачное небо, по крутым склонам, вырвавшись из-под ледяного панциря, с камня на камень перепрыгивали хрустальные струи бесчисленных ручейков и речек, ласковый ветерок шелестел в листве деревьев. Казалось, не только люди, но и вся алтайская земля ждала посланницу Богини Песни.

Повсюду оказывали ей почет и уважение. Где бы она ни останавливалась, туда приходило множество людей, чтобы научиться песням, искусству играть на музыкальных инструментах. Потому с давних пор в Алтайском Улусе особенно много искусных певцов и музыкантов, которых народ почитает как самых уважаемых людей.

С тех пор алтайцы и песня стали неразлучны. Что бы человек ни делал, пасет ли он овец, едет ли по своим делам, выделяет кожи или косит траву, всегда поет. И с песней у него дело спорит-

ся. Поют не только песни, которым небесная посланница из Индии их научила. Много новых сложили.

Раньше позором считалось, если юноша или девушка не сумеют сложить хотя бы одну собственную песню. Девушка никогда не шла на свидание, если юноша не покружит вокруг ее юрты, не сыграет на комусе. Были такие искусники, что могли извлекать из этого нехитрого инструмента не только чудесные мелодии, но и слова любви на нем выговаривать, зверям и птицам, шуму лесов и рек подражать.

А сколько всяких песен поют на свадьбах да на игрищах-ойынах, где молодежь из окрестных мест собирается. Если песня, которую кто-нибудь здесь же сложил, понравилась, то ее тут же выучат и пойдет она гулять по всей алтайской земле. Звонкой песней можно в любви объясниться, достойному человеку хвалу воздать, а то и кого-то высмеять, если заслужил.

Алтайских песен столь много, они неизбежны, пока существует краса и мощь Алтая. Весной, когда все цветет, кажется, будто это сам Алтай поет. Мудрые старцы всегда наставляют молодых, чтобы они не расставались с родной песней. Ведь пока есть она, значит, жива и сама душа народа. С песней человеку все нипочем – горы одолеет, реки переплывет. И алтайцы поют всегда, и в горе, и в радости, с песней стали неразлучны.

* * *

Правда, рассказывают и по-иному крещёные алтайцы о том, как народ наш песни петь научился. Когда Небесный Владыка сотворил мир и населил его живыми существами, то последним послал на землю человека.

Был человек слаб и беспомощен, ничего не умел делать. Бродил неприкаянно человек по земле среди других животных. Жалок был его удел. Зимой и летом скитался он по лесам, горам и долинам в поисках пищи. Не было у него ни постоянного места для жилья, ни крыши над головой, где бы он мог от непогоды и холода укрыться. От такой жизни человек был в тоске, душа его не находила успокоения, не знал он радости и веселья. И нечем ему было утешиться.

Стал человек просить Небесного Владыку, чтобы дал он ему что-нибудь, чтобы развеять свою грусть и печаль. Услышал Небесный Владыка человеческие стенания и послал на землю птицу. Прилетела птица к человеку и стала напевать ему чудесные пес-

ни. Воспрял духом человек, отлетели от него все горести и печали, словно чудесная сила влилась в его тело. Попросил человек птицу, чтобы она передала ему свои песни.

– Научу я тебя своим песням, – ответила птица, – если ты исполнишь мою просьбу.

Очень хотелось человеку чудесные песни выучить, поэтому он, не колеблясь, согласился.

– На месте, где ты сейчас стоишь, – сказала птица, – построишь себе дом и всегда в нем жить будешь. Рядом поставишь святилище – байсын-курее, где будешь Небесного Владыку славить. Когда все исполнишь, будут слетаться к тебе разные птицы, у которых ты научишься прекрасным песням.

Как только человек начал работать: камни таскать, лес рубить, глину месить, чтобы свой дом и святилище построить, слетелись к нему птицы и пели ему такие песни, что он усталости не замечал. Закончив работу, человек погрузился в глубокий сон. Когда проснулся, то почувствовал себя свежим и бодрым, ощутил радость в душе. Ведь он запомнил все песни, что напели ему птицы, когда он работал.

Не в силах сдержать переполнявшую его радость, выбежал он на зеленый луг и стал танцевать. Он танцевал и пел песни. Они как бы сами складывались у него. И песни те прославляли все, что он вокруг себя видел: прекрасные цветы, высокие горы, прозрачные реки, голубые озера, зеленую тайгу, – все, что жило и росло на этой земле. Он пел обо всем, что переполняло его душу.

С этих пор алтай-киши стал находить в песне утешение, когда приходила беда, выплескивал в прекрасных словах и звуках радость, когда случалось у него что-то хорошее. Поэтому говорят, что на Алтае есть песни на все случаи жизни, и нет человека, который за свою жизнь не спел бы собственной песни.

*Чуйская степь, местность Байсын, Бугусун,
полевые записи Бронтоя Бедюрова
от Кадыра Очурдяпова, 1982 г. Пересказ на русский язык
Б.Я. Бедюрова и Ю.В. Фельчукова.*

Как Бабурган горой стал

В стародавние времена на Алтае жил богатырь Бабурган, сын богатыря Адагана. Всех превосходил силой Бабурган. Не было ему

равных по силе богатырей на Алтае. Характер у него был задиристый. Кого бы ни встретил, обязательно в драку лезет. Стали его люди избегать, никто с ним связываться не хотел.

Тогда Бабурган начал без позволения своего отца Адагана в другие края ездить, со степными богатырями силой мериться. Добро бы он, как другие, только силой мерился, так нет. Если победит кого, то и добро у него отберет, жен и красивых девушек в полон заберет. А те, кого он разорял, на простых людях свои обиды вымещали. То, что для Бабургана забавой было, для людей бедой оборачивалось.

Обиженные соседями люди стали батюшке Адагану жаловаться. Просили его, чтобы сына он унял, не позволял ему своевольничать. Задумался Адаган, как сына уговорить, что сделать, чтобы он успокоился. Решил он его женить, рассудив, что Бабурган остепенится, когда своим домом заживет.

Позвал Бабургана к себе и повелел ему ехать в абаларскую землю, в Кузнецкую тайгу и посвататься к дочке богатыря Тельбеса. А дочь богатыря Тельбеса не только у себя, но и далеко за пределами родной земли своей красотой славилась. Знали люди, что много разных богатств у нее от отца накопилось. Он ее богатыми подарками часто одаривал.

Очень обрадовался Бабурган, когда услышал предложение отца. Даже запрыгал от радости. Головой едва до неба не доставал. Не теряя времени, стал в путь-дорогу собираться. Надел на себя боевые доспехи: кольчугу, панцирь из воловьих шкур. Взял тугой лук и стрелы каленые, кривую саблю, боевую булаву и копье длинное. Адаган увидел, как сын свататься собирается, и предупредил сына, чтобы он ссоры с богатырем Тельбесом не затевал. Мать хотела ему припасы положить в дорогу дальнюю, но Бабурган отказался:

– Для чего лишнюю тяжесть поташу? Не маленький уж! Богатырь должен сам себе пропитание в дороге добывать. Птиц и косуль буду в дороге стрелять, рыбу ловить. Если люди встретятся, у них еды добуду.

Отправился Бабурган в дальнюю дорогу во владения богатыря Тельбеса. Едет он дремучей тайгой. Вокруг птиц и зверей великое множество. В реках и озерах рыбы неисчислимо. Днем косулю подстрелит, мясо сварит. Вечером рыбы наловит, на костре поджарит. На завтрак какую-нибудь птицу добудет.

Едет он и думает: «Негоже мне, славному богатырю, который ни перед кем головы не склонял, унижаться и просить у богатыря Тельбеса руки его дочери. А вдруг откажет, как тогда быть? Захвачу ее силой. В честном бою добуду».

Забыл Бабурган, что отец его предупреждал: люди в абаларской земле мирные, сами ни на кого не нападают, но в бою отважные и обид не прощают.

Подъехал Бабурган к аилу и громко закричал:

– Выходи со мной на бой, богатырь Тельбес. Я приехал, чтобы с тобой сразиться. Хочу твою дочь в честном бою добыть, с собой увезти, женой сделать.

Славился в былые времена богатырь Тельбес своей силой. Но годы унесли его молодость, а с ней и силу богатырскую. Однако не стал он уклоняться от боя с молодым невежой, который не хотел, как положено, к его дочери свататься. Выехал он навстречу Бабургану и смело вступил с ним в схватку.

Долго сражались богатыри. Поначалу Тельбес ни в чем не уступал молодому противнику. Но мало-помалу стал слабеть. Почувствовал, что не одолеть ему Бабургана. Позвал на помощь своих сыновей. Их у него девятеро было.

Смело бросились сыновья Тельбеса на Бабургана. Но сладить с ним не смогли. Одних он зашиб до смерти, других ранил. Видит старый Тельбес, что одолевает Бабурган его сыновей, и кликнул на помощь своих родственников. Прискакали лихие бойцы, окружили Бабургана, стали его теснить.

Пять дней и пять ночей без перерыва продолжалась сеча. Стала слабеть могучая рука богатыря Бабургана. Понял он, что не совладать ему с многочисленными врагами. Стал пробиваться к берегу великой реки Бии. Все теснее сжималось вокруг кольцо врагов. Из последних сил расчищал он себе дорогу. Гибли воины Тельбеса от его острой сабли, сбивал он их с седел длинным копьем. Но на место убитых и раненых вставали новые бойцы. Наконец, теснимый врагами, дошел Бабурган до самого берега Бии. Коня под ним давно убили, сражался он пеший.

Обрадовались воины Тельбеса, что прижали Бабургана к реке и деваться ему теперь некуда. А он разбежался, оперся на копье и птицей перемахнул через широкую Бию, словно лужу перепрыгнул. Воины Тельбеса не стали его преследовать. Расположились на берегу лагерем, чтобы утром на другой берег переправиться.

Бабурган тоже очень устал и решил отдохнуть. Знал, что наутро придется продолжать битву. Не мог смириться, что не сумел завоевать красавицу дочь Тельбеса. Бабурган развел костер, зажег на вертеле косулю, поужинал.

Сел Бабурган под деревом и стал думать, как ему назавтра одолеть многочисленных врагов. В это время прямо над ним на ветку дерева опустилась маленькая птичка и запела прекрасную песню. Звуки волшебной песни вызывали в его памяти образ прекрасной дочери Тельбеса. Он забыл о своих врагах и стал думать о красавице, сожалеть, что не послушал отца и не решил с Тельбесом дела миром. Птичка, словно угадав, о чем он думает, сказала ему человеческим голосом:

– Не печалься, Бабурган, не судьба тебе быть мужем дочери Тельбеса. Ты силен и удал, настоящий богатырь, но воинов, что на том берегу реки стоят, тебе не одолеть. Глянь на правый берег Бии – все больше и больше там костров зажигают, все больше и больше воинов на подмогу Тельбесу прибывают. Они мирные люди, в драку первыми не лезут, но на тебя крепко рассердились. Не послушаешь меня – найдешь здесь свою погибель. Возвращайся к себе на Алтай. Ты молод и красив. Там, среди своих, найдешь невесту. А о дочери Тельбеса не горюй – она тебе не пара.

– Как же я вернусь домой, не выполнив отцовский наказ? – спрашивает Бабурган. – Как без невесты вернусь домой? Как людям в глаза смотреть буду? На смех меня поднимут, что не смог завоевать себе красавицу в жены.

– Не горюй, Бабурган, – сказала птичка, – не для тебя эта девушка. Характер у нее вздорный, скупая она, хотя и богатая, гостей встречать не любит. Опозорит она тебя своей жадностью. Я тебе уцелеть помогу. Костер не гаси, чтобы воины думали, что ты здесь дожидаешься. Ты уходи поскорее, а я буду всю ночь в костер ветки подбрасывать, чтобы он не потух.

Глубокой ночью, когда на черном небе засверкали яркие звезды, двинулся Бабурган в обратный путь. Воины Тельбеса не стали его преследовать. Миновал он дремучую тайгу и вышел к берегу Катуня, где ныне стоит гора Бекет. Оперся на копье, перепрыгнул через Катунь и решил, не останавливаясь, идти дальше вглубь Алтая. К отцу решил не заходить. Хотел Бабурган найти себе невесту в тех местах среди своих соплеменников, чтобы не одному в дом отца возвратиться.

Но не по его вышло. Вещий богатырь Адаган не смыкал глаз. Знал он, что его сын, Бабурган, отцовский завет нарушил, решил его примерно наказать.

Внутренним оком Адаган увидел то место, где был Бабурган. Послал он сыну приказ, чтобы не двигался, оставался на месте. Хотел поразить сына меткими стрелами.

Узнала об этом жена Адагана, мать Бабургана, и, став между мужем и сыном, обернулась горой Синюхой – Кёк-Туу. Опустил лук Адаган и гневно крикнул сыну:

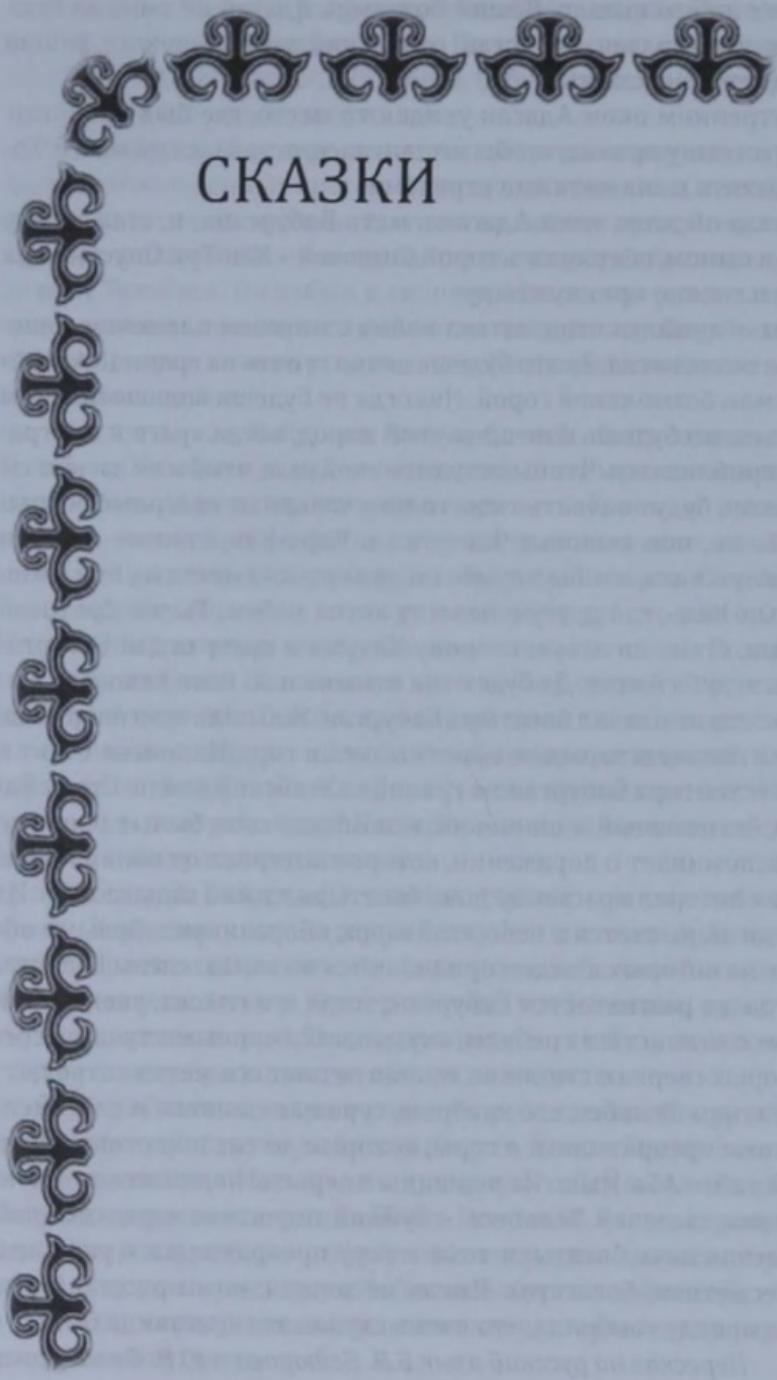
– Ты послушался отца, затеял войну с мирным племенем, невесту себе не сосватал. За это будешь вечно стоять на границе Алтайской земли безмолвной горой. Никогда не будешь больше ни с кем сражаться, но будешь извещать свой народ, когда враги к его границам приблизятся. Чтобы остудить твой пыл, чтобы не заснул ты ненароком, будут овевать твою голову холодные северные ветры.

– Вы же, мои сыновья Чаптуган и Кара-Кая, станьте на пути этого ослушника, чтобы не смог он двинуться с места и уйти к озеру Алтын-Кель, где другую невесту хотел найти. Ты же, брат мой Тарылык, стань по левую сторону Катуня и преграждай Бабургану путь вглубь Алтая. Да будет так отныне и во веки веков!

Никогда не плакал богатырь Бабурган. Услышав приговор отца, склонил голову и зарыдал, обратившись в гору. И поныне стоит в одиночестве гора Бабурган на границе алтайской земли. Стоит Бабурган, безмолвный и одинокий, вспоминая свои былые подвиги. Когда вспоминает о поражении, которое потерпел от воинов Тельбеса, как потерял красавицу дочь богатыря, тяжело вздыхает он. Из его груди вырывается в небо этот вздох, оборачиваясь белыми облаками, из которых дождем проливаются на землю слёзы Бабургана. Когда же разгневается Бабурган, тогда его голова, увенчанная шлемом с волнистым гребнем, окутывается черными тучами, среди которых сверкают молнии, словно летают его меткие стрелы.

Богатырь Тельбес, его храбрые, суровые сыновья и родственники тоже превратились в горы, которые до сих пор стоят в Кузнецкой тайге Аба-Йыш. Их вершины покрыты чернолесьем, словно головы сыновей Тельбеса – буйной порослью черных волос. Прекрасная дочь богатыря тоже в гору превратилась и укрыла в себе несметные богатства. Никак не хочет с ними расставаться. Птичка правду говорила, что очень скупая эта красавица была.

Пересказ на русский язык Б.Я. Бедюрова и Ю.В. Фельчукова.

СКАЗКИ

Как волки на земле появились

В стародавние времена жил на Алтае человек по имени Кызылдай. Был он человек зажиточный. Имел просторный аил, богатое хозяйство: лошадей, сарлыков, овец и коз. Кочевал он со своими стадами с места на место.

У Кызылдая был единственный сын Анай – Козленок. Мальчик был добрый и ласковый. Никогда не обижал ни зверюшек, ни птиц, можно сказать, дружил с ними. Особенно он любил двух огромных собак, которые скот Кызылдая от медведей, рысей и других диких зверей, а порой и от грабителей охраняли. Звали их Казыр – Лютый и Казар – Норы Роющий. Всем хорош Анай, только и в самом деле, был он как козленок, беспечным и забывчивым.

Однажды ранним утром Кызылдай погнал табун лошадей на водопой к чистой горной речке с быстрым течением. Вдруг лошади, которые всегда в этом месте прозрачную воду спокойно пили, заволновались и, чем-то испуганные, по степи разбежались.

«Что это с ними? – подумал Кызылдай. – Никогда такого раньше не было». Посмотрел он в реку, в том месте, где лошади пили, и увидел в воде кусок красной коры, которую прибило к берегу. Ничего необычного в той коре Кызылдай не заметил – кора как кора. Собрал он лошадей и домой воротился.

На следующее утро опять погнал табун на водопой. Снова, едва воды губами коснувшись, лошади запрядали ушами, заржали испуганно и в луга умчались. Глянул Кызылдай, у берега красно-бурый войлок плавает. Пригляделся Кызылдай. Течение в этом месте сильное, а войлок на месте стоит. Хотел было его на берег вытащить, да раздумал – лошадей нужно было в луга собирать.

На третье утро все снова повторилось. Не успели кони напиться, как всхрапнули и, стуча копытами, умчались в степь. Поглядел Кызылдай и увидел, что в воде, у самого берега, говяжья печень болтается. Печень красная, видно, в воде совсем недолго была.

Взял Кызылдай хворостину и вытянул печенку на берег: «Зачем добру пропадать? Казыру и Казару скормлю». Даже не задумался, откуда бы здесь свежей говяжьей печени взяться?

Приторочил Кызылдай печень к седлу и поехал табун собирать. Не успел от берега реки отъехать, почувствовал, что конь под ним на задние ноги тяжело осел. Видит он, что конь запрядал ушами, захрапел, зубы скалит, пеной покрылся. Обернулся Кызылдай, а за его спиной, на крупе коня, семиголовый Дельбеген сидит. Одна голова у него злорадно улыбается, а остальные жадно губы языком облизывают.

- Кызылдай, а Кызылдай, - говорит Дельбеген, - я тебя сейчас съем.

- Не ешь меня, Дельбеген, - испугавшись, взмолился Кызылдай, - лучше возьми мою лошадь. В ней для тебя больше прока будет.

- Нет, - отвечает семиглавое чудище, - я конину только по черным дням ем. Мне человечина милее. Готовься к смерти.

- Не губи меня, Дельбеген, - заплакал Кызылдай, - проси все, что хочешь. Все для тебя сделаю, ничего не пожалею.

- Ладно, - расхохотался Дельбеген, - согласен. Отдашь мне вместо себя сына.

Ужаснулся Кызылдай, что опрометчиво пообещал любую просьбу выполнить, да делать нечего: слово сказанное - что стрела, из лука выпущенная. Решил, если живым останется, то постарается единственного сына от семиглавого чудища спасти.

- Хорошо, - говорит Кызылдай, - вечером приезжай на мое кочевье, я твою просьбу исполню.

Спрыгнул семиглавый Дельбеген с крупа коня и мгновенно исчез из вида. Вернулся Кызылдай к своей юрте и велел, ни минуты не мешкая, кочевать в другое место. Хотел в такие места уйти, где Дельбеген его не отыщет.

- Куда мы, на ночь глядя, поедем? - запричитала жена. - Можно и завтра утром перекочевать.

Ничего не стал объяснять Кызылдай жене и сыну, только повторил свое приказание. Собрались они в одночасье и поехали на закат солнца. Когда уже далеко от старого кочевья отъехали, говорит Анай:

- Отец, я свою золотую пиалу и серебряную ложку забыл. Позволь мне за ними съездить.

– Нет, сынок, никуда я тебя не пущу. Поедем побыстрее на новое место, чтобы до ночи управиться.

Расплакался Анай, очень ему свою золотую пиалу и серебряную ложку жалко стало. Пристал к отцу, не отстаёт, слезами обливается.

– Я быстро туда-обратно обернусь. Конь у меня резвый, мигом домчит.

– Хорошо, – скрепя сердце, согласился Кызылдай, – только поедешь не на этом коне, а возьмешь другого. Иди в табун, но сам лошадь не выбирай. Оседлаешь ту, которая к тебе первой подойдет.

Пришел Анай в табун и стал посредине. Ждет, какая лошадь к нему сама подойдет. Видит: к нему самая захудалая пестро-пегая лошаденка приблизилась. Остановилась и в упор смотрит на Аная умными глазами.

Очень не хотелось мальчику на такую неказистую лошаденку садиться, да делать нечего – отец так велел. Взнуздав Анай пестро-пегую лошаденку и направился к старому стойбищу. Видит: его золотая пиала и серебряная ложка на солнце среди брошенного хлама блестят. А неподалеку свернулся калачиком и спит древний старикашка в рваном халате.

Анай хотел спешиться, чтобы пиалу и ложку взять, а пестро-пегая лошадка обернулась к нему и говорит человеческим голосом, так, чтобы старик не слышал:

– Не слезай с меня. Попроси старика, чтобы он тебе пиалу и ложку сам подал.

– Отче, – крикнул мальчик, – подайте, пожалуйста, мою золотую пиалу и серебряную ложку.

Старик открыл глаза, поглядел внимательно на мальчика и говорит:

– О-о, сожалею, дитя мое, но я очень стар и немощен. Если лежу, то встать не могу. Если встану, то снова на землю не опущусь. Неужели ты, такой резвый мальчик, не можешь сойти с лошади и взять свою пиалу и ложку?

Анай хотел спешиться, а пестро-пегая лошадка ему потихоньку говорит:

– Сиди, не сходи с меня. Я сама все устрою.

Наклонила пестро-пегая лошадка голову и сделала вид, что траву щиплет. Сама же стала незаметно подбираться к тому месту,

где золотая пиала и серебряная ложка лежали. Только к этому месту подошла, подогнула ноги так, что животом земли коснулась, и говорит Анаю:

– Не сходя с седла, подбери свои вещи и держись крепче.

Наклонился Анай с седла, взял свою золотую пиалу и серебряную ложку, ногами земли не коснувшись. Как только вещи у него в руках оказались, лошадка подпрыгнула и поскакала во весь опор подальше от старика.

Старикашка, увидев это, злобно вскрикнул. В мгновение ока Дельбегеном семиглавым обернулся и пустился вслед за пестро-пегой лошадкой, размахивая острой секирой.

Пестро-пегая лошадка, на вид такая невзрачная, быстрее птицы по степи мчалась. Видит Дельбеген, что беглецов догнать не сможет, уходят они от него все дальше и дальше, приостановился и метнул свою острую секиру им вслед. Сверкнула на солнце секира и краем острого лезвия подрезала сухожилия на задних ногах пестро-пегой лошади. Захромала она и говорит:

– Не смогу я дальше тебя нести, Анай, догонит нас Дельбеген.

В это время мимо них быстроногий дзерен пробежал. Крикнула ему пестро-пегая лошадка:

– Дзерен, а дзерен! Помоги моему хозяину Анаю, спаси его от злого чудовища, от семиглавого Дельбегена.

– Хорошо, – ответил дзерен, – сажай его мне на спину.

А Дельбеген уже тут как тут. Протянул было руки, чтобы схватить мальчика, а лошадка поддала крупом и перебросила Аная на спину дзерену.

Как степной ветер, помчался он, унося мальчика от чудовища семиглавого. Дельбеген подхватил секиру и снова в погоню бросился. Опять беглецов нагоняет. Долго они так бежали. Домчал дзерен Аная до берегов озера, воды которого, словно молоко, белые были. Тут он остановился.

– Вплавь я тебя через озеро не смогу переплавить, – сказал дзерен мальчику.

А Дельбеген уже на пятки им наступает, совсем близко от них секирой размахивает. Видит Анай, на берегу озера стоит высокое стройное дерево – железный тополь Темир Терек.

– Дзерен, подсади меня на дерево, – попросил мальчик.

Взбрыкнул задом дзерен и забросил Аная на ветки. Мальчик, не теряя времени, на самую верхушку железного тополя забрался. Дельбеген подбежал, хотел вслед за ним на дерево залезть. Да не тут-то было – как ни прыгал, до нижних веток дотянуться не смог.

Тогда начал Дельбеген своей секирой толстый ствол дерева рубить. Рубит, рубит, а от ствола только маленькие щепочки отскакивают. Запыхался Дельбеген, остановился передохнуть. В это время мимо пробегала лисичка. Увидела на дереве Аная. Сообразила, что семиглавый Дельбеген хочет до мальчика добраться. Подоздоровалась лисичка с Дельбегеном и говорит:

– Дельбеген, а Дельбеген, что это ты делаешь?

– Не видишь разве? – вытирая пот со лба, отвечает Дельбеген. – Дерево рублю. Хочу мальчишку достать, на ужин себе поджарить. Да устал немного, надо передохнуть.

Пожалела лисичка Аная, много о нем хорошего слышала. Решила помочь ему.

– Дельбеген, давай я тебе помогу, – говорит лисичка, – а ты отдохни пока.

– Иди прочь, – говорит ей семиглавое чудище. – Вы, лисы, известные обманщицы. Я один справлюсь.

– Напрасно ты мне не веришь, – возразила лисичка, – Это горные огненно-рыжие лисицы – обманщицы. У нас, степных лисиц, в роду нет обманщиков. Когда мальчишку с дерева достанем, ты мне за работу уделаешь кусочек. Вот и квиты будем.

Согласился Дельбеген, отдал лисичке секиру. Взяла лисичка секиру и стала рубить железный тополь. Один раз по тополю ударит и обернется. Увидит, что Дельбеген на нее не смотрит, два раза по камню стукнет, чтобы острое лезвие затупить. Рубит и рубит лисичка не столько по дереву, сколько по камню. Секира уже совсем затупилась. Дельбеген в это время уснул. Лисичка ему глаза глиной залепила, секиру подальше в озеро забросила и говорит:

– Анай, попроси какую-нибудь птицу, чтобы она к вашему кочевью слетала, позвала на подмогу Казыра и Казара. Только они с семиглавым Дельбегеном смогут справиться.

Попрощалась с мальчиком и по своим делам дальше побежала.

В это время мимо дерева сойка пролетала. Позвал ее Анай и просит:

– Сойка, а сойка! Слетай в стойбище моего отца. Скажи моим друзьям Казыру и Казару, что я в беду попал. Если они на подмогу не прибегут, Дельбеген меня съест.

Согласилась сойка и полетела на заход солнца. По дороге стадо коров увидела. Повсюду коровьи лепешки разбросаны. Опустилась сойка на землю и стала с жадностью жуков и козявок из навоза выклевать. Про Аная совсем забыла.

Ждет Анай своих верных друзей Казыра и Казара, а их все нет. В это время мимо дерева черный ворон пролетал. Увидел его мальчик и кричит:

– Ворон, а ворон! Слетай на кочевье к моему отцу. Позови на помощь верных друзей моих Казыра и Казара. Скажи, что Дельбеген меня съесть хочет.

Согласился черный ворон Анаю помочь. Полетел на закат солнца. Совсем немного не долетел до кочевья, увидел на земле падаль. Не вытерпел, опустился и с жадностью клевать начал. От жадности обо всем забыл. Когда про Аная вспомнил, то уже так отяжелел от еды, что в воздух подняться не может. Все же поковылял в кочевье.

Бедный Анай надежду на спасение потерял. Все глаза проглядел, а помощи не видно. Заплакал мальчик горькими слезами. Не заметил он, что в синем небе жаворонок вьется. Увидел с высоты жаворонок на высоком тополе плачущего мальчика, подлетел поближе. Узнал Аная.

– Анай, а Анай! Что ты на дереве делаешь? Почему плачешь? – спрашивает жаворонок.

– Тише, жаворонок. Дельбегена разбудишь. Он проснется, дерево срубит и съест меня.

– Чем я могу тебе помочь, Анай? – спрашивает жаворонок.

– Как ты, маленькая птичка, мне поможешь? Просил я сойку и ворона слетать на стойбище, позвать моих верных друзей Казыра и Казара. Да вот никого нет. Видно не долетели они до кочевья.

– Не горюй, Анай, – отвечает жаворонок, – постараюсь тебе помочь.

Взмыл в синее небо жаворонок и быстрее стрелы полетел на закат солнца. Подлетел к аилу Кызылдая, нашел собак и рассказал им, что Анай велел передать:

– Бегите, Казыр и Казар, к берегу озера с молочными водами. Там, на берегу, увидите одинокий тополь. На нем Аная найдете. Спешите, а то семиголовый Дельбеген его съест.

Казыр и Казар со всех ног бросились к берегу озера, к одинокому тополю.

А в это время Дельбеген, наконец, проснулся. Ничего понять не может. Лисичка у всех семи голов глаза глиной замазала, ничего не видит Дельбеген. Еле-еле продрал он глаза. Огляделся вокруг, не может секиру найти. Понял Дельбеген, что лисичка его провела. Хотел бежать за ней, да передумал. Решил в другой раз расквитаться.

Обежал Дельбеген вокруг озера, а секиру найти не может. Увидел следы, догадался, что лисичка секиру в воду бросила. Пока в озеро нырнул, пока секиру нашел, много времени прошло. Начал тополь рубить, да дело едва движется. Затупила лисичка секиру о камень. Изо всех сил бьет секирой по стволу Дельбеген. Тополь из стороны в сторону раскачивается. Анай едва на нем держится, силы его кончаются. Увидел это Дельбеген, еще сильнее стал рубить, радуется, что до мальчика скоро доберется.

В это время Казыр и Казар появились. Увидел их Дельбеген, испугался. Бросился бежать. Собаки за ним, за пятки хватают. Трижды вокруг озера обежали. Видит семиглавое чудище, что не спастись ему от Казыра и Казара, в молочные воды озера бросился. Анай с дерева спустился. Подбежал к своим друзьям, обнимает их, целует.

– Бежим скорее домой, – говорит Анай, – пока Дельбеген из озера не вынырнул.

– Нет, – отвечает Казыр, – теперь Дельбеген семиголовый от тебя не отвяжется, пока жив будет. Мы с Казаром на дно озера спустимся, с Дельбегеном сразимся.

– Оставайся здесь, – сказал Казар. – Если на поверхности молочных вод увидишь красные полосы, оплакивай нас. Это тебе знак, что Дельбеген нас одолел. Если увидишь на поверхности молочных вод большое черное пятно, радуйся. Это знак, что мы с Дельбегеном покончили. У него кровь, как и дела его, черная.

Прыгнули Казыр и Казар в молочные воды озера и из вида скрылись. Долго ждал Анай, но на поверхности ничего не появлялось. Вдруг заметил он на поверхности узкую красную полосу. Заплакал мальчик, жалко ему своих друзей стало. В это время немного в стороне огромное черное пятно на белой поверхности расплылось. Засмеялся Анай сквозь слезы.

Тут Казыр и Казар появились. Выплыли на берег, отряхнулись. Видит Анай: у Казыра передняя лапа кровоточит. Понял он, почему на поверхности воды одна узкая красная полоска появилась.

– Живи отныне спокойно, Анай, – сказал Казыр, – все семь голов у чудовища мы отгрызли. Садись на Казара, домой поедем.

Двинулись к кочевью. Казыр хромает, отстает от них. Наконец совсем из сил выбился. Говорит он Анаю:

– Я здесь, под этим камнем останусь. Буду отлеживаться, рану зализывать. Через семь дней принеси мне сюда семь бараньих костей. Только тогда мне есть можно будет, силы свои восстанавливать.

Обещал Анай Казыру, что сделает все, как он велел. Добрались они с Казаром до стоянки. Кызылдай увидел, что сын живой и невредимый вернулся, зарезал самого жирного барана. Мать не знает на радостях, куда сына посадить, чем его накормить. И так каждый день было. Легко на душе у Аная, бегают он целыми днями, играет. Совсем забыл, что обещал Казыру через семь дней семь бараньих костей принести.

Казыр ждет, надеется, что не забыл его мальчик, выполнит обещанное. Долго ждал, надежды не терял. Только когда на деревьях листья пожелтели, на перевалах снег выпал, понял Казыр, что забыл про него Анай.

– Эх, Анай, Анай, – горестно вымолвил Казыр, – я тебя от лютой смерти спас, а ты про меня забыл.

Решил вконец оголодавший Казыр к мальчику не возвращаться, а с людьми дела не иметь. С тех пор стал Казыр от человека прятаться, на скот нападать, который он раньше от диких зверей и лихих людей охранял. От него пошли все волки на этом свете.

До сих пор волки от человека прячутся и мстят людям за предательство, которое легкомысленный Анай совершил, за обиду, которую мальчик их предку нанес.

Пересказ на русский язык Б.Я. Бедюрова и Ю.В. Фельчукова.

Аргачы и Кудюрчи

В стародавние времена жили на Алтае два брата. Старшего звали Кудюрчи, младшего – Аргачы. Они давно уже отделились от

родителей и жили каждый со своей семьей, в собственной юрте. У их родителей особого достатка не было, да и братья богатства не нажили.

Когда родители состарились, то перед смертью наказали, чтобы братья без ссоры поделили между собой двух бычков, которых они им в наследство оставляют. Так они и сделали, хотя Кудюрчи долго ворчал, что очень уж маленькое наследство им родители оставили. Аргачы и тем был доволен.

Братья по характеру были совсем разные. Старший был завистником, во всем полагался только на свою силу да нахрапистость. Младший имел характер веселый и беззаботный, никогда не горевал. В жизни на свой природный ум да на смекалку рассчитывал.

Однажды Аргачы пришел к брату – их юрты рядышком стояли – и говорит ему:

– Скажите, старший брат, вы всегда всем завидуете, на людей злобствуете. Можете, пользуясь своей силой и нахрапистостью, у человека добро отобрать или какой урон ему нанести? Сколько же времени вы сумеете прожить, полагаясь на свою силу?

– А ты сколько сможешь прожить, на свой ум и смекалку полагаясь? – спрашивает Кудюрчи.

– Думаю, что хоть на день больше, чем вы, но проживу!

Обиделся Кудюрчи на слова брата: «Как это так, – думает, – младший брат себя выше меня ставит? Нужно его проучить, чтоб не заносился. Лишу его последнего достояния, поглядим, как он своим умом и смекалкой распорядится.

Выбрал Кудюрчи ночь потемнее, пробрался к коновязи, где единственный бычок Аргачы стоял, и треснул его деревянной колотушкой по голове. Убил бычка на месте.

Вышел Аргачы утром из юрты, видит – возле коновязи бычок лежит, не дышит. Старший брат в это время за ним в щелочку подглядывает: что Аргачы будет делать, когда мертвого бычка увидит. Младший брат не стал горевать. Сел он и задумался, как нежданную беду от себя отвести, как урон восполнить. Долго он думал.

К вечеру взял тушу мертвого бычка и куда-то пошел. А потащил он бычка к юрте большого бая. Только к ночи туда добрался. Большой бай и его домочадцы собирались уже ко сну отойти.

В это время, шурша шубой заскорузлой от ветхости, в юрту вошел Аргачы. Снял старую шапчонку, присел скромненько у порога, большого бая поприветствовал.

Большой бай только широко зевнул на приветствие и промолвил:

– Куда это тебя несет, на ночь глядя, Аргачы?

– По делам еду, да ночь в дороге застала. Увидел ваш аил, решил переночевать, если позволите.

– Что ж, ночуй, Аргачы, – ответил большой бай, – место в моей юрте найдется.

– Спасибо вам, бай, за гостеприимство. Только у меня на улице бычок стоит, на котором я езжу за неимением лошади. Позвольте его к вашему скоту, в загон поставить, чтобы не ушел куда-нибудь ночью.

– Слуги мои уже улеглись, – сказал большой бай, – сам его в загон поставь, если у тебя нужда такая.

Аргачы вышел на улицу. Затащил мертвого бычка в загон. Его кровью рога байских быков вымазал и вернулся в юрту. Утром, едва рассвело, Аргачы проснулся и стал нарочно громко кричать, зевать и откашливаться, чтобы разбудить хозяев. Проснулся большой бай.

– Что тебе не спится, Аргачы? Зачем встал в такую рань? Ложись, спи.

– Извините, большой бай, недосуг мне долго спать. Дела срочные. Нужно немедля ехать дальше.

– Ну, так и поезжай, – ответил ему бай, широко зевая, – не беспокоя меня больше.

Аргачы только того и нужно было. Вышел он из юрты. Немного погодя возвращается, слезами обливается, громко причитает:

– О, боже, боже! Ваши быки, большой бай, ночью забодали моего серого бычка до смерти. Что же мне теперь, бедному, делать, на чем дальше ехать? Какой же я глупец, что поставил своего слабосильного бычка в одном загоне с вашими могучими быками! Видать, ваши быки не захотели ночь провести с беднячкой животинной, за которую и заступиться некому было! Забодали, безжалостные, моего единственного бычка. Горе мне, горе!

Удивился большой бай, что его быки могли такое учинить. Никогда раньше подобного не случалось. Сам пошел в загон, чтобы

убедиться собственными глазами. С ним и Аргачы пошел, плача и причитая. Действительно, видит большой бай: рога у его быков окрашены кровью. Быки его громко мычали, чуя запах свежей крови, и бодались друг с другом. Почесал большой бай в затылке и говорит:

– Не убивайся ты так, Аргачы. Вместо своего бычка возьми одного из моих в возмещение ущерба.

Аргачы только того и ждал. Немедля заарканил лучшего быка. Оседлал его и, выкрикивая слова благодарности большому баю, двинулся прочь. Бык, который никогда под седлом не ходил, всхрапнул и рванулся вперед. Аргачы вцепился ему в холку и колотит пятками по бокам, подгоняет. Бык, словно резвый жеребец, помчался. Того Аргачы и хотел. Ему нужно было побыстрее из аила большого бая убраться, пока он не передумал, быка назад не забрал.

Приехал он домой, привязал быка к коновязи и пошел в юрту. Тут же в юрту Кудюрчи прибегает. Любопытно ему было, что Аргачы делает, куда вчера ездил. Видит: младший брат улыбается, чай пьет, пот со лба вытирает. Ничем не выдает, что бычка потерял.

– Аргачы, – говорит старший брат, чтобы ему досадить, – а ведь это я твоего единственного бычка убил. Что ты теперь со своей смекалкой будешь делать? – Сам ждет, что Аргачы браниться начнет. Ничуть не бывало.

– Не знаю, как и благодарить вас за это, старший брат, – говорит, улыбаясь, Аргачы, – если бы вы не убили моего бычка, то не было бы мне такой удачи. Не смог бы я такого прекрасного быка, что наших двух стоит, достать. Если не верите, можете убедиться. Мой бык у коновязи стоит.

Выскочил Кудюрчи из юрты. Глядь, а у коновязи большой откормленный бык стоит. Вернулся он в юрту и спрашивает:

– Аргачы, где ты такого быка достал?

– Разве вы не слышали, что большой бай меняет живых быков на дохлых? Я к нему ездил, и он мне моего бычка обменял, да еще большое спасибо сказал.

– Неужто! – удивился старший брат. – Тогда и мне нужно поспешить, пока большой бай всех своих быков на дохлых не переменял.

Помчался Кудюрчи к себе домой. Схватил колотушку и убил своего бычка. Привязал к рогам веревку и, сгибаясь от тяжести, потащил его к юрте большого бая. Как только Кудюрчи подошел к стойбищу большого бая, громко закричал:

– Эгей! Большой бай, говорят, ты меняешь своих быков на дохлых. Скорей выбери быка получше, я тебе такого дохлого притащил, что мертвее не бывает.

Услышав такую несуразицу, большой бай, обычно невозмутимый, спокойный, в ярость пришел.

– О чем ты говоришь, безумец? Что с тобой? Где это видано, чтобы кто-нибудь живого быка на дохлого сменял.

– Как же так? – не унимался Кудюрчи, – Вы же сами моему брату, Аргачы, вчера мертвого бычка на живого сменили. Негоже вам, бай, надо мной смеяться. Чем я хуже Аргачы? Давайте и мне быка.

Дошло до большого бая, что Аргачы его провел. От этого он еще больше разъярился. Решил выместить на Кудюрчи злость за младшего брата.

– Эй, слуги, – крикнул большой бай, – всыпьте как следует этому негодяю, чтобы он дорогу к моей юрте забыл, обходил ее за три дневных перехода.

Прибежали семеро байских слуг. Скрутили незадачливого Кудюрчи и всыпали ему пониже спины столько палок, что он долго потом сидеть не мог. Когда палками махать устали, оттащили Кудюрчи в степь. Там и бросили. Только к вечеру очухался Кудюрчи. Стеная и охая, потирая больные места, поплелся он домой.

Идет и думает: «Ну, погоди, братец! Не я буду, если не отомщу тебе за свое унижение и побои». Пришел он домой и несколько дней в юрте отлеживался, Аргачы на глаза не показывался. Когда немного отошел, темной ночью подпалил юрту младшего брата. Сам в щелку смотрит, что Аргачы теперь делать будет.

Выскочил Аргачы в чем был из своей закопченной, старенькой, в заплатках юрты. Весь его нехитрый скарб в огне сгорел. Ничего у Аргачы не осталось. Только бык, что он у большого бая выменял. Когда Аргачы увидел, что все его домочадцы целы и невредимы, отошел в сторону и стал смотреть, как его юрта догорает. Сидит и думает, что ему дальше делать.

Когда рассвело, юрта догорела, Аргачы набил битком углями переметную суму, оседлал своего быка и поехал в стойбище Топ-

чы-зайсана. Зашел к нему в юрту, у порога присел, суму рядом положил, вежливо с зайсаном поздоровался.

Топчы-зайсан сидел на возвышении из семи войлоков, прищурив глаза от удовольствия, попыхивал трубочкой с ароматным табаком. Подле него на кошме две маленькие дочки играли. Ответил он на приветствие Аргачы и спрашивает:

– Куда это ты в такую жару направился?

– Далек мой путь, почтенный зайсан, на торжище еду. Если позволите, хочу в вашей юрте жару переждать, немного отдохнуть у вашего порога.

Дочки зайсана устали от незнакомца, пошептались между собой. Потом одна спрашивает:

– А что у вас в суме? Чем она так туго набита?

– В суме этой золотишко, – вежливо отвечает Аргачы, – везу его на торжище. Нужно мне купить войлок для юрты и кое-что для обзаведения.

– Можно нам хоть краешком глаза взглянуть на ваше золото, дяденька? – спрашивает вторая дочка.

– Нет, детки, никак нельзя. Это золото волшебное, если на него маленькие девочки поглядят, оно сразу же в угли обратится. Кто мне тогда возместит убытки?

Дочки зайсана никогда ни в чем отказа не знали. Стали к Аргачы приставать, чтобы он показал им золото. Но тот не соглашался. Тогда они к отцу стали приставать, чтобы он попросил гостя суму открыть. Такой рев и крик подняли, что Топчы-зайсан не выдержал:

– Ладно уж, Аргачы, ничего с твоим золотом не делается, если они на него посмотрят. Раскрой суму, покажи им золото, а то они этот гвалт никогда не прекратят.

Причитая, что все его золото пропадет, если на него девочки взгляд бросят, Аргачы раскрыл свою суму. Девочки, сгорая от любопытства, сунулись туда посмотреть, а в суме черные угли лежат. Аргачы тоже поглядел в суму и рухнул у порога, как подкошенный.

– Горе мне, горе! – вскричал он, обливаясь слезами. – Пропало мое золото! Говорил же я, что оно в угли превратится, если на него маленькие девочки посмотрят, хотя они и дочки зайсана. На что я теперь белый войлок для юрты куплю, как я все обзаведение до-
стану?

Так он причитал и плакал, пока Топчы-зайсан не сжалился над ним и не сказал:

– Успокойся, Аргачы, перестань причитать и плакать. Моя вина, что твое золото в угли превратилось. Возмещу я тебе все убытки.

Велел он слугам принести белого войлоку на юрту и всё, что нужно, для обзаведения. Еще подарил Аргачы несколько золотых монет. Аргачы мигом успокоился, погрузил войлок, остальные вещи на быка и был таков.

Вернулся Аргачы на свое пепелище. Кудюрчи уже тут как тут. Увидел, что младший брат весёлые песни распевает, подумал: «Не рехнулся ли Аргачы с горя? Такая беда у него, гол, как сокол, остался, а всё веселится».

– Аргачы, что с тобой? Тебе плакать нужно, а ты веселишься, песни распевашь. Где жить будешь? Чем семью накормишь? Это ведь я твою юрту спалил. Придется тебе идти ко мне в работники.

– С чего бы мне идти к тебе в работники, – отвечает Аргачы, – помоги мне лучше новую белую юрту поставить. А мне нужно пойти на торжище скот купить.

Сказал так и позвенел золотом, что ему Топчы-зайсан отвалил.

Посмотрел Кудюрчи. Действительно, на спине у быка белый войлок нагружен и много всякого добра. Удивился он.

– Где же ты все это достал, Аргачы?

– За горой живет известный богач Топчы-зайсан, – отвечал Аргачы, – он берет угли от сгоревших юрт, а взамен дает войлок на новую юрту и золота на обзаведение добавляет.

– Эх, зачем я твою, а не свою юрту спалил, – огорчился старший брат, – теперь у меня была бы новая белая юрта со всем обзаведением. Но, думаю, и сейчас не поздно будет к Топчы-зайсану поехать, нужно поспешить.

Поджег он свою юрту. Сам вокруг ходит, от нетерпения приплясывает. От жены, которая слезами обливалась, видя, что муж их последнее добро в пепел обращает, отмахивается. Не стал ждать, пока угли остынут. Не одну, а две сумы набил горячими угольями, так что даже прожег их до дыр. Взвалил ношу на плечи и поспешил к зайсану.

Как только увидел юрту Топчы-зайсана, закричал во всю округу:

— Эгей! Топчы-зайсан, велите приготовить побольше золота, да самый лучший белый войлок. Я вам две сумы углей от моей сгоревшей юрты принес.

— Что ты там городишь, — спросил зайсан, выйдя из юрты, — какой войлок, какое золото?

— Как же, уважаемый, Аргачы сказал, что вы угли от сгоревшей юрты на белый войлок и золотые монеты меняете. Берите мой уголь, давайте, что обещано.

Понял Топчы-зайсан, что Аргачы его провел. Обычно спокойный, так взъярился, что стал похож на медведя, которого каленой стрелой ранили.

— Что это за безумец в моем стойбище объявился? Своим криком мой послеобеденный отдых прервал. За дурака меня принимает, что ли? Эй, слуги, взять этого полоумного да всыпать ему плетей, чтоб к нему снова разум вернулся, если у него он был.

Заголили Кудюрчи спину и стали охаживать нагайками. Били до тех пор, пока у него спина не посинела и не вспухла, как подушка.

Еле уполз бедняга от ставки зайсана. Отлежался под лиственницей и, когда немного стал соображать, первым подумал, как ему отомстить Аргачы.

Вернулся Кудюрчи домой и затаился. Долго из юрты не показывался. Дождался, когда младший брат в лес за дровами пошел, и отправился к нему домой. С собой деревянную колотушку взял. Зашел в юрту и, не говоря ни слова, стукнул жену Аргачы по голове. Бедная женщина на месте скончалась. Довольный, вернулся в свою юрту.

Возвратился Аргачы из леса, вошел в юрту, видит — жена мёртвая лежит. Погоревал он и стал думать, как дальше быть. Одел жену в нарядное платье, вложил ей в руки иголку, на палец наперсток одел. Как живую посадил у стенки, словно она шитьем занимается.

Оделся Аргачы в новую шубу, что на золото Топчы-зайсана купил, и отправился в ставку славного Арслан-хана. Когда пришел в стойбище, напали на него ханские собаки. Свирепые псы всю шубу у Аргачы порвали, пока он от них отбивался. Кое-как отбил он от злобных псов и вошел в юрту к хану. Снял шапку, присел у входа на одно колено и почтительно приветствовал высокого владыку.

– С чем ты ко мне пожаловал, Аргачы? – милостиво спросил Арслан-хан.

– В гости к вам шел. Жена моя мясо молодого жеребенка приготовила вам в угощение, да ваши псы узелок у меня выхватили, новую шубу разодрали, едва жив от них ушел. Если ваши собаки такие голодные, может быть, лучше бы держать их на привязи, чтобы они на гостей не нападали, угощение для хозяина не отнимали.

Неудобно стало Арслан-хану после таких слов. Не подобает, чтобы ханские псы голодными казались в глазах бедноты. От досады и смущения Арслан-хан даже заерзал на своем золоченом троне.

– Поднимись повыше, Аргачы, к нашему трону, – примирительно сказал хан, – не сиди у порога. Коль явился ко мне, гостем будешь.

Аргачы пересел к очагу, но почтительной позы не переменял. Учивость и смирение гостя пришлись по душе владельческому хану. Стал он ласково с Аргачы разговаривать. А в юрте в это время две дочки Арслан-хана находились. Видят они, что отец гостя хорошо встречает, решили вежливый разговор поддержать.

– Почему это вы к нам в гости одни пришли? Где супруга ваша, почему ее с собой не взяли?

– Ох, не спрашивайте, высокородные девушки. Жена у меня всем взяла. Такая красавица, какую редко можно встретить. Направо глянет – словно солнце взошло. Налево посмотрит – словно полная луна на небо вышла. Да только очень скромная она у меня да пугливая. Боюсь ее из дома выводить. Как увидит незнакомых людей, так сразу без чувств падает. Боюсь, что ненароком помереть может, если с высокородными людьми в разговор вступит. Потому не беру ее с собой и смотреть на нее никому не разрешаю.

Одолело девушек любопытство. Очень захотелось им на жену Аргачы посмотреть. Пока гость с Арслан-ханом разговаривал, они тайком побежали к юрте Аргачы. Нашли щёлку и смотрят. Только ничего увидеть не могут – жена Аргачы у самой дальней стенки сидит, как будто шитьем занимается.

Тогда они вошли в юрту. Поздоровались с хозяйкой, а она сидит, ни слова не молвит. Подошло к ней девушки поближе. Та, что смелее была, за руку её тронула. Только дотронулась, а хозяйка молча повалилась на пол. Испугались девушки. Видят, что жена

Аргачы мертвая лежит. Не помня себя, выбежали из юрты, домой прибежали. Рассказали, что с ними приключилось.

Услышал это Аргачы, упал на кошму и зарыдал. Так он плакал и убивался, что сердце Арслан-хана не выдержало.

– Не убивайся так, Аргачы, – сочувственно говорит хан, – слезами горю не поможешь. Что ж поделаешь? Не нарочно мои дочки твою жену сгубили. Но раз они обе виноваты, то бери любую из них себе в жены.

Выбрал Аргачы младшую дочь Арслан-хана, получил богатое приданое и поехал домой. Когда приехал, повстречался ему Кудюрчи.

– Ну, что, братец, – ехидно спросил Кудюрчи, – как тебе твоя смекалка поможет, когда я твою жену убил?

– Жаль, конечно, жену, привык я к ней, да ничего не поделаешь. Я себе другую, помоложе, сосватал. Да еще караван верблюдов с приданным пригнал.

– Как тебе это удалось? – закричал старший брат.

– Арслан-хан мертвых жен на своих дочерей меняет. Да вот задача, у него только одна дочь осталась. Интересно, кто будет тем счастливецом, который старшую дочь в жены возьмет. Жаль, что у тебя жена живая.

Кудюрчи, не говоря ни слова, побежал домой. Убил жену и поволок ее в ставку Арслан-хана. Завидев юрту владыки, засвистел, закричал:

– Эгей! Арслан-хан, готовьте вашу дочь, собирайте приданое, я к ней свататься пришел. Свою мёртвую жену приволок. Берите ее скорее, а мне давайте вашу дочь.

Арслан-хана едва удар не хватил от такой наглости. Только и смог он прохрипеть своим слугам:

– Хватайте этого наглеца и бейте его, пока он дух не испустит!

– За что меня бить, великий хан? Разве не отдал ты свою младшую дочь Аргачы в обмен на его мёртвую жену? Ведь я сам её убил.

Но уже никто не слушал Кудюрчи. Связали его слуги и так били, что только помня щедрые подарки Аргачы, не забили старшего брата до смерти. Когда Кудюрчи вернулся домой, решил навсегда избавиться от младшего брата, извести его. Подкараулил он его в лесу и сказал:

– Все, Аргачы, конец тебе пришел. Приготовься, сейчас я тебя убью.

– Непросто меня убить, – отвечает младший, а сам не на шутку испугался, – нужно знать, как это сделать.

– Говори же скорей, как тебя смерти предать можно?

– Меня нужно привязать за руки и за ноги к четырем кольям. Подо мной развести костер из мха, который в двух дальних ложбинах растет, и из веток, что на двух северных склонах собрать надобно. Только на таком костре я умереть могу. По-другому извести меня невозможно.

Аргачы знал, что старший брат у него умом не очень крепок, поэтому решил услатить его подальше, а самому что-нибудь придумать. Согласился Кудюрчи. Привязал младшего брата за четыре конечности к четырем кольям, а сам побежал мох и ветки для костра собирать.

Лежит Аргачы, растянутый между четырьмя кольями, и думает, как ему этакую напасть от себя отвести. Думает, а придумать ничего не может. Испугался он, что смерть его пришла.

Вдруг топот копыт послышался. Глянул Аргачы и видит, – мимо него едет на коне одноглазый сын Караты-хана. Увидел сын Караты-хана человека, растянутого между кольями, остановился и спрашивает:

– Эй, что ты здесь делаешь?

– Не мешай мне, добрый человек, лечусь я, – ответил Аргачы и, зажмурив один глаз, повернулся к сыну Караты-хана.

– От чего же ты здесь лечишься таким странным способом?

– Видишь – у меня одного глаза нет, – отвечает Аргачы. – Если полежу здесь до полудня, то глаз мой незрячий откроется, видеть им стану.

– Уступи мне своё место, – взмолился сын Караты-хана, – ты пожилой человек, а я молод. У меня тоже одного глаза нет, а мне жениться надо. Кто за меня, кривого, замуж пойдёт?

Долго не соглашался Аргачы. Однако дал себя уговорить в конце концов. Только сказал, чтобы сын хана поменялся с ним одеждой и своего вороного коня отдал. Сын Караты-хана с радостью согласился.

Привязал его Аргачы к кольям, сел на вороного коня и ускакал.

Тут Кудюрчи возвратился. Стал ханского сына мхом и ветками обкладывать. Когда огонь зажег, закричал сын Караты-хана:

– Ты что? Сжечь меня вздумал? Я – сын Караты-хана. Сейчас же погаси огонь.

Как он ни кричал, как ни угрожал Кудюрчи, тот свое дело делал и приговаривал:

– Теперь ты, братец, сыном Караты-хана притворился, да я твою одежду узнал. Теперь тебе ни твой ум, ни твоя смекалка не помогут. Избавлюсь я от тебя наконец.

Так и сжег он дотла незадачливого ханского сына.

Едет домой и думает: «Теперь все имущество Аргачы и его молодая жена моими будут. Не верил он, что сила и нахрапистость верх берут, вот и нет его на этом свете».

Подъехал к айлу, зашел в юрту младшего брата и обомлел. Видит он – Аргачы чай пьет, молодая жена за ним ухаживает, словно он и не был на костре.

– Аргачы, не оборотень ли ты? Ведь я тебя сжег. Почему же ты оказался в юрте, живой и невредимый?

– Спасибо вам, старший брат, что сожгли меня. Я у наших родителей на том Алтае побывал. Видели у коновязи вороного коня? Это они мне подарили. Видите эти богатые одежды? Это их подарок. Они и вам такое же приготовили. Ждут вас с нетерпением.

Позавидовал Кудюрчи братовой удаче. Захотелось ему вороного коня получить и богатые одежды. Хотел он попросить, чтобы Аргачы его на костре сжег, да передумал. Вспомнил, как младший брат кричал да плакал на костре. Решил для себя смерть полегче поискать. Пошел он на берег бездонного озера и прыгнул в воду. Так до сих пор с того света и не вернулся. А младший брат еще долго жил в счастье и покое.

*Записал Бронтой Бедюров у Айылдаша Анатова
в с. Кулады в 1978 году. Пересказ на русский язык*

Б.Я. Бедюрова и Ю.В. Фельчукова, 1990 г.

Глупый сын

В стародавние времена, когда никого из здесь сидящих на свете не было, жили на Алтае старик со старухой. Был у них единственный сын. Рослый и сильный был парень, но с изъяном. Не то чтобы безумный совсем, но, как говорят, без царя в голове. Совсем

большой вырос, а делать ничего не умел. Ни отцу, ни матери помощи от него ни в чем не было. С утра до вечера пустяками забавляется, словно дитя малое.

Старик со старухой очень бедно жили. Ничего у них не было. Старик ходил на охоту, в горах капканы ставил, зверей бил. Летом в реке рыбу ловил. Только этим они и жили. Годы шли, старик слабеет стал. Все труднее ему было на охоту да на рыбалку ходить.

Решил старик, что пришла пора сына к работе приучать, чтобы мог он самостоятельно промышлять зверя и птицу, рыбу ловить себе и родителям пропитание добывать. Однажды старик пошел в тайгу и насторожил там капкан. Когда настало время капкан проверять, послал он в тайгу сына посмотреть, не попалась ли им какая-нибудь добыча.

- Дорогой сынок, сходи, проверь капкан. Хочу, чтобы ты помощником мне стал. Силы мои с каждым днем убывают, пора тебе за дело приниматься, добытчиком становиться. Один ты у нас кормилец на старости лет остался.

Эркеш выслушал отца и бегом помчался его поручение выполнять. Пришел на место, где отец капкан насторожил, видит, в капкан попала рыжая лисица. Когда Эркеш подошел к ней, лиса зубы оскалила, от страха в разные стороны мечется, пыльным хвостом крутит. Стараются вырваться, да не может.

«Наверное, бедняга, меня просит, чтобы я ее от капкана освободил, - думает Эркеш, - зачем ее мучить?» Освободил лисицу и отпустил. Лиса, распушив хвост, метнулась в лес и скрылась из вида. «Даже спасибо не сказала», - с обидой подумал Эркеш. Пошел он домой. Отец увидел, что сын с пустыми руками вернулся и спрашивает:

- Что, сынок, никто в наш капкан по попался?

- Попалась в капкан рыжая лисица, отец, - отвечает Эркеш, - но она очень меня просила, чтобы я ее отпустил: хвостом крутила, зубы скалила. Пожалел я лису и отпустил с миром.

Опечалился старик, что сын у него такой дурачок, но ничего не сказал. Решил его еще раз испытать. Взял Эркеша с собой в лес. Нашел лисью нору и стал ему показывать, как капкан настораживать, как следы свои замечать, чтобы зверь ничего не почувствовал. Решил сыну все объяснить, как ему самому отец объяснял. Эркеш внимательно слушал отца.

– Всё ли понял, сынок? Все ли запомнил?

– Всё понял, отец! – ответил Эркеш.

«Ну, слава богу, может быть, выправится ещё моё дитя», – подумал старик и вместе с сыном вернулся домой. Когда пришло время, снова послал его в лес капкан проверить и строго-настрого приказал, чтобы сын никого не отпускал, кто бы в капкан не попался.

– Как бы зверь ни просил, не отпускай, – говорил старик Эркешу, – стукни по голове колотушкой и неси домой. Ты лису тогда отпустил, а потом мы голодные сидели. Не на что было ячменя и курута выменять.

Взял Эркеш колотушку и побежал к норе, где с отцом капкан настожили. А в капкан его старуха-мать угодила. Увидела она сына, обрадовалась:

– Как хорошо, сынок, что ты вовремя пришел. Думала, что придётся мне в этом капкане с голода умереть. Освободи меня побыстрее.

Вместо того, чтобы разомкнуть капкан, Эркеш поднял колотушку и хотел ударить мать по голове.

– Калак! Калак! Сынок, кровиночка моя, что ты делаешь? Разве не признал ты, что я твоя мать? Ты лису пожалел, неужели родную мать не пожалеешь?

– Отныне никого жалеть не буду, – отвечал Эркеш. – Отец строго-настрого наказал мне никого из капкана не освобождать, а ударить колотушкой по голове и тащить в юрту. Я по своей глупости отпустил лису, а потом мы голодали. Не проси меня и слезы понапрасну не лей. Не вправе я тебя отпустить.

Сказал так и обрушил колотушку на голову матери. Высвободил ее из капкана, домой несёт, песни распевает. Гордится Эркеш, что он такой хороший добытчик. Подошел к юрте и кричит:

– Отец, отец! Выполнил я всё, как ты велел. Смотри, кто к нам в капкан попался!

Вышел из юрты старик посмотреть, какую добычу сын из леса принёс. Увидел мёртвую жену – чуть сам на месте не скончался.

– Что же ты наделал, несчастный, зачем родную мать погубил? Что мы с тобой одни, без матери, делать будем? Я стар, а ты глуп. Пропадём совсем!

Два дня и две ночи оплакивал старик свою жену. На третий день, когда слёзы иссякли, говорит сыну:

– Слезами горю не поможешь, мёртвого не оживишь. Эркеш, сходи к соседям, попроси у них щепотку чая на заварку и кусок материи на саван. Я пойду могилу копать.

Пошел Эркеш, одолжил у соседей, что отец наказал. Когда возвращался, увидел у дороги сухой тальник. Шелестит он на ветру высохшими листьями, словно на судьбу жалуется. «Наверное, этому бедняге на ветру очень холодно, – подумал Эркеш, – оберну его материей, согрется».

Обмотал тальник материей, идет дальше. Видит, из-под камня бьёт родник – пузырится вода в бочажке, клокочет, словно кипятик в котле. «Э, да здесь готовый кипятик, – обрадовался Эркеш, – не нужно костер разводить, воду кипятить». Взял и бросил заварку в родник. Воротился домой без чая и материи.

– Где чай, где материя? – спрашивает старик.

– Дорогой увидел тальник, мёрзнувший на ветру, обернул его материей, чтобы он согрелся. Иду, вижу – родник бурлит, клокочет, я высыпал чай в готовый кипятик, чтобы не возиться, – ответил Эркеш с чувством выполненного долга.

Отец только рукой махнул да вздохнул тяжело. Ничего больше не сказал. Сам пошел к соседям, чтобы взять чай и материю на саван. Похоронил старик жену, справил поминки и думает: «Что с сыном делать? Этот дурень и меня по глупости ненароком погубить может. Испытаю его последний раз. Если сообразит сам, что делать, жив останется. Нет – значит, так тому и быть».

Позвал старик Эркеша на охоту. Сам взобрался наверх и пошел по гребню горы, а Эркешу велел стоять внизу и быть наготове.

– Я, – говорит сыну, – буду на тебя косуль гнать, а ты стой и лови их руками, когда на тебя побегут.

На вершине горы старик нашел большой камень. Обложил его дровами и стал калить. Так калил камень, пока тот до малинового цвета не раскалился. Потом столкнул его вниз по склону и кричит Эркешу:

– Лови косулю! Держи ее крепче! – думает, сообразит, должно быть, что раскаленный камень – это не косуля.

Схватил глупый Эркеш раскаленный камень на лету, а сила у него была недюжинная, остановил и держит. Камень ему руки жжет, а он терпит и не отпускает. Так и держал, пока дух не испустил. Так старик избавился от глупого сына.

Даже в наше время на иных камнях можно чёрные пятна видеть, словно пригоревшие следы. Говорят, что это осколки того камня, который глупый сын держал.

Пересказ на русский язык Б.Я. Бедюрова и Ю.В. Фельчукова.

Белый камень

В стародавние времена жили на Алтае два брата. Старший, Ачар, был богат. Много у него было разного скота, дом, как говорится, полная чаша. А младший брат, Якши, очень бедный был. Не было у него ничего, даже своего дома, ходил он в обносках, вечно голодный. Чтобы как-то прокормиться, приходилось ему зимой и летом работать, отару овец старшего брата пасти. Ачар целыми днями на белой кошме валялся, предавался чревоугодию.

На пастбище, куда Якши отару гонял, стоял выросший в землю белый камень. Якши часто присаживался в тень возле белого камня, чтобы отдохнуть в жаркий полдень.

Однажды сидел он, прислонившись спиной к камню, вспомнил свою тяжелую, беспросветную жизнь, и так ему жалко самого себя стало, что он не выдержал и заплакал. Плачет Якши и приговаривает:

– Бедный я, горемыка, некому меня пожалеть. Ни разу досыта не поел, ни разу обнову не справил, в лохмотьях хожу. Так и умру где-нибудь бездомным и некому меня похоронить будет.

Долго он так слезы лил, на судьбу свою жаловался. Вдруг слышался за ним голос. Вскочил Якши, не поймет, откуда голос исходит. Потом догадался, что это белый камень заговорил. Слышит Якши такие слова:

– Якши, слышу я, ты на судьбу свою обижаешься, вижу, плохо тебе приходится. Жаль мне тебя. Хочу я тебе помочь. Открою тебе богатства несметные, возьмёшь, сколько надобно.

Видит Якши: пошла по камню трещина. Все шире и шире становится. Наконец будто огромный рот перед ним разверзся. Заглянул внутрь – и обомлел. Груды золота, серебра и драгоценных камней увидел он внутри.

Парень скромный был, жадничать не стал. Взял Якши от тех сокровищ ровно столько, сколько нужно было, чтобы свой аил по-

ставить, жениться, скот завести. После этого зажил своим хозяйством в скромном достатке.

Ачап, старший брат, никак в толк не мог взять, откуда у Якши достаток появился. Решил он, что дело здесь нечисто. А был он большой завистник. Не мог спокойно видеть, что кто-то хорошо живет. Съедала его зависть, хотя сам он ни в чем не нуждался. Решил он дознаться, в чем тут дело: откуда Якши деньги взял, чтобы дом построить, скот завести.

Не теряя времени, Ачап поспешил в юрту Якши, хотя раньше ни сам к нему не ходил, ни брата к себе не приглашал. Вошел в юрту, сел и начал разговоры разговаривать. Сначала все о здоровье расспрашивал, о жене и детях осведомился. А сам жадными глазами по юрте рыскает, все примечает. Потом жаловаться стал, что дела у него плохо идут.

– Совсем разорился я, брат. Скоро придется с протянутой рукой по миру идти.

У Якши доброе сердце было. Забыл он про прежние обиды, что от Ачапа терпеть приходилось, предложил ему свою помощь. Только тот отказался. Говорит льстивым голосом:

– Вижу, брат, что счастье тебе привалило, разбогател ты. Не нужно мне от тебя ничего. Расскажи мне, где ты свое богатство достал, как разбогатеть ухитрился.

Не стал Якши скрывать от брата, что с ним приключилось. Ничего не утаил, все рассказал:

– Когда я твоих овец пас у белого камня, вдруг заговорил он со мной человеческим голосом. Над моей горькой судьбой сжалился, поделился богатствами, что внутри него скрыты.

Услышав, что внутри камня несметные богатства скрыты, Ачап задрожал от жадности. Едва попрощавшись с братом, побежал домой. Сбросил свои нарядные одежды, переделся в отрепья, погнал отару овец к белому камню. Сам думает: «Глупец этот Якши, что такой случай не использовал, малым довольствовался. Я из камня все сокровища выгребу. Не будет богаче меня никого во всем Алтае».

Отыскал Ачап камень, уселся подле него и стал жаловаться:

– Бедный я, бедный! Нет у меня ничего за душой. Чем я завтра своих детей накормлю, что сам есть буду.

Долго причитал Ачап, но камень молчал, не откликнулся на его мольбы.

Ачап подумал было, что Якши его обманул. Однако, зная открытый характер младшего брата, его честность, решил назавтра снова пойти к камню. Так и сделал.

Сел Ачап возле белого камня и стал стонать, жаловаться. Громко рыдает, волосы на голове рвет, лицо ногтями царапает. Белый камень не выдержал и нехотя приоткрыл рот. Глянул Ачап внутрь и ахнул. Алчность ему разум помutila. Стал он хватать золото, серебро и драгоценные камни полными пригоршнями. В карманы сует, за пояс сколько мог насыпал, за пазуху без счета нагребает. Когда уже некуда было богатство складывать, сапоги снял, чтобы их наполнить. Только руку снова в каменный рот сунул, тут губы сомкнулись, руку ему крепко защемили. Дергается руку Ачап, а освободиться не может. Так и остался он у белого камня.

Наступил вечер. Жена все глаза проглядела, ожидая мужа. Ачап не сказал ей, куда и зачем пошел. Пошла жена своего мужа искать. Ходила-ходила и пришла на пастбище, к белому камню. Видит: сидит муж возле камня, а рука его по локоть ушла внутрь – зажата в каменной щели. Попробовала жена помочь мужу руку освободить, да не смогла. Крепко сомкнул уста белый камень.

Что делать? Ачап хоть и попал в такую переделку, но аппетит не потерял. Приказал он жене наутро побольше еды принести. Стала жена каждый день мужу еду носить. А он день ото дня все больше и больше еды требует. Вскоре кончились все их запасы. Пришлось вещи на еду менять. Наконец наступил день, когда жена пришла к Ачапу с пустыми руками. Разъярился Ачап, злобно закричал на жену:

– Что же ты, негодница, мужа голодом уморить хочешь? Поленилась мне еды найти. Ну-ка, подойди ко мне поближе.

Жена послушалась, подошла к мужу. Ачап схватил ее и припал к грудям, стал сосать молоко, словно маленький ребенок. Сосет, губами причмокивает. Не смог удержаться при виде этого белый камень. Расхохотался он, словно гром в дальних горах пророкотал. Каменные губы разжались. Ачап выдернул руку и без оглядки пустился бежать от белого камня, даже не заметил, что сокровища, которые он нахватал, неведомо куда исчезли.

Вернулся Ачап домой, видит – от его былых богатств ничего не осталось. Все съел сам. Так был наказан богач за жадность.

Пришлось ему, чтобы пропитание добывать, пастухом к младшему брату наняться.

Пересказ на русский язык Б.Я. Бедюрова и Ю.В. Фельчукова.

Братья-сироты

В стародавние времена на Алтае жили два брата. Отец и мать у них умерли и не оставили сыновьям никакого имущества. Была у них только черненькая приبلудная собачонка по кличке Калтар. Старшего брата звали Кару, младшего – Тару.

Старший брат, хотя и были они погодками, все время младшим командовал. Завидовал он Тару, что тот сильнее и ловчее его был. Кару по всем хотел утвердить свое первенство, да не всегда у него ладно получалось. Тару на это не обращал внимания. И был он парень покладистый, старался с братом не спорить.

Однажды собрались братья на охоту. Задумали они отправиться на гору Барса-Кельбес, где много дичи водилось. Правда, давно на ту гору люди старались не ходить. Кто бы туда ни пошел, назад не возвращался. Поэтому и гору прозвали Барса-Кельбес – «пойдешь – не вернешься».

У братьев своих охотничьих угодий не было, куда ни пойдут охотиться, отовсюду их прогоняют. Вот и решили они на гору с доброй славой пойти, там охотничье счастье испытать.

Добрались они к горе Барса-Кельбес только на третий день. Разбили стан на склоне горы, под развесистым кедром. Под кедром тепло и уютно было, как в юрте. Густая крона даже от сильного дождя укрывала.

– Разойдемся мы в разные стороны, – сказал Кару, – будем отдельно охотиться, чтобы не мешать друг другу. Ты, Тару, будешь по верху горы ходить, а я внизу. – Сам же думал, что у него добычи больше будет и тем он брата унижит.

Так и сделали. Охота была удачной. Каждый день возвращались братья на стан с богатой добычей. Сколько бы Тару шкур ни принес, Кару всегда найдет повод, чтобы добычу брата охаять, свою расхвалить. Однако Тару на его слова не обращал внимания. Спокойно делал свое дело. Спокойствие Тару очень злило брата.

Однажды вернулись они к вечеру на стан и видят, что на стволе кедра кто-то глубокие отметины оставил, сверху вниз по коре глубокие борозды провел.

– Уйдем отсюда, брат, – говорит Тару, – наверное, медведь сюда приходил. Зачем нам с ним связываться. Коли повадился, то уже не отступится зверь от этого места.

Обрадовался Кару, что брата в трусости можно обвинить.

– Эх, ты, трусливое твое сердце, медведя испугался. Гляди, я его сам испугаю. – Взял топор и выше медвежьих меток затесы сделал.

И в следующий день вернулись с охоты, а на кедре медвежьи метки выше затесов появились.

– Уйдём, брат, отсюда, – снова просит Тару, – мы и в другом месте охотиться можем. Зачем беду на свою голову накликаешь?

Кару опять брата не послушался. Посмеялся над ним и новые зарубки сделал. Правда, чтобы достать выше медвежьих отметин, пришлось к кедру здоровый чурбан прикатить, иначе не достать.

Когда на третий день вернулись на стан, видят братья, что под кедром лежит огромный медведь, какого они в жизни не видели.

– Брат, – говорит Тару, – нужно вместе на него нападать. Ты сзади, а я спереди.

– Нет, – самонадеянно отвечает Кару, – ты младше меня. Я белый свет раньше увидел, сладость и горечь жизни раньше вкусил, когда ты еще не родился. Я один с медведем справлюсь. Ты не вмешивайся, пока я тебя не кликну.

Бросился Кару на медведя. Тот поднялся и обхватил Кару своими огромными лапищами. Хоть и сильный был Кару, но медведь начал его ломать. Чувствует Кару, что силы у него кончаются, но брата на подмогу не зовет. Гордость ему не позволяет, не хочет перед младшим братом унизиться. Так они с медведем по полю кружились, пока не подошли к краю отвесного обрыва. Тару видит, что вот-вот вместе с обрыва свалятся поединщики в пропасть. Не стал ждать, когда его брат позовет, понял, что сил у Кару совсем не осталось, и бросился на помощь. Ухватил медведя за уши с такой силой, что тот лапы разжал.

Тару увидел, что медведь брата отпустил, и столкнул косолапого с обрыва. С громким ревом полетел медведь на острые ска-

лы. Кару отдышался немного, встал и говорит, чтобы себя перед братом оправдать:

– Ну, особой силы не нужно, чтобы столкнуть в пропасть медведя, которого я до полусмерти придушил.

А в сердце затаил черную зависть к брату. Понимал он, что Тару его от смерти спас, но признать свою слабость ему хуже смерти было.

Тару не стал спорить с братом, рад был тому, что Кару жив остался. Переночевали братья и снова пошли на охоту, каждый на свое место.

В этот день Тару особенно много добычи попало. Поэтому припозднился он и на стан пришёл, когда уже темнеть начало. Когда подходил к кедру, увидел, что у их коновязи чужие лошади стоят. Пригляделся, а возле костра с десятков незнакомцев сидят, а Кару среди них не видно.

Тару незаметно подкрался к стану и видит, что Кару стоит, привязанный к стволу кедра. Подошел к нему он и спрашивает:

– Что случилось, кто эти люди?

– Разбойники это, – отвечает Кару, – беги скорее, брат, ты мне ничем помочь не сможешь. Видишь, у костра краснолицый человек сидит? Это предводитель разбойников, сила у него необыкновенная. Даже я с ним справиться не смог.

Однако Тару не испугался. Решил, что брата в беде бросать негоже. Без тени сомнения он подошёл к костру. Увидели разбойники, что второй охотник вернулся, вскочили с места, стали его окружать. По команде краснолицего бросились они скопом на Тару. Тот не растерялся, подумал, если предводителя одолею, то и с другими справлюсь.

Подскочил он к краснолицему и сбил его с ног одним ударом. Кулак у Тару, нужно сказать, был величиной с голову ребенка. Рухнул краснолицый разбойник на землю, захрипел, стал сучить ногами и скоро затих. У разбойников сразу паника началась. А Тару, осерчав, стал крушить их одного за другим. Черная собачка Калтар тоже в стороне не стояла, храбро бросалась на врагов, за пятки их хватала. Наконец Тару схватил последнего разбойника, который в живых остался и хотел было и того прикончить. Кару в это время закричал ему:

– Остановись, Тару, не убивай его!

– Зачем его в живых оставлять? – спросил Тару.

– Он нам дорогу в свое логово покажет. Пойдем и возьмем всё, что они награбили.

Послушал Тару брата, не стал убивать разбойника. Связал его покрепче и Кару от веревок освободил. Потом оседлали своих лошадей, а тех, на которых разбойники приехали, в поводу повели. Пленный разбойник им дорогу показывал... Они ему жизнь сохранить обещали.

Приехали братья в пещеру, где разбойники обитали. Смотрят, а там много всякого добра навалено. Навьючили они добычу на лошадей и поехали восвояси. Решили, что те вещи, у которых хозяева отыщутся, назад отдадут.

Дорогой Кару долго молчал, думал. Потом сказал:

– Извини меня, брат, что я своё старшинство выпячивал, тобой все время командовал. Ты меня дважды посрамил, дважды от смерти спас. Я тебе от всего сердца благодарен. Больше никогда о своем старшинстве поминать не буду. Давай вместе, дружно, как равные, жить.

Тару только того и надо было. С тех пор зажили Кару и Тару, как подобает братьям. Вместе горе и радость делили.

Пересказ на русский язык Б.Я. Бедюрова и Ю.В. Фельчукова.

Как Тайтынак за свою жадность был наказан

В стародавние времена в одном селении жил старик по имени Тайтынак. Известен он был по всей округе своей скупостью. Ни жены, ни детей у него не было, а он все к себе в дом тащил – нужное и ненужное. Когда выходил из дома, все по сторонам оглядывался, смотрел, а нет ли где какой-либо вещицы, что потеряли или забыли. Углядит, поднимет украдкой и в дом снесет.

Однажды утром вышел Тайтынак из юрты. Идет по дороге, видит – кто-то шило обронил. Огляделся Тайтынак вокруг – никого нет. Сунул шило за пазуху и вернулся домой. Бросил шило на стульчик и забыл про него. На самом-то деле шило ему вовсе не нужно было, своего хватало.

На следующее утро нашел Тайтынак на дороге большую иглу, какой женщины шкуры сшивают. Тоже подобрал. Принес домой, в

войлок постельный за ненадобностью воткнул. А войлок на кровати лежал.

На третий день углядел на улице Тайтынак скользкий бараний желудок, который сосед на потребу собакам выбросил. Думает жадный старик: «И это мне пригодится». Подобрал бараний желудок, принес домой, у порога положил, чтобы ноги вытирать.

Наступил новый день. Вышел Тайтынак за поживой и нашел колотушку, которой кедровые шишки бьют, чтобы орехи вышелушивать. Не спросил Тайтынак соседей: «Не потерял ли кто колотушку?» Отнес домой и повесил над входом в юрту.

На следующий день нашел Тайтынак на улице куриное яйцо. Спрятал в карман незаметно и повернул домой. Вошел в юрту и закопал яйцо в золу очага.

Беготня да суета даром Тайтынаку не прошли. Занемог он, а жил-то один. Соседи его юрту стороной обходили. Никто не любил жадного старика. Ни поесть приготовить, ни поухаживать за ним охотников не находилось. Да и сам Тайтынак к себе соседей не привечал – скупился на угощение, пиалушку чая для других жалел.

Проголодался Тайтынак. Вспомнил про яйцо, что в очаге схоронил. Сунулся в очаг, разгреб горячий пепел и с жадностью яйцо схватил. Лопнуло яйцо. Горячим желтком глаза Тайтынаку залепило. Завопил он от боли. Долго протирал слезящиеся глаза. Потом отдохнуть решил. Только прилег на постель, большая игла ему в ребра впилась. От острой боли закричал старик, по юрте забегал. Устал так, что ноги не держат. На кровать лечь опасается. Присел на табуретку, где шило оставил. А шило ему в бедро воткнулось. Завопил от нестерпимой боли Тайтынак и, не помня себя, из юрты на улицу кинулся. Колотушка, что над входом висела, по темени его стукнула. Ноги на скользком бараньем желудке поскользнулись и растянулся Тайтынак на земле.

На крики старика сбежались соседи. Узнав, в чем дело, долго над ним смеялись. Никто жадного Тайтынака не пожалел. Понял он, что чужое добро впрок не идет.

С тех нор Тайтынак перестал свои находки тайком в юрту таскать. Случится ему найти какую-нибудь вещь – обойдет соседей, спрашивает: не они ли потеряли?

Пересказ на русский язык Б.Я. Бедюрова и Ю.В. Фельчукова.

Круглая лепёшка

У подошвы лесистой горы, на берегу бурной реки в островерхом чадыре, крытом лиственничной корой, жили старик со старухой. Ранней весной, в день солнцеворота, старуха наскребла остатки муки и испекла в горячей золе круглую лепёшку. Выставила лепёшку на улицу охладиться. Положила ее на навес, что возле аила стоял. За домашними делами забыла про лепешку.

Долго лежала лепёшка на навесе, даже продрогла на холодном ветерке. Ждала, ждала, а за ней никто не приходит. Надоело лепешке без дела лежать. Смотрит – на реке что-то блестит, на солнце сверкает, захотелось ей узнать, что это такое. Скатилась лепёшка с навеса и покатила к реке. Видит, это лёд, что могучую реку сковал, под солнцем блестит. Удивилась лепёшка, как это лед бурную реку с быстрым течением укротил и спрашивает:

– Лёд, а лёд, ты самый сильный на свете?

– Силен-то я силен, – отвечает лёд, – видишь, какую реку с быстрым течением сковал. Да только сильнее меня солнце. Его одного боюсь. Посмотрит оно на меня сверкающим оком – и растаю я, с лица земли исчезну.

Лепёшка покатила к солнцу, которое ярко светило над вершиной горы. Забралась лепёшка на гору и спрашивает:

– Солнце, а солнце, ты всех сильнее на этом свете?

– Да, сила у меня большая, – отвечает солнце. – Только на ночь я все же за спину горы спрячусь, чтобы чего со мной ночью не случилось. Спроси-ка ты у горы. Может быть, она всех на свете сильнее.

– Гора, а гора, – почтительно обратилась лепешка к хмурой громадине, рядом с которой чадыр стариков казался совсем крохотным, – есть ли кто-нибудь, кто в силе тебя превзойти может?

– Сила у меня, конечно, большая, – отвечает гора, – если шевельнусь, вся земля вокруг ходуном ходит. Только, думаю, тарбаган сильнее меня. Он роет норы в моём чреве, а я с ним ничего сделать не могу. Спроси у него.

Покатила лепёшка в нору тарбагана, которая вглубь горы протянулась. Разыскала хозяина. А тарбаган еще от зимней спячки не отошел, глаза протирает, зевает.

– Тарбаган, а тарбаган, правда ли, что ты сильнее всех, если даже огромная гора с тобой справиться не может?

– Силён-то я, силён, – отвечает тарбаган, – твердыми когтями могу глубокую нору в твердой земле вырыть. Только охотник сильнее меня. Он в капканы меня ловит, из ружья убить может. Спроси у него.

Вылезла лепёшка из норы и покатила обратно к аилу. Глядь – на дороге человек стоит. Это старик вышел лепёшку искать. Увидел её, обрадовался.

– Человек, а человек, – спрашивает лепёшка, – говорят, что ты самый сильный на всём белом свете. Правда ли это?

– Конечно, я очень силён, – отвечает старик, – Только мне всё время нужно свою силу поддерживать, возобновлять её.

– Откуда же ты силу берёшь? – спрашивает лепёшка. – В ком твоя новая сила содержится?

– В тебе моя сила, – ответил старик, – поэтому моя старуха тебя и испекла. Без хлеба у человека никакой силы не будет.

Взял старик лепёшку, разломил на несколько частей и оделил своих внуков, сам кусок съел и старуху не забыл. Потом с новыми силами за работу принялся.

Правду, значит, говорят, что в хлебе вся сила.

Пересказ на русский язык Б.Я. Бедюрова и Ю.В. Фельчукова.

Охотник и алмаска

В стародавние времена жил на Алтае охотник по имени Анчы. Славился он тем, что на охоте ему всегда сопутствовала удача, а стрелы его не знали промаха. Храбростью и силой обижен не был. Один на медведя хаживал. Всем взял молодец, да только очень своенравен был – никому не верил. Что бы ему люди ни говорили, Анчы только отмахивался: пока, дескать, сам не увижу или не испробую, нет у меня вам веры.

Однажды, когда в тайгу пришла золотая осень, одни звери за лето жир нагуляли, другие уже в зимние шубы оделись, поехал Анчы на охоту. Едет он, едет, и вдруг повстречался ему знакомый охотник. Чем-то сильно встревожен был. Торопится, коня все время погоняет. Видит Анчы, что его знакомый чем-то очень испу-

ган – лицо, словно береста, белое. Окликнул его. Остановились, вынули трубки, закурили.

– Куда спешишь, братец, что случилось? – спрашивает Анчы. – Вижу, что вроде бы напуган ты?

– Ох, не спрашивай, Анчы, еле-еле я жив остался. Только что в тайге алмаску встретил, едва от нее ушел. Думал я, что конец мне пришел.

– Какая такая алмаска? – рассмеялся Анчы. – Где же ты её встретил?

– Видишь вон ту высокую гору, что вершиной небо подпирает? Там-то я её и встретил. А ты куда направляешься?

– Туда-то я и еду, думаю, охота в тех местах должна быть добрая.

– Заклинаю тебя, Анчы, не ходи на ту гору. Не сносить тебе головы, если пойдешь в те места. Я туда больше ни ногой, да и тебе не советую.

Анчы, как водится, не поверил охотнику. «Наверное, этот хитрец, – подумал он про себя, – меня испугать хочет, от богатых угодий отвадить. Решил их для себя приберечь».

– Ладно, не пугай, – засмеялся Анчы. С тем и поехал дальше.

Забрался Анчы на гору, нашел полянку и соорудил шалаш-аланчык, чтобы переночевать было где. Потом охотиться пошел. Не успел в тайгу войти, коосулю увидел. Сразил её меткой стрелой и отнес к становищу. Освежевал коосулю, развёл костер, стал мясо варить. Когда мясо сварилось, вынул он его из котла, положил в деревянное корытце, чтобы остыло.

Вдруг видит – женщина возле него появилась. Посмотрел на неё Анчы и обмер: неопишуемой красоты женщина. Только немного беспокойно ему стало – как же это его чуткие уши шагов женщины не услышали, как не заметил, откуда, с какой стороны женщина пришла. Однако не подал виду Анчы, что обеспокоился. Поздоровался с женщиной, присесть пригласил.

Села она возле костра, но на приветствие не ответила. Видит Анчы, что на женщине богатая шуба надета. Вся шёлком и бисером расшита. Рукава у шубы такие длинные, даже кончиков пальцев не видать. Заговорил он с женщиной, а она ни слова в ответ не промолвила, только глаз своих блестящих, как черные смородины, с него не сводит.

Анчы отрезал кусочек мяса и подаёт его женщине. Не успел он глазом моргнуть, как женщина выхватила у него из рук мясо, и, не жуя, проглотила. Удивился Анчы, почему женщина рук не показывает, рта не открывает. «Не алмаска ли ко мне пришла?» – подумал Анчы и решил проверить свою догадку. Второй кусок он не стал подавать женщине из рук, а бросил перед ней на землю.

Пришлось женщине, чтобы мясо взять, рукава засучить. Взяла она мясо, и увидел Анчы на ее пальцах длинные когти, как крючки загнутые. Когда она взяла мясо и сунула в рот, увидел он, что медные зубы сверкнули. Понял, что алмаска перед ним. Испугался очень.

Тем временем женщина встала и, глядя в упор на Анчы, попятилась. Под её взглядом не знавшего прежде страха охотника холодный пот прошиб. Даже шевельнуться Анчы не может, тело у него словно одеревенело. Когда опомнился, алмаска среди деревьев исчезла. Долго сидел Анчы у костра, не знал, что делать: то ли домой возвращаться, то ли на месте оставаться. Решил, однако, что стыдно ему страх показать. Гордый и самонадеянный был.

Тут вечер наступил. Притащил Анчы из леса бревно и положил его в шалаш направо от входа. Покрывл своей шубой. Кто не знал, подумал бы, что человек здесь почивает. Потом нарезал пласты мха и тоже в шалаш принёс. Затушил он костер, так что только тлеющие угли неверный свет вокруг отбрасывали. Сам улёгся налево от входа, укрылся пластами мха, как одеялом. В полумраке его совсем не видно было. Под бок положил заряженное ружьё. Стал ждать.

Спать ему сильно хотелось, но Анчы крепился, глаз не смыкал. Когда полночная звезда в щелях между ветвями, которыми он шалаш покрыл, на чёрном небе показалась, у входа что-то пискнуло, словно лесная мышь. Смотрит Анчы – в проёме что-то тёмное показалось. Понял он, что алмаска пришла.

Как только в шалаш вошла, бросилась на куклу, которую Анчы из бревна и шубы соорудил, вцепилась в нее острыми когтями. Увязли острые когти в дереве, не может алмаска освободиться. В ярости стала она грызть медными зубами бревно, только щепки полетели. Анчы не стал терять времени, схватил ружье и выстрелил. Пронзительно завизжала алмаска и бросилась вон из шалаша.

До самого утра Анчы не сомкнул глаз, дрожал от страха, ожидая, что алмаска вернётся. Однако обошлось. Когда солнце вышло, выполз он из шалаша. Смотрит, на земле кровь. Понял он, что ранил алмаску. Решил было домой уходить, да опять его характер подвёл. «Пойду посмотрю, что с алмаской стало», – подумал Анчы и пошёл по кровавому следу.

Чем дальше шёл Анчы по следу, тем глуше тайга становилась. То и дело приходилось перелезать ему через поваленные деревья, обходить огромные валуны. Наконец кровавый след привёл его к отвесной скале. У подножья скалы след потерялся. «Что такое? – подумал Анчы, – куда алмаска подевалась?»

Стал скалу осматривать. Нашёл дверь незаметную, в камень вделанную. Только в той двери ручки не было, нашел он щель между скалой и дверью. Вставил туда лезвие ножа, навалился как следует и открыл дверь. С опаской вошёл Анчы в пещеру, где алмыска себе жильё устроила.

Видит – у порога лежит женщина-алмаска. Тронул он её ногой, а она уже закоченела. Успокоился Анчы, стал пещеру осматривать. В одном углу лежали ножи, а в другом – седла и уздечки, в третьем ружья, а в четвертом белели человеческие кости. Понял он, что многих охотников погубила алмаска.

Хотел было Анчы из пещеры уходить, да увидел на полу острый топорик искусной работы. Догадался, что это топорик алмаски. Слышал он от людей, что нельзя человеку брать то, что алмасам принадлежит, однако не удержался, подобрал топорик.

Вернулся Анчы в свой стан. Охотиться стал. За несколько дней добыл он множество зверей и с богатой добычей поехал домой. Когда приехал в стойбище, зашел в юрту к своей дочери, – она на краю стойбища жила, ближе к лесу. А юрта Анчы на другом конце стойбища была.

Угостила дочь отца, порадовалась, что богатую добычу привез с охоты. Потом и топорик увидела, какого ни в одной юрте не было. Стала она уговаривать отца, чтобы топорик ей отдал. Поначалу Анчы не соглашался.

– Не проси, дочка, этот топорик. Он алмаске принадлежит. Говорят люди, если кто вещь алмыса возьмет, несчастье приключится.

Только дочка характером вся в отца пошла. Приставала, пока он ей топорик не отдал. Однако Анчы предупредил дочь, что алма-

ска может к ней ночью за топориком прийти. Да дочка только отмахнулась. Решила, что, если алмаска придет, она с ней справится. Как только стемнело, взяла она в руки топорик, встала за дверь и приготовилась алмаску встретить. Так она не ела, не спала ровно три дня и три ночи. А алмыска всё не приходила. Когда дочка Анчы совсем ослабела от голода, с ног падала после трех бессонных ночей, возле юрты послышались шаги.

Поняла дочка, что алмаска пришла, только дверь открылась и алмаска в юрту вошла, ударила она её топориком по темени. Только топорик алмаски волшебным был, вырвался он из рук, поднялся в воздух, срубил упрямой женщине голову.

Утром пришли люди, видят – дочка Анчы мертвая лежит, а топорика в юрте нет. Поняли, что алмаска за своим добром приходила. Когда хоронили дочку Анчы, старые люди говорили, что всем повезло. Если бы Анчы у себя в юрте на дальнем от леса краю топорик держал, то по пути к жилищу алмаски топорик всех людей в стойбище посек бы.

После этого Анчы совсем переменялся. Стал к людям прислушиваться. Если мудрый человек что-нибудь говорил, то его совета не отвергал, как бывало... А на ту гору, где алмасы жили, никогда больше не заглядывал, да и другим не советовал.

Записал Б.Я. Бедюров в августе 1989 года

на аршане Бугузун у старухи из села Саратан.

Пересказ на русский язык Б.Я. Бедюрова и Ю.В. Фельчукова.

Почему Тарал-кедровка на зиму запасы стала делать

В стародавние времена все звери и птицы подчинялись Человеку, понимали людскую речь. Хотя Человек появился на земле последним из всех живых существ, но был он наделен великим даром – умом и смекалкой. Поэтому Небесный Владыка поставил его главным над всеми другими существами.

Небесный Владыка повелел Человеку править разумно и справедливо, никого не обижая. Наказал он заботиться о птицах и зверях лесных, справедливо распределяя между ними то, что дает благодатная природа Алтая.

Как только в лесах и горах созрел урожай грибов, ягод, плодов, а главное – кедровых орехов, Человек все подсчитывал и распределял между всеми живущими, чтобы каждый сколько нужно сделал запасов на длинную морозную зиму. Тем же, кто в зиму запасов не делает, оставляли достаточно пищи на деревьях и под снегом. Так правил в те времена Человек, и все птицы и звери жили в добром согласии.

Однажды, когда на Алтае снова наступила золотая осень. Человек решил узнать, каков нынче урожай грибов, плодов, ягод и кедровых шишек, чтобы указать, кому чего и сколько взять.

Стал думать, кого послать, чтобы осмотреть весь Алтай, узнать, сколько и где уродилось лесных даров. Посоветовался Человек со своими помощниками. Один говорит:

– Есть в тайге птица по имени Тарал – кедровка. Она на зиму на Алтае не остается. Летает за тридевять земель в южные страны, где вечное лето. Летает она быстро и крылья у нее крепкие, с вашим поручением справится.

Велел Человек позвать к себе Кедровку. Прилетела Кедровка. Человек окинул взглядом маленькую, с кулак, птичку и сказал:

– Ты хоть ростом невеличка, но, говорят, крылья у тебя сильные, летаешь далеко. Повелеваю тебе облететь весь Алтай, ни одного уголка не пропуская, все осмотреть как следует. Хочу я знать, каков нынче урожай в наших владениях. Лети, не мешкая, поскорее возвращайся. Скоро холода наступят. Нужно знать, кому какая доля урожая на зиму достанется. – С тем и отпустил Кедровку.

Не по душе пришлось Кедровке поручение Человека. Привыкла она в это время улетать за тридевять земель в южные края, где царит вечное лето, где о пропитании думать не приходится, не нужно никаких запасов на зиму делать – всего вдоволь. Но ничего не поделаешь. Коль Человек приказал – отказаться никак нельзя. Не понимала Кедровка, что Человек не о себе заботится, а обо всех, кто на зиму остается на Алтае.

Полетела Кедровка. Все пределы Алтая облетела, побывала на севере и на юге, на западе и на востоке. Заглянула в отдельные распадки и самые глубокие ущелья, в глухие урманы и широкие степи. Везде видела изобильный урожай. Первый раз летала Кедровка над Алтаем золотой осенью. Обычно в это время она уже в дальних краях была. Поэтому дивилась она щедрости алтайской земли.

Да и было чему подивиться. В реках и озерах, будто наполненных молоком и сливками, плавали несметные косяки нагулявшей к осени жира рыбы. Степи и лесные поляны, словно ковром, были устланы россыпью созревших ягод. Ветки зеленохвойных кедров сгибались до самой земли под тяжестью шишек, полных сладких орешков, которые Кедровка больше всего любила.

Долго она летала. Притомилась, есть захотела. Позабыла Кедровка про наказ Человека, который велел ей побыстрее возвращаться. Решила, что не грех перед обратной дорогой немного подкрепиться и отдохнуть. Стала шелушить шишки, клевать кедровые орешки.

Так они ей по вкусу пришлись, что она их клевала, пока в горле не стали, а живот не вздулся, как барабан.

Попробовала взлететь, да не смогла – слишком отяжелела. Решила отдышаться немного. Лежит и думает: «Сколько, оказывается, на Алтае всякой еды в зиму остается. Эх, если бы это все мне принадлежало. Ни к чему было бы летать за тридевять земель, в дороге бедовать, чтобы до южных стран добраться.

Да как же всем этим завладеть? Если прилечу к Человеку и скажу правду, он на всех богатый урожай разделит и себе возьмет. А кто не знает, сколько он за зиму съедает? Тогда на мою долю только крохи останутся. Не скажу я Человеку правду».

Порешила так Кедровка и полетела назад. Когда добралась до дома Человека, притворилась расстроенной и, чуть не плача, говорит:

– О, калак-кокуй, владыка наш, облетела я весь Алтай. Устала до смерти. Принесла весть недобрую – скудный нынче урожай. Сама по дороге ничего не нашла, чтобы подкрепиться. Еле добралась до вашего порога. – Сделав вид, что совсем ослабела от голода и усталости, поплелась восвояси.

Услышав такую весть, Человек опечалился: «Что будет этой зимой с моим лесным народом? Чем кормить слабых и малых?»

Стал думать, как дальше быть. Потом вдруг закралось у него сомнение: а правду ли сказала ему Кедровка? Может быть, ошиблась она или утаила это? Не может так быть, чтобы в горах и лесах ничего не уродилось. Решил он проверить слова Кедровки. Велел позвать Медведя. Этот должен правду сказать, никогда никого не обманывал.

Привели к Человеку Медведя. А он к этому времени уже столько жира нагулял, что еле мог двигаться. Трудно ему было не то, что ходить, едва дышал от ожирения, из пасти вместо слов только сипение вырывалось. Поглядел на него Человек и еще больше в своих сомнениях укрепился. Говорит Медведю:

– Дядюшка Айу, ты силен и могуч. Обойди весь Алтай, посмотри, каков нынче урожай грибов, ягод, плодов, а главное – кедровых шишек.

Медведь, отдуваясь и тяжело дыша, добросовестно обошел трижды все хребты и распадки, забирался в глубокие ущелья, поднимался на высокие горы. Нигде не присел отдохнуть, нигде не остановился подкормиться, хотя еды вокруг много было. Когда назад возвратился, не узнать его было. Стал дядюшка Айу подтянутым и ладным, как в былые времена, даже шерсть залоснилась, как золотистая шуба.

Посмотрел на него Человек и понял, что Медведь достойно исполнил его приказание. Пригласил его присесть и спрашивает:

– Ну, каков нынче урожай грибов, ягод, плодов и кедровых шишек?

– О-о, владыка, не хватит мне слов описать увиденное. Трижды обошел я весь Алтай. Глазам своим не поверил. Отродясь не видел такого урожая. Всему лесному народу хватит еды не только на долгую зиму, но еще и на весну останется. Если не верите, пошлите других, чтобы удостоверили правдивость моих слов.

– Верю я тебе, дядюшка Айу, спасибо за добрую весть. За это впредь ты будешь летом питаться всем, чем одаривает нас щедрая алтайская земля. А чтобы зимой у тебя ни в чем недостатка не было, с началом холодов, нагуляв жира, будешь ложиться ты в теплую берлогу и спать до весны. И никто не посмеет тревожить твой покой. А первая капля, что просочится к тебе в берлогу, будет знаком, что зима прошла, пора просыпаться, пора выходить. Для тебя всегда будут оставлены несколько кедров с нетронутыми шишками, чтобы мог ты, отощавший, когда из берлоги выйдешь, перебиться до наступления тепла. И назначаю тебя отныне старшим над всеми зверями, что на Алтае живут.

Отпустив Медведя снова жир нагуливать, Человек позвал Кедровку. Очень сердит был на нее. Когда привели Кедровку, Человек в гневе вскричал:

– Негодная лгунья! Ты не испытала, как другие птицы и звери, тягот, которые приходят с началом суровой зимы. Ты обманула всех. Поэтому отныне не летать тебе в южные края, а зимовать на Алтае. В наказание за твой обман сколько бы ты ни съела, всегда будешь ощущать голод. А в назидание другим, чтобы неповадно было правду утаивать, забывать о своем долге, никогда в тело не войдешь, словно истощена до крайности. А теперь иди прочь.

Так и случилось, как Человек сказал. Медведь, дядюшка Айу, всегда сыт и доволен. Пользуется он всеми дарами щедрой алтайской земли, даже в плохие годы пропитание себе находит, а на суровую зиму в берлогу спать ложится.

Кедровка же всегда голодная, даже в самый урожайный год. Без устали носится она по тайге и непрерывно кричит: «Всё мое, всё мое!» Наклюется кедровых орехов до того, что больше не влезает, а все равно кричит: «Не наелась! Не наелась!» Не зная отдыха, летает Кедровка от кедра к кедру. Шелушит орехи, торопится от жадности, много по земле разбрасывает. И еще запасы делает, по укромным местам орехи припрятывает. Только часто забывает, где спрятала, куда положила. Но эти запасы не пропадают, ими другие звери пользуются, когда бескормица наступает.

С тех пор советуют забывчивым и рассеянными людям высушенную голову кедровки на пояс пришивать или в мешочке носить – она ведь все время помнит, не забывает, как за ложь да неправду наказана была.

Пересказ на русский язык Б.Я. Бедюрова и Ю.В. Фельчукова.

Дельбеген и старик Башпарак

В стародавние времена на Алтае жил старик Башпарак со своею старухой. Было у них двое детей. Мальчика звали Чанчыгаш, а девочку – Калтачак. Была у них маленькая собачка Тёнкилдек – Колокольчик, которую так за ее звонкий лай прознали. В хлеву корова стояла, которую за громкое мычание Моомой назвали. Вместе с Моомой в хлеву жили пять коз. Были они безымянными, имён им старики не дали.

Однажды вечером старик со старухой сидели у очага, старые кости грели. Брат с сестрой на земляном полу в бабки играли. Со-

бачка Тёнкилдек у входа дремала. Корова Моома и козы в хлеву жвачку пережевывали. Вдруг Моома громко замычала, Тёнкилдек громко залаяла.

– Чанчыгаш, сынок, – говорит старик, – выйди, посмотри, кто к нам в гости идет.

Чанчыгаш вышел из юрты, посмотрел на дорогу и увидел, что к ним семиголовый Дельбеген идет. Вбежал он в юрту и в страхе закричал:

– Ой, отец, Дельбеген к нам в гости пожаловал.

Не успел Чанчыгаш эти слова вымолвить, как сам Дельбеген без спроса в юрту ввалился. Развалился на кошме, осклабился и запел:

О, как Моома приятно мычит – люблю мне
слушать!

О, как приятно Тёнкилдек колокольчиком
заливается – люблю мне слушать!

О, как пять козочек громко жвачку
пережевывают – люблю мне слушать!

О, как звонко Чанчыгаш и Калтачак бабками
постукивают – люблю мне слушать!

О, как Башпарак со своей старухой кости
у огня греют – люблю мне смотреть!

Испугались старик со старухой, поняли, что Дельбеген не с добром пришел. А что делать, как избавиться от незваного гостя, не знают.

Когда одна из голов Дельбегена эту песню пела, другая жадными глазами юрту обшаривала, третья розовым языком губы облизывала, голодную слюну пускала. А остальные глаза закрыли. Спали, наверное. Чтобы поскорее избавиться от страшного гостя, говорит Башпарак:

– Возьми себе одну козу, отведи ее к себе домой для пропитания.

Дельбеген выбрал себе самую жирную козу и ушел. На следующий день снова пришел – еще козу потребовал. Так день за днем перетаскал всех коз. На шестой день Дельбеген заявился ни свет ни заря. Старуха только-только успела Моому подоить. Дель-

беген потребовал, чтобы Башпарак отдал ему корову. Что поделаешь? Пришлось расстаться с коровой, хотя дети без молока остались.

Думали старики, что откупились от Дельбегена, да не тут-то было. Ненасытен был семиголовый Дельбеген. На седьмой день забрал он собачку Тёнкилдека. Словно опустела юрта, но стало слышно веселого, звонкого лая Колокольчика.

И снова пришел Дельбеген, хотя у стариков взять уже нечего было. Показали они чудищу пустой хлев, и он схватил Калтачак, сунул ее в мешок и унес к себе домой. На следующий день лишились старики своего любимого сыночка Чанчыгаша. А на десятый день утащил Дельбеген старуху.

Один Башпарак остался. Знал старик, что завтра Дельбеген за ним придет. Решил обмануть семиглавое чудовище, чтобы жизни не лишиться. Приволок Башпарак в юрту большой валун. Утвердил его у очага, где обычно сам сидел, набросил на камень свою шубейку-яргак из шкуры жеребенка. Надеялся, что Дельбеген не заметит подмены. Сам же завернулся в старую кошму и спрятался в юрте.

Под вечер Дельбеген заявился. Ввалился в юрту, смотрит: возле очага сидит Башпарак, одетый в шубейку из жеребьячьей шкуры. Не говоря ни слова, Дельбеген поднял острую секиру и ударил со всей силой по камню. Не разглядел он, что возле очага валун поставлен. Только искры из-под секиры полетели. Подивился Дельбеген. Никогда еще такого не было, чтобы после удара его секиры человек не свалился. Еще сильнее ударил, а валун по-прежнему стоит на месте.

До самого утра Дельбеген без отдыха бил по камню. Устал Дельбеген, запыхался, даже взмок весь. А валун, как стоял, так и остался стоять возле очага. Только искры от него после каждого удара летели.

Когда солнце бросило лучи на вершины гор, пошел Дельбеген в лес, где протекал чистый ручеек. Одолела его жажда, захотел он студеной водицы испить. Старик тем временем выкатил камень из юрты, спрятал его на задворках, а сам накинул шубейку на плечи и сел у очага.

Вернулся Дельбеген. Видит - в юрте все осталось как было. А старик в это время стал зевать, глаза протирать, делает вид, что

только-только проснулся. Посмотрел на Дельбегена, поздоровался, а потом говорит:

– Не пойму, Дельбеген, что со мной приключилось. Вроде бы снился мне сон, да только чудный какой-то. Снилось мне, что меня всю ночь секирой секли. Я-то ничего не чувствовал, а мою последнюю шубейку-яргак из шкуры жеребенка вконец измочалили.

Протянул он Дельбегену посеченную шубенку, дескать, посмотри сам. У Дельбегена глаза на лоб от удивления полезли. «Как же так? Старик цел, а шубейка в клочья порублена? Какая же сила у этого старика, что он моих ударов не почувствовал?»

Решил Дельбеген, что с Башпараком в открытую враждовать опасно. Притворился Дельбеген, что хочет подружиться с Башпараком. Ласково с ним заговорил. А сам думает: «Когда Башпарак осторожность потеряет, я его подловлю и смерти предам». Говорит Дельбеген старику:

– Давай с тобой будем вместе поле обрабатывать. Давно я хотел научиться хлеб сеять, да всё недосуг было. А когда урожай вырастим, поделим его по справедливости.

Согласился Башпарак. На следующее утро встал пораньше, взял мотыгу и пошел в поле. До самого полудня работал Башпарак, спину не разгибал. Заморился совсем. Тут Дельбеген пожаловал.

– Здравствуй, Башпарак, вижу, ты хорошо поработал. Наверное, устал. Иди отдыхай, а я буду работать.

Лег Башпарак под кустом на мягкую траву. Сон его сразу сморил – с раннего утра махал тяжелой мотыгой. Как только старик захрапел, Дельбеген подошел к нему, схватил и сунул в мешок. Довольный, что так легко Башпарака захватил, побежал домой. Прошел половину пути и решил отдохнуть немного. Лег в тени и уснул незаметно. Когда Дельбеген захрапел, Башпарак разрезал мешок и вылез наружу. Насобирав в лесу гнилушек, набил мешок, чтобы Дельбеген ничего не заметил, сам домой пошел.

Проснулся Дельбеген, ничего не заметил. Взвалил мешок на плечо, домой заспешил. Идет, удивляется: отчего бы мешок легче стал? Неужели старик похудел? «Наверное, – думает, – старик давно не ел, поэтому легче стало его нести».

Добрался Дельбеген домой. Навстречу ему семь его отпрысков из юрты высыпали. Увидели мешок, закричали:

– О, отец нам гнилушек из леса принес, играть ими будем.

– Дети, дети, – вскричал Дельбеген, – какие гнилушки? Я вам старика Башпарака принес. Сегодня будете его почками лакомиться, из костей сладкий мозг высасывать.

Опрокинул Дельбеген мешок, а оттуда гнилушки посыпались. Понял Дельбеген, что старик его провёл. Рассердился очень.

– Ну, погоди, коварный старик, – завопил раздосадованный Дельбеген, – я тебе покажу, как надо мной насмеяться! В следующий раз ты от меня не уйдешь. Полюбуюсь я завтра, как мои дети из твоих костей будут сладкий мозг высасывать.

На следующий день снова пошел к Башпараку. Старик опять в поле работает, землю мотыгой рыхлит. Видно, что устал очень – потом обливается, даже пар от него идет.

– Полежи, отдохни, – говорит ему Дельбеген, – а я поработаю.

Согласился Башпарак. Лег под куст и снова сон его сморил. Как только захрапел Башпарак, Дельбеген засунул его в мешок и помчался домой. На этот раз решил по пути не отдыхать. Боялся, что Башпарак опять его проведет.

Прибежал Дельбеген домой. Опять к нему дети выскочили:

– Оо, отец почки Башпарака принес, сладкие мозговые косточки притащил! Бросай его поскорее в котел, отец.

Развязал Дельбеген мешок, оттуда Башпарак вылез. Он все слышал и говорит:

– Тощий я, жилистый, нет на моих костях мяса. Какая из меня еда? Нужно уметь из такого, как я, вкусное блюдо приготовить.

– Как тебя нужно приготовить? – спрашивает Дельбеген.

– Все от дров зависит, – отвечает Башпарак, – нужны дрова особые.

– На каких же дровах тебя лучше поджаривать? – спрашивает Дельбеген.

– Жарить меня можно только на вереске, который высоко в горах растет. Добавить нужно можжевельника, что на северном склоне дальней горы встречается. Другие дрова не годятся. Я на них только обуглюсь, никакого вкуса не будет. А на можжевельнике и вереске поджаристая корочка будет и мясо мое мягким станет.

– Потерпите, дети, – сказал Дельбеген, – пока я за дровами схожу. Потом мы как следует пообедаем.

Сунул Башпарака в мешок, чтобы старик не убежал и подвесил мешок на крюке над очагом. Сам отправился высоко в горы, где

вереск растёт, на северные склоны дальней горы, где можжевельник встречается.

Как только Дельбеген отошел от дома и его шагов не слышно стало, Башпарак крикнул:

– Развяжите мешок, детки, я вас курутом и маслом угощу.

– Зачем нам твой курут, твердый, как камень? Зачем нам твое масло? Скоро отец вернется и мы твоё мясо есть будем, сладкий мозг из костей высасывать.

Обеспокоился старик, что не поддались отпрыски Дельбегена на его хитрость. Стал думать, как бы ему из мешка освободиться, чтоб в зубы Дельбегена и его детей не попасть. Говорит он им:

– Слушайте, детки, хотите я вам тугие луки сделаю? Сможете вы в лесу птичек стрелять.

Обрадовались дети Дельбегена. Развязали мешок. Вылез Башпарак и видит, что в углу юрты лежит огромная каменная тёрка, на которой ячмень в муку перетирают, а рядом острая секира Дельбегена стоит.

– Дайте мне эту секиру, дети, – говорит Башпарак. – Секирой вашего отца я нарублю прутьев, из которых луки вам буду делать.

Принесли отпрыски Дельбегена Башпарaku острую секиру.

– Теперь, детки, – говорит Башпарак, – ложитесь на тёрку, чтобы я вас померить мог. Тому, кто больше, я большой лук сделаю, кто поменьше – маленький, чтобы по росту был.

Улеглись дети Дельбегена на каменную тёрку. Башпарак схватил острую секиру и отрубил всем головы. Положил головы на кровать и одеялом покрыл, чтобы не заметно было, что они без туловища. Тела в котел бросил варить. Из почек и печени стал шашлык жарить.

Потом Башпарак стал из юрты подкоп наружу делать. Устье сделал широким, а лаз узким, чтобы только самому можно было протиснуться.

Едва он всё закончил, как Дельбеген пришел с дровами. Башпарак, слышав его шаги, нырнул в лаз и притаился на улице. Дельбеген вошёл в юрту. Увидел, что в котле мясо варится, шашлык на прутьях поджаривается, очень обрадовался.

– Какие молодцы мои ребята, не стали меня дожидаться, сами с Башпараком справились. Вкусную еду приготовили. Я и на самом деле очень проголодался.

Схватил Дельбеген шашлык из печени, съел кусок и говорит:
– Май-май! Что-то этот шашлык нашим запахом отдает. – Позвал своих отпрысков. – Вставайте, дети, мясо готово. Давайте скорее обедать.

А дети его не откликаются. Подошел Дельбеген к кровати. Сдернул одеяло, а головы раскатились в разные стороны. Понял Дельбеген, что Башпарак его второй раз провел. Пришел он в ярость, решил предать старика лютой смерти.

– Башпарак, негодный старик, – взревел Дельбеген громовым голосом, – где ты прчешься?

– На улице я, – отвечает Башпарак, – дрова для очага собираю.

Выскочил Дельбеген из юрты, чтобы старика схватить, обжегал кругом, а Башпарака нигде нет.

– Где же ты, Башпарак? – снова закричал Дельбеген.

В это время Башпарак через лаз снова в юрту залез, оттуда отвечает:

– Здесь я, в юрте, мясо в казане помешиваю. Заходите, мясо будем есть, бульоном запивать.

Вбежал Дельбеген в юрту. Действительно, видит, что Башпарак стоит у очага, мясо в казане помешивает. Бросился Дельбеген на старика, а тот в нору ужом скользнул. Дельбеген за ним, да в узком проходе застрял. Ни назад, ни вперед не может двинуться. Крепко в узком проходе застрял, даже шевельнуться не может.

Башпарак выскочил из норы, снова забежал в юрту. Увидел, что Дельбеген в норе застрял, засмеялся от радости. Взял Башпарак с очага казан с кипящим бульоном и вылил в нору. Там Дельбеген и сварился. Конец кровожадному чудищу и его семейству пришел. Башпарак домой воротился и в мире свой век скоротал...

Пересказ на русский язык Б.Я. Бедюрова и Ю.В. Фельчукова.

Как Солнце и Луна людей спасли

Давным-давно, рассказывают старые люди, на земле неведомо откуда появилось чудище – семиглавый Дельбеген. Обликом он был, как человек, только на плечах семь голов имел. Когда одна голова ела, другая пела, третья спала, четвертая смеялась, пятая

плакала, шестая зевала, седьмая разговаривала. Потом они менялись. Та, что ела, пела. Та, что пела, спала. Та, что спала, зевала. Та, что зевала, смеялась. Та, что смеялась, плакала. Та, что разговаривала, ела. Та, что плакала, разговаривала.

Поэтому Дельбеген никогда сытым не был, ни во сне, ни в отдыхе не нуждался. У Дельбегена была большая секира с широким острым лезвием, с которой он на всех охотился. Пожирал Дельбеген все живое – зверей и птиц, коров и овец, лошадей и коз. Но больше всего нравилось чудовищу человеческое мясо. За людьми Дельбеген постоянно охотился. Как придет в какую-либо местность, где люди живут, – не уйдет, пока все стойбище не опустошит. А сразиться с ним никто не решался – слишком ужасен был вид семиголового Дельбегена. Кто убежать не успеет или схорониться в недоступном месте, попадал в его ненасытную утробу.

Так ходило чудовище по земле и на ней все меньше и меньше людей оставалось, исчезали звери и птицы, сокращались некогда бесчисленные стада скота. Видят люди, что если не унять Дельбегена, то вскорости всем погибель придет. Стали думать, кто им помочь сможет, кто их от семиглавого ненасытного чудовища избавит. Решили обратиться к главным небесным светилам – Солнцу и Луне.

Мольбы людей о помощи со временем дошли и до Солнца и Луны, обратили они свои взоры на землю и увидели повсюду страшные опустошения, которые Дельбеген произвел. Стало совсем мало в лесах и полях живности. Поредели стада домашнего скота. На местах, где раньше люди во множестве жили, только пустые юрты стояли, ни над одной дымок от очага не курился. Поняли Солнце и Луна, что всем живым существам на земле очень плохо приходится. Если не унять Дельбегена, не освободить от него землю, то скоро превратится земля в мертвую пустыню, ничего живого на ней не останется.

Стали думать, как избавить людей от семиглавого чудовища. Решили взять его на небо, чтобы он под их присмотром находился, никому больше вредить не мог. А для этого кому-нибудь из них нужно было на землю спуститься. Стали думать, кому людям на помощь идти.

– Нужно тебе пойти на землю, Солнце, – говорит Луна. – Ты старше и сильнее меня.

Согласилось Солнце и стало по небосклону к земле спускаться. Едва с места тронулось, начало к земле приближаться – наступила везде страшная жара. Реки и озера пересыхали, моря и океаны мелели. Травы на лугах пожухли и выгорели, в лесах пожары начались. Даже скалы начали плавиться под нестерпимо жаркими лучами небесного светила. Вся земля покрылась пеплом и золой, дым от пожаров небо закрыл. Звери и птицы, домашний скот от жажды и бескормицы погибали, в пламени пожаров гибли. Людям тоже плохо пришлось. Уцелели только те, кто в глубоких пещерах успели спрятаться.

Видит Солнце, что вместо помощи новые беды всему живому на земле несет, остановилось. Потом снова свое место на небосклоне заняло. Говорит Луне:

– Ничего у меня не получилось. Дельбеген жив остался, а всему живому худо пришлось. Попытайся ты на землю опуститься, избавь землю от семиглавого чудища.

Пришлось Луне на Землю спускаться. Решили они, что холодный свет Луны живым существам едва ли повредит. Да не все так просто было. Чем ниже Луна спускалась, тем холоднее на земле становилось. Моря и океаны толстым льдом покрылись, реки и озера до самого дна промерзли. Вся земля снегом покрылась, пришли на землю трескучие морозы. Птицы на лету замерзали и ледяными комочками на землю падали. Зверей даже теплый мех от холода не спасал. Забились они в глубокие норы, но и там от холода коченели, едва в них жизнь теплилась. От холодов стволы деревьев с треском лопались.

Люди надели меховые одежды, сидели в юртах, день и ночь большой огонь в очагах держали, дров не жалели. Хоть и топили они много, но все равно от холода постоянно дрожали.

Огромная Луна, приблизившись к Земле, остановилась. Подумала: если на землю ляжет, то все живое погубит. Повернулась боком и стала на ребро, чтобы окончательно землю не заморозить. Огляделась вокруг себя Луна, чтобы Дельбегена найти, с собой его на небо забрать.

В это время Дельбеген на склоне высокой горы находился. Когда Луна стала на землю спускаться, он в лесу ягоды черемухи рвал, в большую корзину складывал. Полакомиться сладкимistle человека захотелось.

Подкатилась Луна к горе, на которой Дельбеген был, и говорит ему, чтобы он с нею на небо поднимался. Только семиглавое чудовище не захотело с земли на небо уходить.

Рассердилась Луна, что Дельбеген ей подчиняться не хочет. Схватила за шиворот и хотела с собой унести. Дельбеген стал сопротивляться. Крепко-накрепко вцепился в ствол черемухи. Не смогла Луна его от дерева оторвать. Тогда дернула Луна посильнее и вырвала черемуху из земли вместе с корнями. Так и подняла Дельбегена на небо вместе с черемухой, которую он из рук не выпускал.

Когда на свое место на небе стала, проглотила она непокорного Дельбегена. С тех пор он у нее в чреве находится. Если приглядишься внимательно в полнолуние, то увидишь, что на светлом лике Луны Дельбеген с секирой, вцепившийся в ствол черемухи, просвечивает.

Не успокоился Дельбеген. Хочет он на землю снова опуститься, поэтому постоянно с Луной воюет. День и ночь без устали машет острой секирой, от Луны кусок за куском отрубает. Поэтому круглый лик Луны день ото дня истончается, превращается в узкий серп. Когда Дельбеген освобождается из чрева Луны, снова на землю опуститься хочет, обретает Луна былую силу и снова круглой становится, чудище в себя заглатывает.

Все же изредка удается Дельбегену Луну одолеть. Тогда наступает лунное затмение. Когда Дельбеген над Луной верх берет, люди из домов выходят, начинают стучать в медные тазики, железные котлы и сковороды, собакам уши крутят, чтобы они громко выли, детей заставляли плакать, из ружей стреляют. Громко кричат: «Отпусти Луну! Отпусти Луну! Не одолеть тебе ее!»

Дельбеген пугается и силы его иссякают. Освободившись, Луна глотает его, и он остается в её чреве. И будет продолжаться битва между Луной и семиглавым чудовищем Дельбегеном до скончания века.

Пересказ на русский язык Б.Я. Бедюрова и Ю.В. Фельчукова.

Мышь и червяк

В стародавние времена Мышь и Червяк были хорошими друзьями. Мышь что-нибудь добудет – с Червяком поделится. Червяк лакомый кусочек найдет – Мышь угостит. Никогда не ссорились,

не бранились между собой Мышь и Червяк. Все свободное время вместе проводили, часто друг к другу в гости ходили. Словом, такие друзья были, как говорится, водой не разольешь.

Но пришел их дружбе конец. Вот как это было.

Однажды Хан-Кюжюль – Водяная Крыса – сосватал дочь Суслика златошубого своему единственному сыну. По этому случаю устроил Хан-Кюжюль большой праздник – той. Среди прочих пригласил на пир обоих друзей – Мышь и Червяка.

Когда хан приглашает, да еще на свадьбу, как не пойти. Стали собираться на праздник Мышь и Червяк. Червяк говорит:

– Ты, подруга, беги одна. Я ведь медленно ползаю. Из-за меня на пир опоздаешь.

– Что ты, дружище, – отвечает Мышь, – как я без тебя пойду? Как друга можно бросить? Когда придем, тогда и придем, но только вместе. А чтобы не опоздать, давай пораньше выйдем.

Так и сделали. Мышь ножками быстро-быстро перебирает, хочет-не хочет, бегом бежит. А Червяк ползет медленно-медленно, все время отстает. Но Мышь свой бег сдерживает, рядом с Червяком держится. Так и пришли они вместе на свадьбу. А там уже все гости собрались, их ждут.

На пиру каждого гостя в соответствии с его происхождением и знатностью за стол сажали. Тут-то и разлучили Мышь с Червяком.

Мышь с Сусликом, отцом невесты, были хоть и дальние, но все же родственники. Поэтому Мыши оказали почет, как сватье. Посадили поближе к Суслику златошубому. А Червяка посадили подалее, среди слуг и челяди.

Суслик сидел во главе стола, развалившись на позолоченном кресле, блистая своей роскошной шубой. Он так и лучился самодовольством. Когда Мышь посадили рядом с ним, то Суслик, набив рот отборным зерном, которое Хан-Кюжюль из своих подземных закромов на стол выложил, чтобы гостям угодить, прохрипел, пошевеливая реденькими усами из пяти волосков:

– Ты, Мышь, такая бойкая, известная хлопотунья, всегда в работе, и тебя за это в народе уважают. Даже в календаре твоим именем год назван. Это ли не почет? Как же могла ты завести себе такого низкородного друга, как Червяк? Ведь он – лентяй! Ни зимой, ни летом не работает, потому и ходит голый, захудалой шубенки не имеет. Негоже тебе, родственница, дружить с таким бездель-

ником. Что ты в нем нашла, когда он не нашего рода, иной веры и обычаев, чуждых нам? С таким я не то что дружить, словом единым перебраться ниже своего достоинства счел бы.

Мышь, пока на пир шли, проголодалась. И за столом, как говорится, уплетала за обе щеки. Ничего не смогла ответить Мышь на слова своего знатного родича – у нее рот был битком набит отборным зерном. Хотела она побыстрее прожевать, проглотить, чтобы в защиту Червяка слово сказать, да не смогла. Долго-долго, насупившись, молча зерна пережевывала, да блестящие бусинки глаз на Суслика тарасила. А когда прожевала да проглотила, рот освободив, к тому времени пир уже закончился, и она так и не смогла Суслику возразить, за друга заступиться.

Мышь на слова Суслика внимание не обратила, от своего друга не отвернулась. Домой они вместе пошли. По дороге Мышь без утайки рассказала Червяку, что златошубый Суслик ей говорил. Не стала скрывать, что достойно ответить ему не смогла.

Червяк очень рассердился на подружку, что смолчала, не нашла слов, чтобы о его достоинствах рассказать, его честь защитить.

– Никогда к тебе больше в гости не приду, – сказал Червяк Мыши, когда они домой воротились, – никогда с тобой впредь разговаривать не буду.

Мышь тоже обиделась и решила с Червяком дружбу порвать. Не виновата же она, что у нее полный рот зерна был, и она не могла слова вымолвить.

С тех пор Червяк и Мышь дружить перестали, никогда не встречаются. Летом, когда дождь собирается, Мышь в глубокую норку прячется. Червяк, зная об этом, только тогда из-под земли наружу выходит. А зимой, когда Мышь под землей ест зерно, которое за лето в свои закрома натаскала, Червяк к ней в гости не ходит, чтобы трапезу разделить. До весны под землей спит.

Кто из них виноват, что дружбе конец пришел, думайте сами.

Пересказ на русский язык Б.Я. Бедюрова и Ю.В. Фельчукова.

Сова и кречет

В стародавние времена жили на голубом Алтае, в дремучей тайге Сова и Кречет. Много лет дружили они между собой. Вме-

сте охотились, вместе время проводили. В тайге все об их дружбе знали. Всё, что добудут на охоте, всегда делили поровну. Никогда между ними раздоров не было.

Однажды ранним утром Кречет прилетел к Сове. Хотел пригласить её вместе поохотиться. Сова сначала спросонья не поняла, что Кречет ей предлагает, куда зовет. Когда сообразила, обрадовалась. У нее со вчерашнего дня от голода в животе урчало, с радостью согласилась на охоту пойти.

Кречет стал к охоте готовиться. Ходит по земле, о камни клюв и когти и без того острые точит. А Сова сидит на ветке, насупившись, круглые, вытарашенные глаза протирает. Никак ото сна не отойдет. Стали совещаться, куда направиться, где добычи больше.

Сова была тяжела на подъем, не любила далеко летать, из родного леса выбираться.

– Давай, – говорит Сова, – в лесу будем охотиться. Пошарим по кустам, да по лесным зарослям, авось, найдем что-нибудь.

– Нет, – возражает Кречет, – давай сегодня полетим вдоль южных склонов гор, в широкую степь. Там мы добычу не упустим. В открытом поле, с высоты, даже самую маленькую букашку разглядеть можно. Там добыче негде спрятаться. В лесу любой зверь под корнями да в густой листве укроется.

Долго они судили-рядили. Сова на своем настаивает, Кречет на своем. Так и не смогли договориться Сова и Кречет, порешили в этот день врозь охотиться. Сова тряхнула шубой из густых перьев, расправила тяжелые широкие крылья и полетела в лесные заросли. Серый Кречет взмыл в синее небо и полетел на южные склоны гор в чистую степь.

Долго парил Кречет в поднебесье. То вниз опустится, добычу среди камней и скал выслеживает. То высоко в небо взмозет, широкую степь острым взором окидывает. Только не было ему в тот день удачи. Ни среди скал, ни в чистом поле ничего ему не попало.

Сова, словно частым гребнем, прочесала лес, тоже ничего не нашла. Усталая и злая, вернулась она туда, откуда с Кречетом на охоту направились. Солнце уже к закату катилось, а ее друга Кречета так и не было. Взъерошенная и насупившаяся, сидела Сова на ветке. В животе у нее все сильнее урчало – за целый день ей ничего не перепало.

Спустились сумерки, а Кречета всё не было. «Куда же пропал Кречет? – думает Сова. – Не может быть, чтобы такой ловкий и удачливый охотник не добыл что-нибудь. Наверное, сейчас без меня, в одиночку, лакомится жирным мясом». От этих мыслей Сове еще больше есть захотелось. Против Кречета злость у неё стала подниматься. Взъерошенная Сова сунула голову под крыло и не заметила, как задремала.

Вдруг возле дерева, прямо под веткой, на которой Сова сидела, на землю что-то плюхнулось. От неожиданности Сова испугалась, едва с ветки не свалилась. Взглянула вниз, а под веткой лежит большая жирная мышь.

«Ловко, – обрадовалась Сова, – еда сама ко мне с неба свалилась». Не веря своей удаче, в тот же миг слетела с дерева, чтобы полакомиться неожиданным подарком. Только хотела схватить мышь когтями, как на дерево бесшумно спланировал Кречет. «Эх, не вовремя Кречет появился, – подумала Сова. – Не придется мне одной мышью полакомиться. Да, ладно, постараюсь свое не упустить».

– Уф, есть хочу, сил нет, – выдохнул Кречет. – Целый день летал без отдыха, да удача от меня отвернулась. Только и смог добыть, что эту мышь. Так устал, что в когтях ее не смог удержать, когда подлетал к тебе. Ну, да ладно. Хоть сегодня еды немного, давай ее побыстрее поделим так, чтобы никому обидно не было.

Сова, приготовившаяся в одиночку мышь съесть, в сердцах проворчала:

– Что же, будь по-твоему. Ты возьмешь хвост и голову, а мне остальное.

– Как же так, – изумился Кречет, – разве это справедливая дележка?

– Конечно, справедливая, – отвечает Сова, – мышь-то я нашла.

– Опомнись, Сова, – возмутился Кречет. – Ведь это – моя добыча. Мышь я мог один съесть, а принес её тебе, чтобы по-братски поделиться. Ты же мне только голову и хвост предлагаешь. Разве такое бывает между друзьями?

– А кто видел, что ты эту мышь поймал? – заупрямилась Сова. – Может быть, Небесный Владыка мне эту мышь послал. Она же с неба под дерево упала.

Не ожидал Кречет, что Сова может с ним так поступить, забудет про старую дружбу. Обидно ему стало. Однако пытался он уговорить Сову, чтобы не противилась справедливому дележу, как у них прежде заведено было. Сова же ничего не хотела слушать. На своем стояла. Тем временем мышь отлежалась и юркнула под большой камень. Сова и Кречет даже не заметили, что спорить уже не из-за чего. Ускользнула от них добыча.

Мало-помалу с разговора на крик перешли. Дальше – больше, в драку друг на друга полезли. Сова перья топорщит, клювом щелкает. Кречет громко клекочет, шумно крыльями бьет. Такой шум в лесу подняли, что весь птичий народец проснулся. Слетелись птицы к дереву, где Сова и Кречет скандалили, ничего понять не могут. Никогда раньше не видели, чтобы Сова с Кречетом ссорились. Хотели помирить их, да где там! Еле уговорили спор до утра отложить.

Наутро собрался птичий суд. Позвали Сову и Кречета. Судьи сначала у Совы спросили, как дело было.

– Уважаемые судьи, – говорит Сова, – я сидела на ветке, когда солнце на закат катилось. Очень голодная была, за целый день на охоте ничего добыть не смогла. Попросила я Небесного Владыку, чтобы он мне какую-нибудь еду уделил. Услышал он мою просьбу и послал мне жирную мышь. Тут Кречет прилетел. Я, помня о нашей дружбе, хотела ему уделить немного от того, что мне с неба было послано, а он стал требовать больше. Из-за него мышь убежала, и я голодная осталась.

Спросили у Кречета, что он может сказать по Делу.

– Уважаемые судьи, – начал свой рассказ Кречет, – вчера мы с Совой врозь охотились. Целый день я без отдыха летал в поднебесье, но удача меня миновала. Только к вечеру поймал жирную мышь. Как ни был я голоден, однако понес ее Сове, чтобы побратски поделиться, памятуя о нашей дружбе. Когда к дереву, где сидела Сова, подлетел, то совсем обессилел. Когти у меня разжались, и я выронил мышь, так что она на землю упала. А ведь я мог один ту мышь съесть, и Сова об этом не узнала бы.

Снова и снова спрашивали судьи, как дело было. Только Сова и Кречет стояли на своём, а свидетелей у них нет. В конце концов судьи сами запутались, не могут решить, кто прав, кто виноват. Только видят, что у Совы и Кречета прежней дружбы не будет.

Посоветовались между собой судьи и решили: чтобы драк между Совой и Кречетом не было, чтобы своими ссорами и раздорами они других птиц не беспокоили, отныне жить им врозь и никогда не встречаться. Сове приказали охотиться темной ночью в густом лесу, а Кречету днем, в чистом поле. Чтобы они решение судей не нарушали, сделали так, что Сова днем ничего не видит, а Кречет и темноте добычу не может разглядеть.

С тех пор бывшие друзья не встречаются.

Пересказ на русский язык Б.Я. Бедюрова и Ю.В. Фельчукова.

Как погиб последний мамонт

В незапамятные времена на земле случился чайык – великий потоп. Небо затянули грозовые тучи, из которых день и ночь, не переставая, лил дождь. Переполненные дождевой водой реки и озера вышли из берегов. Все, кто жил тогда на земле, из долин и низин бежали на возвышенности. Но и там они гибли во множестве от тесноты и бескормицы. Вскоре только вершины самых высоких гор возвышались над бескрайней гладью водяной. Даже птицы, которым некуда было сесть, чтобы дать отдых натруженным крыльям, обессилев, падали в воду и тонули.

Совсем немного, будь то люди, звери, птицы или гады, смогли уцелеть на клочках суши, что еще не были залиты великим потопом. А вода все прибывала и прибывала. Люди начали строить лодки, вязать плоты, чтобы найти спасение от разбушевавшейся стихии. У них теплилась надежда, что все еще может обернуться к лучшему. А вокруг них метались звери и всякие твари, почуявшие неминуемую гибель, – для них не было никакого выхода.

Небесный Владыка, видя все это, обратился к оставшимся в живых:

– Люди, пожалейте тварей земных, возьмите с собой, кто сколько сможет на свой плот, в свои лодки.

Но остались люди глухи к призыву Небесного Владыки. Только о своем спасении они помышляли.

Но один человек, который построил большой корабль, услышал слова Небесного Владыки. Однако видел он, что не уместятся все в его судно. Взмолился тот:

– О Небесный Владыка, как же уместятся они в моем судне? Перегружу я корабль, опрокинут его огромные волны.

– Неужели тебе не жалко их? – спросил Небесный Владыка. – Неужели нет в твоём сердце жалости?

Посмотрел человек на мечущихся в отчаянии вокруг него зверей, птиц и прочих тварей. Жалко ему их стало, самый добрый был он среди всех людей. Ведь другие люди тоже могли прислушаться к пожеланию Небесного Владыки и попытаться взять хоть немного, но всё же кое-кого, на лодки и плоты. Нет, никто не пожелал.

И этот человек сделал так, как сказал Небесный Владыка. Не знал он, конечно, что Небесный Владыка испытывал его и других людей. Хочет узнать, у кого есть в сердце сострадание и жалость к живым существам.

Стали входить звери в корабль. А были в те времена такие, каких сейчас уже нет. Те не пришли или не смогли, поэтому погибли. Все ниже и ниже опускались его борта. Когда взошла на корабль последняя пара, то на земле остался владыка всех зверей – густошерстный и мохнатый Мамонт-Даян. Видел, что если он зайдет в корабль, то все погибнут, такой он был большой и тяжелый. Пожалел он свой народ, не стал себя спасать. А еще Даян надеялся про себя, что, может, вода и не достигнет его ноздрей, жив останется. А если и достигнет, то решил хобот – свой гибкий и длинный нос – вверх поднять и тем спастись от вод.

Забрался Мамонт на вершину самой высокой горы, думал, что вода сюда не достигнет. Однако вскоре вода и сюда поднялась. Как не задирали высоко Даян хобот, вода поднималась все выше и выше, так что, наконец, земля ушла из-под ног великана. Сорок дней и сорок ночей носило Мамонта по волнам. Понял он тогда, что сгубила его гордыня. Стал звать на помощь, издавая глухой трубный клич, но кто мог откликнуться на его зов среди волн. Могучие волны потопили лодки, плоты и корабли, на которых плыли те самые бессердечные люди, которые спасали только самих себя, не проявившие милосердия, разметали и разбили о щепки плоты из самых больших брёвен крепчайшей лиственницы. Все погибли, никто не сумел спастись. Только человек, который сжалился над гибнущими, взял их с собой, хотя ему самому угрожала гибель, спасся. Так наградил Небесный Владыка милосердие и доброту и так наказал гордыню и самонадеянность, бессердечие.

На вершинах гор, сказывают, находят люди обломки истлевших лодок и плотов. Удивительно, как это они могли там оказаться? А в иле и вымоинах – большие-пребольшие кости Даяна-Мамонта.

И до сих пор помнят о Даяне люди и укоряют его за гордыню. Хотел других зверей спасти, а сам первый погиб. Поэтому раньше «Даян» означало понятие «великий», а теперь просто «большой». Для величия существует теперь другое слово – «Улу». Хитроумен и гибок язык человека Алтая – всему название даст, все сможет объяснить или переиначить и редко когда повторится, – так говорят старики, и то же самое видим мы теперь, как вокруг нас меняется мир. А вместе с этим сколько у нас появляется новых выражений и слов! Рождаются они самим ходом жизни.

А мы сами и все обитающие, водящиеся на земле живые существа – это потомки тех, кто спасся после великого потопы. Других пока на этой земле еще не появилось.

Пересказ на русский язык Б.Я. Бедюрова и Ю.В. Фельчукова.

Легенда о сотворении человека

Раньше, сказывали старые люди, высоко за Кудаем, за бескрайним Синим Небом жили бурханы, существа иной природы. И вот построили бурханы на земле большой дворец – ёргё. А в этом дворце вылепили из земли фигурки людей и животных. Все они – созданы бурханов – от рожденья понимали друг друга. Самые первые люди были маленькими и голенькими. Бурханы хотели, чтобы людей было меньше, чем сейчас. Думали, что жить они будут хорошо, со всеми прочими тварями в мире и покое.

И вот, чтобы оживить фигурки людей, отправился один Бурхан за живой водой – тынду суу, а сторожить фигурки оставил собаку. И была собака в ту пору тоже маленькая и голенькая.

Пока Бурхан ходил за живой водой, вышел Кёрмёс и стал уговаривать собаку, чтобы она пропустила его к людям. За это пообещал Кёрмёс собаке, что подарит ей шубу, не знающую износа, и добрую пищу на вечные времена. Собака подумала и согласилась. Так Кёрмёс, обманув собаку, приблизился к фигуркам людей. И сделал людей большими, такими, какие они сейчас.

С тех пор в людях появилось и плохое, и хорошее. Хорошее от сотворившего их Бурхана и плохое от Кёрмёса. Поэтому люди такие разные. Иногда поступают они по совести, а иногда – дурно.

Вернулся Бурхан, увидел, что случилось, и крепко рассердился на собаку. В сердцах дал он ей имя «Ийт». А люди после вмешательства Кёрмёса уже не смогли жить вечно, как бурханы. С той поры стали люди смертными, начали болеть и умирать.

Записано Л.И. Шерстовой в 1982 г. от Дёдэй-карган, сёёк тееёлёс, 1898 г.р., с. Бичикту-Бом, Онгудайский район; записано от Ч. Шалбыковой, сёёк тодош, 1900 г.р., с. Ёло, Онгудайский аймак. Пересказ Е.В. Королевой.

ПРИЛОЖЕНИЯ

История не пишется – история рассказывается... [1]

Некоторые историки считают, что история народов и цивилизаций начинается тогда, когда создаются летописи, хронографы, т.е. появляются письменность и письменные источники. Более того, в зарубежной историографии даже выделяется особый период – предыстория – время, не отраженное в письменных памятниках, а поэтому и не совсем «историческое». Получается, что значительный период человеческой истории как бы и не является историей, и, следовательно, народы делятся на «исторические» и «неисторические». Понятно, что данный подход отражает европоцентристский взгляд на мировую историю и скрывает определенное недоверие к устной традиции большинства неевропейских народов.

Между тем, письменные источники могут быть гораздо субъективнее, нежели легенды и предания, бытующие в народной среде. Во-первых, как верно замечено, «историю пишут победители». Именно они дают свою версию событий, порой уничтожая письменные свидетельства побежденной стороны, и получить более полную информацию о прошлом можно только в случае сохранения последних рассказов о прошлом. Во-вторых, историк всегда субъективен, что определяется не только его пристрастиями и как человека, и как современника каких-то событий, но и тем, что он часто пишет историю при «правителе», и поэтому такая история не может быть беспристрастной.

Между тем, устные памятники не могут быть творчеством отдельного человека – они сохраняются потомками только в том случае, если в них отражено не столько мнение отдельного человека, сколько сохранена память, значимая для данной группы лю-

дей и для всего социума и зафиксированы те события, которые важны для всех, а их оценки не расходятся с мнением большинства. Получается, что если письменный источник отражает официальное мнение, то устный – отношение к тому или иному факту всего человеческого коллектива. И в этом случае он отражает не только значимый для всех исторический факт, но и ценностные установки людей, их представление о добре и зле, о том, что волнует их и на что они надеются как на осознанном, так и на бессознательном уровне. Устная традиция – это не только сохраненная историческая память, но и отражение этнического менталитета, а следовательно, того, что часто называется «этнической картиной мира», «национальным характером» того или иного народа. Поэтому изучение устного творчества дает возможность не только заглянуть во внутренний мир отдельного человека – представителя конкретной исторической эпохи и этнической принадлежности, но и соприкоснуться с духовным миром всего народа любой исторической эпохи.

С течением времени в памяти народа остается только то, что действительно значимо – последующие поколения неосознанно «корректируют» историю, дополняют ее более поздними, значимыми с их точки зрения фактами, и «создание» истории продолжается. Этот процесс приобретает коллективный характер, но заданные изначально принципы придают ему целостность и логичность.

Особое значение устная традиция приобретает у подвижных народов, занимающихся охотой, скотоводством, оленеводством. В отличие от оседлых обществ территория сама по себе не была базой для воспроизводства и дальнейшего функционирования их социально-политических институтов. В условиях подвижных скотоводческих обществ, сменяющих друг друга «кочевых империй», сопровождавшихся перетасовками человеческих коллективов, сохранение этносоциального единства не могло базироваться только на привязанности к конкретной территории или единой экономике.

Ядром государственного строительства были сами человеческие коллективы, а объединяющим началом для них служили названия различных этнических образований – родов-племен (сёёков-аймаков), которые осмысливались как признак общности

происхождения, основанного на реальных или вымышленных кровнородственных связях, что находило отражение в развитых генеалогиях «степных» народов. Это не давало возможности «забыться» как отдельному человеку, так и группе людей не только во время длительных перекочевок, но и вследствие военных набегов и иных бедствий. Знание своего рода создавало возможность найти «своих», вновь стать частью родственного коллектива, а значит, почувствовать уверенность и защиту, столь необходимую в условиях социально-политической нестабильности.

Поэтому не случайны в легендах указания на родовую принадлежность алтайских героев – Эскичек, победитель Кочкорбая, из рода кюзен, Бюдюке и его племянник Эрэлдей, спасшие Алтай от казахских набегов, а также Кулдюкай (Гулчугай), боровшийся против маньчжуро-китайцев, – иркиты, мудрый Боор – кара-майман, Ярынак – герой теленгитов, ак-кёбёк, силач Калаш, как и его внук Ирбисек, – кыпчаки и т.д. Каждый алтайский род имеет своего героя, мудреца, силача, непобедимого борца, и это не только воплощение тех качеств, которые ценили алтайцы, но и важный элемент этнического самосознания. Память о героях прошлого была коллективной не только в рамках своего рода-племени, но и для всех алтайцев, что поддерживало национальное достоинство и вселяло уверенность в возможности преодоления новых испытаний.

Но самое тяжелое потрясение для народа Алтая приходится на середину XVIII в., когда Джунгарское ханство, частью населения которого были алтайцы, пало под ударами Цинских войск, а спасавшиеся от смерти и рабства «зенгорские беженцы» приняли Российское подданство. Именно этот период – начало многих алтайских исторических легенд и преданий, главными персонажами которых являются правители Ойротского государства Калдан, Шуну, Табачы, Амыр-Санаа. При этом история Джунгарии воспринимается как часть собственной истории, а ее правители как свои герои, что отражало как тесные и давние связи предков алтайцев-тюрков (средневековых теленгитов Всемонгольской эпохи) с ойротами, так и процесс идеализации прошлого и мифологизации истоков воскрешения заново алтайского этноса [2].

В истории Джунгарии было два хана, носивших имя Калдан: Калдан-Бошокут-хан и Калдан-Церен. Оба они знаменовали пери-

дей и для всего социума и зафиксированы те события, которые важны для всех, а их оценки не расходятся с мнением большинства. Получается, что если письменный источник отражает официальное мнение, то устный – отношение к тому или иному факту всего человеческого коллектива. И в этом случае он отражает не только значимый для всех исторический факт, но и ценностные установки людей, их представление о добре и зле, о том, что волнует их и на что они надеются как на осознанном, так и на бессознательном уровне. Устная традиция – это не только сохраненная историческая память, но и отражение этнического менталитета, а следовательно, того, что часто называется «этнической картиной мира», «национальным характером» того или иного народа. Поэтому изучение устного творчества дает возможность не только заглянуть во внутренний мир отдельного человека – представителя конкретной исторической эпохи и этнической принадлежности, но и соприкоснуться с духовным миром всего народа любой исторической эпохи.

С течением времени в памяти народа остается только то, что действительно значимо – последующие поколения неосознанно «корректируют» историю, дополняют ее более поздними, значимыми с их точки зрения фактами, и «создание» истории продолжается. Этот процесс приобретает коллективный характер, но заданные изначально принципы придают ему целостность и логичность.

Особое значение устная традиция приобретает у подвижных народов, занимающихся охотой, скотоводством, оленеводством. В отличие от оседлых обществ территория сама по себе не была базой для воспроизводства и дальнейшего функционирования их социально-политических институтов. В условиях подвижных скотоводческих обществ, сменяющих друг друга «кочевых империй», сопровождавшихся перетасовками человеческих коллективов, сохранение этносоциального единства не могло базироваться только на привязанности к конкретной территории или единой экономике.

Ядром государственного строительства были сами человеческие коллективы, а объединяющим началом для них служили названия различных этнических образований – родов-племен (сё-ёков-аймаков), которые осмысливались как признак общности

происхождения, основанного на реальных или вымышленных кровнородственных связях, что находило отражение в развитых генеалогиях «степных» народов. Это не давало возможности «забыться» как отдельному человеку, так и группе людей не только во время длительных перекочевок, но и вследствие военных набегов и иных бедствий. Знание своего рода создавало возможность найти «своих», вновь стать частью родственного коллектива, а значит, почувствовать уверенность и защиту, столь необходимую в условиях социально-политической нестабильности.

Поэтому не случайны в легендах указания на родовую принадлежность алтайских героев – Эскичек, победитель Кочкорбая, из рода кюзен, Бюдюке и его племянник Эрэлдей, спасшие Алтай от казахских набегов, а также Кулдюкай (Гулчугай), боровшийся против маньчжуро-китайцев, – иркиты, мудрый Боор – кара-майман, Ярынак – герой теленгитов, ак-кёбёк, силач Калаш, как и его внук Ирбисек, – кыпчаки и т.д. Каждый алтайский род имеет своего героя, мудреца, силача, непобедимого борца, и это не только воплощение тех качеств, которые ценили алтайцы, но и важный элемент этнического самосознания. Память о героях прошлого была коллективной не только в рамках своего рода-племени, но и для всех алтайцев, что поддерживало национальное достоинство и вселяло уверенность в возможности преодоления новых испытаний.

Но самое тяжелое потрясение для народа Алтая приходится на середину XVIII в., когда Джунгарское ханство, частью населения которого были алтайцы, пало под ударами Цинских войск, а спасавшиеся от смерти и рабства «зенгорские беженцы» приняли Российское подданство. Именно этот период – начало многих алтайских исторических легенд и преданий, главными персонажами которых являются правители Ойротского государства Калдан, Шуну, Табачы, Амыр-Санаа. При этом история Джунгарии воспринимается как часть собственной истории, а ее правители как свои герои, что отражало как тесные и давние связи предков алтайцев-тюрков (средневековых теленгитов Всемонгольской эпохи) с ойротами, так и процесс идеализации прошлого и мифологизации истоков воскрешения заново алтайского этноса [2].

В истории Джунгарии было два хана, носивших имя Калдан: Калдан-Бошокту-хан и Калдан-Церен. Оба они знаменовали пери-

оды укрепления ханства и рост его могущества, его «золотой век». Прообразом легендарного Шуну мог быть Лоузан-Шуну или просто Шуну – внук Аюки-Каана, сын Цэван-Рабдана, сводный брат Калдан-Церена, живший в первой половине XVIII века. Начавшиеся после смерти Цэван-Рабдана придворные интриги и борьба за престол вынудили Шуну бежать в низовья Волги, к своему деду, а затем уйти в Россию под крыло Бала-Каан.

Табачы – последний хан Джунгарии, которому в борьбе за престол помог Амырсана, потребовавший за это земли коренного Алтая, бывшие частью улуса правившей династии Ойрот-Каанов. Хотя Амырсана принадлежал к знатному роду, будучи внуком Калдан-Церена по женской линии, именно поэтому он не мог претендовать на ойротский престол, который в тот период традиционно наследовали чоросы. Однако Табачы отказался исполнить обещание, данное Амырсане, которому был всецело обязан своим воцарением. А нарушение договоренностей могло быть разрешено только на поле боя. Так и произошло, однако Амырсана потерпел поражение и не нашел иного выхода, как бежать за поддержкой в Цинский Китай, где он был принят при маньчжурском дворе с почестями как долгожданный гость, а позже ему было доверено возглавить одну из двух армейских колонн, которая двинулась против Джунгарии. Таким образом, имена Шуну, Амырсаны, Табачы олицетворяли собой трагические события в истории этой страны: междоусобицы, разорительные походы врагов, уничтожение государства. С ними связано бегство уцелевших ойротов и подданных им народов под защиту России.

Приведенная в книге легенда о Шуну фактически не только достоверно рисует родственные связи при дворе ойротских правителей, но и в сжатой форме передает историческую трагедию середины XVIII века. Дополнительную достоверность исторические факты получают путем включения в основной текст мифологических, вневременных сюжетов, которые придают им «легитимность», делают «достоверными» с точки зрения традиционного сознания. Это и камень яда-таш, влияющий на погоду, известный также в древнетюркских источниках, и сгусток крови в руках младенца – Шуну, находящий аналогии в легенде о рождении Чингисхана, и трансформация Шуну в собаку, что отражает древний тотемический миф, уходящий в древность о волке (собаке) – пра-

родителе рода Ашина, это и архаичное представление об имени как жизненной силе человека, разгадка которого равносильна победе над ним (сюжет борьбы Шуну и Змеинового царя), и т.д.

Важно отметить закономерность сохранения в алтайском историческом фольклоре имен ойротских правителей и их мифологизированного обобщения – образа Ойрот-Каана в виде титула. Это обстоятельство лишний раз подтверждает факт долговременных этнических и политических контактов населения Западного и Центрального Алтая и Джунгарии. Народная память удержала относительно «свежие» воспоминания об известной автономии Канских и Каракольских волостей, их приграничные связи с цинским императором – Эдиен-Кааном и русским царем – Ак-Кааном, непростые отношения с монголами и с казахами – кара-керейями. Это было время, которое по сравнению с предыдущими и, особенно, последующими, трагическими для всего Алтая событиями конца джунгарской государственности могло воистину показаться «золотым веком». Это-то «великое прошлое» и переносилось на будущее в период окончательного формирования современного алтайского этноса и сложения бурханистской идеологии. Расцвет Джунгарского ханства отождествлялся с образами его правителей, олицетворением которых стали Шуну и Ойрот-хан и, следовательно, их возвращение означало и возвращение «великого прошлого». Этот процесс осмысливался в парадигме мифологического времени, дополненного буддийскими представлениями о его цикличности. Недаром в легенде подчеркивается, что Шуну – хубилган, а значит, может вновь возрождаться – возвращаться в новом облики.

Память о Шуну, который являлся наследником когда-то могущественного государства, в идеализированном виде рисовала прошлое народа, который, как это обычно бывает при консолидации, обращается к своей истории. Мотив его ухода в Россию, по сути, отождествленный с поиском спасения «зенгорскими подданными» от цинского геноцида, – все это стало питательной средой для возникновения в преданиях мессианского сюжета, воспринимаемого как мечта о будущей счастливой жизни. В идеологии бурханизма этот сюжет получил максимальное выражение, а личности самого Эр-Шуну и иных реальных джунгарских властителей, таких как Калдан-Бошокту-Каан, Калдан-Церен, Амыр-

Санаа, стали той исторической основой, на которой сформировался образ мифического Ойрот-Каана как спасителя алтайского народа в бурханизме.

Мотив возвращения героя, призванного восстановить справедливость, известен в различных версиях монгольских преданий об Амурсане (по алтайски – Амыр-Санаа). Причем и в них особое внимание уделяется не подвигам его, а будущему возвращению [3]. При этом в таких легендах интерес от прошлого переносился на будущее. Большое место в сказаниях алтайцев (как и в некоторых монгольских вариантах предания) занимали указания на предзнаменования, которые позволили бы определить близящееся возвращение героя. Шуну отрезает хвост у своего коня и обещает вернуться, когда он снова отрастет, срубленная листовница также предвещает его возвращение в случае появления новых ветвей. И наконец он прямо заявляет о своем возвращении в будущем, когда он узнает свой народ среди прочих «по блеску черных глаз и особенным волосинкам на макушках».

В различных вариантах легенд о Шуну выступают на первый план три момента: связь героя с ойротской династической линией, его исход в Россию и его обещания возвратиться, вершить суд и восстановить на земле справедливость, что особенно сближает этот образ с бурханистским Ойрот-Кааном.

Ощущение нового качественного этнического состояния, связанного с завершающей фазой консолидации этноса алтай-киши в начале XX века, наполняло ее членов чувствами неуверенности и тревоги, которые стали психоземotionalной основой мессианских настроений и ожиданий. Внешне это проявилось в необычном поведении алтайского населения. Миссионеры фиксировали, что с середины мая 1904 г. они, якобы, «забросили свои пашни», выбросили фабричную одежду, сломали инвентарь промышленного производства, собирались группами и что-то оживленно обсуждали. Богатые раздавали деньги малоимущим. Получив их, алтайцы тут же «впустую» их тратили, словно стремились избавиться от богатства [4]. Такое поведение жителей Центрального Алтая аналогично поступкам меланезийцев – последователей культа Карго – и могло бы трактоваться в парадигме антиколониальных настроений. Однако желание избавиться от денег означало нечто более существенное, нежели неприязнь к «ко-

лониальным товарам». Оно указывало на кардинальный переворот, который происходил в сознании алтайцев, предполагая, что на смену «нынешним» ценностям и показателям благополучия должны прийти новые. «Новому» этносу, который стремительно порывал с фазой своего становления, нужны были и новые нравственные ориентиры.

Образ Ойрот-Каана имеет сложное происхождение. Из текстов бурханистских молитв восстанавливаются реальные исторические персонажи ойротской истории, скрывающиеся за ним Калдан-Бошокту-Каан, Калдан-Церен, Амыр-Санаа, Шуну, деяния которых вплетались в религиозно-мифологические сюжеты, в результате чего происходила их сакрализация и, самое главное, освященные традицией, они «удревнялись», приобретая таким образом легитимность. Но не менее важным является и другое обстоятельство – мифологизация шла путем постепенной утраты интереса к имени конкретного человека в сторону фиксации его национальной – ойротской – принадлежности. Славные дела ойротских правителей олицетворяли могущество их ханства, а сами они слились в образе Ойрот-Каана, чье имя воплощало в себе идеализированное «великое прошлое» не столько западных монголов, сколько их бывших подданных – тюркоязычных предков алтай-киши. Таким образом, удревнялась и ликвидировалась лакуна становления их этноса, а история Джунгарии воспринималась как собственная. Следовательно, «возвращение» Ойрот-Каана, которого ожидали, молясь, бурханисты, должно было вернуть и их «великое прошлое», их «золотой век», а значит, вслед за провозглашенной новой религией должны были последовать и новые ценности, и новые ориентиры дальнейшего развития. Отсюда – столь демонстративный отказ не только от шаманизма, но и от привычного образа жизни и благосостояния.

Возвращение Ойрот-Каана Шуну, подобно приходу Майтрейи ламаистов, значило окончание старого цикла времени и завершение процесса обновления социума и природы. Следовательно, ойротский период алтайской истории стал той фактологической и религиозно-мировоззренческой основой, на базе которых – уже в бурханизме – шло дальнейшее формирование мессианских представлений. Однако, несмотря на прямые аналогии в бурханистских и ламаистских представлениях, важно подчеркнуть, что послед-

ние послужили только «отправной» точкой для сложения мессиянской идеи бурханизма. В последнем произошло «расщепление» образа Будды-творца и Будды-спасителя. Образ первого слился с традиционными персонажами Верхнего мира шаманизма, а Будду Будущего заменил Шуну – Ойрот-Каан, в наибольшей степени реализовавший главный запрос алтай-киши на «новый» мир и новые ценности. Это сугубо национальный – алтайский – мифологический образ, результат мобилизации этноисторической памяти. Именно поэтому бурханизм является национальной религией алтай-киши, а не еще одной формой ламаизма, хотя и сформировавшейся не без влияния последнего, но уже адаптированного и слившегося с традиционными шаманистскими представлениями [5].

В легендах подробно описывается ситуация, сложившаяся на Алтае после гибели Джунгарии, – многочисленные враги устремились на беззащитное население, которое мужественно сопротивлялось. Среди противников нередко фигурируют наряду с халха-монголами и маньчжурами казахи (в легендах – кара-кереи), и особенно часто – их предводитель Кочкорбай (Кошкарбай), который был убит на Алтае во время одного из своих разбойничьих набегов. Легенды дают разные варианты имени героя, но не только это оказалось важным для народной памяти. Проходит время, и, несмотря на сохранявшуюся память о казахских вторжениях, вновь на Алтае появляются казахи, но теперь это просто батыры-борцы, приехавшие помериться своей силой с алтайскими борцами-бёкёлерами. Легенды не только отражают изменения отношений алтайцев с бывшими врагами, но и несут в себе глубочайший гуманистический потенциал, раскрывающий особенности менталитета коренного населения Алтайских гор. Это, наряду с мужественностью, умение прощать бывших врагов, это понимание силы физической и как нравственного совершенства – не случайно алтайские богатыри – честные и скромные люди в повседневной жизни, это чувство собственного достоинства и желание учиться чему-то новому, как это описывается во взаимоотношениях первых русских поселенцев и алтайцев на реке Майме. Все это рисует алтайскую традиционную культуру как склонную к компромиссам, для которой важное значение имеет идея гармоничного сосуществования как с окружающими народами, так и со своей землей, со своим Алтаем.

Важными сюжетами с точки зрения осмысления алтайцами своего прошлого являются легенды о «повторном заселении» Хан-Алтая после вынужденного исхода на север вследствие цинских и халхасских военных вторжений. Из теленгитских легенд следует, что поначалу они еще не обитали в Чуйской степи. Первыми появились здесь ак-кёбёки, занявшие пастбища ранее живших здесь дёрбетов, переселенных маньчжуро-китайскими властями на восток за хребты Сайлюгема, за линию пограничных караулов. Ранее они жили в долине Чолышмана, и их оттуда, видимо, потеснили тёёлёсы, спасавшиеся от походов Петра Сабанского и переправившиеся с северного на южный берег Алтын-Кёля (Телецкого озера), что и объясняет опустение берегов озера по отпискам кузнецких людей в 30–40-гг. XVII века.

Заслуживающими дальнейшего изучения являются легенды о том, что «уцелевшие от завоевания войсками Эдиен-каана ойроты и урянхай стали называться алтайским народом», или о том, что «алтайские урянхай после гибели Табачы и бегства Амырсаны остались без правителя», т.к. они дают возможность для реконструкции двух основных этнических массивов, из которых к XX веку сформировались алтай-киши.

В русских документах XVIII века территория Центрального и Западного Алтая обозначалась как «зенгорские Канские, Каракольские волости», население которых, как и сами ойроты, часто именовалось «калмыками», что отражало их политическую зависимость от Джунгарии и подверженность ее культурному влиянию. Несмотря на то, что канские и каракольские волости часто упоминаются вместе и представляли собой некое этнополитическое и культурное единство, видимо, они сами четко различали друг друга.

При переписке с русскими властями в 1756 году помимо указания на подвластные им отоки-волости зайсаны отмечали свою этническую принадлежность. Так, зайсанами «теленгутов» назвали себя «Намук, Церин, Буктуш, Бурут, Боохол» [6], в другом же документе некоторые из этих имен фигурируют как зайсаны «телецкого владения». Так свою этническую принадлежность определяли Буктуш, Брут (Бурут), Номык (Наамкы), к которым добавились имена Кутука и Намыкая [7]. Получается, что в середине XVIII века этнонимы «теленгут» и «телеут» еще были синонимами, широко

использовались местной элитой и, в первую очередь, соотносились с Каракольской волостью, в которой видной фигурой был Кутук и его брат Мамут. Эта волость располагалась за Семинским перевалом на левобережье Катуня и соотносится с Центральным Алтаем, население которой сформировалось в результате взаимодействия теленгетских (теленгутских) и ойротских этнокультурных компонентов.

Кроме «Каракольской волости» русские выделяли во Внутреннем Алтае «Зенгорскую Канскую волость», которая локализовалась в Западном Алтае и формирование которой отличалось еще большей сложностью. Помимо теленгетской этнической основы, частично подвергшейся ойротской аккультурации, она содержала в себе еще один этнокультурный пласт. Это нашло отражение в том, как свою этническую принадлежность определяли родственники Омбо. В документах «Омбин брат <...> Омбин сын Болот» фигурируют как «уранхаевы зайсанги» [8]. Учитывая патрилинейность, можно утверждать, что и сам Омбо был «уранхайцем».

Этноним «уряньхайцы» имеет несколько трактовок. Так, в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина указывалось на существование в Прибайкалье местности Баргуджин-Токум, где обитало разнообразное горно-таежное население, среди которых выделялись урянкаты, и они были предками некоторых тюркских и монгольских народов [9]. В старинных преданиях якуты называли себя уранхай саха, что свидетельствует о сложности их этногенеза. Этот термин – урянхайцы – использовался китайцами, которые под ним понимали «окраинное» по отношению к ним население [10]. В последнем значении, имеющем, скорее, геополитический, нежели этнический смысл, это название во второй половине XIX века закрепилось только за обитателями бассейна верховьев Енисея, т.е. за тувинцами.

В разные периоды своего существования этот термин мог обозначать различные категории: этническую, геополитическую, социально-экономическую, административно-территориальную принадлежность той или иной группы населения. Поэтому столь важно определить внутреннее содержание термина (этнонима) «уряньхай» на конкретном историческом этапе существования этноса.

Исходя из русских документов, в середине XVIII века он обозначал достаточно обширную этнокультурную общность, захватывавшую не только западную часть горного Алтая, но и «урочище Уйман» [11], где до переселения на Волгу к калмыкам кочевал зайсан Намжул (Наамжил), а также верховья Иртыша, где находились «владения» «уранхайских зайсанов» Гулчугая (Кулчугая), Бобоя, а впоследствии Анжина и Кохойя. В хозяйственном плане урянхайцы верхнего Иртыша делились на две группы. Как сообщает документ: «Урянхайцы бывают пешие и питаются сараною и марьиным корнем; которые же имеют скот, те стоят по местам, где есть корм для скота и звериный промысел» [12]. Показательно, что в документе не смешиваются два хозяйственно-культурных типа, и если второй соответствует подвижному скотоводству и соотносится с центральноазиатским «кочевым миром», то первый является достаточно полным описанием образа жизни охотников и собирателей горно-таежной зоны Сибири, в том числе и жителей «страны Баргуджин-Токум», т.е. урянхайцев Прибайкалья.

Следует также обратить внимание на то, что этноним «урянхайцы» часто сопрягается с другим этнонимом – «иркит-ирхит-иргит». На русских картах XVII века в верховьях р. Иркут и вокруг о. Тунка недалеко от Тункинского острога показана этническая общность – «ирхинцы». В XIX веке они были известны как «тункинские и окинские сойоты». Таким образом, Прибайкалье выступает и как территория проживания этнической группы иркит, частично вошедшей в состав западных бурят – эхиритов, которая территориально и культурно оказывается связанной с урянхайцами русских документов. Этноним иргит широко распространен и в Туве: по данным Г.Н. Потанина почти во всех десяти сумынах Урянхайского края в XIX в. существовало подразделение ирхит [13]. Согласно же устной традиции алтайцев, и «почтенный зайсан Омбо», и храбрый Гулчугай также происходили из рода «иркит». Таким образом, на территории Западного Алтая и примыкающих к нему верховий Иртыша в XVIII веке существовала урянхайская общность, часть которой, наряду с «теленгутской» («алтайской» в легендах) вошла в состав Алтайского Улуса, что и подтверждается устной традицией.

О том, как важно было для беглецов, изгнанных из привычных мест обитания, вновь «обрести свою родину», свидетельствует

легенда о Солтоне и его сыновьях. Покинув свои кочевья в верховьях Иртыша вследствие вражеских вторжений, они осели после длительных миграционных переходов в Урскульской долине, дав начало местным кара-майманам. Однако, согласно традиционному мировоззрению, поселиться на новом месте еще не значит сделать эту землю своей. И вот сын Солтона – мудрый Боор проводит обряд: вспоминая родину предков – истоки Иртыша на Южном Алтае, он приносит жертву новой земле, разбрызгивая кобылье молоко на четыре стороны, осуществляя кропления солнцу, луне, духам земли и воды Алтая. Таким образом, он, а через него и его народ вступают в сакральную связь с новой родиной-юртом, получают благословение на жизнь свою и своих потомков в этих долинах, а главное, попадают под покровительство Духа Алтая – Алтай Ээзи.

И сегодня каждый алтаец, вступая на перевал, остановившись у аршаана, совершает эти же ритуалы, постоянно возобновляя сакральную связь со своей Родиной, со своим Алтаем.

Важно подчеркнуть, что во всех легендах четко обозначена связь народа и его Родины. Алтай Ээзи – Хозяин Алтая является таким же реальным персонажем, как другие герои легенд. Он дает пищу беглецам, насылает непогоду и камнепады на врагов, защищает, пряча своих «детей» в пещерах от монголов, кереев и маньчжуров, помогает своим богатырям в сражениях и борьбе – куреш. Весь народ и каждый человек тысячами нитей связан со своей Родиной, а некоторые люди становятся и частью ее ландшафта, как это стало с Бабырганом, Синюхой. Эта связь проявляется и в том, что каждая река и ручей, каждая долина и ложбинка, утес, гора или отдельно стоящий камень имеют свою историю, тесно переплетенную с историей человеческой. Все географические объекты носят свои названия, некоторые из которых в прошлом были именами славных героев и вплетены в историю алтайского народа.

Для алтайца его родной Алтай не просто пейзаж – это источник информации о прошлом, это связь с прошлым, это постоянное напоминание о трагических или драматических событиях собственной истории, о славных делах своих предков. И пока стоят горы, плещутся реки, дует ветерок, память сохраняется. А ее достоверность подкрепляется письменными документами, в кото-

рых фигурируют легендарные имена и зафиксированы реальные события. Письменная история дополняется историей «живой», ибо последняя отбирает только то, что нужно самому народу, чтобы он достойно занимал свое место между предками и потомками в череде поколений своей Родины, своего Алтая.

Очень важно, чтобы люди, приезжающие в горы Алтая, понимали это и столь же бережно относились к окружающей их истории, застывшей в великолепии гор, долин и рек. И тогда в шуме воды, шорохе ветра, в шелесте и аромате трав, в сиянии звезд они услышат прекрасную историю этой земли, которая не пишется, а рассказывается.

*Л.И. Шерстова, доктор исторических наук,
профессор ТГУ (Томск), Е.В. Королёва*

[1] Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14. В25.31.0009).

[2] *Шерстова Л.И.* Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск: ТГУ. 2010. С. 204–205.

[3] *Владимирцов Б.Я.* Монгольские сказания об Амурсане //УЗ КНИИИЯЛ. 1967. Вып. 5. С. 179–187.

[4] *Новиков И.* Волнение и движение среди алтайского язычества в мае-июне текущего года // Томские епархиальные ведомости. 1904. № 18. С. 2.

[5] *Шерстова Л.И.* Указ. соч. С. 232-235.

[6] *Самаев Г.П.* Горный Алтай в XVII – середине XIX веков: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск. 1999. С. 245.

[7] *Самаев Г.П.* Указ. соч. С. 242.

[8] *Самаев Г.П.* Указ. соч. С. 241.

[9] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. М.: Ладомир. Т. 1. Кн. 1. 2000. 221 с.

[10] *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX вв. М.: Наука. 1978. С. 122.

[11] *Потанин Г.Н.* Пространство Северного Казахстана и Сибири по документальным публикациям Г.Н. Потанина. Томск: ТГУ. 2013. С. 169.

[12] Потанин Г.Н. Пространство Северного Казахстана и Сибири. С. 156.

[13] Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. М., 1883. С. 10–13.

Творческий метод Бронтоя Бедюрова

Настоящее издание открывает «Слово об Алтае» – историческое эссе Бронтоя Бедюрова, которое является программным произведением писателя и выдержало несколько переизданий в составе различных сборников на алтайском и русском языках [1; 7; 11]. Своеобразие литературного стиля эссе, выразительная сила поэзии в прозе стали причиной того, что это произведение быстро «ушло в народ». В настоящее время «Слово об Алтае» звучит повсюду: в концертах филармонии, из уст политиков, со страниц газет. «Слово» цитируют безо всякой отсылки, в архаической традиции безымянного авторства. Подобная судьба эссе во многом обусловлена спецификой истории алтайской народной литературы.

Алтайский язык, наряду с уйгурским, бурятским, калмыцким, тувинским, хакасским, казахским, киргизским, а так же языком сибирских татар, описанным Г.П. Потаниным, и многими другими языками тюркской и монгольской групп, включая и языки народов Дальнего Востока (саха-якутский), имеет прямое отношение к тюрко-монгольской средневековой литературной традиции. Последняя сформировала свой корпус жанров в VII–XXII вв. н.э., включая эпос, сказки и несказочную прозу (исторические предания), славословия – макталы, воинскую поэзию, пейзажную и любовную лирику, религиозные предания и песнопения. Стилистика отдельных жанров, равно как и их разнообразие сохраняются и по сей день в соответствии с состоянием языка и уровнем развития этнической культуры носителей [2]. Поэтому развитие алтайской литературы в XX веке опиралось на многовековую народную традицию, прошедшую в разные периоды как письменные, так и бесписьменные стадии.

Современный алтайский народ является прямым наследником корпуса исторических преданий и, в определенной степени, национального самосознания полиэтнической агломерации Ойротского ханства. Это касается как северных, так и южных алтайцев, а так

же малых этнических групп, таких как байат-телеуты Кемеровской области [4], тёлёсы Прителецкой тайги, чуй-киши (теленгиты) Кош-Агачского района РА [3]. В качестве компонента ритуальной практики бурханизма исторические предания Ойротской эпохи зафиксированы в том числе среди куу-киши (лебединцев), кумандинцев и туба, что не позволяет исключать данные группы из ареала распространения ойротского наследия [16]. И это не случайно, все перечисленные этнические группы являются потомками таутелеутской этнической общности Ойротского периода. Вплоть до 1948 г. В рамках Ойротской АО коренное население Горного Алтая использовало этноним-политоним «ойрот», что достаточно точно отражало указанную специфику. Современный этноним «алтайкижи» (алтай-улус, алтаец) имеет выраженную локальную специфику, что приводит к путанице среди исследователей, связанной в числе прочего с узкогеографической трактовкой термина «алтай».

Бронтой Бедюров унаследовал алтайскую народную (тюркомонгольскую) литературную традицию по линии отца – поэта-фронтовика Янги из рода тодош и по линии матери – Розы-Ток из рода кара-майман. Последнее было обеспечено традиционно глубокой причастностью дядей по женской линии (Кейлука и Айылдаша) к воспитанию племянников. Семейная легенда гласит, что род отца восходит к певцу-сироте Батулаю, который поразил своим искусством Ойрот-Каана. А род матери писателя восходит к прапредку Солтону по линии Ак-Билека – поэта-песенника, которому приписывают авторство предания «Сыновья Солтона». Старшим братом Ак-Билека был провидец Боор – ключевая фигура постджунгарского этапа алтайской истории [3].

Литературные способности Бронтоя Бедюрова проявились в школьные годы. Первые юношеские стихи Бедюрова были опубликованы в газете на родном языке в 1963 году, когда автору было всего 15 лет [5]. После окончания национальной школы, юноша успешно поступил в Литературный институт им. Горького. А вскоре увидел свет первый авторский сборник на алтайском языке в 1967, в год 19-летия поэта [6].

Родовое происхождение, само место рождения в селе Онгудай, детство, и отрочество, прошедшее в Куладе Каракольской долины в значительной степени предопределило острый интерес Бронтоя Бедюрова к национальной истории. Специфика Горно-Алтай-

ской АО заключалась в негласном запрете на обращение к теме досоветской (ойротской) истории, которая была органически связана с темой бурханизма (Ак Янг) – запрещенной и репрессированной при Советах народной религии. Между тем молодой писатель стремился глубоко изучить историю вхождения алтайского народа в состав России, причины и альтернативы этого исторического выбора. Отсюда обращение к раннему циклу исторических преданий, затрагивающих XVII–XVIII вв. [7], равно как и обескуражившее многих поступление в аспирантуру НИИ Востоковедения СССР в 1977 году уже после окончания Литинститута и после успешного дебюта в московских журналах.

Постепенно в аспирантский (второй московский) период в своем творчестве писатель сфокусировался на этнической истории и мировоззрении. Выводя на первое место национальные особенности мышления (воскресив в своей поэзии такие жанры, как благопожелания-алкыши, двустишие-афоризмы, макталы-восхваления), Б. Бедюров, казалось бы, сосредоточился на «фольклоризме», в котором его упрекали недальновидные оппоненты и соратники по литературному фронту. Однако именно здесь, в глубине этнической истории он ищет ответы на вопрос о причинах исторической близости алтайского и русского народов. Ищет и, разумеется, находит.

Истоки этнической комплиментарности (в близких писателю терминах Льва Гумилева) скрываются, по мнению Бедюрова, в раннем средневековье. Внутренняя организация прямого предшественника Московской Руси – Золотой Орды – Улу-Улус (с ее правым и левым крылами, гвардией и специализированными поселениями ремесленников – слободами) опиралась на более развитую центрально-азиатскую государственную традицию. Для причастных к этой традиции народов, таких, например, как алтайцы, государство российское никогда не представлялось непонятным мифическим чудищем, пожирающим «малые народы». Напротив, внутренняя структура и необходимость крупной государственной агломерации была интуитивно понятна, да и сам государь Ак-Каан осмысливался как «родственник по женской линии» прежних высокородных каганов. Соответственно, дискурс алтайских исторических преданий, связанных с этапом вхождения в Россию, строится на определении роли своего этноса в со-

ставе нового государственного образования (стремлении к самоуправлению, автономии).

Обращение к истории всегда сопряжено с реконструкцией. Мы пытаемся увидеть мир глазами людей уже умерших и, увидев, понять и оценить, исходя из наших современных ценностей и ориентиров. В случае Б. Бедюрова, на раннем этапе произошло соприкосновение письменных и устных источников. Для этого, по личному признанию автора, и нужна была аспирантура. Летописный Иренак встретился с легендарным Аба-Ярынаком. Исторический Лобзанг-Шоно с легендарным Шуну-Баатыром (и его мифологическими прототипами – принцем Ашина и Найманским Кючлук-Кааном).

В алтайском национальном сознании эти персонажи живут в буквальном смысле слова: они ушли *вперед (!)*, в мир героев, но к ним и сейчас можно обратиться, что и происходит всякий раз, когда где-то пересказывают легенду или предание. И они отвечают. Прилет птицы, внезапное изменение погоды и иные приметы позволяют понять и расшифровать ответ из мира героев, который так же, как и наш земной «солнечно-лунный мир», является частью вселенной «Телекей». В сущности, мы ныне живущие – просто птицы, на родовых ветках железного «Бай-Терека», корни которого глубоки, как сама история. Отсюда это остро актуальное сознание своей преемственности по отношению к линии предка-прародителя, которое только усугубляется народной трактовкой буддийского учения о перевоплощении: герой возвращается/воплощается через поколения в своем коренном роде/сёеке.

Аналитика классических научных работ, подлинные письменные источники и широкий спектр текстов устной народной литературы – это роскошный набор для начинающего исследователя, а для писателя с широким кругозором – и подавно. Не случайно, свои исторические эссе, основой для которых послужили главы из диссертации, Бронтой Бедюров пишет не в эмоционально ровном тоне кабинетного ученого, но как живой свидетель прошлого. Гражданская война, интервенция и депопуляция, когда от прежней численности ойротского народа осталось не более 10%, предстает перед глазами читателя во всем своем чудовищном масштабе. Анализируя собранные устные предания, писатель последовательно прослеживает, как сужается подобно шагреневой коже сознание уцелевших остатков некогда большого народа. Не-

избежную в таких условиях деградацию материальной и духовной культуры автор воспринимает и описывает как трагедию [8]. Путем выхода из тисков послевоенной разрухи как раз и становится возрождение национального самосознания, языка высокого стиля, и, в том числе, национальной религии, с точки зрения Бронтоя Бедюрова, это буддизм грядущей эпохи Майтреи.

Защита диссертации с таким восприятием истории была немислима в советский период, учитывая доминирующую концепцию Л.П. Потапова [9]. Зато писательский статус позволял в обрамлении подлинных фольклорных текстов высказывать искомые идеи и оформлять их в самые архаичные термины, жизненно необходимые любому языку, носители которого намерены перешагнуть могильный порог миноритарного статуса. Потеря терминов «высокого стиля», обозначающих сложные понятия, имеющие отношение к религиозной философии или к фундаментальным основам государственного устройства, равно как и потеря национальных терминов административного словаря – это общая беда, свойственная не только алтайскому, но и многим другим языкам народов России.

В то время, когда Б. Бедюров начинал публиковать свои исторические предания и песни, подобная практика разговора с читателем через посредство фольклорных текстов отнюдь не была повсеместной и приемлемой. От расправы со стороны коллег-писателей молодого Бедюрова спасал знаменитый на всю страну переводчик Яков Козловский, который разглядел в его творчестве свежую струю и благословил его работу в этническом ключе. Переводы Козловского давали молодому автору зеленый свет на работу в избранном направлении [10]. В годы учебы в Литинституте покровительство юному таланту оказали поэты Лев Ошанин и Ярослав Смеляков, рекомендовав в члены Союза писателей.

Всю свою творческую биографию Бронтой Бедюров посвятил реконструкции исторического самосознания алтайского народа, собирая исторические предания, в том числе, сохранившиеся не полностью, по осколкам (Ойрот-Каан, Эр-Чадак, Бююки, Эрельдей, Юскус-Уул и т.д.), а так же образцы переходного жанра, те из них, что уже начали превращаться в легенду (цикл о Шуну, сыновья Солтона, цикл об Аба-Ярынаке) [11]. Он собирал и сказки, и пословицы, разнообразные образцы народной поэзии, группи-

руя тексты по жанрам. Он собирал все образцы народной литературы, сохранившие термины «высокого стиля» в естественном контексте и в живом употреблении, мобилизуя собственные семейные и родственные связи. А далее, восстановив значение того или иного термина, для чего приходилось неоднократно обращаться к монографиям В.В. Радлова, Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, В.И. Вербицкого и других (переизданию которых писатель усердно способствовал) [12;13], а так же к словарям языков родственных тюркских и монгольских народов, Бедюров начинал использовать эти термины при литературной обработке редуцированных текстов плохой сохранности или небрежной записи. Писатель-востоковед четко разграничивал необработанные и обработанные тексты, помечая последние как пересказ. Кроме того, все восстановленные термины немедленно использовались в публичных выступлениях и интервью, отправляясь назад в ту народную языковую стихию, откуда они были извлечены исследователем первоначально, но уже наполненные новым смыслом.

Суть творческого метода Бронтоя Бедюрова состоит не только и не столько в собирательстве и литературной обработке фольклора, сколько в реконструкции смысловых структур языка там, где они были утеряны или размыты повседневными, бытовыми значениями однокоренных или омонимичных понятий. И этот восстановленный язык высокого стиля писатель использует, отвечая на вопросы современности, рассуждая об истории Алтая в контексте истории России в советский и постсоветский периоды. Будучи вовлеченным в ультрасовременный дискурс о судьбах народов и национальных культур в пространстве Евразии, алтайский язык обретает в устах Бронтоя Бедюрова новую жизнь и новые смыслы. Антропоцентризм и связанные с ним экологические издержки, шовинизм, как маркер ограниченного кругозора, межнациональные отношения в эпоху глобализации – все эти проблемы находят отклик в его творчестве.

Реконструкция лексического состава миноритарного языка ставит целью расширение сферы его применения, а значит спектра тем, обсуждение которых на этом языке возможно. Достижению этой цели служили многочисленные переводы с других языков на алтайский, которые осуществил Бронтой Бедюров. Перечень авторов очень велик, назовем лишь самых известных:

Антуан де Сент Экзюпери, Рюноске Акутагава, Федерико Гарсиа Лорка, Генрих Гейне, Генрих Ибсен, Сергей Есенин, Евгений Евтушенко, Назым Химкет, Такубоку Исикава и другие [14].

Исторические изыскания Бедюрова, помимо очевидной и вполне востребованной алтайским читателем цели реконструкции национального самосознания, преследуют и другую, не менее важную цель. Писатель стремится показать и убедительно доказать, что сама история взаимоотношений русского и алтайского народов, как и других народов Евразии, отнюдь не берет начало в конце XVIII века, в пору вхождения в состав Российской империи или в советский период, но имеет многовековую протяженность. В этом контексте рука об руку с литературным творчеством следует деятельность Б. Бедюрова политика и дипломата, который стремится доказать возможность и необходимость мирного и взаимовыгодного сосуществования между народами на постсоветском пространстве. И в этой работе как нельзя лучше пригодился алтайский язык высокого стиля, насыщенный древними терминами, понятными большинству тюркских народов без перевода. Отсюда и престижная премия имени средневекового поэта Юсуфа Баласагуни, которой писатель был удостоен в 2014 г.

Следует отметить, что писательский статус Бедюрова никоим образом не умаляет, а наоборот, возвышает и расширяет ценности проделанной им огромной работы по собиранию и систематизации устных исторических источников. В процессе этой работы были осуществлены научные открытия: это и установление тождества Аба-Ярынака алтайских исторических преданий и кыргызского князя Иренака сибирских летописей, а так же обнаружение и литературоведческий анализ древнетюркского сюжета «Спора чая и водки» (имеющего уйгурский протограф) в творческом наследии первого алтайского писателя Михаила Чевалкова [15].

Творческая биография Бронтоя Бедюрова является успешной. Да и что может быть наиболее наглядным свидетельством успеха, если не прямое цитирование, пусть и без отсылки к автору, возвращение в народ найденных, восстановленных и обработанных, переизданных писателем текстов! В контексте алтайской традиции Б. Бедюров – известный острослов. Он востребован во всех тюркоязычных регионах (Хакасии, Саха-Якутии, Туве, Киргизии, Татарстане и т.д.) как спикер и популяризатор единства истории.

Да специфика нашего времени заключается в том, что историческая реконструкция стремится выйти за границы литературы и игровых полигонов и оказать действенное влияние на повседневность. И здесь инерционность социальных процессов сталкивается с миром воображения писателя и поэта, преломляясь в то, что принято именовать «горечью познания». Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Будущее наступит, а каким оно будет, кто знает? Возможно, следуя совету поэта-Бедюрова, следует принять как данность:

Выше правды сегодняшней истина есть,
Выше знаний сегодняшних знания есть.

1. Бедюров Б.Я. Слово об Алтае. История, фольклор и культура. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское Отделение Алтайского книжного издательства, 1990. – 400 с.

2. Королева Е.В. Индивидуальное и традиционное в поэзии алтайца-фронтовика Янги Тодоша Бедюрова (1907-1961).// Сюжетология и сюжетография. Вып. 1, 2016. <http://www.philology.nsc.ru/journals/sis/pdf/SS2016-1/08.pdf>

3. Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии. – Томск: Томский государственный университет, 2010. — 288 с. С. 264–266

4. Батьянова Е.П. Телеутская версия бурханизма.// Этнографическое обозрение, 2005. №4 С. 70–85 http://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2005/2005_4_Batyanova.pdf

3. Бедюров Б. Я. Слово о родословной.// Бедюров Б.Я. Слово об Алтае. История, фольклор и культура. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское Отделение Алтайского книжного издательства, 1990. С. 335, 341–342, 349.

5. Танг Атканы.// Алтайдың Чолмоны, 01.01.1963; Пробуждение.// Молодежь Алтая, 14.12.1963; Себи-Бажы.// Алтайдың Чолмоны, 25.10.1964

6. Баштапкы алтам – Первый шаг: Стихи. – Горно-Алтайск, 1967. – 92 с.

7. Озогы Түүкилер. Алтайские легенды и предания ойротской и царской эпох. Редактор-составитель Б.Я. Бедюров. – Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2011. – 424 с.

8. Бедюров Б.Я. Алтай-Хангай – вечная родина.// Слово об Алтае. Том IV. Поэзия, проза. – Горно-Алтайск: ГУ Книжное издательство «Уч Сюмер – Белуха», 2007. – 599 с. С. 353–417
9. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев / Л.П. Потапов; Акад. наук СССР. Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая; [отв. ред. С.В. Киселев]. – [2-е изд., доп.]. – Москва – Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 444 с.: ил.
10. Бронтой Бедюров. Небесная коновязь: Стихи/ Пер. Я. Козловского. – М.: Современник, 1979. – 126 с.
11. Алтайские исторические предания Ойротской эпохи: XVII–XIX вв. / Гл. ред. и сост. Б. Я. Бедюров, пер. Е. В. Королёвой. Новосибирск: Гео, 2014.
12. Потанин Г.П. Очерки Северо-Западной Монголии. Изд. 2-е. [Репринтное воспроизведение издания 1883 года]/ Сост. и автор вступ. статьи Б.Я. Бедюров. – Горно-Алтайск, 2005. – 1026 с.
13. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Сост. Протоирей В. Вербицкий. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2005. – 504 с.
14. Бедюров Бронтой Янгович (библиографические материалы). Сост. Л.Т. Баштыкова. – Горно-Алтайск: Редакция журнала «Солоны», 2007. – 140 с. С. 109–113
15. Бедюров Б.Я. Слово об Алтае. Ч. II. История, фольклор и культура. – Горно-Алтайск, ГУ книжное издательство «Юч-Сюмер – Белуха» Республики Алтай, 2003.
16. Екеева Н.М. Культура и религиозные воззрения народов Республики Алтай.// Вестник Томского государственного университета, 2013. №3 С. 130–133 <http://cyberleninka.ru/article/n/kultura-i-religioznye-vozzreniya-narodov-respubliki-altay>

Глоссарий

Аба – Отче, Батюшка или почетное прозвание для старейшины рода, прародителя.

Абыс – священник, поп.

Аил (айыл, аль) – а) традиционное жилище алтайцев, как правило, шестиугольное в основании, вход направлен на восток. Различают войлочный аил, срубной аил и деревянный аил (см. ча-

дыр); б) единица исчисления населения в ойротском государстве, примерно 5–7 человек.

Аймак – племя, народ; район, административно-территориальная единица в ойротском государстве; обозначение района в Ойротской АО (после 1947 г. Горно-Алтайской АО).

Айран (айрак) – кисломолочный напиток.

Ак-Бурхан – Белый Бурхан, божество из пантеона бурханистов (последователей Ак Янг); Чистая душа (иносказательно, новорожденный ребёнок).

Ак-Каан (ойротск. Темир Чаган Каан) – Белый Царь, титул русского царя, императора.

Ак Янг (Ак Янг) – алтайская народная религия, основанная на возрожденных в начале XX века буддийских ритуалах Ойротского государства (см. Дзунгария) и народных пантеистических традициях почитания родной земли – Алтая.

Алас – восклицание при священнодействии, при окурировании можжевельником, кроплении молока духам Алтая.

Алман – дань, подати, фиксированный натуральный налог в ойротском государстве.

Алыма-шикир – фрукты-сладости, традиционное угощение и неизменная часть приза победителю борцовского поединка в стиле куреш (см.: куреш).

Алтай – а) земля, малая родина, вотчина (с прописной буквы); б) Родина в широком смысле, Родная страна; в) Мир, Земля, Ойкумена (с заглавной буквы); г) географическое обозначение горной системы в сердцевине Евразии на современных картах.

Алтай-киши – люди Алтая, обобщенное самоназвание коренного тюркоязычного населения Алтайских гор.

Алтай-Кудай – Бог, Владыка Вселенной, Всевышний.

Алтай-Улус – этническое самоназвание алтайского народа (мощественное число для термина Алтай-киши).

Алтай-Ээзи – Дух-хранитель Алтая, глава существ, одухотворяющих все природные явления.

Алтын Судур – Золотая Сутра, буддийский философский трактат, используемый героями алтайских легенд для предсказания будущего, провидения сути происходящего, достижения понимания прошлого (см. также: судур).

Алып – воин, герой, богатырь.

Аманат – почетный заложник, представитель знатного семейства из числа сибирских народов, которого содержали в русском остроге как гарантию от нападения его сородичей.

Амбынь – китайский пограничный чиновник.

Амыр-Санаа – а) в легендах – один из братьев Шуну-Баатыра; б) в исторических преданиях – последний Ойрот-Каан, герой гражданской войны и руководитель ойротского восстания против интервенции Цинского Китая, родился около 1722 г., умер, согласно русским административным данным, в 1757 году в г. Тобольске, а тело предано земле в приграничной с Цинским Китаем крепости Староселенгинске на территории современной Бурятии.

Араки (аркы) – молочная водка, продукт перегонки чегеня (см.: чегень).

Аргымак – богатырский конь особой породы, способный преодолевать огромные расстояния без остановки, перескакивать горы и реки.

Аршан-Суу – целебный источник, дар Алтай-Кудая (см.: Кудай).

Арчын – можжевельник, священное растение алтайцев и других народов Центральной Азии, используется для воскурения во время религиозных церемоний, а также в народной медицине как антисептик, фимиам.

Арчымак – кожаные переметные сумы особой конструкции, которые крепят к седлу с обеих сторон.

Ахун – провидец, мудрый старец.

Аюку-Каан (Айукку-Каан) – глава Калмыцкого ханства, побратим российского императора Петра I, дедушка по матери богатыря Шуну.

Баатыр – богатырь, сказочный силач, прославленный герой из простого народа. Тот факт, что этим титулом наделен высокородный Шуну, свидетельствует о необычайном уважении к нему его современников.

Бай – богач, в буквальном переводе с монгольского «имущий».

Байат – название древнетюркского племени, а также современных телеутов Кузнецкой степи и ныне монголоязычного народа из Убсу-Нурского аймака Монголии.

Байтал – нежеребая молодая кобыла.

Бала – а) дитя, балам – мое дитя, обычное обращение к ребенку, оолум – тоже, что и балам по-тувински; б) девица.

Бала-Каан – Царь-Девница, собирательный образ русских императриц.

Белкенчек – задняя часть овцы (курдюк и задние ноги); часть свадебного ритуала у алтайцев, дарение даров и похвальба приданым, по обычаю происходит у родителей невесты после празднования тоя (см.: той).

Бёкё – борец, силач, герой борцовских поединков.

Бий – военный начальник над аймаком, крепостью, русским острогом, тюркский аналог терминам «воевода», «генерал», «господин», начальник, царский чиновник.

Байсын (тибетск. **Байшын**, тувинск. **Бажын**) – глинобитный, кирпичный или каменный дворец с применением штукатурки в отделке.

Барынта – угон чужого скота, крупная кража, разбой.

Барынтач – грабитель, разбойник.

Боом – узкое место на дороге, на реке, которое невозможно миновать: ущелье, теснина, притор.

Бурхан – бодхисаттва, существо высшей природы в алтайском (и буддийском) пантеоне.

Бурхан Тарике (ойротск. **Дарай Эхе**) – Зеленая Тара или Белая Тара, представительницы буддийского пантеона.

Бюючи – парные ленты на традиционной мерлушковой шапке.

Делег – теленгит, этноним на тувинском языке.

Далемба – китайская хлопчатобумажная ткань.

Демичи – должностное лицо в ойротском государстве, помощник зайсана (см.: зайсан).

Дёрбён Ойрот – в русских источниках Зенгория (Дзунгария), конфедеративное государство, первоначально созданное союзом четырех ойротских (западно-монгольских) народов: торгутов, дэрбэтов, чоросов, хошутов, позднее – федерация различных тюркских и монгольских народов Центральной Азии, Ойротское ханство.

Дёрбён-Каан – см.: Ойрот-Каан.

Дзунгария (**Джунгария**) – в русских источниках старинное название ойротского государства (см.: Дёрбён Ойрот), происходит от монгольского словосочетания «дзун гар», что означает «левая рука». Исторически ойротское государство образовалось на базе левого крыла государства-армии Чингисхана.

Дяа – корпус (дуга) сложносоставного лука тюрко-монгольского типа.

Ёргё – беловойлочная юрта-дворец каана на высоком постаменте, окруженная такими же дворцами его приближенных, в русских источниках «ханская Ставка».

Зайсан – наследственный и в то же время выборный правитель отока (см.: оток) в ойротском государстве.

Зарго – верховный суд при ставке Ойрот-Каана (см.: Ойрот-Каан), как правило, состоял из восьми сайтов (см.: сайт), включая ламу (см.: лама).

Знатки – народные лекари, колдуны.

Икили – смычковый двухструнный инструмент.

Ичиги – сапоги из кожи и меха.

Каан – Владыко, Господин, Верховный правитель (от древнетюркского термина Каган).

Каан-Кереде – Царь Птиц Гаруда, герой индуистского и буддийского пантеона (древнеиранский аналог – Симург), вошедший в мифологию всех народов центрально-азиатского ареала.

Кай – искусство исполнения эпоса особым горловым речитативом.

Кайчы – исполнитель эпоса, народных сказаний, певец-сказитель.

Кайракан – Владыка, верховный правитель, почтительная форма обращения к божеству в современном алтайском пантеоне.

Кал-уйе – Эпоха Огня, время последнего боя между силами света и тьмы, буддийский термин.

Калдан-Каан (Калдан-Каан) – а) в алтайском фольклоре – собирательный образ ойротского правителя, династическое имя (см.: Ойрот-Каан); б) Калдан-Бошоқту-Каан (годы правления 1671–1697) или Калдан-Черю (ойротск. Калдан-Церен, годы правления 1727–1745) – верховные правители ойротского государства в разные периоды истории.

Калмак – в государствах чингизидов воинская элита, гвардия, «сливки общества» (название происходит от монгольского слова «хальмы» – навар, жировая накипь, всплывающая при варке мяса); собирательное наименование подданных Ойрот-Каана у соседних народов, «не мусульманин» (см.: ойроты).

Кам – шаман, избранник духов, жрец традиционной народной религии, термин трижды встречается в Словаре тюркских наречий Махмуда Кашгарского (1070 г.).

Кедеге – мужская косичка, заплетенная из пучка волос на темени, традиционная мужская прическа у древних тюрков-алтайцев.

Кезер – гесер, герой, человек необычайной силы и мужества; династийное имя добуддийских правителей Тибета.

Кёё-куяк – панцирный доспех, представляющий собой долгополый кафтан (шубу), изготовленный из полосок хорошо выделанной кожи, обшитых металлическими пластинами (см.: куяк).

Керей – представитель казахского племени абак-кереев, этногенетически восходящих к центральноазиатским керейтам. Наличествуют также в составе торгутов, калмыков, ногайцев и крымских татар. Принцы кереев выступали союзниками на стороне Амыр-Саны в ойротской гражданской войне, а затем приняли активное участие в погромах и грабительских набегах на Алтай в 1755–1757-х гг.

Кёчё – суп из баранины и цельных зёрен ячменя.

Кёшөгё – занавес, полог, предмет внутреннего убранства аила (см.: аил); ритуальный предмет на свадьбе – тое (см.: той); обязательный элемент ритуала борьбы-куреш (см.: куреш).

Комус – металлический музыкальный инструмент, на котором играют, прижимая к зубам, русское название – варган.

Конгодой – а) титул верховного правителя государства Дёрбён Ойрот, Ойрот-Каана; б) в исторических легендах алтайцев-телеутов нарицательное имя отца Шуну Цэван-Рабдана (годы правления 1697–1727), который был известен также под именем Бёё-Каан.

Конко – колокольчик, предмет буддийского культового обихода.

Котон (хотон) – а) большая многопоколенная семья у ойротов, возглавляемая старшим мужчиной, который по отношению к младшим членам хотона является дедом или прадедом; б) наименование уйгурского народа у казахов-кереев и ойротов.

Кошун (хошун) – род, управляемый зайсаном (см.: зайсан), административная единица в ойротском государстве.

Кубулган (ойротск. хубилган) – перерожденец, воплощение высокого духа буддийского пантеона; в алтайском языке су-

ществует однокоренной глагол, имеющий значение «перевоплощаться».

Кудай – Бог; в современном алтайском пантеоне Алтай-Кудай – высокий дух-покровитель Алтая (см. этимологию от Куттай).

Кумыс – напиток из конского молока.

Кункер-Каан – владыка сторон азиатского Запада, один из четырех легендарных владык сторон света.

Кур – пояс, обязательный элемент одежды борцов в стиле куреш (см.: куреш).

Куреш – традиционная борьба тюркского типа со строго разработанными правилами поединка, особенностью которого является использование борцами пояса противника для захвата.

Курдюк – задняя хвостовая жирная часть овцы.

Куяк – панцирный доспех, состоящий из скрепленных внахлест металлических пластин.

Кыргын – грабитель, разбойник.

Кюлюк – архаичное наименование древнетюркского богатыря, героя, воина.

Лама – учитель закона, буддийский священнослужитель, аналог санскритского термина «гуру». Различают специализации лам: геген, тулку (см.: кубулган), геше, ринпоче, кечил гелюнг (кёлий), кюрюмчи (заклинатель злых духов), эмчи (врач, фармацевт), юракайчы – астролог, тагылчи (ведущий ритуалы жертвоприношения), биликту (писатель, составитель житий, летописей, переводчик книг буддийского канона) и другие.

Манакай – укрытие, назначение которого – спрятать стрелка от взгляда жертвы.

Манди – маньчжуры, дальневосточный народ захвативший Китай и основавший императорскую династию Да-Цин (1644–1912).

Манди-Каан – см. Эдиен-Каан.

Масти лошадей: Суу-Кара – вороная, Кёк-Боро – темно-серая, Ак-Боро – светло-серая, Кызыл-Сары – золотая, Диерен – рыжая, Чабдар – чубарая, Ак-Сары – соловая.

Номчы – книжник, толкователь судуров – священных книг.

Одутки – обутки, традиционная бескаблучная кожаная обувь с широкой подошвой, иногда расшитая узорами-аппликациями.

Ойрот-Каан – собирательное наименование верховного правителя государства Дёрбён Ойрот, Ойротского ханства, в алтай-

ском фольклоре, зачастую синонимично понятию Дёрбён-Каан, Калдан-Каан.

Ойроты (см. также калмаки) – политоним, обобщенное название тюрко-монгольских подданных Ойрот-Каана, всего населения государства Дёрбён Ойрот, Ойротского ханства, Дзунгарии (см.: Дзунгария).

Ойын – спортивные игрища, народный праздник, гулянье с музыкой, песнями и танцами.

Онгор (от ойротск. хонгор) – «рыжий», эпитет русского мужика у алтайцев.

Оток – объединение нескольких родственных многопоколенных семей (см. хотон), занимающих близлежащие кочевья, административно-территориальная единица в ойротском государстве.

Очур (очыр) – ваджра, скипетр, предмет буддийского культового обихода.

Паспак – а) зернотерка из двух крупных камней; б) ловушка на пушного зверя, которая давит зверя, не повреждая шкуру.

Саадак – в алтайских легендах сложносоставной лук (см.: дья) тюрко-монгольского типа, состоящий из деревянных деталей – кириши, роговых пластин, костяных накладок с вырезом под тетиву (см.: текпе), тетивы из сухожилий животных, дополненный колчаном для хранения лука и стрел; в русских источниках саадак или сайдак – это футляр для хранения лука.

Саит (мн.ч. сайыты, сайыттар) – знать; министр в ойротском государстве.

Сёёк – экзогамный род у алтайцев, наследуемый по линии отца.

Сёём – мера длины, «пядь», примерно 20 см.

Судур – сутра, священная книга, буддийский религиозный трактат.

Таади – в алтайских легендах княгиня, законная супруга верховного правителя Ойрот-Каана (см.: Ойрот-Каан).

Таай – дядя по матери, традиционно духовный наставник ребенка в алтайской семье.

Таамы – преисподняя, ад; темница, «адское узилище», земляная яма-тюрьма, накрытая конической древесной кровлей, иногда с очагом внутри.

Табачы (Дабачы) – герой гражданской войны, Ойрот-Каан (см.: Ойрот-Каан), последний правитель независимой Дзунгарии

(см.: Дзунгария), первоначально союзник, позднее противник Амыр-Саны (см.: Амыр-Санаа) в борьбе за престол и титул Ойрот-Каана, пленен и выслан в Китай в 1755 г.

Тай – конь трёхлетка.

Тайчи (таади) – князь, правитель над несколькими зайсанами и их аймак-отоками.

Талкан – мука из обжаренных зерен ячменя, пшеницы, проса, кукурузы, национальная пища алтайских тюрко-монгольских народов от Алтая и Монголии до Кавказа и Крыма.

Танка – изображение Буркан-Бакши – Будды и других героев буддийского пантеона на тканевой иконе.

Таскыл – высокогорная тундровая степь у подножия ледника.

Тастаракай – фольклорный персонаж, трикстер, Плешивец, Лысый Дурак, под обликом которого до поры до времени обычно скрывается эпический герой.

Ташуур – кожаный сосуд для хранения напитков – араки или чегеня.

Тебеневать – пастись на подножном корму.

Тегек – багор для ловли скота, якорь.

Теке-юмга – горный козел и коза.

Текпе – костяные накладки на концах лука (см.: дья, саадак), предназначенные для фиксации тетивы.

Теленгит (теленгет) – древнейшее самоназвание тюркоязычного населения не только самого Алтая, но и обширных сопредельных территорий к северу от Великой Китайской стены, восходящее к хуннскому этнониму теле (теле + монг. суффикс «гет»). В разные эпохи применялось к различным этнолокальным сообществам родственного происхождения. К настоящему времени – самоназвание этнической группы алтайцев Кош-Агачского и Улаганского аймаков, потомков «чуйских двоеданцев», чуй-киши, ср. телеут, тау-телеут, делег в русских официальных и научных документах XVII–XIX веков.

Тёр – почетная, северо-западная часть аила, алтарь, где расположены семейные святыни, боевые знамена, танки (см.: танка), священные книги (см.: судур), статуи бурханов (см.: бурхан), в позднее время – иконы.

Тибю – ловушка, действующая по принципу искусственного обвала, подробно описана в легенде «Ярынак и его тибю».

Той – свадьба, первая часть свадебного ритуала у алтайцев, которая обыкновенно проходит у родителей жениха и в аиле молодоженов.

Топшуур – двухструнный музыкальный инструмент у алтайцев и урянхайцев, домбра.

Торбок – двухгодовалый бык.

Тулунг – девичья коса.

Тын – живое дыхание, смертная душа, в отсутствие которой жизнь тела невозможна.

Улаа – место в аиле, на женской половине, откуда, приподнятая полог, выливают сыворотку.

Ульген – Владыка верхнего мира в алтайском шаманском понтеоне, творец мира, дочери-лебеди Ульгена становятся легендарными матерями баатыров (см.: баатыр), в том числе, по одной из версий, Шуну-Баатыра.

Урянхай – собирательное наименование тюркоязычных народов в средневековой Монголии и ойротском государстве; предки современных алтайцев (алтай-урянхай), тувинцев (танды-урянхай), тейлэсов (алтын-норо-урянхай).

Урук – железный крюк для ловли скота.

Чадыр – корьевой аил конической формы, в основе которого засохшие на корню деревья, прислоненные друг к другу, распространенный тип охотничьего жилища.

Чегедек – традиционная женская верхняя одежда – длиннополая распашная безрукавка, украшенная вышивкой, яркими крупными пуговицами.

Чегень – кисломолочный напиток, основа для приготовления араки (см.: арака).

Черик – солдат маньчжурской или монгольской армии.

Чечен – острослов, мастер шутки-импровизации; состязания чеченов обычно предваряли свадебный пир, борцовский поединок.

Чёёчэй – пиала с аракой, которую передают на пиру строго правой рукой по кругу, посолонь, начиная с почетных гостей.

Шабы (мн.ч. шабылар) – ученик в буддийском монастыре – дацане; статус податного народа в ойротском государстве, находящегося в непосредственном подчинении у настоятелей дацанов, шабы были освобождены от военного призыва.

Шилен – тёмная, колдовская сущность (проклятие), которая насылается на субъект с целью причинения вреда.

Шилемир – воплощение зла (материальный носитель шилена), может быть человеком и любым другим живым существом.

Ширдек – войлочный ковер, который раскладывают в аиле для приема почетных гостей.

Шоор (Шуур) – дудка из тростника.

Шуну (варианты Шунуты, Эр-Шуну, Шуну-Баатыр, Чоно-ты, Чоно) – историческая личность, младший сын Ойрот-Каана Цэван-Рабдана (см.: Конгодой) и дочери Аюки-Каана Сетерджап, родился не ранее 1698 г., умер по официальной версии в 1732 г., что стало известно из письма его калмыцкой жены русским властям, предположительно на берегах р. Кумы в предкавказских степях. По легенде, после имитации внезапной кончины, изойдя из России отправился дальше в сторону заката, через страну Кункер-Каана, вследствие чего его дальнейшая судьба окутана туманом.

Шуур – драгоценный камень неминерального происхождения, коралл, янтарь.

Шйык – священная вершина, родовая гора.

Шыгырчак – вьючное седло, на которое навьючивают арчымаки (см.: арчымак).

Юрт – а) Родина, страна, государство, отечество; б) малая родина, кочевье; в) стоянка скотовода, место, где расположено жилище – аил и прилегающие к нему служебные постройки (коновязь, загон для молодняка и т.д.);

Юрта – а) жилище, усадьба, место жительства в широком смысле; б) в настоящее время – алтайское обозначение села.

Юч-Курбустан – Верховный Бог, имя которого, возможно, восходит к зороастрийскому Ормузду и монгольскому Хормусту; от имени Курбусту-Каан в результате стяжения образовалось искаженное произношение Курбустан.

Эдиен-Каан (Эдиен-Боодо-Каан) – в русских источниках «бодыхан», маньчжурский император Цинского Китая, в других языках Эдзен-хан, Эжен-хан – Владыка, император Китая.

Эр – муж, воин; приставка к имени взрослого мужчины, достигшего возраста воина.

Эргек – большой палец руки.

Эрдине – драгоценность и удача в сакральном смысле; эпитет коня «эрдине мал» – богатырский конь, величайшая драгоценность в жизни баатыра (см.: баатыр).

Эрекен – четки, предмет буддийского культового обихода.

Эрлик, Бос-Эрлик, Эрлик-Бий – а) в алтайском понтеоне Владыка подземного мира, антипод Ульгения (см.: Ульгень), б) всемогущий Судия умерших, вершитель судеб людских и справедливого приговора их душ, включен в буддийский пантеон.

Ябаки – укрепления-ловушки, действующие по принципу искусственного обвала.

Ябага – полуторогодовалый жеребчик.

Яда-Таш – магический камень, посредством которого управляют погодой, стихиями.

Язучы – секундант у борца-бёкёлера (см. Куреш).

Якшылары – «лучшие люди», знать, старейшины.

Ял – загривок, часть туши.

Янгыртык – каменная кладка, служащая для укрепления или продолжения естественных скальных преград.

Яргак – пальто из голой кожи без меха, одежда бедняков.

Ярлыкчы – вестник, апостол; священнослужитель в религиозном движении бурханистов – ярлыкчы.

Указатель алтайских топонимов

Аба-Йыш – черневая тайга, территория к северу от реки Катунь до Томской тайги, от древне-тюркского «йыш» (сев. алтайск. «чыш», хакасск. «чыс»), синоним тюрко-монгольского термина «тайка» – горный массив, покрытый дремучим хвойным лесом.

Аба-Тура – город Кузнецк, поначалу Кузнецкий острог; «тура» у сибирских тюркских народов – город, крепость, оседлое поселение.

Адаган – «Царь-Батюшка», гора на таежном правобережье реки Катунь в ее среднем течении.

Ала-Кайын – место при слиянии Башкауса и Чолушмана (Ак-Чолушпа).

Адаткан – река в Ябаганской степи.

- Айаткан** – река, урочище в Ябаганской степи.
- Ак-Кем** – в переводе с алтайского «Белая Река», название нескольких рек на Алтае
- Актал** – в переводе с алтайского «Белый Тальник», название местности в верховьях Чуйской степи.
- Ак-Умар** – река Обь.
- Ак-Чолушпа** – река Чолушман.
- Албаган** – гора в верховьях Иртыша, на территории современного Алтайского аймака (округа) Китая в Южном Алтае.
- Алтын-Кель** – в переводе с алтайского «Золотое Озеро», известное сейчас больше как Телецкое озеро или Тёёлёсское озеро (от названия племени тёёлёс, обитавшего с древнетюркских времен на берегах этого озера, в долинах Чолушмана и Улагана).
- Алтын-Туу** – в переводе с алтайского «Золотая Гора», хребет над озером Алтын-Кель.
- Апчы-Боом** – утес, буквально «Притор Апчы», к которой примыкает дорога в долине реки Урсул.
- Арадян** – в переводе с алтайского «арака второй перегонки», название местности на Аргуте.
- Арынур** – ойротск. Северное озеро, небольшое озеро в Ябаганской степи.
- Бабурган** – последняя гора по выходе Катуня из гор Алтая, высшая точка над Горно-Алтайском, Бийском, Белокурихой.
- Байат** – название реки, местность в центре Кузнецкой степи в современной Кемеровской области.
- Башкаус** – река, от древне-тюркского «Башкы-Югюс» – Главная Река.
- Бёкён-Бюре** – местность и река на стыке современных границ Алтая, Тувы и Монголии.
- Бекет** – горка, возле которой расположено село Сростки (Пикет – ошибочная этимология).
- Белтир** – местность в Чуйской степи, населенный пункт, в переводе «перекресток, слияние рек и дорог».
- Беш** – река, образуемая от слияния пяти речек, буквальный перевод «пять», по созвучию на русский лад переделана в Песчаную.
- Бешпек** – гора в центре села Чемал.
- Бий** – река Бия, буквальный перевод с алтайского «Князь».

Бичикту-Кайа – скала, некогда с руническими и тибетскими надписями на правом берегу Катуня, под которой проходит Чуйский тракт.

Боштуу-Боро – гора в верхней части Чуйского хребта.

Далай (Талай) – восточно-тюркское и монгольское обозначение понятий «море», «океан», в почтительном смысле применяется и к большим рекам.

Диду-Бараан – лог в долине Яйлугуш.

Дети-Кель – район семи озер в современном Улагане.

Ёло – село Ело, в переводе с алтайского «Гриф».

Йер-Тёбё – местность в Чуйской степи.

Зайсан-Яйлю – летняя ставка зайсана в местности Сарлык-Оозы, в районе современного Семинского перевала.

Ильдинская река (Ильдинский Талай) – так прозвучало название Индийского океана в устах алтайского рассказчика.

Йопыропа – Европа в устах алтайского рассказчика.

Кадрин – ущелье в Онгудайском аймаке, от старо-алтайского (урянхайского) «кадыр-ин» – скалистое ущелье.

Кадын-Башы – гора Белуха, верховья реки Катуня, в переводе с алтайского «Глава Катуня».

Кадын-Суу – река Катуня.

Кайа-Башы – гора в Улаганском аймаке.

Кайырлык – село в Онгудайском аймаке.

Калан-Инир – местность в Чуйской степи.

Кам-Тытту-Кем – река в верховьях Чуйской степи.

Кан-Аркыт – Аргут, река, ущелье, с прибавлением величательного эпитета «Кан», название происходит от слова «аркыт» – кожаный бурдюк для кумыса, чегеня.

Кан-Чарыш – река Чарыш в верхнем течении.

Кан-Эртиш – река, буквально «Царственный Иртыш».

Кан-Ябаган – река, местность, степь.

Кара-Кайа – гора, буквально «Черный Утес».

Кара-Кем – река, буквально «Темная Река», в значении «чистая река».

Каракол – река, ответвление по правую сторону от Урскульской долины, буквально «тёмная, чистая река», от монгольского «гол» – река.

Кара-Кудюр – река, село в Улаганском аймаке, буквально «черный солонец».

Каратал – «Черный Тальник», местность в Чуйской степи.

Кара-Тыт – густой лиственный лес в верховьях долины Каргысту.

Кара-Эртиш – одна из рек, образующая реку Привольный Иртыш (Эн-Эртиш).

Каргы – местность на территории современной Северо-Западной Монголии.

Каргысту – одна из пяти речек, образующих при слиянии реку и долину Беш, ответвление от долины Беш.

Кастакту – село Кастахта в долине Оймона.

Кату-Ярык – перевал при спуске с Улаганского плато в Чолушманскую долину.

Кача – местность, где был ранен Эр-Чадак.

Кача – урочище, современная Белокуриха (Качанын Аршаны).

Кёдюргё-Таш – местность в долине Чолушмана, буквально «камень для состязаний силачей в поднятии тяжестей».

Кёкёрю – Кёк-Ёргё, буквально «Синяя Ставка», в современной транскрипции село Кокоря.

Кёк-Туу – гора Синюха.

Келей – перевал в Усть-Канском аймаке.

Кюр-Кечу – местность на Чуйском тракте, где в старину была установлена канатная переправа через реку Катунь.

Кеньга – село Теньга, искажение произошло из-за ошибки секретаря, в результате которой изготовили печати с неверной заглавной буквой «Т» в названии села, в старину центр Урскульской волости.

Кёшөөлю – лог, где стоит памятник «кёшөө».

Кирее – скала, буквально «Пила».

Комду – река, которая стекает с горного узла Табын-Богдо-Ула в монгольскую сторону Алтая, от старо-алтайского (урянхайского) «Комду» – «волнистая река».

Кодёгор – заповедная гора после кремации Боора.

Кёк-Суу – река Кокса, буквально «Синяя река».

Колагаш – гора в долине Яйлугуша.

Корогон – река Коргон и местность в ее пойме, одноименное село; название этимологически восходит к понятию «потеря, утрата».

- Короты** – священная гора, место гибели Солтона; название этимологически восходит к понятию «утрата».
- Кугул-Тус** – долина, место расположения современного села Солоновка Алтайского края.
- Кулузун** – буквальный перевод с алтайского «Камышовая», летнее пастбище – яйлю.
- Кумалыр** – село на Чуйском тракте.
- Куу** – река Лебедь.
- Куулгылу-Бут** – в переводе «Сгоревший лес», ложбина в устье долины Каргысту.
- Куурай** – Курайская степь, село Курай, в переводе со старо-алтайского (урянхайского) «Сухая степь».
- Кыгы** – река близ Алтын-Кёля, в верхнем течении Диерен-Ат.
- Кызыл-Таш** – Красная гора.
- Кыс-Башы** – перевал на хребте Шапшал.
- Маашыган** – гора в среднем течении Катунь.
- Майма** – река, долина, в которой расположен Горно-Алтайск – столица Республики Алтай.
- Майма-Чергачак** – старинное название правой, русской части современного села Майма.
- Мёгён-Бюрен** – см.: Бёкён-Бюрен (вариант произношения на кёк-сойонском диалекте).
- Мукур-Таркатты** – село Мухор-Тархата, от ойротско-дёрбётского гидронима Короткая речка, где водятся утки – тархат.
- Мункаш** – поляна.
- Муны** – река, село, от алтайского «мёён» – отросток.
- Ойбок** – местность, распространенное повсеместно название ложбин.
- Ойдык-Таш** – камень с выемкой Йер-Оозы.
- Оймон** – в старину название реки Катунь в верхнем течении, до места слияния ее с рекой Коксой (Кёк-Суу).
- Оймон-Башы** – гора Белуха, верховья реки Оймон.
- Олбуган** – гора в верховьях Иртыша, на Южном Алтае.
- Сайдыс** – село, речка.
- Саксарга** – ложбина, выходящая из долины Яйлугуша.
- Сары-Кобы** – в переводе «Желтая ложбина», ущелье с аршаном в устье.
- Себи** – река, в русской артикуляции Сема.

- Себи-Башы** – Семинский перевал.
- Сёёк-Тыт** – лиственничный лес в Чуйской степи.
- Сёёктью-Тайга** – гора на правой стороне Катуня в среднем течении.
- Сетерлю** – урочище в Каракольской долине, от ойротского «Освященное место».
- Согоон-Саадак** – местность в Чемальском аймаке.
- Сугул** – гора.
- Суску** – река, село Соузга в русской артикуляции.
- Тадышок** – сопка в районе современного села Ёло.
- Тай-Дере** – одно из заповедных названий горы Ял-Мёнку – Вечной Гривы, вершины Коротинской долины, что видна по левую сторону от вершины Семинского перевала.
- Талду** – село Талда.
- Тангыт-Тюбют** – традиционное название Тибетской горной страны.
- Тарбаан** – гора, в переводе с алтайского «Сурок».
- Тарылык** – гора Пороховая, на географических картах ошибочно названа Сарлык.
- Тас-Чокы** – в переводе с алтайского «Лысая Сопка», местность в верховьях реки Черный Иртыш (Кара-Эртиш), где в исторический период обитали предки алтайских кара-найманов до исхода в Россию.
- Таштагол** – районный центр в Кемеровской области, место компактного проживания шорского этноса, название происходит от гидронима Таштык Гол – Каменистая речка.
- Таштып** – районный центр в Республике Хакасия, населенный шорскими и белтирскими родами.
- Тёбёлер** – в переводе с алтайского «Холмики», название местности в Чуйской степи.
- Том-Тура** – Томский острог, город Томск.
- Туйакту** – село Туекта, местность по Чуйскому тракту.
- Тураты** – село в Канском аймаке.
- Турлу-Айры** – местность в Коротинской долине.
- Тус-Кель** – озеро в Улаганском аймаке.
- Тююкей-Озёк** – местность в долине Беш, в современном Шибалинском аймаке.
- Узюк** – местность в Чемальском аймаке, в среднем течении Катуня.

- Уйттю-Кайа** – гора-крепость, в переводе «скала с отверстием».
- Улаган (Улаан)** – в переводе со старомонгольского «Красный», населенный пункт, ныне районный центр Улаганского аймака.
- Улаан-Хусу (Кызыл Кайын)** – в переводе с монгольского «Красный березняк», местность по ту сторону Алтая, в современном Байан-Ульгийском аймаке Монголии.
- Улегем** – в русской адаптации река Ильгумень, приток Урсула.
- Улулу** – местность, впоследствии село Улала, ныне г. Горно-Алтайск.
- Урсул** – река в Центральном Алтае, левый приток Катуня в среднем течении, в переводе с ойротского «Священный Поток».
- Усынеси** – в русской адаптации река Узнезя, в переводе с ойротского «Дух Воды».
- Ушеме** – утес, горная вершина.
- Чамал** – река Чемал, а также районный центр Чемальского аймака.
- Чаптуган** – гора на правобережной стороне Катуня.
- Чаргы** – река Черга и одноименное село.
- Чаргы-Оозы** – современное село Черный Ануй.
- Чарыш** – река, левый приток Оби.
- Чобы** – урочище в Чемальском аймаке в среднем течении Катуня.
- Чоя (Чой, Чёё)** – районный центр в Республике Алтай.
- Шакшак** – местность в окрестностях современного Горно-Алтайска.
- Шибе** – гора, в переводе «Крепость».
- Шиберти** – река в Ябаганской степи.
- Эдил** – старинное алтайское название реки Волга.
- Экенур** – село в Канском аймаке, в переводе с ойротского «Большое Озеро».
- Эки-Ару** – река в верхней части Чуйской степи.
- Эки-Терек** – река в верхней части Чуйской степи.
- Эликманар** – в русской адаптации село Эликмонар, в переводе с алтайского «загородка для косуль».
- Эн-Учук** – Семинский хребет по левому берегу Катуня.
- Эн-Эртиш** – река Иртыш в среднем течении, широкий Иртыш, степная река.

Эрэ-Чуй – величальное название реки Чуя, в переводе с монгольского «Муж-Река».

Юстыт – местность Юстыт в верховьях Чуйской степи, а также в русской адаптации село Юстик в современном Усть-Коксинском аймаке Республики Алтай.

Юулу-Чак – местность.

Юч Энмек (Юч Сюмер) – священная гора, высшая точка Теректинского хребта.

Ябаган – село в одноименной степи.

Язулу – село, крайний алтайский населенный пункт в Улаганском аймаке на границе с Тувой, в переводе со старо-алтайского (телеутского) «Местность с поляной».

Яйык – старинное алтайское название реки Урал.

Яйлугуш – долина на правой стороне в среднем течении Катунь.

Яламан – река Яламан, на картах Яломан.

Яан Чаргы – село Большая Черга.

Яш-Тура – алтайское название города Бийска, буквально «Младоград» или «острог, выстроенный из сырого леса».

Каждый топоним дается в русской аллитерации, максимально приближенной к подлинному звучанию. Через тире следует топоним, в искаженном варианте, как указано на современных картах, там, где он нанесен на карты. Далее идут пояснения о местонахождении объекта.

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические эссе

Слово об Алтае.....	5
Алтай-Хангай – вечная Родина.....	11
Как рассеялись телеуты.....	68
Исторические песни.....	92
Песнь о разорении Алтая.....	93
Песнопения об Ойрот-Каане.....	94

Исторические предания

Эр-Шуну.....	105
Зачин родословной Чёбёлека (М.В. Чевалкова).....	130
Сыновья Калдана.....	131
Эн-Учук.....	132
Ойрот-Каан.....	133
Амыр-Санаа и Чаган-Нараттан.....	134
Два курумника.....	135
Дядя и племянник Табачы и Амыр-Санаа.....	136
Долина Тююкей.....	138
Кёшё-Агаш или отчего Кош-Агач получил такое название.....	139
Юлчак, Сайдыс и Шакшак.....	141
Бюдюки.....	143
Матушкина Лиственница.....	145
Сёёктью тайга – Гора костей.....	148
Эр-Чадак сын Эзена.....	153
Аргымак.....	156
Сыновья Солтона.....	160
Предания о князе Ярынаке.....	189
1. Роды Чуйской степи.....	189
2. Ярынак – родоначальник ак-кёбёков.....	192

3. Кайракан Ярынак	200
4. Дедушка Ярынак	210
5. Крепость Ярынака и его тибю	212
Бёкё Самудай	215
Чуйский силач Бадма	219
Дева – богатырь	225
Көрөгёш	227
Завет дяди	230
Ирбисек – Снежный барс	233
1. Как Ирбисек в гололед перешел Келейский перевал	235
2. Как Ирбисек со своим дядей в Каче свиделся	236
3. Как Ирбисек посрамил силача Курбанбая	238
4. Как Ирбисек укротил дикого жеребца зайсана Мошоя	240
5. Как Ирбисек победил тубинских силачей	241
6. Как Ирбисек помог караванщикам	253
7. Как Ирбисек в Черный Ануй за хлебом ездил	254
8. Как Ирбисек наказал купца Шам-Алтына	256
9. Как Кёшөгёлю-Бёкё и Ялду-Бёкё приняли смерть от руки Ирбисека	258
Гнездо Кульди	261
Гнездо Кёёрчёка	268
Учар Ака	272
Калан-острослов	277
Песни Калана	282
Песни Колонди	287
Кергилы	288
Родовые легенды кергилов	291
Зайсан тёёлёсов Каака	297
Братья из рода Тонгужаан	305
Агунак – Ак-Кёбёк	308
Топонимические предания	
Узюк, Бешпек и Согоон-Саадак	313
Кёшөө-Агаш	314

Кан-Аркыт	314
О проживании в Чуйской долине монголов и сойонов	315
Почему озеро называется Алтын-Кель?	315
Красавица и два богатыря	318
Откуда пошло название Майма-Чергачак?	319
Как песня на Алтае появилась	321
Как Бабурган горой стал	325

Сказки

Как волки на земле появились	331
Аргачы и Кудюрчи	338
Глупый сын	349
Белый камень	353
Братья-сироты	356
Как Тайтынак за свою жадность был наказан	359
Круглая лепёшка	361
Охотник и алмаска	362
Почему Тарал-кедровка на зиму запасы стала делать	366
Дельбеген и старик Башпарак	370
Как Солнце и Луна людей спасли	376
Мышь и червяк	379
Сова и кречет	381
Как погиб последний мамонт	385
Легенда о сотворении человека	387

Приложения

История не пишется – история рассказывается... (Л.И. Шерстова, Е.В. Королёва)	389
Творческий метод Бронтоя Бедюрова	402
Глоссарий	410
Указатель алтайских топонимов	421

Литературно-художественное издание

Бедюров Бронтой Янгович

АЛТАЙ-ХАНГАЙ – ВЕЧНАЯ РОДИНА

Автор, составитель, главный редактор: *Бронтой Бедюров*

Переводы с алтайского языка: *Бронтой Бедюров, Елена Королёва*

Поэтические переводы: *Елена Королёва*

Литературный редактор: *Елена Королёва*

Корректор: *Юлия Лиморенко*

Оригинал-макет, вёрстка: *Сергей Королёв*

Дизайн обложки: *Дарья Королёва*

Фонд поддержки литературного творчества «Сибирский писатель»,
630083, г. Новосибирск, ул. Грибоедова, д. 2.

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 05.08.2017. Формат 60×90 1/16.

Гарнитура «Cambria». Бумага офсетная.

Печ. л. 27. Тираж 500 экз. Заказ 5382.

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93; 953000 – книги, брошюры

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

500,00

Я
за собою оставил
открытым
огромное синее небо,
откуда прорезались
звёзды – глаза
человека,
жаждущие познать загадку
вечной истины жизни...
Это – пылающий,
прожигающий душу
взгляд Тоньюкука.
Это – мудрый,
проникающий в душу
взгляд Кюль-тегина.
И солнце,
золотое,
проходящее ровно
по профилю лица, – это мир мой,
древний и новый...

Бронтой Бедюров

ISBN 978-5-4444-6257-7

9 785444 462577

